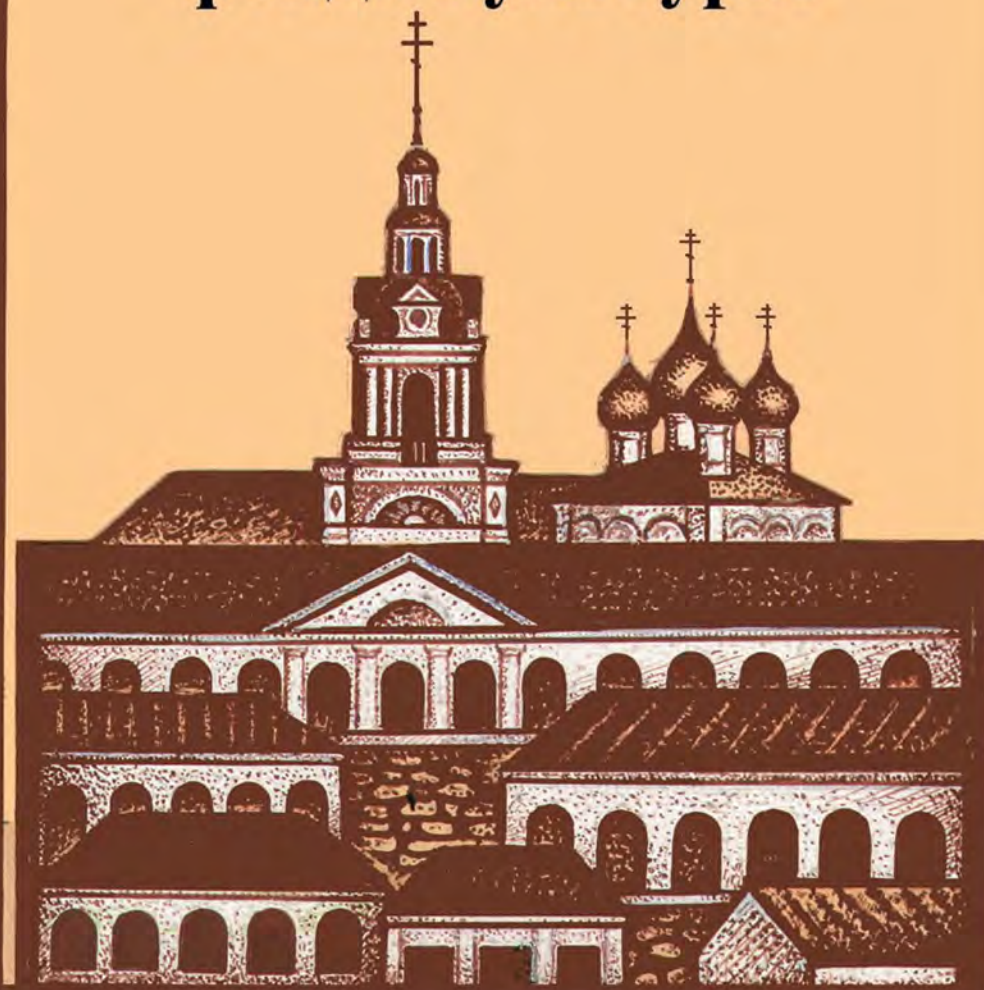

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Краеведческий
альманах

Костромского филиала
Российского
фонда культуры

Выпуск 4

1999 г.

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ

**Краеведческий альманах
Костромского филиала
Российского фонда культуры
Выпуск 4**

**Кострома
1999**

ББК 63.3(2)7-28
К 725

Главный редактор Ю.В. Лебедев
Редакционная коллегия
Л.С. Васильев, Н.А. Зонтиков, С.С. Смирнов, А.В. Соловьёва
Оформление Е.Ю. Перебаскиной
Фоторепродукции Г.П. Белякова

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ. Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. – Вып. 4. – Кострома, 1998. – 406 с.: ил.

В этом выпуске сообщаются новые сведения о Воскресенском храме села Молвитина (ныне Сусанина), изображённом на картине А.К. Саврасова “Трачи прилетели”, а также рассказывается истории написания картины; помещён обстоятельный материал о жизни (в прошлом и настоящем столетиях) крестьян деревни Вёжи, широко известной по творчеству Н.А. Некрасова; рассказывается о прошлом села Ухтубужа и его округи, относящихся в настоящее время к Мантуровскому району; о событиях гражданской войны в Костромской губернии в 1918–1919 годах; представлены документы о лишенцах из Кинешемского уезда (ныне это территория Островского района). Постоянный читатель найдёт здесь продолжение публикаций о Костроме начала века, дневник Е.Ф. Дюбюка 1916 года и описание литературной жизни Костромы в годы Великой Отечественной войны. Впервые публикуются воспоминания старообрядческого епископа Геронтия (Лакомкина), охватывающие главным образом период его жизни и служения на костромской земле. Раздел “Из истории городов края” представлен отрывком из дозорной книги Галича 1620 года и переписной книгой Солигалича 1628 года. Альманах знакомит читателей с воспоминаниями о художнике Е.В. Честнякове; с историей нескольких сёл и деревень под Костромой; микротопонимами деревни Макарово Мантуровского района; редкими и охраняемыми растениями из семейства орхидных, произрастающих на территории области; информацией о деятельности Костромского фонда культуры за 1994–1997 годы.

Альманах иллюстрирован современными фотографиями, фотографиями из частных коллекций и архива Костромского фонда культуры.

Для исследователей, преподавателей вузов, учителей, студентов, школьников, широкого круга читателей.

© Костромской филиал Российского фонда культуры, 1998 г.
© Костромской региональный центр новых информационных технологий “Эврика–М”, 1999 г.

ISBN 5-89362-004-6

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОМ УЧАСТИИ:

Администрации Костромской области
(Глава — В.А. Шершунов)

Костромской областной Думы
(Председатель — А.И. Бычков)

Администрации города Костромы
(Глава самоуправления — Б.К. Коробов)

Филиала ООО «Межрегионгаз»
(Директор — С.Ю. Комиссаров)

Коммерческого банка газовой промышленности
«Газпромбанк», филиал в г. Костроме
(Управляющий Л.Г. Косопанов)

АО «Костромаэнерго»
(Генеральный директор — В.Н. Виноградов)

ТУСМ-5 (Директор — А.Г. Зелькин)

ОАО «Костромская городская телефонная сеть»
(Генеральный директор — А.Г. Клещев)

Костромского химического завода
(Директор — К.С. Смирнов)

Островской районной администрации
(Глава — Н.В. Киселев)

Фонд культуры выражает благодарность всем руководителям организаций, учреждений, предприятий, принявших участие в финансировании альманаха «Костромская земля», а также председателю Совета Думы г. Костромы С.А. Мельник и зам. председателя областной Думы В.П. Ижицкому.

Содержание

I. ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Н.А. Зонтиков. СИМВОЛ РОССИИ. (О храме, изображенном на картине А.К. Саврасова «Грачи прилетели»)

7

А.В. Громов. МИКРОТОПОНИМИЯ ДЕРЕВНИ МАКАРОВО Мантуровского района

34

М.М. Орехова. ВОСПОМИНАНИЯ О ХУДОЖНИКЕ ЕФИМЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ЧЕСТНЯКОВЕ

И.Ш. Шевелев. Комментарии к воспоминаниям М.М. Орловой

38

II ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ

Л.А. Колгушкин. КОСТРОМСКАЯ СТАРИНА. *Продолжение*

45

III ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ КРАЯ

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА СОЛИГАЛИЧА 1628 г. *Подготовка публикации Д.Ф. Белорукова*

68

ОТРЫВОК ИЗ ДОЗОРНОЙ КНИГИ ГАЛИЧА 1620 г. *Подготовка публикации А.Г. Авдеева*

79

IV ИСТОРИЯ СЁЛ И ДЕРЕВЕНЬ

Л.П. Пискунов. ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ РОДИНЫ. О прошлом деревни Вёжи под Костромой

98

С.Н. Торопов. УХТУБУЖЬЕ

177

Ю.В. Смирнов. ИЗ ИСТОРИИ СЁЛ И ДЕРЕВЕНЬ КОСТРОМСКОГО РАЙОНА

V ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ КРАЕВЕДОВ

М.А. Лапшина. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КОСТРОМСКОЙ
ГУБЕРНИИ (1918–1919 гг.)

194

Б.Н. Годунов, О.Б. Панкратова. «ЧТО БЫЛО, ТО И ТЕПЕРЬ ЕСТЬ,
И ЧТО БУДЕТ, ТО УЖЕ БЫЛО...». Опыт документальных этюдов.

218

Б.М. Козлов. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ КОСТРОМЫ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

272

VI ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ

Е.В. Шипова, Г.А. Семенова, М.А. Беляева. РЕДКИЕ И ОХРАНЯЕМЫЕ
РАСТЕНИЯ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

299

VII НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Епископ Геронтий (Лакомкин). ВОСПОМИНАНИЯ

315

Е.Ф. Дюбюк. ДНЕВНИК. 1916 год. Окончание. Публикация Г.В.
Давыдовой, А.В. Соловьевой. Комментарии Ю.Г. Волкова,
Л.А. Поросятковской

370

VIII ХРОНИКА

А.В. Соловьева. О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОСТРОМСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРЫ В 1994–1997 ГОДАХ

413

*А.К. Саврасов. «Грачи прилетели». 1871 г.
В левом нижнем углу написано: «1871. с. Молвитино. А. Саврасовъ».*

I. ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Н.А. Зонтиков (Кострома)

СИМВОЛ РОССИИ

О храме, изображённом на картине А.К. Саврасова “Грачи прилетели”.

Общепризнанно, что картина А.К. Саврасова “Грачи прилетели” является одной из вершин русского пейзажа, более того — она давно воспринимается и как один из символов России. На саврасовском полотне, разумеется, важно и значимо всё, но центральное — и не только в композиционном смысле — место принадлежит, конечно, храму — типично русскому, пятиглавому, с шатровой колокольней.

Поразительна судьба этого сельского храма, которому, как и всей картине великого художника, было суждено стать как бы олицетворённым образом России. В искусствоведческой литературе, посвящённой саврасовским “Грачам”, обычно кратко констатируется, что на картине изображена Воскресенская церковь в костромском селе Молвитине. Однако с определением того, какой именно реальный храм изображён у А.К. Саврасова, до сих пор нет окончательной ясности. В популярной литературе на этот счёт бытуют различные домыслы и легенды, в частности, таковым реальным храмом объявляются различные церкви Ярославля и некоторых других городов. Решение этого вопроса слишком важно, и здесь не должно быть места неясностям.

Истории храма, изображённого на знаменитой картине, — церкви Воскресения Христова в селе Молвитине (ныне посёлке Сусанине) посвящается наш очерк.

Село Молвитино

Прежде чем приступить к рассказу о храме в Молвитине, расскажем немного о самом этом селе. Когда на высокой, омываемой реками Шачей и Волжницей гряде возникло Молвитино, мы не знаем. В дошедших до нас документах оно — в качестве центра большой вотчины — впервые упоминается под 1587 годом¹, но появилось это село, конечно, гораздо раньше.

В первой половине XVI века Молвитино принадлежало Григорию Михайловичу Шестову — брату деда Марфы Ивановны Романовой, матери первого царя из династии Романовых, чья известная вотчина — с центром в селе Домнине — находилась от Молвитина всего в нескольких верстах. У Г.М. Шестова было трое детей: сыновья Иван, Сидор и дочь Мария. После смерти отца и умерших бездетными братьев Молвитино по наследству перешло к Марии Григорьевне, бывшей замужем за Андреем Тимофеевичем Михалковым. Таким образом, примерно в 70-е годы XVI века Молвитино перешло в собственность рода Михалковых.

По понятиям XVI века, А.Т. Михалков*, будучи сыном дворцового дьяка Тимофея (Тиши) Михалкова, был в смысле происхождения совсем «худой человек». Однако за несколько десятилетий своей службы он сделал успешную карьеру при дворе Ивана Грозного, а женитьба на дочери Г.М. Шестова ввела его в круг родовой московской знати. С овладением Молвитиным у А.Т. Михалкова были определённые трудности: во время опричнины (1565 — 1572 гг.) молвитинская вотчина была изъята и её получил кто-то из числа опричников, но А.Т. Михалков бил государю челом, и Иван Грозный вновь пожаловал Молвитино ему и его сыну Ивану. В своём духовном завещании от 1587 года (именно в нём и содержится, по-видимому, древнейшее из дошедших до нас упоминаний о Молвитине) А.Т. Михалков сделал наследником Молвитина своего единственного внука Константина Ивановича Михалкова (сын Иван к этому времени умер). После с м е р т и А.Т. Михалкова его вдова, Мария Григорьевна, согласно завещания мужа, допуская такой вариант, передала половину Молвитина дочери — Екатерине Андреевне, бывшей замужем за окольным Михайлом Михайловичем Салтыковым (старинный боярский род Салтыковых издавна был связан с костромским краем — здесь у Салтыковых имелись многочисленные вотчины, а Богоявленский монастырь в Костроме на протяжении XVI–XVIII веков служил местом последнего упокоения нескольких поколений салты-

*В прошлом Михалковы всегда делали ударение в своей фамилии на 2-м слоге — *Мих'алковы*, нынешнее её произношение с ударением на 3-м слоге — *Михалк'овы*, появилось только в советское время.

ковского рода). Так, к концу XVI века Молвитино стало принадлежать двум владельцам — К.И. Михалкову и М.М. Салтыкову.

Будучи родственником матери первого царя из династии Романовых, К.И. Михалков после воцарения М.Ф. Романова занял при царском дворе видное место — он стал постельничим, т.е. одним из наиболее приближённых к царю лиц. Окольничий М.М. Салтыков умер в 1608 году (он был похоронен в родовой усыпальнице Салтыковых в подклете Богоявленского монастыря в Костроме). Принадлежащую ему половину Молвитина унаследовала вдова Екатерина Андреевна, принявшая после смерти мужа монашество и ставшая под именем Евникии монахиней кремлёвского Вознесенского монастыря, и сыновья — Борис Михайлович и Михаил Михайлович Салтыковы, также в силу родства с матерью царя игравшим в первые годы правления М.Ф. Романова большую роль при его дворе.

Деревянные храмы

Когда появились в Молвитине первые деревянные храмы (в прошлом храмы обычно ставились парами, включавшими в себя летний, неотапливаемый, в котором служили летом, и зимний, отапливаемый, где служили зимой), нам неизвестно. Впервые в письменных источниках храмы в Молвитине упоминаются под 1619 годом.² На этот год в центре Молвитина на месте нынешнего Воскресенского храма высилась группа из трёх деревянных храмов, построенных, судя по всему, молвитинскими владельцами Салтыковыми и Михалковыми, в состав которой входили: «храм во имя архангела Михаила один престол вверх шатром, да храм Николая Чудотворца клетчатой, а в нем два придела святых мучеников Хрисанфа и Дарии, да святой мученицы Ефимии прехвальныя, да храм царя Костентина один престол, да в приделе престол великомученицы Екатерины»³.

Таким образом, в начале XVII века ансамбль деревянных храмов Молвитина состоял из шатрового храма Михаила-архангела, в котором служили летом, небольшого клетского Никольского храма с двумя приделами, в котором служили зимой, и третьего, по-видимому тоже тёплого храма, во имя равноапостольного царя Константина.

Когда были построены эти храмы? Вначале скажем о Константиновском. Он кажется достаточно старым — под 1629 годом о нём сказано: «...А храм царя Константина стоит без пения, ветх»⁴. Главный престол храма был посвящён, конечно, небесному покровителю Константина Ивановича Михалкова, а престол придела (во имя великомученицы Екатерины) — небесной покровительницы его тётки, Екатерины Андреевны Салтыковой. Такое посвящение престолов храма явно указывает на то, что строителем храма мог быть только А.Т. Михалков, посвятивший престолы храма святым покровителям своей единственной дочери и единственного внука по

мужской линии. Всё это позволяет приблизительно датировать сооружение Константиновского храма 70-ми годами XVI века.

Теперь — об остальных храмах Молвитина, которые, конечно, были построены Салтыковыми. Главный храм всего ансамбля — шатровый храм во имя Михаила-архангела — был, судя по всему, построен М.М. Салтыковым, отцом Б.М. и М.М. Салтыковых, в честь своего небесного покровителя, что позволяет также приблизительно датировать его концом XVI века. Более точно — с точностью до нескольких лет — можно определить время построения третьего храма, Никольского. Такую возможность даёт нам посвящение храмовых приделов. Первый из них, как мы помним, был посвящён святым мученикам Хрисанфу и Дарье, чья память отмечается 19 марта (по старому стилю), — именно в этот день избранный царём Михаил Романов уехал из Ипатьевского монастыря в Москву (Хрисанфу и Дарье была посвящена сооружённая в середине XIX века и сохранившаяся донныне монументальная надвратная церковь в этом монастыре). Придел же «святой мученицы Ефимии (точнее — Евфимии) прехвальной», память которой отмечается 11 июля (по старому стилю), также связан с приходом к власти новой династии — 11 июля 1613 года, в день своего рождения, в Успенском соборе Московского кремля Михаил Романов был венчан на царство и, таким образом, окончательно стал русским царём.

Приделы Никольского храма были посвящены святым, приходящимся на эти исторические для династии Романовых дни, конечно, не случайно — эти дни были особыми для Б.М. и М.М. Салтыковых: вместе с М.Ф. Романовым наверх, к вершинам власти в государстве, пошли и они (в феврале 1613 года на земском соборе в Москве братья Салтыковы активно действовали в пользу кандидатуры Михаила Романова, и сразу после его прихода к власти старший, Борис Михайлович, был назначен на один из высших придворных постов — он стал главой приказа Большого Дворца, или дворецким, а младший, Михаил Михайлович, стал кравчим). Наличие Хрисанфо-Дарьинского и Евфимиевского приделов позволяет уверенно отнести время построения Никольского храма Салтыковыми к периоду между 1613 и 1619 гг.

Возле храмов, конечно, находилось приходское кладбище, обнесенное, разумеется, какой-то оградой. На 1646 год тут же у храмов располагалось десять келий, в которых жили «нищие старицы», кормившиеся при церкви⁵. Храмы находились в центре Молвитина, возле площади, на которую, как сказано в одном документе, «приезжают по воскресеньям уездные

⁵Как выглядел двор Салтыковых, мы не знаем, а двор К.И. Михалкова в одном из документов описывается так: «...на дворе хором горница и с комнатою да повалыша, да мыльня, да людские избы».⁷

люди и с торги»⁶. Где-то здесь же рядом были и дворы вотчинников Салтыковых и Михалковых* .

Как писалось выше, значение Б.М. и М.М. Салтыковых было особенно велико при дворе Михаила Фёдоровича в первые годы его правления. Историк И.Е. Забелин писал о братьях Салтыковых той поры: «Близость к молодому неопытному и покорному государю очень скоро возвысила их до значения самовластных и самоуправных временщиков»⁸. Как пользовались своей властью Салтыковы, наглядно проявилось в известной истории с неудачной женитьбой Михаила Фёдоровича в 1616 году. Избранницей царя оказалась дочь незнатного дворянина Марья Хлопова, официально объявленная царской невестой. Однако вскоре невеста занемогла, лечение её шло под контролем Михаила Салтыкова, который, вопреки мнению врачей, находивших болезнь Хлоповой несерьёзной, объявил Михаилу Фёдоровичу, что по мнению докторов, «излечить её невозможно и живота (жизни) ей долго не чаять»⁹. Опасавшиеся, видимо, того, что родня молодой царицы оттеснит их от трона, Салтыковы настроили против будущей невестки и мать Михаила Фёдоровича, великую старицу Марфу Ивановну, на которую они, судя по всему, действовали через свою мать, старицу Евникию, жившую, как и Марфа Ивановна, в кремлёвском Вознесенском монастыре. Результатом всех этих интриг было то, что бедная Марья Хлопова была разлучена и с женихом, и с родителями и отправлена в ссылку в Сибирь, в Тобольск.

Конец всесилию Салтыковых пришёл в 1619 году, когда из польского плена возвратился отец Михаила Фёдоровича, Филарет Никитич, ставший патриархом, а фактически — правителем государства. После нескольких неудачных попыток женить Михаила Фёдоровича на иностранных принцессах вспомнили об отвергнутой Хлоповой. Осенью 1623 года Филарет провёл следствие, и вся неприглядная роль Салтыковых в этой истории вышла наружу. Оба брата были лишены почти всех своих вотчин и сосланы из Москвы: Борис Михайлович в вологодское село Ильинское, а Михаил Михайлович в свою «галицкую вотчину» — в село Коткишево одноимённой волости Галичского уезда (ныне это территория Нейского района). Опале подверглась и их мать, старица Евникия, сосланная в Покровский монастырь в Суздале — традиционное место ссылки многих женщин из высших слоёв русского общества¹⁰.

В ссылке М.М. Салтыкову было суждено пробыть без малого десять лет (большую часть этого времени он пробыл в Коткишеве, а в начале 30-х годов его перевели в Чебоксары). Только смерть патриарха положила конец его изгнанию. Филарет умер 1 октября 1633 года, а уже 4 октября царём Михаилом был подписан указ, восстанавливающий М.М. Салтыкова во всех его правах¹¹.

Неизвестно, была ли в годы опалы отобрана у Салтыковых их половина Молвитина, но, кажется, что нет; более того, в 1630 году, видимо, в связи с кончиной К.И. Михалкова и его половина села в соответствии с завещанием А.Т. Михалкова была «отказана Евникее Андреевне Салтыковой»¹² и, таким образом, в руки Салтыковых перешло всё Молвитино.

После смерти матери и старшего брата М.М. Салтыков стал единоличным владельцем Молвитина. В известной степени восстановив своё значение при царском дворе — в 1641 году он получил боярский чин, — М.М. Салтыков делал громадные пожертвования упоминавшемуся выше Богоявленскому монастырю в Костроме — на его средства была построена значительная часть каменных монастырских построек, в частности, окружавшие обитель могучие крепостные стены и башни. Умер М.М. Салтыков в 1671 году, его похоронили рядом с отцом в подклете монастырского Богоявленского собора.

После смерти М.М. Салтыкова Молвитино перешло во владения к его сыну, Петру Михайловичу Салтыкову. П.М. Салтыков был весьма видным государственным деятелем эпохи царя Алексея Михайловича: он управлял Галичской четью, в сложные 60-е годы возглавлял Малороссийский приказ, поочередно был воеводой в Тобольске, Астрахани и Смоленске. На склоне лет старый боярин пережил страшную трагедию — 15 мая 1682 года во время известного стрелецкого бунта в Москве был убит его сын Фёдор Петрович Салтыков (стрельцы убили его по ошибке, приняв за брата царицы — матери Петра I — Ивана Кирилловича Нарышкина). Как и всех Салтыковых, тело Фёдора Петровича привезли в Кострому и погребли в подклете Богоявленского собора.

Каменный храм

Здесь мы подходим к главной части нашей работы — к рассказу о каменном Воскресенском храме в Молвитине, изображённом на картине А.К. Саврасова «Грачи прилетели».

Ответим для этого вначале на вопрос: когда и по какой причине начал строиться в Молвитине П.М. Салтыковым каменный храм в честь Воскресения Христова? Последнее упоминание в документах о деревянных храмах Михаила-архангела и Николы относится к 1678 году (храм царя Константина после 1628 года, когда сообщалось о его ветхости, больше в источниках не упоминается, видимо, вскоре после этого он был упразднён и разобран). Строительство каменного Воскресенского храма было окончено в 1690 году¹³, следовательно, начали строить Воскресенский храм в период между 1678 и 1690 годами.

Но почему П.М. Салтыков построил в центре своей вотчины каменный храм (в то время строить каменный храм — тем более где-то в далё-

ком селе — было делом весьма и весьма недешёвым)? За весь период от конца XVI-го и до конца XVII-го веков среди огромного количества сельских храмов костромского края каменных были лишь считанные единицы, и практически все они были построены местными вотчинниками по каким-то очень важным для них причинам*. Поэтому сомнительно, чтобы каменный храм в Молвитине стал строиться лишь для замены обветшавших, видимо, к этому времени деревянных церквей.

Гораздо более вероятным является предположение о том, что храм в Молвитине был возведён П.М. Салтыковым в память о трагически погибшем сыне. В пользу этого предположения говорит и то, что главный престол каменного храма был посвящён Воскресению Христову — празднику победы жизни над смертью, — в то время как в обоих деревянных храмах-предшественниках не было Воскресенских престолов.

Сооружение Воскресенского храма в Молвитине началось, видимо, вскоре после 1682 года. По ряду признаков (об этом ниже) можно полагать, что храм строили ярославские мастера. Строительство, продолжавшееся несколько лет**, было завершено, как писалось выше, в 1690 году. Мы не знаем, в какой именно день 1690 года был освящён новый храм, и поэтому не знаем, дожил ли до этого события строитель храма П.М. Салтыков, умерший 5-го июля того же 1690 года¹⁴.

Итак, в 1690 году на западной оконечности гряды, на которой располагалось Молвитино, взамен старых деревянных храмов встал каменный храм. Как писалось выше, главный престол нового храма был посвящён Воскресению Христову, а главные престолы деревянных храмов — во имя Михаила-архангела и святителя Николы — стали в нём вспомогательными (на конец XIX века Никольский престол одновременно был посвящён и святителю Тихону Амафунтскому, но когда появилось это посвящение — уже в конце XVII века или позднее — сказать трудно).

Как выглядел Воскресенский храм первоначально, мы можем только предполагать, т.к. без изменений от конца XVII века до нас дошла только

*Например, шатровый Богоявленский храм в селе Красном Костромского уезда был построен в 1592 году Годуновыми (конкретная причина возведения храма в Красном неизвестна, но примечательно то, что первый каменный сельский храм края был построен фамилией уже почти пришедшей к власти в государстве); церковь Рождества Христова в с. Городище (ныне — в границах г. Костромы) была построена в период между 1649 и 1663 гг. боярином Г.И. Морозовым, судя по всему, в честь рождения от своей второй жены, знаменитой боярыни Ф.П. Морозовой, долгожданного наследника; стольник С.В. Готовцев в 1685 году возвёл в с. Ликурге под г. Буюм каменные Троицкий и Михайло-архангельский храмы, устроив при них особую каменную усыпальницу для себя и членов своего рода.

**Во второй половине XVII века в Ярославле храмы нередко возводились по семь, восемь, десять и более лет.

*Колокольня Воскресенского храма.
Фото Г.П. Белякова. 1981 г.*

колокольня. Храм, судя по всему, был пятиглавым, трёхабсидным и имел позакомарное покрытие. О декоре четверика мы также можем только гадать (при реставрационных работах на всех его фасадах был обнаружен сохранившийся фрагментами первоначальный поребрик карниза), однако, судя по узорчатому декору колокольни, храм, вероятно, также был весьма богато декорирован.

Колокольня Воскресенского храма является далеко не рядовым сооружением среди подобных шатровых построек, возведённых в России во второй половине XVII века. Стройная, с глухим восьмигранным столпом, ажурным ярусом «звонов», с тремя рядами слуховых проёмов, украшенных строеными кокошниками, молвитинская колокольня и по своему композиционному замыслу, и по декору весьма близка к колокольне известного храмового ансамбля в Ярославле, в Коровниках, по праву считающейся одной из прекраснейших русских колоколен такого типа (к тому же, коровницкая колокольня была построена в те же

1680–е годы, видимо, всего на несколько лет раньше молвитинской). Такое сходство позволяет нам, как уже писалось, уверенно предположить, что Воскресенская церковь в Молвитине строилась артелью ярославских мастеров.

Скорее всего, в каменный храм было перенесено много икон из старых Михайло-архангельского и Никольского храмов. Иконостас в храме был создан в 1725 году, иконы для него были написаны группой иконопис-

*На обратной стороне храмового образа Воскресения Христова вплоть до XX века сохранялась надпись: "Сей св. Образ и прочие во весь иконостас написаны лета 1725 в

цев из Кинешмы*. Был ли в конце XVII или в начале XVIII веков расписан храм изнутри фресками — неизвестно, стены и своды четверика и алтарь были расписаны в 1838 году¹⁶.

На момент окончания строительства Воскресенский храм в Молвитине был одним из наиболее выдающихся шедевров каменного зодчества конца XVII века в костромском крае, единственным каменным храмом на большой территории, составляющей нынешний Сусанинский район. Однако в своём первоначальном виде он простоял недолго. В середине или во второй половине XVIII века — точное время неизвестно — храм был капитально перестроен в соответствии с тогдашней архитектурной модой в стиле «барокко». Взамен прежнего позакомарного покрытия храм был перекрыт на четыре ската, старые главы разобраны, и взамен их были выстроены новые, восьмигранные, в барочном стиле, увенчанные большими маковицами с перетяжками у основания. Прежние окна на храмовых стенах были расширены — при этом, по-видимому, были сбиты прежние наличники.

Во второй раз облик храма был существенно изменён в 1855–1857 гг.¹⁷, когда взамен прежней трапезной, где находилась тёплая часть храма, была выстроена новая, значительно большая по площади (население Молвитина росло, и прежнего тёплого храма было уже недостаточно), спаренные окна которой были выделены суховатыми, выдержанными в т.н. «русском» стиле — в духе К.А. Тона — наличниками*. По-видимому, тогда же весь шатёр колокольни был обит жёстью, скрывшей большую часть кокошников, украшавших слуховые проёмы шатра.

Все эти перестройки и изменения вряд ли украсили старый храм, скорее — наоборот. Однако именно в таком виде молвитинскому храму суждено было вскоре предстать — на картине А.К. Саврасова «Грачи прилетели» — перед всей Россией, после чего его облик, сложившийся к концу 50-х гг. XIX века, стал воистину священным и неприкосновенным.

Молвитинский храм и картина А.К. Саврасова

В истории приезда в Молвитино в 1871 году А.К. Саврасова и создания им своей знаменитой картины «Грачи прилетели» почти всё до сих пор остаётся для нас «покрытым мраком неизвестности». Темой «Молвитино и

с. Молвитине; писали иконописцы кинешемцы: Савва, Ипполит, Иван Ильич да сын мой Фёдор Саввинов Усачёв".¹⁵

*Именно в новой трапезной в начале марта 1861 года молвитинцам, принадлежавшим с середины XIX помещику фон Кюстеру (нам неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Молвитино перестало принадлежать Салтыковым, но, во всяком случае, оно было их собственностью ещё в середине XVIII века), был зачитан исторический манифест от 19 февраля 1861 года, возвещавший об отмене в России крепостного права.

Саврасов», к большому сожалению, почти не занимались ни историки искусства, ни костромские краеведы, поэтому, хотя формально и считается, что храм в Молвитине — это та самая церковь, что изображена в саврасовских «Грачах», но считается как-то неуверенно и глухо.

Как известно, Алексей Кондратьевич Саврасов, в ту пору профессор Московского училища живописи, ваяния и зодчества, в конце 1870 года, взяв в училище отпуск на пять месяцев без содержания, в первых числах декабря приехал в Ярославль, где и прожил со всей своей семьёй до мая 1871 года.¹⁸ Напомним, что с лета 1870 года в творчестве А.К. Саврасова начался период, обычно называемый «волжским», когда художник на протяжении нескольких лет ездил на Волгу — в Нижний Новгород, Городец, Юрьевец, Кострому, Ярославль, — в результате чего на волжском материале им был создан большой цикл картин. Конечно, особое место в этом «волжском» периоде занимают несколько месяцев, проведённые в Ярославле, потому что именно к этому времени относится начало работы над самой знаменитой работой Саврасова «Грачи прилетели».

Прожив зиму в Ярославле, Саврасов в начале марта 1871 года проехал в Кострому, а оттуда — в Молвитино. Так как железной дороги между Ярославлем и Костромой ещё не было, то художник ехал в Кострому обычным путём — скорее всего т.н. «нагорным» трактом, шедшим по правому берегу Волги. Посещение расположенной в семидесяти верстах от Ярославля Костромы, в которой Саврасов, судя по всему, раньше не бывал, вполне объяснимо — город находится рядом, богат памятниками старины, живописно стоит на Волге. Но почему и при каких обстоятельствах из Костромы художник поехал именно в Молвитино, находящееся к северу более чем в 50-ти верстах, нам остаётся неизвестным до сих пор.

Кажется, первым попытался представить, как это произошло, писатель В.Н. Осокин, писавший так:

«Алексей Кондратьевич охотно и быстро сходил с простым человеком, да и народ сразу же признавал Саврасова за своего. Громадный, чуть сутуловатый, с чёрной бородой, уже тронутый сединой, походил он, пропахший табаком, со своими граблеобразными руками на выдавшего виды мастерового. Сходство довершала перепачканная красками одежда, ветхая шляпа да деревянный ящик — всё богатство.

(...) Так и свела его в тот день судьба на костромском базаре с каким-то дальним крестьянином. Продал тот свой нехитрый товар и сигарку свёртывал. Саврасов подошёл, поправил сбрую, ласково потрепал лошадёнку по холке. Торговец оглядел, видит — человек дорожный, мастеровой.

— Ты землячок, видать, богомаз... Часом не в Молвитино? Чую я — там иконы совсем почернели.

Алексею Кондратьевичу по душе пришлось тихое, русское название: Молвитино. Веяло от него стариной отчизны.

— В Молвитино, в Молвитино.

Крестьянин заметно оживился.

— Не к попу ли Афанасию?

— А к кому же!

— Садись, коли так, мне сподручно, подвезу. Да уж древен больно поп-то, прахотен, да церковь ветхая да бедная, поживишься ли?

— Много ли мне нужно...

— А то и правда. Зарывайся-ко в сено поглубже. Ну поехали...»¹⁹

Конечно, вся эта сцена — плод писательского воображения, и можно только сожалеть, что она попала в некоторые работы о Саврасове уже как бесспорный факт. Нельзя не отметить, что в данном отрывке художник — московский профессор, семейный человек, ещё весьма далёкий от «позднего» Саврасова, показан уж слишком «простонародным». Никакого попа Афанасия в 1871 году в Молвитино не было*, «ветхой и бедной» недавно перестроенная Воскресенская церковь также не была. Да и само объяснение того, почему Саврасов поехал из Костромы в Молвитино, выглядит уж больно ненатуральным.

Несколько схоже изобразил приезд Саврасова в Молвитино другой писатель, А. Владимиров, начавший своё повествование с момента, когда художник уже подъезжает к селу:

«Степennyй возница то и дело посматривал на нежданного седока: уж очень не вязалась с простецкими сапогами и курткой его хоть и помятая, но изящная шляпа.

— Землемер будете?

Саврасов с удивлением посмотрел на возницу. Потом согласно кивнул: землемер так землемер — лишь бы не вдаваться в долгие объяснения.

— Скоро доедем?

— Вот оно, Молвитино. — Возница махнул кнутом в сторону показавшейся вдали колокольни. Колокольня приближалась, росла, вслед за ней появились верхушки берёз, крыши домов».²¹

Про этот отрывок можно сказать только одно: его автор никогда не бывал в Молвитино-Сусанине, т.к. всякий подъезжающий к нему по кост-

* «Поп Афанасий», конечно, является чистой выдумкой. Во второй половине XIX века в Воскресенском храме причт был весьма велик, на 1871 год в нём служили: священник Геннадий Александрович Иголкин, священник Николай Тимофеевич Бушневский, сверхштатный священник Василий Иванович Сапоровский, дьяконы Пётр Климентович Маргаритский и Михаил Евгеньевич Высотский, дьячок Андрей Иванович Писемский и др.²⁰

*Храм Воскресения Христова в Сусанине (Молвитине).
Фото автора. Октябрь 1988 г.*

ромской дороге, которой ехал Саврасов, знает, что панорама стоящего на высокой гряде селения с господствующим над ним храмом Воскресения открывается с дороги неожиданно и вся вдруг.

По сути есть, только одна обоснованная версия того, как и почему А.К.Саврасов попал именно в Молвитино — версия, выдвинутая искусствоведом Е. Кончиным, который отверг предположение о том, что художник специально приехал в Молвитино для написания мартовских этюдов типичного русского села с церковью. Действительно, таких сёл с церквями

Храм на картине А.К. Саврасова (фрагмент).

Хорошо видны закрывающая шатёр колокольни жестяная обивка, строганные кокошники, «перетяжки» на главах, закомарные арки.

вокруг Ярославля даже и сейчас, когда немалая часть их разрушена, осталось ещё очень много. Во времена же Саврасова их было несравненно больше.

Ссылаясь на предположение работников музея посёлка Сусанина о том, что Саврасов в Молвитине писал этюд к «Грачам» из окон дома шапошника Чичагова, Е. Кончин пишет: « Уж не с его ли помощью (т.е. с помощью Чичагова —Н.З.) Саврасов добирался из Костромы в Молвити-

но? Встретились в губернском центре, познакомились, разговорились и поехали вместе. У него, вероятно, художник и остановился. На день, два, неделю...»²². Е. Кончин предположил, что художник приехал в Молвитино, чтобы посмотреть места, связанные с подвигом Ивана Сусанина. Он пишет: «Молвитино расположилось в стороне от дороги, «случайно» сюда заехать трудно. Поэтому берусь утверждать, что кто-то из друзей или близких знакомых Саврасова завёз его именно в это село. И, быть может, именно потому, что селение овеяно славой Отечества нашего, связано с подвигом русского патриота Ивана Сусанина»²³.

Версия Е. Кончина логична и весьма вероятна, однако у ней есть и существенный изъян: Молвитино не имеет никакого отношения к Ивану Сусанину и его подвигу (в Сусанино село Молвитино было переименовано в 1939 году как центр района, на территории которого был совершён подвиг Иваном Сусаниным). С именем знаменитого крестьянина было связано известное село Домнино, находящееся от Молвитина в семи верстах, и если бы Саврасов приехал в эту часть Буйского уезда (в то время и Молвитино, и Домнино относились к этому уезду), чтобы посмотреть сусанинские места, то он, несомненно, поехал бы в Домнино, деревню Деревеньки, на легендарное Исуповское болото. А если бы поехал, то сделал бы какие-нибудь рисунки, этюды, и, скорее всего, нам было бы об этом известно. Однако у нас нет никаких данных о посещении А.К.Саврасовым Домнина, и поэтому версию Е. Кончина о приезде художника в Молвитино ради посещения сусанинских мест надо признать хотя и вполне вероятной, но недостаточно обоснованной.

Таким образом, конкретные обстоятельства приезда Саврасова в Молвитино остаются для нас неизвестными (нельзя не пожалеть, что это не было выяснено при жизни художника).

Сколько времени провёл Саврасов в селе и где он там жил, нам также неизвестно. Не знаем мы, и сколько он написал в Молвитине этюдов к будущим «Грачам». Известный этюд с подписью «А.Саврасовъ. Молвитино»²⁴, по нашему мнению, не является собственно этюдом — то есть прямым изображением с натуры. Судя по всему — это ранний вариант картины, в котором реальный пейзаж Молвитина с его храмом был творчески переосмыслен и переработан.

Но почему же признание того, что на картине Саврасова изображена именно Воскресенская церковь в Молвитине, высказывается так неуверенно? Главной причиной этого являются некоторые особенности творческого метода великого русского пейзажиста, ярко проявившиеся при создании «Грачей».

Каждый, кто видел, например, церковь, изображённую в «Московс-

ком дворике» В.Д. Поленова, легко узнает её — несмотря на полностью изменившееся окружение храма — в стоящей донныне в Москве церкви Спаса на Песках. На многих картинах Б.М. Кустодиева довольно легко узнаются реальные храмы Кинешмы, Костромы, Романово-Борисоглебска и др. Иначе обстоит дело с Воскресенской церковью, изображённой в «Грачах» Саврасовым. При первом взгляде на Воскресенский храм, горделиво стоящий на склоне молвитинской возвышенности, кажется, что он не имеет ничего общего с той скромной, небольшой церковью на картине, которую мы знаем с детства. В этом — одна из причин скептического отношения костромских музейщиков и краеведов к утверждению о том, что на картине Саврасова изображена именно церковь Воскресения.

Другим источником этого скептицизма является замечание В.И. Смирнова — крупнейшего костромского краеведа, этнографа, археолога, руководителя Костромского общества по изучению местного края, директора Костромского музея — в его путевых заметках «От Молвитина до Буя», которые он вёл летом 1928 года во время поездки по Буйскому уезду. Посетив Молвитино, В.И. Смирнов записал: «Когда-то в Молвитине писал свою известную картину «Грачи прилетели» Саврасов. Той кладбищенской колоколенки теперь нет, берёзки уже вырублены. Но грачи устроили новые шумные колонии во многих местах Молвитина. Такой же архитектуры высокая шатровая колокольня у здешнего собора, насчитывающая триста с лишком лет...»²⁵

Однако суждение В.И. Смирнова, явно основанное на мнении кого-то из молвитинцев, является ошибочным. В старину молвитинское кладбище находилось сначала возле деревянных храмов, затем возле каменной Воскресенской церкви, но позднее, видимо в начале XIX века, кладбище было перенесено на окраину села. В 1866 году на кладбище «тщанием крестьянина села Молвитина Алексея Григорьевича Галочкина» была выстроена небольшая каменная Троицкая церковь. Как выглядела эта кладбищенская церковь, нам неизвестно, изображений её, судя по всему, не сохранилось, в документах же о ней сказано только, что она «зданием каменная с такою же колокольнею»²⁶. Однако в качестве возможного прототипа храма саврасовской картины Троицкую церковь на молвитинском кладбище можно уверенно отметить. И дело тут не в том, что на картине нет и намёка на кладбище. В 60–е годы XIX века, когда в архитектуре после окончательной смерти

*Троицкая церковь на кладбище Молвитина не простояла и тридцати лет. В 90-е годы XIX века в ней, как сказано в архивных документах, «от сырости грунта земли» возникли глубокие трещины, после чего церковь было решено разобрать.²⁷ Взамен её на кладбище в 1904 году была выстроена из красного кирпича новая небольшая Троицкая церковь²⁸, которой было суждено пострадать от трещин уже совсем иного рода... Лишен-

классицизма установилась смутная пора эклектики, не могли построить ничего и близко похожего на замечательную колокольню церкви Воскресения*.

Свою роль в заблуждении В.И. Смирнова сыграло и традиционное представление о церкви в «Грачах» как о сооружении небольшом и скромном (не зря он пишет о «той колоколенке»), почему Смирнов и не узнал саврасовской церкви в местном храме, ошибочно даже названном им «собором». У скептицизма по отношению к Воскресенскому храму есть и другие источники — это различные версии о том, что прототипом церкви на картине Саврасова являются некоторые церкви Ярославля²⁹. Однако всё это не что иное, как домыслы, окружавшие историю создания великой картины. И на том пейзаже, который я считаю первым вариантом «Грачей», и на самой картине автором чётко написано: «Молвитино». Поэтому искать «прототип» саврасовского храма нужно только здесь — в старинном костромском селе Молвитине, переименованном в 1939 году в припадке сталинского патриотизма в Сусанино.

Не может быть никаких сомнений в том, что на картине А.К. Саврасова изображён именно Воскресенский храм. В тождественности храмов — и изображённого на картине, и Воскресенского — убеждает прежде всего само их сопоставление.

Колокольню Воскресенского храма Саврасов изобразил практически «один к одному», какой она была в марте 1871 года. На картине совершенно чётко видны строенные кокошники, обрамляющие проёмы звона, три яруса слухов, скромный декор граней столпа колокольни. Отчётливо видно жестяное покрытие шатра колокольни (жесть с шатра сняли только в 80-е годы во время реставрационных работ). Именно жестяная обивка создаёт тот самый тёмный колорит шатра колокольни на картине (сейчас, когда жесть снята и заново побеленный шатёр стал одного цвета со всей колокольней, это также препятствует «опознанию» в ней саврасовской колокольни).

Что касается самого храма, то на картине показана только его северная часть — да и то полузакрытая берёзами — однако хорошо видны пятиглавие (с характерной деталью — «перетяжками» на маковицах глав), четырёхскатная крыша и закомары. Таким образом, на картине совпадают все основные детали Воскресенского храма, за исключением одной — изображённых Саврасовым в арках закомар настенных росписей. По свидетельствам старожилов Молвитина, на начало XX века в закомарах храма на-

ное верхней части и маленькой колокольни здание Троицкой церкви стоит ныне в Сусанине среди построек местной «Сельхозтехники», размещающейся на территории уничтоженного молвитинского кладбища.

стенной живописи не было — или её к тому времени забелили при одном из ремонтов, или же её не было совсем — и она «домыслена» Саврасовым по чисто художественным соображениям.

Из других примет Молвитина надо отметить пруд, изображённый на переднем плане картины. Как известно, пруд и поныне находится вблизи Воскресенского храма (с северо-востока). С этой же стороны и сейчас проходит аллея больших берёз, увешанных шапками грачиных гнёзд...

Но почему же в таком случае подлинный храм не воспринимается как храм, изображённый на картине Саврасова? Ответ на этот вопрос содержится, как писалось, в особенностях творческого метода художника, который, не будучи простым копиистом, в своих работах нередко отступал от непосредственного следования натуре.

В данном случае, сопоставляя реальный храм и храм на картине, мы видим, во-первых, что Саврасов заметно сблизил колокольню с храмом — подлинный храм находится на более удалённом расстоянии от колокольни. Во-вторых, художник существенно завысил колокольню по отношению к храму (или наоборот, несколько понизил храм по отношению к колокольне), отчего храм и кажется на картине сравнительно небольшим. В-третьих, Саврасов переставил колокольню и храм местами. Храм на картине изображён с северо-востока, только отсюда — с самой высокой точки Молвитина — он кажется находящимся в относительной низине. Именно с этой точки зрения особенно видны дали вокруг Молвитина с обычно разливающейся весной Волжницей. Однако с этой точки зрения колокольня должна находиться от храма справа, и к тому же большая её часть должна быть при этом закрыта храмовым зданием.

Таким образом, А.К. Саврасов из композиционных соображений в картине: 1) изобразил колокольню слева, а не справа от храма, 2) несколько повысил колокольню по отношению к храму (или, наоборот, понизил храм по отношению к колокольне), 3) сблизил колокольню и храм. Всё это, плюс то, что храм на картине показан с возвышенной точки зрения (с какой её обычно мало кто видит), а также то, что с шатра колокольни ныне удалена тёмная жестяная обивка, затрудняет «опознание» молвитинского храма на знаменитой картине. Однако, как мы видим, нет и не может быть никаких сомнений: на картине А.К.Саврасова «Грачи прилетели» изображена церковь Воскресения Христова в селе Молвитине (ныне — посёлке Сусанине).

После Саврасова

Работу над картиной Саврасов начал в Ярославле, а окончил, по-видимому, уже в Москве. В ноябре 1871 года «Грачи прилетели» была показана на I-й выставке Товарищества передвижных художественных выставок

Село Сусанино, над которым возносится колокольня древней церкви (её шатёр покрыт потемневшей жесстью), превращённой в склад; главы храма разрушены. Фото Г.П. Белякова. 1953 г.

в Петербурге (символично, что передвижничество появилось во многом под знаком саврасовских «Грачей»). Вскоре, купленная у автора П.М. Третьяковым, картина заняла почётное место в Третьяковской галерее в Москве.

Прославленный же великим русским живописцем храм в Молвитине продолжал жить своей обычной жизнью. Всё так же плыл над Молвитинным и над окрестными долинами густой звон церковных колоколов (на начало XX века их на храмовой колокольне было десять³⁰, всё так же стекались на службы в храм молвитинцы и жители соседних деревень*, всё так же теплились огоньки лампад и свечей перед образами...** . Храм продолжал украшаться: в 1881 году были расписаны стены и своды трапезной храма³³.

Молвитино росло, обстраивалось, шапочный промысел, которым издавна занимались жители села, приобретал в их жизни всё большее значе-

*Во второй половине XIX века в Воскресенский приход входило около 60 селений, а прихожан обоего пола насчитывалось около пяти тысяч человек.³¹

**Из образов храма особенно почиталась икона Тихвинской Божией Матери, которая, по преданию, была «принесена из Петербурга крестьянином Щербаковым на руках после того как он от неё получил исцеление от неизлечимой болезни».³²

ние, заставляя бросать земледелие. Молвитинский шапочный промысел был широко известен в то время в Костромской губернии и за её пределами. В конце 90-х годов XIX века молодой В.И. Ульянов, работая в шушенской ссылке над своей книгой «Развитие капитализма в России», назвал шапочный промысел в Молвитине и окрестных деревнях «типичной капиталистической мануфактурой»³⁴. Над селом поднимались главы новых храмов: в 1876 году было окончено строительство каменной Покровской единоверческой церкви, ставшей под горой, ниже Воскресенского храма*. В 1904 году, как уже писалось, на кладбище на окраине села был построен каменный храм в честь Святой Троицы. Как и вся Россия, Молвитино вступало в XX век...

В советское время

Послереволюционная судьба Воскресенского храма, ставшего, благодаря А.К. Саврасову, одним из символов России, также по-своему глубоко символична.

Социальное землетрясение, потрясшее нашу страну в 1917 году, ознаменовалось бурными событиями в центре Буйского уезда — городе Буге, пожарами и разграблением дворянских усадеб, каких было немало в молвитинской округе. Реквизиции, мобилизации и прочие атрибуты «военного коммунизма» не миновали и Молвитина. Один древний храм в центре села среди этих потрясений выстоял как утёс среди бушующего моря, в нём всё оставалось неизменным. Но в 1922 году новая власть — в лице подкомиссии губернской комиссии по изъятию церковных ценностей — вошла и под своды Воскресенского храма. Действуя в рамках всероссийской конфискации церковных ценностей, проводимой под предлогом помощи голодающим Нижнего и Среднего Поволжья, подкомиссия выгрестила из храма все изделия — оклады икон, лампы, священные сосуды и др., — изготовленные из драгоценных металлов. Но это, конечно, было только начало.

В октябре 1928 года при проведении районирования постановлением ВЦИК из бывшего Буйского уезда был выделен Молвитинский район, и село Молвитино стало районным центром. Через год же грянул пресловутый «великий перелом». Как и везде, в Молвитинском районе началась коллективизация, и, как и везде, вслед за возникновением колхозов на территории района началось насильственное закрытие церквей, первым шагом к

*Первоначально деревянный Покровский единоверческий храм, перестроенный в 1849 году из бывшей старообрядческой молельной, находился у самого подножия молвитинской горы, гораздо ниже каменного Покровского храма. С постройкой каменного храма деревянный храм был разобран³⁵. Напомним, что единоверцами называли тех из старообрядцев, которые в начале XIX века на особых условиях согласились вернуться в лоно официальной церкви.

которому обычно было снятие колоколов. Не избежал этого и Воскресенский храм — в середине 30-х годов с его колокольни (вспомним — с колокольни, изображённой А.К. Саврасовым) были частью сброшены, частью сняты все колокола. Сделано это было группой татар, жителей Татарской слободы в Костроме (последние издавна специализировались на работах, связанных с колоколами, только до революции они поднимали их на колокольни, после же Великого Октября — сбрасывали).

Закрытие основной части церкви в Молвитинском районе пришлось на конец 30-х годов. Тогда же и пробил час Воскресенского храма, закрытого летом 1938 года. Документов о закрытии Воскресенской церкви мне найти не удалось, молвитинская районная газета «Колхозный клич» о таком событии как закрытие главного храма районного центра не сообщила ничего: времена, когда о закрытии очередной церкви рапортовали как об очередной победе на фронте социалистического строительства, остались позади (церкви по-прежнему закрывали, но сообщать об этом в газетах уже считали лишним). Однако кое-какие события, предшествовавшие закрытию храма, нам известны.

14–15 мая 1938 года в Молвитине проходило отчётно-выборное партийное собрание, на котором, как писал в те дни «Колхозный клич», «работу райкома подвергли суровой критике». Судя по опубликованным изложениям выступлений на собрании, руководству Молвитинского райкома ВКП(б) и лично I-му секретарю И.М. Белкову действительно досталось. В духе времени это было почти судилище (похоже, что районное руководство предполагали сменить и заодно показать внутрипартийную демократию). В частности, «суровой критике» была подвергнута и антирелигиозная работа райкома. Как отметил один из выступавших: «... докладчик (т.е. I-й секретарь Белков — Н.З.) ничего не сказал как райком партии развернул в районе антирелигиозную работу, а надо сказать, что она проводилась неудовлетворительно. Мы много говорим, намечаем хорошие планы, но практических мер к их реализации не принимаем»³⁶. Нетрудно догадаться, что критикуя самого I-го секретаря райкома (демократия!), оратор имел в виду, разумеется, не какие-то там недостатки в кропотливой разъяснительной работе среди тёмных колхозных масс, никак не могущих отвыкнуть от «опиума для народа», а всё ещё незакрытые церкви района, и в первую очередь, Воскресенскую церковь — этот стоящий у всех на виду «очаг религиозного дурмана».

И практические меры к реализации «хороших» планов были приняты. Вскоре после районного партийного собрания Воскресенский храм был закрыт. Происходило это, как и везде. По свидетельствам очевидцев, после закрытия из храма были выброшены иконы, часть их была сожжена,

*Музей в бывшем храме открыт.
Фото М.И. Клиндухова. 17 сентября 1988 г.*

*Первые посетители в музее.
Фото А.А. Шикалова. 17 сентября 1988 г.*

часть — ещё долгое время валялась среди всякого хлама возле церкви. Некоторые были спасены от огня местными жителями, в числе спасённых был и местночтимый образ Тихвинской Божией Матери, о котором писалось выше: одна из женщин унесла обгоревшую икону (а после войны отдала её во вновь открывшуюся церковь в Домнине). С храма были сброшены купола, разрушены барабаны глав (три полностью, два частично). На колокольне был сломан венчавший её крест (при обследовании реставраторами храма

в 70-е годы на главке колокольни было обнаружено несколько пробоин явно пулевого происхождения). Сразу после закрытия в трапезной храма было устроено зернохранилище и в неё засыпано зерно урожая 1938 года (очевидцы помнят приезжавшие из колхозов вереницы телег, гружённых мешками с зерном; мешки вносили в храм, где их содержимое высыпалось...).

В праздничном номере, посвящённом Дню конституции, 5 декабря 1938 года районная газета, сравнивая дореволюционное и советское Молвитино, с пафосом писала: «Не то сейчас, когда страной руководит коммунистическая партия и советское правительство. Молвитино, из грязного, некультурного, безграмотного, села превратилось в культурный районный центр»³⁷(с колхозным зерном в храме, воспетом Саврасовым). Через год село стало ещё более «культурным»: 27 августа 1939 года указом Президиума Верховного Совета РСФСР Молвитино было переименовано в Сусанино (в литературе обычно ошибочно указывается, что Молвитино было переименовано в 1938 году³⁸). Древнее, увековеченное Саврасовым имя села было отброшено, конечно, вовсе не из уважения к памяти об Иване Сусанине — герое русской истории, только что, в 1937 году, извлечённом с после-революционной исторической свалки, а из политической целесообразности момента. Обратим внимание на дату указа: за 4 дня до нападения фашистской Германии на Польшу и за три недели до перехода Красной армией границы польского государства с восточной стороны...

Трудное возрождение

Последующие четыре десятилетия обезглавленный храм в переименованном селе жил обычной жизнью закрытого храма: в его стенах вслед за зерноскладом пребывали не менее нужные и важные учреждения — сапожная мастерская, склады Сусанинского Райпо и т.д. Поворот к лучшему произошёл в 70-е годы, после отмеченного в 1971 году столетнего юбилея

*О том, что это было за время, напоминает отрывок из статьи в районной газете, посвящённой столетию приезда А.К. Саврасова в Молвитино. Автор этой статьи Б.В. Белоцерковский — основатель и первый директор музея в Сусанине, человек по-своему

приезда в Молвитино А.К. Саврасова*. Юбилей привлёк внимание к положению храма, и Воскресенскую церковь в Сусанине было решено реставрировать и разместить в ней районный музей.

По заказу областного управления культуры костромскими реставраторами был выполнен проект реставрации храма (автор проекта — архитектор А.П. Чернов), и в 1977 году на нём начались реставрационные работы. В последующие годы храму в значительной степени был возвращён прежний облик: над его четвериком вновь поднялось увенчанное позолоченными крестами пятиглавие, лишённая металлической обшивки, в своём первоначальном виде предстала колокольня...* К 1988 году восстановление Воскресенского храма в целом было завершено и в его бывшую трапезную (тёплый храм) перевели из прежнего помещения районный музей, в основном посвящённый подвигу Ивана Сусанина. Открытие музейной экспозиции в бывшем храме, состоявшееся в сентябре 1988 года и приуроченное к празднованию 375-летия подвига Сусанина, было весьма торжественным: на него приехали, в частности, 1-й секретарь Костромского обкома КПСС В.И. Торопов, заместитель министра культуры РСФСР Н.Б. Жукова и др. Была разрезана алая лента — право на это «получили лучшие

немало сделавший для местного краеведения — трактовал автора “Грачей”, великого художника, воспевавшего красоту жизни, как какого-то обличителя. Б.В. Белоцерковский писал: “Чтобы показать нищету крестьян, художник решил рядом с колокольней и церковью поставить убогую избёнку. (...) Сопоставив величавую колокольню с жалкой крестьянской избушкой, Саврасов обратил внимание зрителей на нищенское положение большинства русского народа. Поместив на полотне грачей, художник как бы говорил: если бы русский народ был также свободен, как эти птицы, он сумел бы построить свою жизнь так, чтобы не было голода, нищеты, угнетения”.³⁹ Нельзя не видеть, что и подобные глупости, и пребывание храма в полуразрушенном состоянии — это всё явления одного порядка.

*К великому сожалению, в процессе реставрации храма был совершён, по сути дела, акт вандализма. Проектом реставрации в 1976 году было предусмотрено установить в холодном храме Воскресенской церкви иконостас, вывезенный ранее реставраторами из храма села Попкова Галичского района и в разобранном виде сложенный в подклете Богоявленского монастырского собора в Костроме (как раз там, напомним, где были погребены владельцы Молвитина Салтыковы, в том числе, наверняка, и строитель Воскресенского храма П.М. Салтыков). Однако, так как по высоте попковский иконостас не мог поместиться в четверике холодного храма, то проектом предусматривалось “опустить пол на месте существующей солеи на 80 см ниже общепринятой его отметки”.⁴⁰ Эта абсурдная идея, к сожалению, была претворена в жизнь: старинные чугунные плиты, покрывавшие пол на участке “понижения”, были выкинуты, и на этом месте была выкопана яма гораздо более глубокая, чем предполагалось проектом. Ныне холодный храм выглядит так: примерно половина прежнего пола в нём осталась нетронутой, в середине же помещения — провал, в котором стоят ободранные конструкции многоствольного попковского иконостаса. Ужаснее картину представить трудно.

механизаторы района»⁴¹, — и новая жизнь древнего храма в качестве музея началась.

Однако безмятежно музей в стенах храма пребывал недолго. 1988 год — год открытия музея — был и годом 1000-летия крещения Руси, когда грянувшее изменение политики государства по отношению к церкви очень скоро поставило пребывание музея здесь под вопрос. Верующие посёлка, свыше пятидесяти лет лишённые своего храма, стали требовать использования его здания по прямому назначению.

Всё началось с того, что в том же 1988 году группа верующих, не решаясь ещё говорить о передаче Воскресенского храма, стала просить вернуть им Покровский храм, также закрытый в тридцатые годы и долгое время использовавшийся в качестве складов Сусанинского райпотребсоюза*. Словно в издёвку, как раз накануне празднования 1000-летия крещения Руси, в бывшем Покровском храме взамен складов была устроена пивная, и его металлические двери «украсила» короткая надпись большими буквами — «Пиво».

Однако пивная в бывшем храме просуществовала относительно недолго. Критика в печати, а главное — угроза того, что верующие не получив его, начнут требовать Воскресенскую церковь, заставила местные власти пересмотреть свою позицию, и в начале лета 1990 года Покровский храм — неотапливаемый, лишенный глав и колокольни — был передан верующим посёлка. 15 июля 1990 года возвращённый храм был освящён главой Костромской епархии епископом Александром.

Однако ненормальность того, что верующие оказались в неотапливаемом и полуразрушенном храме, в то время как рядом находился отапливаемый и в основном восстановленный храм-музей, в который местное население, как это принято в районных музеях, сходяв на открытие, больше практически не заходило, со всей неизбежностью подняло вопрос о возвращении Русской Православной Церкви и Воскресенского храма.

По этому поводу в районной и областной печати началась полемика. Противники возвращения храма верующим обосновывали свои возражения тем, что его передача повлечёт за собой ликвидацию музея. Сторонники возвращения указывали на то, что пребывание «музея подвига Ивана Сусанина» в бывшем храме, по сути является актом неуважения к памяти знаменитого народного героя. Наиболее обоснованно на этот счёт выступил редактор епархиальной газеты «Благовест» священник В.И. Шапош-

*Этот бывший единоверческий храм называют также Никольским, т.к. в прошлом его единственный престол был одновременно посвящён и празднику Покрова Пресвятой Богородицы, и святителю Николу.

*На родной земле.
Фото В.Ф. Шевченко. 1997 г.*

ников, написавший: «...спросим себя: как бы отнёсся сам Сусанин к тому, что вот на той самой родной земле, для спасения которой он жизни своей не пощадил, существует храм, из которого фактически изгнано само Имя Божие, причём изгнано как бы ради того, чтобы утвердилось в том храме его собственное имя?..Нет никакого сомнения в том, что его христианское сердце исполнилось бы великой скорби, и сказал бы он своим забывшим Бога землякам: «Неразумные! Почто сотворили вы сие во имя моё? Разве совершил я что-либо ужасное, что даже память обо мне наказана столь страшным образом?!»⁴²

В конце концов, очень нелёгкое в нынешних условиях, но бесспорно разумное и справедливое решение о переводе музейной экспозиции из Воскресенской церкви в один из старых особняков райцентра с последующей передачей храма верующим было принято. Конечно, до осуществления этого решения предстоит очень неблизкий путь. Необходимо отремонтировать переданный под музей особняк, необходимо завершить реставрацию в Воскресенском храме (и прежде всего ликвидировать ту невообразимую картину в холодном четверике с его ужасной ямой), необходимо полностью возродить храм — в нём вновь должны появиться иконостасы, образа, колокола на колокольне и т.д. В Воскресенском храме — напомним, древнейшем храме района — должно быть возобновлено богослужение, что окончательно вернёт ему значение главной святыни посёлка. Те же туристы, которые будут приезжать сюда, должны видеть не только посвящённый Ивану Сусанину музей, но и действующий — как при Саврасове — храм, изображённый на его знаменитых «Грачах» (тем более, что в память о великом художнике, верующем человеке, трагически окончившем свою жизнь, в храме могли бы служиться панихиды).

Осуществить всё это в современных условиях, конечно, будет очень трудно, однако мы верим, что всё это будет сделано. Ведь храм, изображённый на картине, являющейся одним из символов России, и сам поэтому являющийся таким же символом, заслуживает и соответствующего к себе отношения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Духовное завещание Андрея Тимофеевича Михалкова 1587г. //Старина и новизна. Книга 17, М., 1914, с. 6.

²Материалы для истории сёл, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. Вып. 5, М.,1912, с.19.

³Там же.

- ⁴Там же.
- ⁵Там же, с. 20.
- ⁶Там же, с. 19.
- ⁷Там же.
- ⁸Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992 с.113.
- ⁹Там же, с. 116.
- ¹⁰Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3, М., 266–267.
- ¹¹Там же, с. 341.
- ¹²Материалы для истории сёл, церквей и владельцев..., с. 19.
- ¹³Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863, с. 231.
- ¹⁴Русский биографический словарь (Сабанеев-Смыслов). СПб., 1904, с.104.
- ¹⁵Церкви Костромской епархии. По данным архива Императорской Археологической комиссии. СПб., 1909, с. 62.
- ¹⁶Кудряшов Е. Историческая справка по памятнику архитектуры XVII века — Воскресенской церкви в п. Сусанино. // Проект реставрации и приспособления комплекса — памятника архитектуры XVII–XIX вв. церкви Воскресения в п. Сусанино под филиал Костромского историко-архитектурного музея-заповедника. — Архив ТОО «Костромареставрация», с. 2.
- ¹⁷Там же.
- ¹⁸Мальцева Ф.С. А.К. Саврасов. Жизнь и творчество. М., 1977, с.110–111.
- ¹⁹Осокин В. Рассказы о писателях и художниках-костромичах. К., 1961, с.71–72.
- ²⁰Алфавитный список священников и дьяконов Костромской епархии. К., 1871. с.10,34; ГАКО, ф.130, оп.9, л. 5 об.; д.1293, л.7об.
- ²¹Владимиров А. Грачи прилетели. // Рождение весны. М., 1973., с. 83–84.
- ²²Кончин Е. Сусанино. Март. // Смена. 1985, №6, с.25.
- ²³Кончин Е. Три адреса знаменитой картины. (К 150–летию со дня рождения А.К. Саврасова) // Советская культура. 1980, 23 мая.
- ²⁴Мальцева Ф.С. Указ. соч., с.124.
- ²⁵ГАКО, ф.550, оп.1, д.13, л.2об.–3.
- ²⁶ГАКО, ф.130, оп.9, д.1330, л 2.
- ²⁷Там же.
- ²⁸Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. К., 1911, с.215.
- ²⁹Лобанов В.М. Саврасов А.К. М.–Л., 1943, с.10.
- ³⁰Церкви Костромской епархии..., с. 62.
- ³¹Беляев И. Указ. соч., с. 231.
- ³²Церкви Костромской епархии..., с. 62.
- ³³Кудряшов Е. Историческая справка..., с. 2.
- ³⁴Ленин В.И. ПСС, М., 1971, Т.3. с. 394.
- ³⁵ГАКО, ф.130, оп.9, д.1367, л1.
- ³⁶С районного партийного собрания. //Колхозный клич (Молвитино) 1938, 17 мая.
- ³⁷Головина В. Молвитино в прошлом и настоящем. // Ленинская правда (Сусанино). 1938, 5 декабря.
- ³⁸Ленинская правда (Сусанино). 1939, 6 сентября.
- ³⁹Белоцерковский Б. Это было в марте 1871 года. // Сусанинская новь. 1971, 16 марта.
- ⁴⁰Чернов А.П. Пояснительная записка. // Проект реставрации и приспособления комплекса-памятника архитектуры XVII–XIX вв. церкви Воскресения в п. Сусанино..., с.5.
- ⁴¹Шпанченко В. На земле сусанинской. // Северная правда. 1988, 20 сентября.
- ⁴²Шапошников В. Почитание, развлекательные... // Благовест. 1992, №1 (17), янв.–февр.

А.В. Громов (Мантурово)

МИКРОТОПОНИМИЯ ДЕРЕВНИ МАКАРОВО Мантуровского района

Деревня Мака`рово находится на северо-востоке Костромской области на реке У`нже в 10 километрах от районного центра Ма`нтурова и в 250 километрах от Костромы`. До войны здесь было 43 крестьянских дома, сейчас осталось всего пять. Причины? Это и война, унёсшая 15 молодых мужчин, и послевоенные трудности, из-за которых часть молодёжи ушла в город, а тем, кто остался, дали квартиры в новом колхозном посёлке. Ныне в Мака`рове живут и здравствуют всего три коренных жителя — Гуля`ева Антонина Александровна с 1907 г. рождения, Гуля`ева Александра Гавриловна с 1915 г. и Гуля`ев Геннадий Иванович с 1929 г. Они и другие мои однодеревенцы, живущие теперь в Ма`нтурове, помогли мне собрать представленный далее материал.

I. Названия полей для посева. Они располагаются в нагорной части вокруг деревни и граничат с лесом и рекой. Бара`ново поле начинается за домом Бара`новых (по уличной фамилии, настоящая — Ники`тины), Еле`нино по`ле — за домом Еле`ны Кузнецовой. Шува`ево поле — за Шува`евыми (по второй фамилии от прозвища Шува`й, возможно, происходящего от слова шу`йца 'левая рука, левша'). Небольшое поле называется Стре`лка, и оно оправдывает своё название: начинается широко и сужается до «стрелки» к склону горы. Несмотря на то, что оно совсем близко от деревни, и полкилометра не будет, его часто называли Да`льняя Стре`лка: Пойдём жать на Да`льной стрелке или на Да`льной Стрелке. Там годами косили и сеяли. Самое же дальнее поле у леса — Шабан`иха (возможно, вначале новина`, место, расчищенное от леса; полосы некоей неизвестной нам Шабан`ихи). Поля пограничных соседних деревень

Микротопонимия деревни Макарово

называются: Ивкинское поле (д. Ивкино), Жи́линское поле (д. Жи́лино).

В доколхозной деревне были единоличные участки земли: Мо́сина кули́га (полоса среди леса), она же Мо́сиха или Мо́сина; Лёвкина или Лёвкины; Арсе́ниха или Арсе́нихи; Мо́рева или Мо́ревы, например, говорилось: поезжай на Мо́реву.

Отдельные полосы в полях назывались: Осто́жники (где были осто́жья), Берёзки (по соседству с берёзами), Илу́хи (по илистой почве), Ля́пыши* (короткие полосы), Ободво́рки (за дворами). Полосы у речки на дне оврага назывались Портомо́и (понятно, что в реке полоскали бельё). В этих названиях видна тонкая грань между апеллятивом (именем нарицательным) и названием, которую подчёркивает форма множественного числа.

II. Луга, на которых косили.

1) До реки У́нжи: Подуго́рка — небольшой луг на склоне горы сразу за домами деревни, Подго́рица — большой луг, покато спускающийся от полей к озеру. Между рекой и озером узкой полосой идут Ри́пища (мн.) — сырой кочковатый луг, дальше на повороте реки — Курья́. Старожилы утверждают, что по этому месту проходило старое русло реки.

2) За рекой У́нжей раскинулась Вели́куша, большой, обильный травами участок земли, главный покос макаровцев. Соседствуют с Вели́кушей небольшие сенокосные площади: Дожжо́вка, Жу́чково, Заозе́рица (за озером), Лопа́ты (в форме лопаты), Подбере́жица (низина у берега реки), Ше́йки (узкая полоса у лога), Хво́щи (по названию травы), Ту́ньбы (сырое место у небольшого одноимённого озера Ту́ньбы, мн.). Некоторые мои земляки этот покос называют Ту́мбы. Думаю, такую форму названия можно отнести к явлениям народной этимологии: Ту́ньбы есть и в других деревнях, например в Усо́лье, где они тоже находятся у озера.

Там же, за рекой, за Мо́крым ло́гом раньше был большой макаровский покос с названием Коса́я гора́ (протяжённая, с наклоном к лесу), дальше, за Косо́й горо́й — Попи́ха (поповский надел), а за ней Большо́е о́зеро с островом посередине — Осере́дком. На Осере́дке раньше косили и сеяли, теперь же он зарос, как и Коса́я гора́.

III. Новые разработки под пашню и сенокос.

Они у нас называются нави́ны (литературное нови́ны). Макаровцам памятни Лепа́трина навина́ (от имени Клеопатра), Парфи́лева навина́

*Во всех названиях нашей местности при склонении ударение остаётся на том же слого, что и в именительном падеже, например: Ля́пыши, Ля́пышей и т.д.

(от имени Порфи́рий), Степа́нова навина́ (принадлежащая Степановым по уличной фамилии, паспортная фамилия — Гуля́евы), Илю́шина навина́ (Ильи Григорьевича Гро́мова, моего деда).

IV. Весь лес под Макаровом назывался Шевеля́гинская, по фамилии лесопромышленника Шевеля́гина. Опушку леса называли Борка́ми. В лесу относился к Макарову хутор Иса́дино. Мои однодеревенцы это название связывают с термином иса́ды ‘песчаная отмель, коса на реке’ в деревнях Бе́рдово и Усо́лье это же место называют Иса́ино (якобы по первому поселенцу Иса́ю).

V. Названия дорог.

В лесу за Макаровом Иса́динская доро́га веде́т на хутор Иса́дино (см. выше), Ра́менная доро́га — в глухой лес, в ра́мень. От Степа́новой навины́ в лес уходит Степа́новская доро́га, от которой ро́скресье́м (т.е. перекрестье́м, под прямым углом) в сторону деревни Воло́дино ответвляется прямая, с вы́кладкой деревьями в сырых местах доро́га До́льник; в её названии, мне кажется, есть указание на её длину и прямизну. За рекой Унжей главная лесная постоянная доро́га в отличие от временных, по которым из делянок вывозят лес, называется Колёсная доро́га. Прямая тропка из деревни через овраги на горы называется Пря́мка. Рядом с Макаровом проходит шоссейная, в прошлом грунтовая Большо́я доро́га. Полевые доро́ги у нас не назывались никак, возможно, потому, что поля небольшие и все рядом. В других же деревнях такие названия есть, например, в Фатя́нове, в пяти км от Макарова: Ве́рхняя доро́га, Ни́жняя доро́га, Сре́дняя доро́га.

VI. Названия оврагов

Макарово умещается на небольшой площади между двумя оврагами на высоком месте у реки У́нки, которые называются по крайним жителям: Парфи́лев овра́г (от имени Порфи́рий), Илю́шин овра́г. На середине пути от Мака́рова к Жи́лину, в полукилометре от этих деревень, находится Глухо́й овра́г, о котором сложилась дурная слава, что там чу́дится.

VII. Части деревни.

Небольшая деревня делилась на э́тот край и тот край. В 30-40-х гг. появилась улица Хлы́новка, от глагола хлы́нять, ‘отлынивать от работы’. Таких ленивых людей на этой улице, казалось, и не было, но название прилипло. Улицу по направлению к полю составляли два поря́дка по четыре-пять домов в каждом. Скат горы от дома Соколо́вых называется Соколо́ва горо́.

VIII. Водные объекты (гидронимы).

Самое глубокое место в У`нже — Жи`линская я`ма (по соседней деревне Жи`лино), в ней водится большая рыба, даже сомы. В яме происходит завихрение воды, которое называется сыворо`ть (жен.р.), или вью`н. Мелкое место на реке У`нже, пережат, где переходили вброд или переезжали на подводах, с песчаной отмелью и прилегающим берегом называли Иса`дами. Вблизи деревни недалеко от берега реки есть небольшое Мака`ровское о`зеро, за рекой — Большо`е, или Самы`ловское (по близости к деревне Самы`лову) озеро с Осерёдкой (см. выше), принадлежащим макаровским. Речка с поэтическим названием Переви`сьё (литературное Переве`сье) соединяет это озеро с другим, меньшим, которое называется Ту`ньбы, откуда вытекает речка Исто`к, впадающая в Унжу около Иса`дов.

Речки на дне оврагов за деревней называются Ве`рхняя и Ни`жняя. В лесу за хутором Иса`дином протекают речки Оси`новка, Водячи`ха — притоки Во`ймежа, впадающего в У`нжу у деревни Берегово`й, в шести км от Макарова.

Уходит в прошлое, в историю этот неповторимый островок жизни, труда, обычаев, нравов, языка. Всё это памятно и мило автору, прожившему в Макарове до 15 лет, но не порывающему связи с родной деревней...

М.М. Орехова (Кострома)

ВОСПОМИНАНИЯ О ХУДОЖНИКЕ ЕФИМЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ЧЕСТНЯКОВЕ

В 1959 году 30 августа распоряжением Совета Министров Российской Федерации был учреждён в г. Костроме историко-архитектурный музей-заповедник на базе архитектурного ансамбля бывшего Ипатьевского монастыря и областного краеведческого музея.

В структуру музея-заповедника был введён музей деревянного зодчества под открытым небом, началом которого послужили спасённые от загорания в Костромской низменности оригинальные церковь Преображения из села Спас-Вёжи и четыре бани, тоже на сваях*, перевезённые из деревни Жарки в 1955–1956 гг.

Сразу был поставлен вопрос о выявлении других памятников деревянного зодчества на территории области и доставки их на территорию, прилегающую к музею-заповеднику, для сохранения. На 1959 год из бюджета музею-заповеднику для этой цели были отпущены дополнительные средства.

В штате музея не было специалистов по архитектуре, искусству или этнографии. Поэтому архитектор научно-реставрационных мастерских Иосиф Шефтелевич Шевелёв проявил инициативу возглавить совместную с музеем экспедицию по обследованию районов области. Тем более, что у него уже был опыт по перевозке церкви Преображения и бань.

В 1959 году экспедиция обследовала северо-западные районы: Солигаличский и Судайский, в 1960 г. — Павинский, Пыщугский и Кологривский. В Кологривском районе в деревне Шаблове внимание экспедиции привлёк необычайный дом, похожий на двухэтажный овин. Когда Шевелёв стал спрашивать жителей (как он мне рассказывал), кто в этом доме живёт, ему

* См.: Л.И. Пискунов. Из истории моей родины. С. 101, 130 настоящего альманаха. (Прим. ред.)

Воспоминания о художнике Ефиме Васильевиче Честнякове

отвечали: «Старик святой». Всё это очень заинтересовало Иосифа Шефтелевича, и он упросил хозяина этого жилища впустить его и познакомиться.

По возвращении экспедиции Шевелёв рассказал мне об этой встрече подробно. Обитатель дома-овина оказался интересным человеком: художником, скульптором и, главное, учеником знаменитого художника Репина. Рассказал и о тех условиях, в которых жил Ефим Васильевич. Меня это очень тронуло. Шевелёв тоже был заинтересован подробнее изучить этого человека. Мне он сказал, что хорошо было бы послать туда художника.

В штате музея был художник-оформитель, но он не мог определить ценность и самобытность картин и скульптур, которые видел Шевелёв. Да Шевелёв ещё сказал: «Я не художник и не искусствовед, но думаю, что Честняков очень оригинальная личность». Мне пришлось просить художественный фонд послать кого-то из художников, искусствоведов у них не было. Решили послать директора картинной галереи Анатолия Ивановича Яблокова. Он в то время считался самым знающим и даже выдающимся художником.

У галереи тоже средств не было, так как был уже 3-й квартал. Я обратилась к начальнику управления культуры Михаилу Павловичу Смирнову за разрешением оплатить командировку Яблокова за счёт музея. Он разрешил. Яблоков возвратился с грустным определением, что Честняков не художник, а так — просто любитель, изображает деревенских ребятишек и в своих картинах, и в скульптурах из глины. На картинах изображает в основном деревенские гуляния и бытовые сцены.

От Шевелёва я знала, что Честняков живёт очень бедно, что в деревне одни его считают святым, другие чудачком, но все жалеют и помогают ему жить, кто чем может. По рассказам Шевелёва и то, что Ефим Васильевич — ученик Репина, я считала себя обязанной помочь этому человеку, хотя бы материально. Я звонила в Кологривский райсобес о назначении Честнякову пенсии. Чиновники отвечали, что у него нет рабочего стажа. Тогда я поехала в Кологрив, пошла в райком и райисполком и доказала, что нельзя оставлять человека жить на подаянии. После долгих дебатов дали пенсию 8 рублей. Сейчас смешной кажется эта пенсия, а в то время на неё можно было купить: 2 кг сахара (1 р. 80 коп.), на 3 р. хлеба на месяц (по 13–18 коп.), 2 бутылки масла растительного (2 р.), а на остальные рубль двадцать — соли, мыла, спичек и др. мелочи. Я сейчас не помню, как такую пенсию воспринял Ефим Васильевич.

Когда в году 61 или 62 я ездила в Кологривский музей с проверкой работы, то встретила с племянницей Честнякова (она приходила в библиотеку музея) или с другой родственницей, жившей в Кологриве. Я её очень просила, чтобы она сберегла всё, что осталось от Ефима Васильевича. В то

время его уже не было.

Не помню, в каком году сотрудники музея ИЗО делали отчёт о проведённой ими экспедиции. Директор музея Виктор Ингатъев рассказал, что они открыли очень оригинального художника и скульптора. У меня невольно вырвалась реплика: «Что, второй раз открыли Честнякова? Ведь его открыл Шевелёв в 1960 году, а Анатолий Иванович Яблоков закрыл». Не помню, что ответил Игнатъев, а Яблоков встал и покинул зал.

В июле 1983 года жизнь меня свела с человеком, который с детства знал Честнякова. К моей соседке приехала сестра с мужем, Николаем Васильевичем Румянцевым, из г. Архангельска. 5 июля я разговорилась с Николаем Васильевичем — 60-летним мастером-высотником. Он оказался родом из Кологривского района, из деревни Бурдово, что в 1 км от деревни Шаблово. Спросила о Ефиме Васильевиче Честнякове. Николай Васильевич рассказал следующее: Ефима Васильевича помнит с детства. Ефим Васильевич часто ездил по деревням с тележкой на 2-х колёсах. Она состояла из ящика, разгороженного на две части и укрепленного на колёсах с двумя ручками, скрепленными с колёсами и ящиком. Вёз коляску чаще всего впереди себя (как тачку), а иногда и сзади. В одной части тележки были глиняные детские свистульки в виде птиц или зверюшек и куклы, раскрашенные разными красками. В другой части тележки был бидон под молоко и другие продукты.

Ходил Е.В. всегда в белой рубашке и брюках, сшитых из холста. Белый же, вроде панамы, головной убор тоже из холста. Зимой ходил в короткой куртке, на шее шарф, на голове башлык. Остальную одежду не помнит.

Всегда ходил с маленькой гармошкой и свистел в свистульки. Свистульки были похожи на птиц, зверей. Были скульптуры мужчин, женщин, детей, домашних животных. Собирались около него дети и взрослые. Особенно он старался развлечь людей, организовывая различные народные гуляния с танцами и песнями. Свистульки он раздавал детям, а родители платили ему, кто чем мог и сколько мог — в основном молоком, яйцами, хлебом и другими продуктами.

В Троицу он ходил из одной деревни в другую. «Мы, мальчишки, всегда сопровождали его. В какое-то время он всё это прекратил — почему, не знаю. Возможно, потому, что к нему часто приезжали с обыском. У Ефима Васильевича была сестра Анна Васильевна, учительница, но её за что-то сослали в Сибирь».

В 1940 г. Николай Васильевич Румянцев стал работать избачём. По деревням тогда часто устраивали избы-читальни, типа клубов. Они же были

Воспоминания о художнике Ефиме Васильевиче Честнякове

и библиотеками. В них были разные газеты и книги. «Изба-читальня была в деревне Бурдово, там же был и сельсовет (это в 1 км от деревни Шаблово).

Деревня Глебово была в 3 км от Бурдова, а село Илешево в 7 км. В них были школы, в которых я учился. В Илешево я ходил через Шаблово в школу каждый день, поэтому часто видел Ефима Васильевича. Жил он постоянно в доме, сделанном из овина. Овин был высокий, и окна были вверху и внизу. Дом казался как бы двухэтажным. Когда я стал работать в читальне, то Ефим Васильевич приходил каждый день часов в 10–11. Всегда садился на одну и ту же скамейку у большого стола. Читал все газеты, но недолго — 1–2 часа.

В один из дней я повесил портрет Владимира Ильича Ленина — во весь рост, в кепке и руки в карманах брюк, стоит на брусчатке. Честняков, когда зашёл, не видел портрета, а кончил читать, встал и направился к выходу. Увидев портрет Ленина, Честняков выпрямился, взял под козырёк, постоял несколько секунд и сказал: «Здравствуй, Володя!»

Помню ещё интересный случай. Был сильный ливень, Честняков ехал со своей коляской, вода шла большим валом к реке. Честняков снял с себя одежду и бросился в этот вал. Валом его не унесло. Он вышел и оделся. Зачем он это делал, не знаю, не могу сказать. После этого случая или ещё почему в деревнях его стали звать святым».

В 1950 г. Николай Васильевич Румянцев приехал сделать ревизию на почте в селе Илешево и снова увидел Честнякова — он пришёл отправить перевод сестре в Сибирь. Когда Честняков сделал перевод, Румянцев спросил: «Ефим Васильевич, правда, что вы учились с Владимиром Ильичом Лениным?» Честняков ответил: «Да, я с Володей учился в одной гимназии». Больше ничего не сказал и ушёл.

Н.В. рассказывал, что Ефим Васильевич дружил с председателем колхоза Яковом Ивановичем Беляевым. В 1982 г. Беляев был ещё жив, жил в Шаблово.

Ещё один случай рассказал Румянцев: «Инструктор райкома партии и бухгалтер леспромхоза после совещания остались ночевать у Беляева. Инструктор попросил Беляева сводить его к Честнякову, так как слышал, что этот человек с причудами, хотелось с ним поболтать. Беляев рассказывал, что когда они пришли к Ефиму Васильевичу, то он что-то размешивал в чайной чашке ложкой. Беляев и инструктор сели на лавку, Честняков подошёл к ним и отдал инструктору чашку с ложкой, сказав: «Я уже поболтал, а теперь Вы поболтайте, сколько хотите». Разговаривать с ними не стал». Вообще, в деревне рассказывают много чудачеств, но Румянцев рассказал только то, что сам видел и знал.

Комментарии к воспоминаниям М.М. Ореховой

То, о чём пишет Мария Михайловна Орехова, похоже на то, что было. Но всё же, будь на то моя воля, я бы осторожно подходил к воспоминаниям ветеранов, которым за 70 (и я к ним принадлежу), — тем более к воспоминаниям о далёком прошлом.

У меня, например, память избирательная. Всё, что касается моих научных интересов, я неплохо держу в памяти, но многое другое — не помню.

И всё же — это можно установить по документам реставрационной мастерской — экспедиции 1959 и 1960 гг. (а на самом деле 1958 и 1959 годов) были последними экспедициями реставрационной мастерской, к организации которых тогдашний краеведческий музей, которым руководила М.М. Орехова, отношения не имел; в состав экспедиции, набранный мной, входили в 1958 г. : я, Муравьёв Владимир (художник) и Наталья Державец, тогда студентка архитектурного вуза.

В 1960 г. в экспедиции были: я, Муравьёв, Меркушина Нина (реставрационная мастерская), покойный Юра Кочеганов (художник) и студентка 2го курса тогдашнего текстильного института Аня, фамилию которой я, к сожалению, не могу припомнить. Она-то и была главным лицом в нашем знакомстве с Честняковым Ефимом Васильевичем. Таким образом, музейных работников в этих 2^х первых экспедициях не было.

Было лето — необычно жаркое, на солнце — более 40°; наша пятёрка двигалась на восток, к Кологриву; близился вечер; мы гнали, как могли быстро, на велосипедах, чтобы наверстать упущенное накануне время. В пути мы были более 3^х недель. Спортивные трикотажные рубашки — когда-то синие — выгорели на спинах и плечах, трикотажные или сатиновые брюки, растянутые в коленях, кепочки — всё это придавало нам вид не очень патриархальный и пристойный, и две девушки в таких одеждах усугубляли это впечатление. Такова, мне думается, первопричина сугубо отрицательной реакции Честнякова на нас в первые минуты встречи. А было так.

Действительно, удивил оwin, с асимметрично, в два яруса расположенными окошечками, с затейливыми наличниками, стиль которых явно чем-то выпадал из традиционно народной формы — чувствовался оригинал, не знающий никаких архитектурных канонов и

правил; это притягивало; мы свернули с дороги на огороды, где что-то делали две пожилые женщины, разговорились с ними. От них мы узнали, что дом-овин этот принадлежит учителю, который, приехав когда-то давно из Петербурга, поселился здесь и почитается всеми как одарённый и святостью, и талантом целителя — живущий ради детей и для них художник. Миром поддерживают его хозяйство; но дом уже непрочен, крыша течёт; сам он должен скоро прийти.

Мы решили ждать. Близился вечер. Нам сказали ещё, что, может быть, он и не захочет с нами разговаривать: когда из других деревень приходят его просить о лечении болезней, он, поглядев на просителя, может пригласить, а может и, замахнувшись веником, прогнать прочь.

Я увидел его внезапно, уже в сумерках, в нескольких метрах; невысокий старик, босой, в белых портах и рубашке навыпуск. Подошёл к нему, заговорил. Не помню, не «брысь», но что-то такое же он сказал, и жест его был — уходите.

Мы замялись; и тут он увидел лицо нашей Ани и уже не сводил с него глаз. Он начал движение — вокруг Ани, подняв кисти рук, и наклонял голову, и, вглядываясь, речитативом напевал: рана — рана — рана; рана — рана — рана...

И — позвал нас к себе.

В комнатках, на которые членился овин в 1 этаже, был полумрак, все стены затянуты холстом, покрытым почерневшей живописью, которая в полумраке казалась пространством помещения, наполненным фигурками, и глиняные фигурки людей, расставленные на лавках, казались выступившими из холста, а точнее — из стен, потому что все стыки стен, обитых холстом, и стыки потолка тонули во мраке. И все лица детей и подростков, глядевшие на нас с холстов и в глине, были лицом нашей Ани!!

Теперь Честняков уже не прогонял нас, а усадил на скамью и начал читать напевно свои стихи-колядки, поясняя картины; и то, что он усадил нас, было для нас и блаженством и пыткой. Музыкальный речитатив, физическая усталость и неподвижность заковывали — по крайней мере меня — в глубокую дрему, с которой трудно было бороться, и я то слышал стихи, то обнаруживал вдруг, что я грежу в полудрёме.

Потом он дал нам расписаться в книге — довольно толстой «амбарной тетради», где до нас расписывались очень и очень многие почётные посетители и где мелькали профессора и ещё какие-то весомые титулы и известные имена — боюсь соврать, быть мо-

М.М. Орехова

жет, и Корней Чуковский или что-то ему равное по известности в России.

Но нужно было двигаться дальше. Впечатление от встречи с Честняковым было сильным. Поразила его человеческая незаурядность и та духовность, которая в обыденной жизни нам не встречается, но которая чувствуется; его целостность и посвящённость одной идее и одному образу.

В Костроме я делился этим впечатлением со многими и, конечно, с директором музея М.М. Ореховой, хотя сейчас не помню, как это было. Но, сразу по возвращении, я специально пошёл на приём к заместителю председателя облисполкома Марии Софроновне Осипенковой, рассказал ей о Честнякове и просил помочь. Было ли это сделано — не знаю. Этим, собственно, всё и закончилось.

Полагаю, что открытием Честнякова можно назвать только тот большой труд, которым были собраны, осмыслены, отреставрированы и сделаны известными всем нам, всем россиянам, картины Честнякова.

К этому я отношения не имел.

И. Шевелёв
30.12.95

II. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ

Л.А. Колгушкин

КОСТРОМСКАЯ СТАРИНА*

Профессии, занятия, и отдельные «типы», канувшие в вечность

Капиталистический строй, с его нещадной эксплуатацией трудового народа и поклонением «золотому тельцу», создал укоренившуюся мораль человеконенавистничества, подхалимства, лести и почитания тех, кто богат, знатен и всемогущ, так как только от них и зависело существование остальных. Чиновники преклонялись и льстили своим начальникам, приказчики и ремесленники своим хозяйчикам и работодателям, мелкие торгашки крупным купцам с тем, чтобы обеспечить себя от них более крупным и долгосрочным кредитом. Рабочие были вынуждены унижаться перед подмастером, мастером и фабрикантом, чтобы не лишиться работы. Неискренность и лесть переплелись с недоверием и озлобленностью с обеих сторон.

Общественный строй лжи, наживы, паразитизма создал и профессии ему подобные, которые современному человеку могут показаться невероятными.** К ним можно отнести лжесвидетелей, провокаторов, шпики, сводень, ростовщиков, притоносодержателей, проституток, сутенёров, вышибал, ворожей, знахарей, хиромантов, марафетчиков, барышников, приживал и приживалок, шулеров и занимающихся другими позорными делами.

В этой главе мы не будем касаться основной массы жителей города Костромы, которые своим тяжёлым, но честным трудом добывали средства для существования и прокормления семьи, не будем говорить и о тех свет-

*Продолжение. Начало см.: Костромская земля, вып. 2–3.

** Воспоминания написаны в 60-е годы. (Прим. ред.)

лых личностях, которые, не мирясь с существующим строем, вступали в революционную борьбу с царским строем, а поговорим о тех, кто не находил в себе силы бороться против гнёта и произвола «сильных мира сего», опускался на житейское дно и существовал только сегодняшним днём, а также расскажем о некоторых личностях, находивших «оригинальное» применение своим капиталам, зачастую и не ими нажитым.

Прежде всего, коснёмся большой группы людей, которые, поддавшись соблазнам торгового города, в особенности его широко разрекламированных питейно-увеселительных заведений, спившись «с круга», попали в так называемую «золотую роту». Эта «корпорация» имела свою постоянную «резиденцию» на Молочной горе, где к её услугам были многочисленные чайные, портерные, «казёнка», а также столовая-чайная «Колпаки». Тут же, против спасательной станции, существовал ночлежный дом, созданный крупным костромским хлебным торговцем и пароходчиком Ф.И. Черновым. В этом доме каждый, не имеющий ночлега, мог бесплатно переночевать, а утром получить горячий кипяток, фунт хлеба и кусок сахара. В настоящее время этот дом заселён постоянными жильцами*, но на чугунной доске, смонтированной в стене у входа, сохранилась следующая надпись:

«Сей ночлежный дом построен костромским купцом Фёдором Ивановичем Черновым на свой капитал для нуждающихся в бесплатном ночлеге, без различия всякого сословия, обою полу и передан на вечные времена в костромское городское общество.

Открыт 1890 года».

Правда, золоторотцы пользовались ночлежным домом только по зимам, а в тёплое время года предпочитали свободу волжского берега и штабеля дров и брёвен. Во всех волжских городах таких людей называли «боссяками», у нас же, в Костроме, их звали «зимогорами». Трудно сказать, каково происхождение этого слова. Можно предполагать, что оно происходит от зимы и Молочной горы как постоянного местопребывания там этой категории людей, а может быть, составлено из сочетания слов «зима» и «горевать». В зимогоры в основном попадали оторвавшиеся от деревень неудачливые отходники, завлечённые круговоротом большого торгового города и ставшие рабами «зелёного змия». Они были различного возраста, но старше 45 лет редко кто из них был. Для доказательства честности костромских зимогоров можно в качестве примера привести такой случай.

Как-то (вскоре после японской войны), проснувшись ранним весенним утром, уважаемый в городе учитель Виктор Никанорович Лаговский

* Сейчас в этом доме (ул. 1 Мая, 2) расположено муниципальное предприятие «Костромаводоканал» — (Прим. ред.)

увидел стоящих около своей кровати трёх здоровенных оборванцев. Сильно испугавшись, он крикнул: «Что вы тут делаете?» Один из них спокойно ответил: «Не пугайтесь. Мы ждём, когда Вы проснётесь. Входя в квартиру, мы не знали, что в ней никого нет. Мы хотели просить работы. Увидя Вас, мы не посмели выйти до Вашего пробуждения, боясь, что Вы могли бы подумать, что мы что-нибудь у Вас взяли. Соболаговолите нас обыскать и не откажите в двугривенном». Успокоившись, Виктор Никанорович побеседовал с ними ещё несколько минут и, посоветовав им в будущем быть такими же честными, на прощанье подарил целый рубль. Позже выяснилось, что его супруга и прислуга, уйдя на базар, забыли запереть квартиру.

Зимогор почти не нищенствовал и редко замечался в кражах. По летам он работал грузчиком на пристанях или на вокзале, переносил различные тяжести гражданам с базара и из магазинов, выполнял различные поручения торговцев. Зимой же занимался колкой дров, расчисткой снега и, вообще, не отказывался ни от какой работы, лишь бы заработать на кусок хлеба и, главное, на «косушку». Работать же постоянно на одном месте он не мог, так как при любой зарплате обязательно напивался, а к вечеру всегда был пьян до бессознания. В отличие от коренного рабочего, зимогора всегда можно было узнать по опойному, небритому лицу, фартуку из грубой мешковины, зимой по лаптям, а летом по грязным, босым ногам. Его имущество всё было с ним. Лишнее немедленно пропивалось. Иногда пропивалась и самая необходимая одежда, без которой нельзя было выйти к людям. В этом случае он кругом обвязывался своим фартуком и шёл спать на берег в штабеля брёвен, а друзья в это время принимали меры к приобретению для него каких-нибудь штанов.

Зимогры часто пили в складчину, или — как они говорили — «паяли». Небольшими партиями прямо на земле играли в карты или просто в «орлянку». Случались между ними ссоры и драки, но до убийств дело почти никогда не доходило. Полиция относилась к зимогорам весьма снисходительно и даже иногда прибегала к их помощи, когда нужна была физическая сила.

Иногда можно было видеть спящего на земле зимогора, у головы которого была дощечка с корявой надписью мелом или углем: «Без дела не будить!» или «На любую работу за пять копеек!» В золотую роту попадали люди и привилегированных классов. Таких людей увлекал туда всё тот же зелёный змий. Это были спившиеся чиновники, попы-расстриги, разорившиеся купцы, церковные певчие, неудачники-студенты и прочие.

Такие люди обычно старались держаться особняком от коренных зимогоров, подчёркивая этим своё некоторое превосходство, и только поневоле встречались с ними в полицейском участке или ночлежном доме. Такого

сорта люди не любили физический труд, а, прожив остатки своего скарба, бродили по различным учреждениям — управам, судам, почтовым конторам, выискивая неграмотных клиентов, которым писали прошения, снимали копии, заполняли почтовые переводы, за что получали пяточки и гривенники, занимались и попрошайничеством, афишируя при этом свои прежние, порой придуманные, заслуги и достоинства. «Господа! Подайте бывшему студенту на хлеб!», «Окажите посильную помощь бывшему политическому ссыльному!», «Поддержите пострадавшего за справедливость поборника истины и честности!»

Такими приёмами эти «типы» вызывали чувство жалости к себе. Для большего эффекта иногда надевали потрёпанные чиновничьи или студенческие фуражки и даже куртки. Потеряв понятие о человеческом достоинстве и самолюбие, за стопку водки они всегда готовы были «ублажать» самодурство разгулявшихся купчиков, выполняя унижительные шутовские приёмы вроде представлений «утопленника» — бросались во всей одежде в воду, разыгрывая сцену «утопления», а также многое другое.

В качестве живого примера пропившегося интеллигента можно указать на бывшего мирового судью Ивана Александровича Кр...го. Вначале он изредка запивал месяца по два в году и, пропив всё, что приобретал в течение трезвых месяцев, снова возвращался к работе. Запой стали учащаться, и с первых дней он уходил из дома в ночлежку, получал «сменку» одежды и продолжал пить целыми месяцами. Он был совершенно одинок и не имел близких, которые могли бы вывести его из этого тяжёлого состояния и поддержать морально. В конце концов лишился работы, опустился безвозвратно и умер, как говорят, «под забором» в возрасте около 60 лет. Таких несчастных в те времена было много и все они имели одинаковый исход своей неудачной жизни.

О том, как прекратила своё существование эта позорная группа люмпен-пролетариев, будет сказано во второй части настоящего очерка.

Даже среди этих людей, дошедших до грани падения, находились такие, которые у остальных были посмешищем и объектами для насмешек и издёвок. К таким можно отнести «Тузьку». Это был мужчина средних лет, высокого роста, несколько сутуловатый, с лохматой нечесаной бородой. Он был или пьян, или с большого похмелья и постоянно голодный. Обладая нечеловеческим аппетитом и полным отсутствием брезгливости, он ел всё, что попадало ему на глаза, выбирал съедобное из помойных ям и мусорных ящиков, собирал объедки со столов в чайных и трактирах, складывая всё вместе в грязное ведро. При еде часто вместо ложки пользовался найденной в мусоре щепкой. Он не имел своего угла и ночевал в мусорных ящиках или под кустами, редко в ночлежном доме. Настоящее его имя было Кузь-

ма, а собачью кличку дали ему зимогоры, для того, чтобы подчеркнуть этим его полное ничтожество. Тузька не отказывался ни от какой работы. На самую трудную и грязную работу рекомендовали только его. Тузька пытался скупать кости и тряпки, но на это мероприятие у него почти никогда не хватало «оборотного капитала». Поручали ему расклейку афиш увеселительных заведений, но он съедал клейстер, и его прогоняли. Однажды в общественную уборную какой-то купец уронил золотые часы с цепочкой. Никакими способами не могли их вытащить. Тогда решили позвать Тузьку. Купец обещал за эту работу три рубля. Тузька, не раздумывая, разделся и погрузился в яму, где содержимое было ему по грудь. Босыми ногами он нащупал часы, но поднять их с помощью ног никак не мог. Тогда, заткнув паклей нос и уши, он опустил в жидкость с головой и часы достал. Получив заработанные таким путём деньги, он убежал на Волгу, долго полоскался в холодной воде, а потом кутил несколько дней в одиночку, так как из брезгливости разделить с ним компанию не хотел ни один зимогор. Ещё хуже влачили своё существование одинокие люди, лишённые природой ума.

Умственно отсталым очень трудно было приспособиться к самостоятельной жизни, а на общественное призрение в богадельни они попадали очень редко. Примером таких людей может быть паренёк, по имени Вася, а по кличке «Кук». Имея достаточную физическую силу и почти полное отсутствие ума, он, кроме того, был косноязычен, двигался качающейся походкой и не был вовсе приспособлен к самостоятельной жизни. Этим воспользовался зажиточный человек А...кий, который, взяв его на своё попечение, нещадно эксплуатировал на самой тяжёлой физической работе, предоставив ему для сна и отдыха сараюшку вместе с дворовой собакой. За каждую оплошность хозяин наказывал Васю поркой и зуботычинами. Ребята окрестных дворов смеялись над Куком и всеми способами издевались над ним.

Однажды с Васей приключился печально кончившийся для него случай. Как-то летом хозяева всей семьёй куда-то уехали, оставив на попечение Васи запертый дом и пять штук овец, которых приказали ему кормить, а главное, чаще поить. Вода была оставлена в большом чане, покрытом брезентом. Вася усердно старался поить, ежечасно подтаскивал их к чану. Овцы, конечно, так часто пить не могли, он же расстраивался и даже плакал. Ребята в шутку посоветовали ему отрубить овцам головы и положить их в чан с водой — тогда, мол, они будут пить всё время. Кук так и сделал. Приехавший хозяин жестоко избил Васю и прогнал со двора. Что с ним стало впоследствии — неизвестно.

Много лет по улицам города ходила маленькая старушка, весьма странно одетая. Её звали «Матрёша-дурочка». Зимой и летом она носила старую

соломенную шляпу с цветами и яркими лентами. В городе говорили, что в молодости она влюбилась в красивого дьякона, и, когда он уехал из Костромы, психически заболела, и всю жизнь ждала его возвращения. Жила она у дальних родственников в рабочем районе, а пропитание добывала сбором милостыни. В городе её знали все и часто вызывали на разговор о её «любимом». Тогда Матрёша мгновенно оживлялась и с молодым задором шепотом сообщала, что дьякон овдовел, скоро приедет в Кострому и они обязательно поженятся. Умерла она в глубокой старости, так и не дождавшись объекта своей любви. Матрёшу в Костроме любили и ребятам разрешали её дразнить. Малыши её очень боялись, принимая за бабу-ягу.

Немало было в старой Костроме странных личностей, но о всех написать невозможно. Много было вопиющей бедноты, добывающей себе пропитание сбором милостыни, но были и такие нищие, которые эту профессию рассматривали как выгодный и лёгкий источник дохода. Так, у одной нищей старухи, обитавшей в грязной конуре, после её смерти в 1910 году было найдено более 1500 рублей наличными деньгами и на несколько сот рублей процентного выигрышного займа, а по тому времени это был довольно приличный капитал для безбедного существования.

А теперь поговорим о тех, кому деньги не давали покоя и которые не находили правильного их применения. Одна молодая вдова, которой покойный муж оставил большой каменный дом на Муравьевке и довольно приличный капитал в Госбанке, вдруг вообразила, что она серьёзно заболела, не может встать с постели, так как при этой попытке у неё немедленно выпадут все внутренности. Окружённая толпой домашней прислуги, заинтересованных продолжительностью болезни высокооплачиваемых врачей, она вылежала в постели девять лет, и только Октябрьская революция, освободив «больную» от движимой и недвижимой собственности, быстро излечила болезнь. Лишившись ухода, эта гражданка встала с постели и потом ещё много лет работала в советских учреждениях, полностью забыв о своём «недуге». А некая гражданка Т...ва, будучи одинокой старой девой, находила себе утешение в воспитании кошек, причём только женского пола, которых в количестве до 20 штук, при отличном кормлении, держала в двух специальных комнатах с соответствующей обстановкой. К ним были прикреплены две горничных, но кошки по прихоти барыни были лишены общения с котами. В таком же положении она семнадцать лет держала в хлеве тёлку, которая никогда не телилась и не доила. От своей многочисленной домашней прислуги хозяйка также требовала соблюдения безупречной нравственности.

Такая невинная во всех отношениях забава требовала больших, бесполезных затрат, но ведь нетрудовые деньги цены не имеют. Бывали слу-

чай, когда за несколько часов азартной карточной игры люди лишались десятков и даже сотен тысяч рублей. Известен случай, когда каменный двухэтажный дом на Русиной улице (Советская 55) его владельцем вместе с тройкой лошадой был проигран в карты за одну ночь.

Особенно не давали покоя деньги известному в начале этого века богачу, кутиле и выдумщику, купцу и пароходчику У...ву. Живя в основном в Нижнем Новгороде, он, имея предприятия в Костроме, часто приезжал сюда, проводя время в бесшабашных кутежах. Его приезда с нетерпением ожидали многочисленные собутыльники, а главное, владельцы гостиниц и буфетчики, так как его приезд всегда сулил огромные доходы.

Зная буйный нрав, к его приезду из зал и кабинетов гостиниц и ресторанов убиралась вся ценная обстановка и зеркала, которые заменялись похожими, но дешёвыми. Буфетчики в пустые бутылки из-под шампанского наливали лимонад, а в винные подкрашенную воду. Опьяневший У...ов обязательно бил зеркала и оконные стёкла бутылками, хватая их с буфетной стойки, куда буфетчики предварительно и ставили фальшивые. Он любил обливаться шампанским своих друзей и «случайных подруг», но для этого, конечно, подавались настоящие вина. После кутежа У...ов щедро оплачивал предъявленные счета, в которых лимонад фигурировал как лучшее шампанское, а дешёвые зеркала как обрезные «бемские».

Однажды летом У...ов, подобрав десятка два зимогоров и одевшись в шубу, валенки и тёплую шапку, сел в сани и заставил зимогоров, под пение «Дубинушки» и похабных частушек, возить себя вдоль Русиной улицы и по площади. Блюстители порядка, боясь гнева, препятствий его развлечению не чинили, зная, что и им перепадёт немалый куш.

А купцу С...ву не давал покоя Богоявленский женский монастырь. Всем было известно, что некоторые молодые монахини, в особенности послушницы, ходящие по городу и окрестным селениям с кружечным сбором на «благолепие храма Божьего», отличались равнодушием к мужчинам. С...ов, закупив у крестьянина деревни Тепры Шунгенской волости целый воз плетёных люлек для укачивания детей, направил их в монастырь с запиской на имя игуменьи. Этот случай вызвал большие толки в городе, и игуменья вынуждена была расстаться с монастырём. Бывая за церковной службой в монастыре, С...ов постоянно отпускал плоские шутки в адрес молодых монахинь, а однажды, когда его пытались вывести из церкви за нарушение порядка, он взял под руки подошедших к нему двух монахинь и с пением: «Вот мчится тройка почтовая...» — начал бегать по церкви, произведя полное смятение среди монахинь и молящихся.

«Нашему ндраву не препятствуй!» — был девиз купечества того времени, и костромские купцы в этом не отставали от прочих. Не случайно

М. Горький взял прототипом для романа «Фома Гордеев» костромского купца Чернова. Был и такой случай: один загулявший купчик, будучи в «Большой московской гостинице» и зная, что в это время года охота на дичь запрещена, потребовал на закуску свежей дичи; метрдотель растерялся и побежал к старшему повару, по прозвищу «Головушка». Тот, не растерявшись, нашёл ружьё-дробовину, набил в саду ворон и галок и вкусно приготовил их под каким-то замысловатым соусом. Купец был в восторге, щедро дал повару «на водку», а когда того спросили, что это была за дичь, тот ответил: «Тетеревиный выводок из Ушаковского бора» — намекая этим на городские свалки, бывшие в то время на Ушаковских ямах в конце Жоховской улицы (ул. Войкова).

Вот такие контрасты существовали в то исторически недалёкое время. Один не доедал сухой хлебной корки, другие не находили применения своим огромным капиталам. Последних было немного, но они в своих цепких руках держали тысячи тружеников, которые своим потом, кровью, здоровьем и даже жизнью создавали блага для этой кучки эксплуататоров и тунеядцев.

О чём ещё не написано

Для того, чтобы дать полное представление о Костроме недалёкого прошлого, можно было бы написать целые тома, но это не входит в нашу задачу.

В этой главе мы поговорим о городском театре, о визитёрах, о «широкой масленице», о пожарных и коснёмся пригорода Костромы — Татарской слободы, а так же костромских кладбищ, как места «вечного упокоения» многих поколений костромичей.

Костромской театр

Городской театр того времени был в том же помещении, что и в настоящее время, но внутреннее содержание постановки всего театрального дела резко отличалось от современного. Помещение театра городским самоуправлением сдавалось по контракту антрепренерам, которые самостоятельно подбирали себе в труппу актёров. Незавидна была жизнь актёра того времени. Здесь, как ни в какой другой профессии, резко выражалось неравенство положения. Во-первых: благополучие каждого актёра всецело зависело от антрепренера и его доходов от театральных представлений, во-вторых: от амплуа артиста, которое он менял очень редко и в основном с изменением возраста. «Героини» и «первые любовники» были театральной аристократией и получали наивысший гонорар, и в их пользу чаще устраивались бенефисы, чистый доход от которых шёл им же; «инженю»,

«комические старухи», «благородные отцы», «простаки», «комики» составляли ядро труппы, а актёры на выходных ролях были настоящими пролетариями в каждой труппе и владели самым жалким существованием.

Часто бывали задержки выплаты заработанных артистами денег из-за отсутствия сборов. По этой причине иногда труппа распадалась до окончания театрального сезона, антрепренер скрывался, не рассчитавшись с актёрами, и они, из-за отсутствия ангажемента, обрекались на настоящую голодовку. Заключение договоров между антрепренерами и актёрами обычно происходило в Великом посте, когда театры не работали в течение сорока дней и актёры находились в вынужденном, неоплачиваемом отпуске. Жизнь актёров царской России хорошо описана в литературе, и Кострома не представляла в этом исключения. Каждый репертуар отличался количеством пьес, актёры не успевали выучить роли и играли чаще всего под суфлёра. Их диалоги изобиловали «отсебятиной», то есть словами и фразами от себя, а не по тексту пьесы.

Публика также делилась по классовым и имущественным признакам, приобретая билеты, согласно со своими средствами. Первые ряды партера и ложи бенуара занимала городская аристократия и крупная буржуазия, бельэтаж — среднее чиновничество и купцы, третий ярус — зажиточные мещане, чиновники и прочие, более или менее состоятельные, слои населения. Ложи закупали обычно семьями, и родители брали с собой детей. Ученические ложи находились внизу, против сцены. Галерея была на самом верху и совершенно изолировалась от «чистой» публики. Вход и выход туда и оттуда были только через двор.

Внутри театр освещался свечами, которые не гасили даже во время представления. Снаружи подъезд освещался двумя керосинокалильными фонарями. Перед подъездом был сделан навес под железной крышей на чугунных столбах. В ненастную погоду кучера и извозчики слезали с козел и под этим навесом спасались от непогоды.

Посещение театра являлось как бы смотром лицевой стороны костромских обывателей. В театр дамы одевали самые модные, дорогие туалеты, золотые украшения и драгоценные камни, а мужчины лучшие сюртуки, вицмундиры — при всех орденах и медалях. Многие зрители подъезжали к театру в собственных экипажах или на наёмных извозчиках. Дамы, сидящие в ложах, на металлические сетки барьера клали бинокли и лорнеты, а кавалеры считали своей обязанностью купить для них красивую бонбоньерку с шоколадом и положить её рядом с биноклем. Это считалось «хорошим тоном».

Во время антрактов гуляли только в фойе, рассматривая проходящих мимо, критикуя туалеты, завидуя красоте, молодости, а главное, богатству.

Мужчины находили время покурить и воспользоваться услугами буфета.

Сидящие в ложах верхнюю одежду оставляли на вешалках около лож, и она охранялась капельдинерами — мужчинами в чёрных поношенных сюртуках и белых перчатках. Надеясь на «чаевые», они усердно ухаживали за гостями, подавая шубы мужчинам, которые, в свою очередь, ухаживали за дамами.

Надо сказать, что электрическое освещение в театре было оборудовано раньше, чем где-либо в городе Костроме, но оно было от маленького дизель-мотора и обслуживало только театр.

Визитеры

Существовала довольно неприятная, а для некоторых молодых людей обременяющая кошелёк, обязанность — это поздравления начальства и знакомых с праздниками Рождества, Нового года и Пасхи. У буржуазии, купцов, чиновников и некоторых состоятельных мещан был обычай в большие праздники с утра накрывать праздничный стол с холодными закусками и винами и за ними принимать визитёров, то есть знакомых, которые являлись с поздравлениями. Визитёров принимала хозяйка дома, так как глава семьи с утра сам уезжал с визитами. Визитёр, поздравив хозяйку и справившись о здоровье семьи, выпивал одну-две рюмки вина, слегка закусывал, и, поговорив о пустяках, желал всякого благополучия, и, простившись, отправлялся в следующий семейный дом.

Хорошо было тем, кто имел собственный выезд, а то приходилось нанимать извозчика на целый день и оплачивать его по-праздничному, так как ходить с визитом пешком считалось не принятым. У кого для визитов не было соответствующего костюма, то таковой брали в специальном прокатном ателье, а это был ещё лишний расход. Визитёры, которые не остерегались от предлагаемых любезной хозяйкой лишних рюмок коньяка или английской горькой, к концу дня доходили до невменяемого состояния и в весьма непривлекательном виде доставлялись домой, а с утра им снова приходилось продолжать свои визиты.

Некоторые высокопоставленные лица, как: губернатор, предводитель дворянства, управляющие и директора губернских учреждений, фабриканты — визитёров принимали за столом строго по списку, оставленному швейцару, лакею или горничной, а не попавшие в список должны были оказывать честь хозяину тем, что расписывались в особой книге в прихожей и оставляли свою визитную карточку. Особо уважаемых визитёров, близко знакомых или намечаемых в будущем зятя своим дочерям, хозяйки во время визита приглашали на определённое число на праздничный семейный ужин или молодёжный бал.

Кроме описанных визитёров, были и другие, но только с чёрного хода — это дворники, ночные сторожа, городовые, технические служащие учреждений и учебных заведений, фонарщики, водовозы и, наконец, постоянные нищие. Они от хозяйки или через домашнюю прислугу получали деньги от 10 копеек до рубля — зависимо от приносимой ими пользы, а также и от положения. Так, городской получал более крупное вознаграждение. Но, по морали капиталистического общества, ничего зазорного в получении таких «чаевых» не было. Среди рабочего класса и мелких ремесленников обычай визитов не практиковался.

Широкая масленица

Одним из самых весёлых праздников после Святков была масленица, которую отмечали все — от малых детей до стариков, от богатых до бедных. Конечно, каждый отмечал её по своему достатку. Этот языческий праздник крепко укоренился в народе как праздник преддверия весны и проводов зимы. Он всегда был приурочен к последней неделе перед Великим постом. Поскольку Пасха праздновалась не в одно число, то и время проведения масленицы, соответственно передвигалось, но все же, как бы ни была ранней масленица, а дыхание идущей весны уже чувствовалось, дни заметно прибывали, а морозы смягчались, полной же распутицы в это время ещё не было.

Настоящий праздник начинался со среды масленичной недели. К этому дню на плацу, где всегда проводились ярмарки, а также на льняной площадке устраивались увеселительные предприятия: карусели, качели, балаганы, зверинец и популярный театр с «Петрушкой». Иногда приезжал цирк.

Среда была праздником для крестьян окрестных деревень. Был обычай в этот день приезжать в город Кострому «молодым» — поженившимся в этом году после Святков, с ними обязательно приезжали и родители. Город был полон крестьян. В этот день неизменные лапти сменялись на валеные сапоги, а «молодой», как правило, всегда надевал чёрные чёсанки, с подвёрнутыми голенищами и обязательно в новых глубоких калошах. Более состоятельные родители одевали молодого в лисью шубу и каракулеву шапку, иногда взятые «в прокат» у деревенского богатея. Кто был победнее, надевал ватное пальто, но отворот и одна пола обязательно подбивались лисьим мехом. «Молодая» всегда была в бархатной или плюшевой шубе, в новых валенках и в шёлковой или шерстяной светлой шали. Некоторые первый и единственный раз в жизни в этот день надевали шляпы, которые часто не соответствовали сезону и не гармонировали с лицом и остальным костюмом, что вызывало искренний смех у горожан.

Молодые всегда катались вдвоём на двухместных, лёгких саночках.

Лошадь была украшена праздничной, с блестящими безделушками сбруей, а в гриву и хвост вплетались разноцветные ленты. На шею обязательно надевался ошейник с бубенцами. Молодой правил лошадью, всегда выставив одну ногу за борт саночек, отвернув полу шубы и выставив напоказ чуб, лихо заломив шапку на самый затылок. Молодая же непрестанно лущила семечки.

Родители в это время важно ходили по торговым рядам, по базару и слонялись около балаганов; тут также все обязательно лущили семечки. Это крестьянское гулянье горожане называли «сломами», а правильно было бы называть «слонами», так как молодые и старые крестьяне в этот день бесцельно слонялись в центре города. Досыта накатавшись, молодые, отправив лошадь на постоянный двор, шли гулять по галереям торговых рядов и около балаганов, катались на качелях, а некоторые даже и на каруселях. Костромичи в этот день почти не принимали участия в гулянье, а лишь выходили в центр только полюбопытствовать или найти знакомых. Во второй половине дня крестьяне семьями шли в чайные и трактиры пить чай с баранками. Некоторые заказывали порцию традиционных блинов, которые в эти дни в изобилии выпекались во всех пищевых торговых предприятиях, и даже «раскошеливались на «косушку» водки. Встретившись с друзьями, молодые выпивали и лишнее, куражились, и дело доходило до драк, но это бывало редко. К четырём часам вечера все постепенно разъезжались по домам.

С четверга все учебные заведения прекращали занятия до «чистого понедельника», и учащиеся гуляли по праздничным улицам города.

Извозчики и, в первую очередь, слободские татары готовили своих лучших лошадей, специальную масленичную сбрую, возки, пошевни, кошевки, новые розвальни и выезжали на биржу к торговым рядам.

Самые богатые и красивые тройки были у Маметевых и Женодаровых, а из городских предпринимателей — у Загарова и Кудряшова. Вместительные сани, окрашенные в белый цвет и отделанные ковровой обивкой, сытые, вычищенные лошади, украшенные ошейниками с бубенцами и разноцветными лентами в предварительно завитых, а потом расчёсанных хвостах и гривах, ласкали взор, и у каждого вызвали страстное желание прокатиться, но по цене это было доступно далеко не каждому. Парная упряжка была дешевле, а ещё доступнее одноконная в розвальнях, покрытых ковром. Самыми же доступным для катания транспортом были «ваньки», которые стояли на бирже вверху Молочной горы. За один рубль они катали часа два компанию 3-4 человека.

К полудню количество катающихся всё прибывало и они образовывали круг, который двигался в одном направлении — от Воскресенской пло-

щади по Русиной, Смоленской и Павловской улицам, выезжая снова на Воскресенскую площадь. В кругу лошади шли только шагом, а кому такая езда надоедала, те выезжали из круга и ездили по свободным улицам, как им хотелось. Богачи также выезжали на собственных «танцующих» рысаках, но долго в кругу оставаться не любили, предпочитая быструю езду на свободных улицах.

Учащаяся и рабочая молодёжь гуляла сплошной стеной по Русиной улице, в рядах и около зрелищных предприятий. А в это время в ресторанах, гостиницах, трактирах, кухмистерских и чайных пеклись стопки румяных блинов, которые подавали на столы с различной рыбной закуской, икрой, сметаной и топлёным маслом, так как церковным уставом употребление мясной пищи в масленичные дни не разрешалось. Возлияние Бахусу в эти дни было вне всякой нормы.

Не было в Костроме ни одной семьи, где бы в эти дни не пекли блинов, в богатых же семьях блины превращались в настоящее обжорство, вплоть до болезней. Помнится один случай, когда именитый костромской купец Ст...н, отличавшийся высоким ростом, отменным здоровьем и весом свыше десяти пудов, чуть-чуть не погиб от злоупотребления блинами. Он в одном ресторане на спор съел свыше ста блинчиков. Спор выиграл, но с сильными болями в желудке упал на пол. Друзья хотели вызвать врача, но он приказал везти себя домой прямо на конюшню — его кучер Тихон знал средство от такого «заболевания». Кучера и конюхи положили его на солому и пудовой дугой мяли ему живот. Такой «массаж» оказал положительное действие — на другой день С...н был здоров и продолжал справлять «широкую масленицу». Факт маловероятный, но это было.

Много разгула, чудачества и безудержного веселья бывало в эти дни. Кутилы любили выезжать на тройках в сельскую местность — в деревню Поддубное, в трактир «Капернаум» и другие весёлые места, где на лоне сельской природы предавались безудержному разгулу.

В первые годы нашего века ещё практиковались в Костроме и кулачные бои. Они происходили чаще всего на льду реки Костромки между жителями заречья и городской фабричной окраины, но вскоре были запрещены, так как получалось много увечий и даже смертельных случаев.

Катание на лошадях и праздничное веселье на улицах, в зрительных и питейных заведениях заканчивались в воскресенье в четыре часа с первым ударом соборного колокола, извещавшего о начале вечерни. Наряды полицейских разгоняли катающихся, и все приступали к проводам масленицы. Более солидные люди шли домой или в общественные места поесть последние блины, а молодёжь готовилась жечь масленицу.

Для этого заблаговременно запасались смолевые бочки, ящики, дро-

ва и различный древесный лом. Со дворов тащили всё, что попадало в руки. Если хозяева своевременно не убрали годный горючий материал, он попал в масленичный костёр. Масленицу жгли около Городища по ту сторону Волги, за рекой Костромкой и на Запрудне. С наступлением темноты зажигали огромный костёр, вокруг которого устраивались пляски, пенье специальных масленичных песен, всевозможные игры. На этом и заканчивалось масленичное гулянье. Тяжелое похмелье на другой день, а у многих и пустой кошелек оставались печальным следствием от весело проведённых масленичных дней. А через год повторялось то же самое.

Пожарные

Если вы назовёте работника пожарного депо пожарником, то он крепко на вас обидится, потому что слова «пожарный» и «пожарник» в своё время приобрели различный смысл. Если пожарный — это борец против огненной стихии, то пожарник — это мнимый (редко — действительный) погорелец-сбирун «на погорелое место».

Ещё при крепостном праве некоторые помещики, в том числе и костромские, из корыстных побуждений отпускали своих крестьян целыми семьями на оброк, который они должны были «зарабатывать» сбором «на погорелое место». Для этого крестьяне слегка обжигали оглобли и колёса, одевались в отрепья и, взяв у помещика справку о своём «несчастье», заколачивали дома и иногда целыми деревнями, вместе с детьми, ехали в отдалённые города и селения для сбора подаяния. Это предприятие давало большой и верный доход и барину, и мнимым погорельцам. Такие «пожарники» занимались этим доходным промыслом вплоть до Октябрьской революции. Вот поэтому пожарные и не любят, чтобы их называли пожарниками.

В начале нашего века в городе Костроме были три пожарных команды, не считая фабричной и маленькой заводской. Главная пожарная часть находилась, где и сейчас — на Сусанинской площади, вспомогательная, или Воскресенская, на нынешней улице Подлипаева (угол Пастуховской и Воскресенской улиц), добровольная команда была в начале Мясницкой улицы, где в настоящее время находится водонапорная башня. Воскресенская и добровольная части имели старые деревянные каланчи и служебные помещения. Около 1905 года каланча добровольной команды сгорела от удара молнии, причём дежуривший на ней пожарный тоже чуть не сгорел. Ему пришлось выброситься сверху на расставленный брезент. После этого пожарную вышку оборудовали на самом верху колокольни Покровской церкви, а для конюшни были построены каменные помещения на Марьинской улице.

Пожар в городе считался большим происшествием. Звонкий пожарный колокол своими частыми ударами извещал о пожаре. Звуки колокола были далеко слышны в городе. Тотчас же поднималась тревога. Дежурный расчёт пожарных мгновенно одевал бушлаты, медные каски и специальные пояса. По этому сигналу лошади сами рвались из своих станков. По выработавшемуся условному рефлексу, при открытии стоек, они быстро подбегали к своим упряжкам и сами просовывали головы в хомуты.

С первым ударом колокола верховой-вестовой уже скакал к месту предполагаемого пожара и, обследовав, полным галопом возвращался, чтобы вести за собой весь пожарный обоз. Для выезда всего обоза требовалось не более 2-3 минут. Вернувшийся с разведки вестовой лихо скакал впереди обоза, за ним на полном скаку мчалась четвёрка лошадей с брандмейстером в никелированной каске, трубачом, непрерывно подающим сигналы, топорниками, ствольниками и пожарными других специальностей. На этих огромных красных дрогах находились багры, раздвижная лестница, ломы, топоры, кирки и другой пожарный инвентарь, а также одна ручная пожарная машина с рукавами. Факелы с медными рукоятками и такими же держателями, медные каски, брандспойты и большой колокол — всё блестело на солнце или ночью от зажжённых факелов и создавало какую-то торжественность момента.

За первой упряжкой мчалась тройка с пожарными машинами и дополнительным инвентарём, а за ней одна за другой несколько парных упряжек с большими красными бочками, наполненными водой. Пожарный обоз замыкала упряжка с большой раздвижной лестницей и несколькими рулонами пожарных рукавов.

При том состоянии техники пожарные команды прибывали к месту пожара относительно быстро и отличались чёткостью работы, большой сноровкой и отменной выучкой. В то время пожарные считались на военной службе по вольному найму и находились на казарменном положении. Семейным тут же предоставлялись квартиры. Пожарным была присвоена чёрная форма с синими погонами и с таким же околышем фуражки.

Во время пожаров горожане оказывали большую помощь пожарным. Они качали машины, выносили вещи из горящих домов и организовывали их охрану.

Большое внимание уделялось подбору лошадей по мастям. Так, на главной пожарной части вначале лошади были светло-серой масти (белой), а потом их заменили чисто-воронными, на вспомогательной были гnedки, а на добровольной — рыжие. По масти лошадей было видно, какая пожарная команда прибывает на пожар. Каждый выезд главной пожарной части всегда сопровождала большая, рыжая, мохнатая собака, по кличке «Боб-

ка». Она была общей любимицей всех пожарных работников. Говорили, что на пожарах Бобка не раз выносил из горящих помещений детей и вещи. При звуке пожарного колокола этот бессменный дежурный первым выскакивал в открытые ворота и всегда бежал сбоку головной упряжки. Будучи уже старым, Бобка как-то в момент выезда команды по тревоге подвернулся под пожарные дроги и был задавлен насмерть. Все очень жалели эту умную собаку, и кто-то из её шкуры сделал чучело, которое поставили в дежурном помещении. Оно долгое время находилось там даже в послереволюционные годы.

Долго жил в команде большой, старый, мохнатый, белый козёл, которого все называли «Василий Иванович». Обычно на всех конюшнях держали козлов, с целью оберегать лошадей от маленького зверька — ласки, которая любила щекотать лошадей и путать их гривы и хвосты. Если же на конюшне был козёл, то ласка лошадей не беспокоила. Для этого и держали Василия Ивановича. Даже и у козла на звук пожарного колокола выработался условный рефлекс (на тревогу). Он вскакивал на ноги, громко блеял и всеми своими движениями показывал нервозность. На пожары его, конечно, никогда не брали. Он часто любил гулять на пожарном дворе, а иногда выходил и на Сусанинскую площадь, к Мучным рядам, пугая прохожих своими огромными рогами с подвязанной спереди их медной доской. Кстати сказать, пожарные приучили его к курению табака и часто оставляли ему недокуренные сигарки или папиросы. Он делал несколько затяжек дымом, а потом с большим аппетитом разжёвывал и съедал остатки сигарки.

Сравнивать по скорости прибытия на место пожара конную тягу с автомобильным транспортом, конечно, нельзя. Но парадность выезда конного обоза была много выше. При том уровне пожарной техники пожарные работали неплохо, и среди них было много энтузиастов своего дела, в особенности в добровольном пожарном обществе.

Многое для усовершенствования пожарного дела в городе Костроме сделал страстный любитель своего дела — брандмайор Н. Головцов, который в течение 15 лет своей работы поставил на большую высоту пожарное дело, укрепил дисциплину среди работников, умело подбирал конский состав и весь необходимый инвентарь. После Октябрьской революции он был переведён с повышением в Московский отдел пожарной охраны.

Татарская слобода

Описывая старую Кострому, надо, хотя бы коротко, сказать о старейшем её пригороде — Татарской слободе, которая едва ли намного моложе самого города. По некоторым преданиям, небольшая кучка татар осела в этом месте ещё во времена татарского ига. Одни сказания говорят, что татары посели-

лись здесь во время распада Золотой Орды, по другим преданиям, тут были поселены пленные. Точных данных по этому вопросу в летописях нет.

Слободу отделяла — и в настоящее время отделяет — Чёрная речка, которая в начале века являлась юго-восточной границей города, оканчивающегося Ямской слободой (конец улицы Кооперации*). К началу нашего столетия население слободы составляли исключительно татары, причём, их было всего не более 7-8 фамилий. Это были Женодаровы, Булатовы, Маметевы, Космасовы, Бильгильдеевы, Курочкины, Сиушевы, Кадыбердеевы. Всего же взрослого населения насчитывалось не более 2000 человек.

Посёлок состоял из нескольких узких улиц, застроенных маленькими деревянными домами с двориками, отгороженными от соседей деревянными заборами. Было несколько двухэтажных домов, принадлежавших местным богачам. При каждом домовладении имелись конюшни, коровники и сараи. Улицы были очень грязные даже летом, но в домах постоянно поддерживалась чистота и опрятность. У входа всегда стоял высокий медный кувшин-кумган и таз для омовения. Этого мусульманского обычая все придерживались строго. У многих он дошёл и до нашего времени. Все жители слободы имели коров, овец, коз, у большинства были лошади. Каждый хозяин имел не одну крупную собаку-дворняжку. Чужому человеку было опасно ходить по улицам слободы, в особенности в вечернее время, когда собак спускали с цепей.

Слобожане крепко придерживались обрядов, языка, религии, привычек и занятий своих предков. Даже национальные костюмы старались сохранить в том виде, в каком их носили 100-200 лет тому назад их предки. Мужчины надевали тёмные длинные поддёвки «в талью», покроя поповского подрясника. Головы гладко брили, усы и реденькие бородки оставляли. Даже дома они никогда не снимали тюбетейки, а, выходя на улицу, прямо на неё надевали другой головной убор — шапку или какую-нибудь шляпу. Русских картузов никогда не носили.

Женщины носили такие же поддёвки и сарафаны особого национального покроя. Платки повязывали, сгибая их под прямым углом, а не на угол, как принято у русских. В праздник ураза-байрам, по пятницам и в другие торжественные дни под платок надевали маленькую шапочку, расшитую мишурой и бисером. Пожилая женщина иногда носила чадру, т.е. белую накидку, которая закрывала её с головы до пят. Паранджи не носили. Девушки вплетали в косы серебряные монеты и по праздникам надевали яр-

* В 1996 году улице возвращено историческое название — Нижняя Дебря. (Прим. ред.)

*Мечеть в Татарской слободе.
Фото начала XX века.*

кие шёлковые национальные костюмы, которые у некоторых переходили из поколения в поколение. Женщины почти не говорили по-русски, мужчины же, работая в городе, говорили по-русски, но с большим акцентом. По обычаю предков, женщина в присутствии постороннего мужчины не имела права сесть за общий стол и даже без вызова хозяина войти в общую комнату.

В то время было принято каждого татарина, при обращении к нему, называть «князь», на что они никогда не обижались. Видимо, это слово закрепилось за ними со времени татарского владычества.

Между слободой и усадьбой «Васильевское» фабрикантов Зотовых, земля принадлежала слободе, и многие из её жителей занимались хлебопашеством. Основная же профессия большинства мужчин была извоз. Они ежедневно выезжали в город на легковую и ломовую биржи. Многие, не имея своих лошадей, работали по найму у своих богатых соседей. Так, у одного из Маметевых было несколько десятков лошадей, и он эксплуатировал десятки своих однослободжан. Другой предприниматель, Космасов Исхан, имел несколько десятков кобылиц, изготовлял кумыс и торговал им в Костроме. У него также было много наёмных рук. Менее состоятельные скупали старую одежду и перепродавали её на толкучке. Их в слободе были единицы.

Были среди жителей слободы и хорошие волгари. Они работали матросами, водоливами, лоцманами и даже капитанами пароходов. Богач Маметев имел собственные баржи и даже буксирные пароходы, на которых работали также его однослобожане.

Почти у всех слобожан имелись свои лодки, которые служили не для праздничных прогулок, а для получения даров Волги. В то время как костромичи, выйдя на Набережную или Муравьёвку, любовались величественной стихией — весенним волжским ледоходом, когда могучая река всё сметала на своём пути, ломая и унося прибрежные стройки и лесоматериалы, вливая свои воды в костромские улицы, иногда вплоть до Нижней Дебри, — у татар наступала самая горячая пора. С риском для жизни, соревнуясь в удалстве, они с лодок вылавливали плывущие дрова, брёвна, разбитые строения и прочее. Редко что-либо ценное проскальзывало мимо слободы. Они никогда не останавливались перед тем, чтобы, с риском для себя, снять и спасти плывущих на льду людей и животных. Бесстрашию этих волгарей мог позавидовать каждый. В эти дни всегда был удачный улов рыбы. Бывали случаи, когда косяки лещей заходили в устье реки Черной такой плотной массой, что их вытаскивали корзинами и даже просто руками.

На самом берегу Волги стояла мечеть с невысоким минаретом, с которого каждое утро и вечер слышался протяжный голос муэдзина, призывающего «правоверных» к утреннему или вечернему намазу (молитве). Летом мусульмане молились в своих дворах, стоя на коленях на маленьком коврике и повернувшись лицом к заходящему или восходящему солнцу. Зимой этот обряд совершался дома перед висящими под стеклом изречениями из Корана (священной книги).

Большое историческое прошлое имеет татарское кладбище. Некоторые сосны — прямые потомки той дремучей тайги, которая окружала Кострому в далёкие времена. Быть может, этот маленький островок деревьев когда-то сливался воедино с той дебрёй, от которой получила название улица Нижняя Дебря. Многие десятки поколений Татарской слободы обрели здесь вечный покой. Простые каменные памятники-надгробья и маленькиеobelisks кое-где ещё сохранили надписи на татарском языке. Очень древних памятников на кладбище не сохранилось, так как за недостатком места старые могилы перекапывались.

Надо сказать, что по мусульманскому закону вход женщинам в мечеть и на кладбище был запрещён. Похороны организовывали мужчины, и покойников хоронили, как правило, в день смерти со строгим соблюдением религиозного ритуала.

Основная масса слободских татар отличалась трезвым поведением,

*Церковь Феодоровской иконы Божией Матери на Новом кладбище.
Фото начала XX века.*

примерным трудолюбием и честностью. Но они не любили приезжающих в слободу даже своих единоверцев, называя их оскорбительным словом «алабак», что в переводе на русский язык означало, кажется, «собака» или «пёс». Браки совершались в основном между однослобожанами. Редко принимали в семьи невесток из Тетюшей или Казани, и на них слобожане смотрели искоса. Браки с русскими считались преступлением. Так предки охраняли чистоту своей веры, обычаев и установившуюся на протяжении веков обрядность.

Татарская слобода в то время жила в полной изоляции от города и, конечно, была глубоко отсталой от культурной жизни. Среди женщин грамотных почти не было. Немногие мужчины получали образование в объёме 1-2-х классной начальной татарской школы или в условиях царской военной казармы. Слободских женщин очень редко можно было видеть в городе. Чёрная речка для них была тем «Рубиконом», который им было трудно перешагнуть.

Октябрьская революция в корне изменила весь облик слободы, и она стала обычным пригородом Костромы. Молодое поколение слобожан только от стариков знает о прежней жизни, о той изоляции, в которой жили старые поколения, а также об эксплуатации друг друга, о положении татарской женщины и о тех религиозных предрассудках, которые намеренно, с фанатизмом, насаждали богачи, муллы и муэдзины.

Костромские кладбища

Кладбищ в Костроме в то время было много, но не все они являлись «общедоступными» для простых смертных. Если своевременно делался крупный денежный вклад, то покойник находил себе «почётное место» за стенами любого монастыря; фабриканты, кроме Чумаковых, имели фамильные склепы на Запрудненском кладбище. Духовенство хоронили в оградах церквей, где они подвизались при жизни. Для всех прочих костромичей были общие кладбища, как Лазаревское в конце Русиной улицы за каменным мостом, Новое — между Павловской и Рождественской улицами, Крестовоздвиженское — в конце Ново-Троицкой улицы, Заволжское в Спасской слободе и за рекой Костромкой в Богословской слободе.

Как очень древнее и переполненное, было закрыто Крестовоздвиженское кладбище — в первые годы после революции, и на его месте в настоящее время стоят фабричная поликлиника и жилые дома. Лазаревское было закрыто в начале тридцатых годов, и территория поступила в распоряжение военного ведомства. Новое кладбище закрыто в 1944 году, а вместо него горкомхозом отведена другая площадь за линией железной дороги. По мере роста города кладбища постепенно отодвигались на окраины, так что

следов более ранних захоронений в настоящее время найти трудно — на их месте стоят кварталы домов.

В качестве примера коротко опишем одно из самых старых кладбищ — Лазаревское. Там под густой сенью вековых берёз и лип, когда-то рассаженных правильными аллеями, даже в самую жаркую погоду стояла приятная прохлада, так как солнечный луч с трудом проникал туда через густую крону деревьев. Кругом слышалось чирикание и пение птиц, порхающих с ветки на ветку. От лёгкого дуновения ветерка тихо шелестели листочки. Всё было зелено, и кругом была такая тишина, какая может быть только на старых кладбищах.

В праздничные дни костромичи очень любили бывать на этом старом кладбище. Гуляли там целыми семьями, ходили и те, у которых не было родных могил. Кладбище было богато разнообразными памятниками, надгробными плитами и различной формы крестами. На некоторых из них были пространные надписи, в виде прозы и стихов, выражающие искреннюю скорбь или восхваляющие заслуги и достоинства умерших, их трудолюбие и любовь к семье. Были и такие, которые своей неграмотностью или явной неискренностью вызывали смех, а иногда и возмущение, а никак не уважение к умершему. Иногда в таких «изречениях» настолько чувствовались неискренность и отсутствие уважения к покойнику, что, казалось, это сделано для оправдания не совсем чистой совести оставшейся в живых «половины».

Многие костромичи любили ходить среди могил, читать и даже списывать такие надписи, в особенности на старых, забытых могилах, а их на Лазаревском кладбище было довольно много; встречались могилы даже конца XVIII века. У многих, конечно, в это время появлялось раздумье о том, как эти люди жили в далёкое, старое время, какие горя\ и радости переживали они при жизни, оставили ли после себя потомство и прочее.

Вот вы идёте по главной аллее кладбища и на её середине, справа, видите небольшую, чёрную с позолотой, металлическую часовню-надгробие и ряд богатых, гранитных и мраморных памятников в одной ограде. Тут были в разное время похоронены потомственные почётные граждане города Костромы Чумаковы, фабриканты-миллионеры, и члены их семьи. Их в этом семейном склепе было похоронено не менее десяти в различном возрасте. Обеспеченная, полная материальных благ жизнь этих людей не избежала конца, порой даже преждевременного.

А вот другая, обширная, деревянная, полусгнившая ограда, где под простыми, деревянными покосившимися крестами лежат одинокие, престарелые женщины из Чижевской богадельни, которая в то время находилась в двухэтажном каменном доме тут же впереди кладбища. Все эти жен-

щины прожили долгую жизнь, и, вероятно, каждая по-разному, а закончили её совершенно одинаково — одинокой старостью, призреваемой казённой благотворительностью.

У самого алтаря кладбищенской церкви лежала вросшая в землю, покрытая зелёным лишайником чугунная плита, на которой было указано, что под ней покоится прах жены священника, умершей в 1807 году, в возрасте 18 лет. «Прощай, прекрасная душой и телом, моя единственная...» — писал убитый горем, скорбящий молодой муж. Да, здесь рано окончилась семейная жизнь для обоих, так как духовному лицу разрешалось вступать в брак только один раз в жизни.

Тут же, недалеко, стоял монументальный гранитный памятник над прахом генерал-аншефа Мещерского, «в Бозе почившего в 1800 году, на 76 году жизни». Вот этому человеку, наверное, жизнь дала немало радости и довольства. Он должен был видеть пышные приёмы и празднества при дворе Екатерины II-й и Павла I-го, а уйдя на покой, безусловно, был бесконтрольным крепостником, эксплуататором сотен, а может быть, и тысяч душ крепостных крестьян.

В самом конце кладбища было отведено место для умерших от холеры, а также для беспризорной бедноты, безродных и арестантов. За оградой кладбища, через канаву, хоронили самоубийц, которых по церковному уставу хоронить на кладбищах не разрешалось.

Вот все эти — богатые и бедные, забытые и безымянные — могилы заставляли глубоко задумываться над многими вопросами человеческого существования. Социальное и имущественное неравенства сопровождали каждого до смерти и даже после неё.

Таковыми же были и прочие костромские кладбища.

III. ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ КРАЯ

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА СОЛИГАЛИЧА 1628 г.

В 1628 г. по указу царя Михаила Федоровича дьяком Поместного приказа М. Ласкаревым была проведена перепись г. Солигалича. Но оригинал этой книги оказался утрачен.

Случайно в бумагах Московского Симонова монастыря обнаружена выпись из переписной книги М. Ласкарёва г. Солигалича, сделанная для игумена монастыря. Симонов монастырь имел под Солигаличем вотчины, а в самом городе у него были соляные колодцы и варницы. Выпись эта обнаружена в архиве Древних актов в Москве в фонде «Грамоты коллегии экономии» № 3494. Полное содержание этой выписи приводится ниже.

Особенно большой интерес в переписи М. Ласкарёва представляет описание крепости (города) Солигалича, построенной после 1614 года в виде острога. Крепость имела форму прямоугольника, вытянувшегося вдоль левого берега реки Костромы, и защищалась с севера рвом, заполненным водой из реки Костромы. С востока крепость была защищена речкой Славенкой, в устье которой стояла Троицкая мельница.

Перепись 1628 г. позволяет судить, что за 14 лет — с момента разорения Солигалича польско-литовскими интервентами (в 1609 и в 1613 гг.) — крепость была восстановлена.

Д.Ф. Белоруков

Выписка письма и меры Микиты Ивановича Ласкарёва 7136 г. Соли Галицкой города и посада и городских и посадских церквей и осадных и посадским дворам

У Соли-Галицкие на реке на Костроме на берегу город ставлен на осыпи а в нём церков соборная вверх шатром Причистой богородицы Успения да в приделе Макария Желтоводского чудотворца, а у церкви и с приделом и образы и книги и ризы и свечи и всё церковное строение Федора Мичурина з братьями. Да другая церков тёплая во имя Рождества Иоанна предтечи а в церкви образа и сосуды и колокола строение мирское (прихо-

жан - Д.Б.).

Город мерою от Спасских ворот до Наугольные башни что подле реки Костромы вверх 17 сажень (старая сажень – 1,5 метра - Д.Б.) от Наугольные башни до башни что в тайнике 24 сажени.

Башня Тайницкая 4 сажени с четью, башня не покрыта. От Тайницкой башни до Наугольные башни что на реке Костроме вверх 31 сажень. Башня Наугольная 3 сажени с четью, башня покрыта.

Другая стена тое башни 3 сажени с четью. От тое Наугольной башни по стене до Дмитровских ворот 24 сажени с полсаженью. Ворота Дмитровские 3 сажени с четью. Башня над воротами покрыта. От ворот до Наугольные до Лавенские башни 23 сажени. По стене по осыпи башня 3 сажени, другая стена 3-х же сажень, башня покрыта. От тое башни до Средние башни, что против слободки по стене 25 сажень. Башня 3 сажени, башня покрыта.

От тое башни по стене до Наугольные башни, что от Троицкие мельницы от Костромы реки против Воскресенского монастыря 27 сажень без чети.

Башня стена 3 сажени другая стена тож 3 сажени, башня покрыта. От тое башни до ворот Спасских по стене 32 сажени. Ворота Спасские 4 сажени, ворота не покрыты. А в воротах под башенью тюрьма опальная (для опальных бояр и служивых людей, ссылаемых в Солигалич - Д.Б.) а башню и от башни осыпь до Наугольные башни и башню Наугольную, что на Костроме писана сперва мерою подмыла вода от Троицкой мельницы.

Да в городе ж государевой казны под церковью соборной по росписи городского приказчика Ивана Дурново за рукою сына его Саввы в казне зелья (пороху - Д.Б.) з деревом и с рогожами и с ужища (верёвками - Д.Б.) 12 пуд да свинцу (ядер-Д.Б.) 2 пуда. Пищаль полквая (лёгкая пушка - Д.Б.) железная да 19 пищалей затинных, 50 пищалей ручных медных, 30 железных полковых пищалей.

Да ржи (зерна - Д.Б.) московскую меру 34 чети, да в городе государевы две житницы вдоль 5 сажень а поперег 3 сажени. Да в городе ж дворы осадные (для укрытия от неприятеля - Д.Б.): двор бывый воеводский, осадной вдоль 11 сажень по воротам 10 сажень. Подле воеводского двора двор пуст осадной Федорова крестьянина Зиновьева Ивашки Толстоухова вдоль 4 сажени поперег пол. 3 сажени, двор Троицкого монастыря осадной по воротам 8 сажень, поперег 6 сажень и живет в нем дворник Селиванко Борисов, двор пуст попа Молчана длиной 4 сажени с пол. саженью, место порожнее рождественских попов Молчана да Ивана, двор пуст сына боярского Луки Сипягина в длину 3 сажени, двор пуст Луки Сухонина з братьями. Да подле городские стены с улицы место пусто кузнечное бывала кузница

Подготовка публикации Д.Ф. Белорукова

государева длина 4 сажени, да подле той кузницы стоит клетка (сруб - Д.Б.) посадского человека Кузёмки Каменова, место пусто дворовое каменщикуво Тренки Микитина сына Иконки с товарищи. Место пусто троицких крестьян с посадскими людьми Парфенка с товарищи. Место пусто дворовое Федотовых крестьян Ловчикова (помещика - Д.Б.) Ранки Иванова с товарищи. Место пусто посадского человека Петунки Глумыкина с товарищи. Место пусто Окологородней волости крестьянина Ивашки Корманова с товарищи. Место пусто пушкарское Лукашки Волнина с товарищи.

Место пусто пушкарское Федки Антипьева сына Колчина с товарищи. Двор пуст пушкарской Тренки Попалезова с товарищи. Место пусто Пресвятой Богородицы Нового монастыря, а на нём воротник (охранник у крепостных ворот - Д.Б.) Белянко, а ныне на том месте живет пушкарь Мишка Батюшков. Место дворовое пушкарское с рассыльщики Гришка Борина с товарищи. Двор пуст посадских людей Васки Калашника с товарищи. Двор пуст посадских людей Баженка Мачехина с товарищи. Место пусто Получки Нефедьева Холмские волости Иванова крестьянина Сытина (помещика - Д.Б.). Место пусто посадского человека Четвертунки Максимова. Место пусто посадского человека Куземки Иванова сына Каменова. Двор пуст посадского человека Савки Пуховитинова. Двор пуст Семеновых крестьян Плещеева (помещика - Д.Б.). Окологородние волости Максимка Федоров с товарищи. Двор пуст Александрова крестьянина Воейкова (помещика - Д.Б.) Федки Минина с товарищи. Двор пуст посадских людей Коротанка да Некраска Успенских да Вторушки Михайлова с товарищи. Место пусто пушкарское Богдашки Циплетева. Двор пуст пушкарское Ивашки Собенникова. Место пусто пушкаря Ивашки Баранникова. Место пусто пушкарское Куземки Кавезина. Двор пуст Семеновых крестьян Плещеева окологородней волости Максимка Петрова с товарищи. Двор пуст пушкаря Куземки Тюкалова. Двор пуст посадских людей Первушки Шейнинского. Место пусто клетки (срубы - Д.Б.) пушкарские Микифорки Тюкалова.

Дорога от Дмитриевских ворот к тайнику поперег сажень. У Дмитриевских ворот по другую сторону моста: двор Федора Мичурина з братьями з Григорием да с Егором да Василием а живет в нем дворник Ивашка Максимов в варнице работает. Место пусто Аврамиева монастыря. Место пусто Ивана Дурново. Двор пуст полянщика Матюшки Федотова. Место пусто посадского человека Мишки Котонина. Двор пуст посадских людей Стенки да Ивашки Добрецовых. Место пусто рассыльщика Куземки Маслова. Место пусто галичанина сына боярского - залешанина Френева. Двор пуст посадского человека Богдашки Макаровского. Двор пуст попа Иокима да посадского человека Васки Яковлева. Двор пуст посадского человека Ивашки Воротникова. Двор пуст подле Ивашкова двора Воротникова не ведают чей.

Место пусто. Двор пуст посадской вдовы Смирены Кокановское жены. Двор пуст посадского человека Тимошки Рогова. Двор пуст посадского человека Богдашки Бровкина. Место пусто. Двор пуст а чей выборные люди не ведают. Место пусто. Двор пуст Матвеевых крестьяне Кафтырева (помещика - Д.Б.) Петунки Говорова. Место пусто. Двор пуст посадского человека Первушки Путилова. Двор пуст посадского человека Тренки Черемыснинова.

Двор пуст на Большой улице посадских людей Андрюшки Кашина з братьями. Двор пуст галичан детей боярских Петра да Козмы Ивановых детей Перфильевых. Двор пуст посадских людей Меркушки да Мишки Каротких. Место пусто детей боярских Офанасия Черепова да Ивана Офонасьева сына Мичурина, да вдовы Анны Савинские жены Мичурина. Двор пуст Микифорки Скулина. Двор пуст воскресенских попов Ивана да Герасима Ивановых детей.

Двор пуст посадских людей Семенки Подосекова. двор пуст посадских людей Дружинки Ваулицина. Двор пуст посадского человека Микитки Головачева. Двор пуст посадского человека Ивашки Шуравина а живет в нем каменщик Петрушка Пивовар. Двор пятницкого попа Михаила. Двор пуст посадского человека Микифорки Дутова. Место пусто Сакунки Лобановского. Двор пуст посадского человека Васки Середнищина. Двор пуст Матвеева крестьянина Кафтырева Ермолки Собинина. Двор пресвятой богородицы Симонова монастыря а в нем живет дворник Парфенка Власьев бывал жилец Усольской осады Спасские волости. Двор пуст посадских людей Власки Рычкова да Микифора Плытова а в нем живет бобылиха. Место неведомо чье. Двор пуст Спасского монастыря что на Воче. Двор пуст посадского человека Васки Карманова. Место пусто посадского человека Ондрюшки Гаврина. Двор пуст а на нем шесть изб посадского человека Першицы Игнатьева с товарищи в длину 9 сажен. Двор пуст а на нём шесть изб длина 7 сажен. Место пусто. Двор пуст. Двор пуст Федорова крестьянина Зиновьева (помещика - Д.Б.) Микиты Кудасова. Двор пуст бывал посадского человека Петрушки Сорокоумова. Место пусто. Двор пуст посадского человека Шестака Бобыля.

Двор пуст посадского человека Дружинки Богданова прозвищем Голубина. Двор посадского человека Ивашки Уткина.

Да у Соли на посаде двор Троицы-Сергиева монастыря вдоль от ворот 29 сажен да того ж двора огороду вдоль 31 сажен а живет в том дворе старец троицкий Феофан Чижов да слуги монастырские а бывало то место луговое посадского человека Ортея во иноцех Авраамия Скулина а владеют троицкие по вкладной 7107 года да против огорода на другой стороне дороги огород троицкий а владеют по данной 7136 года, а дал посадский

человек Вторушка Михайлов. Место дворовое троицкого бобыля Кубаски Иванова. Двор троицкого бобыля Баженки Григорьева. Двор троицкого бобыля Гришки Коновалова пуст да еще три двора троицких бобылей.

На другой стороне подле монастырского троицкого двора двор троицкого бобыля и еще четыре двора троицких бобылей. Место пусто и судовая пристань вдоль по берегу по Костроме реке 60 сажен. Да от тех же дворов пошло подле реки Костромы на низ и вверх исадное место судовая пристань и тележной проезд всяким людям и по всему берег поперег 9 сажен. Двор троицкий плотник Дружинка Григорьев.

В Новенской в Большой улице дворы посадские: двор бобыля Першица Игнатъев сын Извоцин подле улицы от троицких дворов, что к реке Костроме поворота 8 сажен. Двор нищая кормится по миру. Да на посаде ж на Новом церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы деревянна клеткая да придел Покрова Пресвятой Богородицы да теплая церковь Рождества Христова и церкви и церковные образа книги и свечи и сосуды и колокола и все церковное строение мирское приходных людей. Да к Рождеству Христову дано на фимиан да на ладан по государевой царевой и великого князя Михаила Федоровича жалованой грамоте с приезжего человека кто приедет с торгов или по соль в лавки по деньге с человека, да пожня на реке на Воче. Да на монастыре 3 келии в ней просвирица Федосиха а в двух келиях живут старицы а под келиями и под кладбищем мера вдоль 33 сажени поперег 29 сажен.

В Верхней улице дворы: Двор Городецкого монастыря Аврамия чудотворца а в нем живет нищий Лука Иванов. Двор каменщик Семенов.

У Соли Галицкие на посаде монастырь Воскресенский а на монастыре церковь студеная во имя Воскресения господа и Спаса нашего Исуca Христа вверх шатром да в той же церкви вверху на полатях на правой стороне придел Происхождения честного животворящего нашего креста Господа да придел в переднем притворе пророка Илии да в том же монастыре церковь студеная ж невелика, клетки во имя Живоначальные троицы да в том же монастыре церковь теплая с трапезой а в ней три престола Богоявления Господня и Христа да придел Введения Пресвятой Богородицы да придел стратотерпца Дмитрия Селунского а в том Воскресенском монастыре келия игумена Антония, старца Феодосия келия старца Гурия келия старца Ионы да пономаря Панфилко да служебники трапезные Куземка Мартянов да Федка Павлов в келии Гришка Лукьянов да сын ево Зотка дьячек. Да у той же церкви Воскресения Христова служат поп Герасим Иванов да дьякон Василий Федоров а дворы у них белые писаны на посаде. А под тем Воскресенским монастырём под церквами и под келиями и под кладбищем

вдоль 88 сажень а поперег 37 сажень.

А церкви и в церкви образы книги и ризы и колокола и все церковное строение мирское приходных людей. Да лугу под монастырём вдоль 88 сажень поперег 71 сажень. Да Городецкого монастыря Авраамия чудотворца подле того ж лужек вдоль 24 сажени поперег 29 сажень. Да подле реки Костромы к тем лугам против троицких дворов с конца посада поляна а тут двор монастырский Авраамия чудотворца Городецкого монастыря что на Чухломе а живет в нем старец и служебники длина 37 сажень да промеж того двора и Симоновского двора улица Пробойная от Воскресенского монастыря.

На другой стороне Пречистенские удицы за рекою Костромою мельница монастырская Троицкая а мелют на монастырский обиход, тут же на берегу у реки Костромы винокурня государева кабацкая.

На той же на Новой улице против Рождества Пречистой великого государя светлейшего патриарха Филарета Никитича дворы а в них крестьян двор патриархов крестьян Васка Иванов 6 дворов. Позади тех патриарших дворов патриарших приказных людей 2 двора. А от улицы вдоль к кабаку 29 сажень. Большая улица Новая поперег 3 сажени, без чети да переулоч 3 сажени.

Московская улица.

Цикайловская улица. На посаде церковь в варницах древяна клетка с трапезою во имя великомученика Георгия а в церкви образы ризы и свечи и колокола и все церковное строение мирское приходных людей а под церковью и кладбищем вдоль 26 сажень поперег 20 сажень.

Улица Шешкова.

Улица Хвостова и переулоч на улицу Кобылицу.

Кобыльская улица.

Улица Курган.

Зарядье у харчевен.

Площадь у торгу — каменщики живут

Церковь великомученицы Параскеви нарицаемой Пятницы древяна клетка с трапезою да придел стратотерпцы Екатерины и все строение мирское.

Улица что ходят к Николе чудотворцу.

Новолоцкая улица.

На Наволоке церковь студена во имя чудотворца Николая шатровый вверх да в той церкви два придела, предел чудотворцев Кузмы и Димиана да другой придел Флора и Лавра да другая церковь теплая с трапезою древяна клетка во имя Преображения да в той же церкви придел на левой стороне Благовещения.

Переулоч Кобылицин к реке к Костроме.

Переулоч Лапотная Горка к реке Костроме.

На посаде ж за рекою за Костромою на берегу слободка Малая посацкая а владеют ею и оброк платят вместе с посацкими людьми Симонова монастыря старец Афанасий Корженской да служки Богдашка Григорьев тое слободских людей искали и то судное дело не найдено что оне имали в суде в сотной за пытку укажет в ней два двора и 4 места. В той слободке в переулке что на Костроме реке поперег 2 сажени. И всего в Малой слободке что во споре у посацких людей с Симоновским два двора бобыльских да двор каменщика. Кто должен платить оброк Симонов монастырь или посацкие люди.

За рекою за Костромою и за речкой Словенскою в Божедомской слободке улица проезжая поперег 2 сажени.

За рекою за Костромою слободки Успенская и Пушкарская и ров. У Соли Галицкие на посаде ж изба таможенная и с площадным приезжий местом длиной 6 сажен поперег 2 сажени. А амбары соляные стоят на государственной площадной земле. А амбар соляной полянщика Микифорки Борисова сына Плытова. Амбар князя Федорова крестьянина Засекина Сенки Федорова. Амбар соляной посадского человека Ивашки прозвище Васильева сына Журавина. Амбар соляной пуст Ивашки Краева. Амбар посадского человека Алешки Керзеина.

Амбар посадского человека Первушки Путилова сына Дерябина. Амбар посадского человека Вторушки Михачева. Изба людская Окологородней волости подле того амбара и подле Борисоглебской церкви еще пять амбаров.

На углу от тюрьмы да от Васькина амбара. Да тюрьма с тыном стоячим длина 9 сажен. Лавки, двор губного старосты Федора Мичурина.

Мясной ряд — три лавки мясные.

Большой ряд — три лавки.

Хлебный ряд — семь лавок.

Харчевни — 12.

у Соли Галицкой на посаде колодези и варницы соляные посадские, монастырские и детей боярских.

Колодез Погорихин а Костромитинов тож — Троица Сергиева монастыря владеют тем колодцам по крепостям 7094, 7099, 7122 и 7124 годов и бывал тот колодез солигадичских посадских людей. У того же колодезя варница Позориха с циреном (огромная скворода для выварки соли - Д.Б.) мерою две стены семь сажен, другие стены по пять сажен, да варница Костромитинова с циреном.

Колодез Успенский — место колодезя посадских людей Коротайко

Успенского да Степанки Ваулицина с товарищи владеют по старине.

Да в том же колодезе Матвеевы крестьяне Кафтырева Петунка Говоров владеют по купчей 7107 г. Да в том же колодезе при Святой богородицы Симонова монастыря рассол, владеют по вкладной 7125 года да в том же колодезе Троица Сергиева монастыря рассол а владеют по вкладной 7106 г. Да в том же колодезе Аврамия Городецкого монастыря рассол а владеют по государевой жалованой грамоте 7106 г. У того же колодезя посадского человека Коротайко Успенской варница с циреною. Да в той же варнице дровяное кладбище. На том же месте два колодезя пусты колодез Коробкинский да колодез Невольа оба завалились а владеют теми местами по купчим 7084, 7091, 7097, 7157 годов. У того же колодезя варница с циреною Ивана Семенова. А тоя варница Пресвятой богородицы Симонова монастыря а владеют по вкладной 7128 года. К той же варнице амбар соляной да дровяное кладбище.

Колодез Замостный — а из того колодезя посадскому человеку Коротайке Успенскому полчети колодезя. Да в том же колодезе раствору Дружинки да Степанки Ваулициных полчети да в том же Афонки Спиридонова да часть Филки Фатьянова, да в том же колодезе рассол Матвеевых крестьян Кафтырева, Петунки Говорова. В том же колодезе рассол Александра крестьянина Воейкова, Фелки Минина. Да в том же рассол Симонова и Троицкого монастырей. А бывало у того колодезя пять варниц. Да писцом Никите Ивановичу Ласкереву да подьячому Семену Осокину выборные посадские люди сказали в Замостном колодезе в среднем столбе и во чану четь Борисовы варницы и расолу в пусе, а бывала та четь варницы и расол посадского человека Семенки Олфеева, а Семенку Олфеева ссекли литовские люди во 7121 г.

Колодез Швак — из того колодезя посадскому человеку Коротанку Успенскому полчети рассолу, да в том же колодезе Шваке рассол посадских людей Дружинки да Степанки Ваулициных. В том же колодезе Ивана Ржевского крестьянин Афонка Спиридонов, да в том же колодезе посадскому человеку Вторушке Михайлову, да посадской жёнке вдове Матрёнке Третьяковская жена Собенина да в том же колодезе Александровы крестьяне да Троицы монастыря. У того же колодезя варница Троицкого Роспопина с циреною да амбар к ней соляной. Да к тем же Троицким варницам дровяне кладбище.

А выборные посадские люди сказали про то место бывали те места дворовые посадских тяглых людей.

Колодез Молоской — а в нем расолу полколодца Троицы Сергиева монастыря. Да в том же колодезе Троицы Сергиева монастыря пол полчети колодца а владеют по вкладной 7109 г. Да в том же колодезе рассол бори-

Подготовка публикации Д.Ф. Белорукова

соглебского попа что был на посаде пол полчети колодезя. Да в том же колодезе росол Городецкого монастыря что на Чухломе полчети колодезя а владеют по жалованой государевой грамоте 7130 г. Да в том же колодезе Матвеевы крестьяне Кафтырева Петрунке Говорову четь колодезя владеют по старине по духовной отца 7097 г. Да в том же колодезя Троицкая варница Богдана да Троицкий соляной амбар. Варница пуста.

Пречистой богородицы Симонова монастыря колодез Большой да колодез Малый у тех колодезей 3 варницы, — варница Костромка, варница Средняя и варница Новая с црены о той варнице Новая солигалицкие посацкие люди били челом что поставлена та варница на проезжей улице и тое дороги искали и по тому судному делу и по сыску та варница велено с тою дорожного места снести и поставить на своей монастырской земле и дорогу велено очистить.

Колодез Пролом — а в нем посацкому человеку Семенке Верзелину росолу полчети. А в том же колодезе росолу вдове Федоски Кормановской пол полчети. С того же колодезя росолу борисоглебского попа Ондreja пол полчети. В том же колодезе росолу Александрову крестьянину Воейкову Федке Минину пол полчети. В том же колодезе росолу Аврамия Городецкого монастыря что на Чухломе четь колодезя по государевой жалованой грамоте. Да в том же колодезе росол галичанину сыну боярского Егору Федорову сыну Мичурину пол колодезя а владеют по купчей 7081 – 7104 гг. У того же колодезя варница **Тыркасова** с цареною Егора Мичурина. В той же варнице амбар соляной да дровяное кладбище. У того же колодезя варница **Ключиха** с циреною Аврамиева Городецкого монастыря.

Варница Хвостова с циреною Семенки Верзелина да вдовы Федорки Космановские жены Хвостова да Федки Минина Александрова крестьянина Воейкова полчети варницы что заложил ему во 7128 годе Куземка Каменной полчети варницы. У того же колодезя варница **Засериха** с циреною вдовы Матренки Третьяковской жены Кириллова да дровяное кладбище.

Колодез Говеда пуст завалился Федора да Григория да Егора Мичуриных а бывал к их же варницам.

Колодез Малый Детинец другой колодез **Малый же Детинец** а **Малиник** тож — оба пусты завалились а из тех колодезей росолу было посацких людей Дружинке Ваулицину полчети. Да ж том же колодезе посацким людям Семенке Верзеину да Вторушке Михайлову росолу полчети и пол полчети. Да в том же колодезе посацкой вдове Матренке Третьяковской жене Кирилова росолу четь.

Колодез Большой Детинец — а из него посацким людям Дружинке Степанке да Тимошке Ваулициним росолу полчети и пол полчети, а владе-

ют по купчей 7133 – 7137 гг. В том же колодезе посацкому человеку Филке Матвееву росолу полчети. В том же колодезе посацкому человеку Семенке Серзеину да Вторушке Михайлову росолу пол чети и пол полчети. Да в том же колодезе посацкой вдовы Матренки Третьяковской жены Кирилова расолу полчети. Да в том же колодезе Федору да Григорию да Егору Мичуринным расолу четь и полчети. А у того же колодезя варница Акимовская с циреною и Вторушке Михайлову половину варницы, Васке Яковлеву сыну Касаткину полчети варницы. Варница Савельевская с циреною а в ней Дружинке Ваулицину пол вариинцы, Филке Матвееву сыну Фатьянову половину варницы. Варница Иванчикова пуста без цирены. Место пусто Борисоглебской варницы. Варница Погорелка с циреною Федора да Григория Мичуриных да два амбара да кладбище. Варница Серкова с циреною Васки Яковлева да Ондрюшки Микитина. Тое же варницы колодез пуст засорился а бывал за Семейкой Верзеиним.

Колодез Сабинин — а в нем посацкому человеку Дружинке Ваулицину расолу четь. В том же колодезе посацким людям расолу Васке да Кирилке Середнициным пол колодезя без пол полчети. В том же колодезе расолу детям боярским Любиму да Богдану Микифоровым детям Мичуринным пол чети, а владеют по крепости дяди своего Федора Мичурина. Да к тому же колодезю варница Зуевская с циреною посацких людей Дружинки да Степанки Ваулицинных. Варница Лукинская пуста Любима да Богдана Мичуриных.

Колодез Боукин — пуст завалился, половина его была у Семенки Верзеина. Да тут же другой колодез Малой пуст завалился. Варница Подосенова пуста без цирены посацкого человека Семенки Верзеина.

И всего у Соли Галицкие на посаде тяглых и живущих посацких 24 двора и людей в них 33 человека да 19 дворов бобыльских а людей в них тож, да 91 двор пустых, да 105 мест дворовых и околгородних пустых и людей ж дворов и дворовых мест побили и разошлись без весно. Да место дворовое пустое спорное да два места пустых а бывали на них дворы для воевод и приказных людей. Да слободки Малые что у Симоновских посацкими людми в споре з двух дворов бобыльских оброку и пошрины 4 алтына. Да посацких же тяглых 39 дворов людей в них 51 человек а стали те люди в каменщики внов со 7131 году и тягла своего не тянут.

Да посацкие ж тяглые люди вышли с посаду за великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и вся Руси и живут 3 человека на его государевой земле. Да за монастырем Троице-Сергиевым пять дворов жилых людей а в них 6 человек да 8 дворов на посаде на тяглых местах. И всего посацких тяглых людей которые живут за великим государем патриархом Филаретом Никитичем и за монастырем и стали ка-

Подготовка публикации Д.Ф. Белорукова

менщики 49 дворов а людей в них 63 человека.

У Соли на посаде Воскресенский монастырь а в нем пять келий а в них игумен да 4 старца да 4 человека монастырских служебников.

На посаде ж в разных улицах каменщиков старых 26 дворов людей в них 33 человека тягла не платят.

Да у Соли на посаде на торгу на площади таможенная изба а таможенную всякую пошлину збирают на государя посацкие люди. Да позади таможенной избы была пудовая изба збирали в ней с соли пудовую пошлину, а ныне то место порожнее. Да по сторону таможенной избы, изба земская Окологородней волости крестьян. Да у Соли Галицкие на посаде на торгу живущих 25 лавок да 26 мест лавочных пусты посацких людей. Да 4 лавки губного старосты Федора Мичурина да 4 лавки Городецкого монастыря, да лавка троицкого крестьянина да 3 лавки волостных крестьян, да 4 лавки пушкарские, да 4 лавки каменщиковы, а всего 45 лавок живых да 28 пустых. Да на государеве на площадном месте пять амбаров живых.

Да у посацких же людей на площади 3 кузницы, кузницы пусты да у посацких же людей на их дворах 7 кузниц а в них 9 горнов. Да на богодельном месте 2 кузнецы. Да на троицком дворе у них крестьян 3 кузницы. Да у Соли Галицкой посацких людей в разных колодезях по выкладке по крепостям 3 колодезя с рассолы.

ОТРЫВОК ИЗ ДОЗОРНОЙ КНИГИ ГАЛИЧА 1620 г.

Дозорные книги начала XVII в. принадлежат к числу редких источников по истории России, поскольку большая их часть погибла в московский пожар 1626 г., уничтоживший архив Поместного приказа.

В этом пожаре сгорели и описи Галича, сделанные в начале XVII в. В частности, погибли «книги Галича города посаду писма и меры князь Никифора Мещерского да подьячего Феоктиста Тихомирова 136-го году», после чего в 1628 г. Никитой Ивановичем Беклемишевым был проведен новый дозор города.

Некоторые описи сохранились в копиях XVIII в., поскольку долгое время служили в качестве документов, подтверждавших права землевладельцев. Так, в Ивановском областном архиве хранится отрывок из дозорной книги Галича 1615 г.

Отрывок из дозорной книги Галича 1620 г. также дошел в копии XVIII в., ныне хранящейся в собрании рукописей ОИДР в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.*

*Если сравнивать эту опись с более поздней, проводившейся в 1628 г., то первое, что бросается в глаза, — ее чрезвычайная краткость, что связано с тем, что в первые годы после Смуты правительство интересовало размеры разорений, нанесенных русским городам польскими интервентами. В этом отношении опись Галича 1620 г. вполне сопоставима с описью Солигалича 1614 г., где также даны самые общие указания на численность населения города и ближайших пригородов**.*

*Подлинная выпись на записи за скрепою подписано тако: К сей выписи с книг приписал Никифор Дмитриевич Протопопов.

**Белоруков Д.Ф. Дозорная книга г.Солигалича 1614 г. // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры. Кострома, 1992. С. 32-38.

На основании публикуемой писцовой книги П.П. Смирнов сделал вывод о том, что за годы Смуты население Галича сократилось в 6 раз*. О судьбе некоторых галичан в эти годы можно узнать из других документов. Иные жители, как говорится в книге, «разбрелись порознь безвесно по разным городом и в понизовые городы», дворы других — «пожгли литовские люди, а посадских людей посекали». Впрочем, о числе жертв точных данных нет. Писцовая книга отмечает лишь те дворы, что запустели в годы Смуты. О возможных жертвах в живущих дворах мы знаем из других источников. Так, служилый человек Бусурман Белов погиб в 1619 г. во время штурма галичской крепости поляками — «в Галиче убили литовские люди на приступе в воротах, а после-де ево осталась одна жена его бездетна». И, поскольку его двором продолжали владеть племянники, двор отмечен в описи как живущий.

Опись рисует и бедственное положение галичан — подавляющее большинство населения принадлежало к бобылям — тем, кто по бедности не мог нести полное государево тягло и платил налог в половинном размере, и к нищим, у кого вообще не было средств к существованию. И, надо сказать, государство учитывало степень разорения Галича, вводя для неимущих различные налоговые льготы.

Вместе с тем, публикуемая писцовая книга — прекрасный источник сведений о занятиях галичан. Всего в ней упомянуты 43 специальности жителей этого города. Примечательно, что все профессии были связаны исключительно с местным сырьем и ресурсами.

На первом месте, естественно, стояли те, что были связаны с рыбным промыслом и торговлей рыбой. В этом списке лидировали рыбники (или рыболовы). Им принадлежало 20 дворов, причем многие еще имели и собственные лавки в торговых рядах, где продавали свежельовленную рыбу. С их обслуживанием, видимо, связана профессия судочника (1 двор) — ремесленника, который изготавливал судки или лодки.

Второе место занимали торговые профессии — Галич издавна славился рынком, где не только торговали оптом и в розницу, но и заключали торговые сделки. На первом месте здесь следует назвать щепетинников (8 дворов) — это могли быть и продавцы рыбы с возов, и торговцы щепетиньем — мелочным товаром. А вот среди прасолов — торговых посредников — существовало известное разделение труда. Были простые прасолы (6 дворов), видимо, интересовавшиеся любым товаром. По одному разу упомянуты рыбный и соляной прасолы, скупавшие оптом рыбу и соль.

*Смирнов П.П. Древний Галич и его важнейшие памятники // УЗ МГПИ им. В.П.Потемкина. Т. IX. Вып. 1. 1948. С. 105. АФЗХ. Т. III. М., 1961. С. 305. N 312.

Отрывок из дозорной книги Галича 1620 г.

Развита была в Галиче и обработка металлов. Одних только дворов, где жили кузнецы, насчитывалось 15 (три из них запустили в Смутное время). Разделение труда складывалось и здесь — в городе были свои железец, медник и оловянник, но их дворы прекратили существование в эпоху Смуты.

Немало профессий было связано с ткацким ремеслом. До Смуты в Галиче насчитывалось 8 дворов крашенинников, которые выделывали дешевые крашеные холсты. Выделкой пестрядины — грубой дешевой ткани, из которой шили повседневную одежду, занимался один человек, точно так же в единственном числе был и беляник, специалист по отбеливанию холстов. Было в Галиче и 4 двора полстовалов — валяльщикова войлока.

А вот среди портных существовало очень интересное разделение труда. Швецы (их в Галиче числилось двое) обычно выполняли весь объем работ — от раскроя ткани до пошива готовой одежды. А вот портные кропачи (4 двора) только кроили ткань. Надо сказать, что именно по этим профессиям русская Смута ударила наиболее тяжело. По описи 1620 г., в Галиче оставались лишь крашенинники — их продукция ввиду дешевизны и всеобщего разорения была наиболее ходовой — и 2 портных кропача: в трудное время галичане предпочитали шить одежду дома. Точно так же из города исчезли шапочники (1) и рукавишники (до начала XVII в. их было, соответственно, 1 и 6 дворов). Правда, бедствия не сказались на единственном в городе пуговичнике.

Развито было в Галиче и кожевенное ремесло. По описи 1620 г., в городе значились 1 сыромятник и 6 кожевников (из них 2 сгнули в Смутное время). Напрямую с кожевенным делом было связано сапожное мастерство. Однако Смута привела к тому, что из 5 сапожников в Галиче не осталось ни одного, зато 3 двора принадлежало сапожным кропачам, осуществлявшим раскрой кож для пошивки сапог. И это вполне понятно: самой ходовой обувью в разоренном войной городе были лапти.

Смута привела к упадку гончарного ремесла: из 5 дворов, принадлежавших горещникам, в 1620 г. жилых числилось только 2. То же можно сказать и о плотниках: из 4 в городе на момент описи остался 1. Исчезли из города и другие профессии, которые уничтожила Смута.

Тем не менее, профессии, связанные с животноводством, как ни странно, не пострадали. В городе были 3 пастуха, на чьем попечении, очевидно, было городское стадо, 4 двора принадлежало мясникам. Видимо, хотя многие главные источники кормов — сенные покосы и пожни — были утрачены, собственные мясо и молоко были и оставались для горожан серьезным подспорьем к столу.

Таким образом, писцовая книга 1620 г. является ценным источни-

Выпись из дозорной книги Галича 1620 г.

(л. 1) Выпись с книг писма и дозору Микиф<о>ра^{1а} Дмитриевича Протопопова.

Лета «7128» октября 3 де(нь) по Государеву Цареву^б и Великого князя Михаила Федоровича всея России указу и по наказу за приписью дияка Семена Головина Микифор Дмитриевич Протопопов, взяв с собою Галича посаду Спаского соборного протопопа Ивана Савельева да Спаских же соборных попов попа Тимофея да попа Иева, да Васильевского попа Игнатья, да Воскресенского попа Емельяна, да посадского земского старосту Филипея Егорьева, да посадских людей Семенку Ильина сына Захареина, Федосенка Григорьева сына Мыгина, Филипка Кирилова сына Ларионова, Власка Матвеева сына Копосова, Гришку Яковлева сына Пусилова, Васку Никитина сына Горошниковова, Паулина Олексеева сына Обоскурова, Павлина Осипова сына Калушкина, Василья Григорьева сына [...]^в, Якова Дмитриевича Нелидова, Гаврилку Петрова сына Куликова. А взяв с собою дозировать в Галиче в остроге и на посаде, дозря же переписать галичан посадских людей дворы черные, тяглые, живущие, в них людей по имяном с прозвищи и с братьем и с сынове и по соседских.

В лето 7127 в Галиче на посаде по дозору описано дворов тяглых и бобыльских и пустых порозжих мест старые пустоты, да пустых же мест, которые запустили в прошлом во 126 году от Литовского разоренья, и всяких нетяглых дворов, которые стоят на тяглой на черной земле, и то писано в сей книге поимянно порознь по статьям. В Галиче в остроге соборный храм Преображения Спасова, деревянная клеть. А у тое церкви служит протопоп Иван, да поп Тимофей, да поп Иев, да диякон Тимофей. А дворы их за острогом на посацкой на тяглой земле.

Да в остроге двор земской пуст, а на нем живали воеводы и приказные люди и посланики.

Двор боярина князя Ивана Семеновича Куракина. Двор столника князь Ивана Семеновича Голицына. Двор столников Бориса да Глеба Ивановичей Морозовых. Двор костромитянина сына боярского Ивана Давыдова сына Панова. Двор Ивана Иванова сына Бартенева. Двор Селиверста Сытина. Двор Ивана Семенова сына Сытина. Двор Данила Шанского. Двор Семена Лазарева. Двор Марии Басмановские жены Мисюрина. Двор Федора Сарафанова. Двор Бажена Сарина з братьею. (л. 1 об.) Двор Якова Лазарева.

Двор Андреяна да Никифора да Ивана Ляпуновых да Ильи Григорьева сына Черевиных. Двор Ивана Сытина. Двор Мурзы Шипова. Двор Олексея Френева. Двор иноземца Афонася Николаева сына Горняковского. Двор вдовы Марьи Отаевские жены Шанского. Двор Семена Вохрава. Двор Ивана да Пospела Сипягиных. Двор [...]г Михайловские жены Грязева. Двор Доменши Нелидова. Двор Петра Сытина. Двор Григорья да Ивана Верховских. Двор Богдана да Ивана Никитиных детей Полушкиных. Двор Игнатая да Федосея Олферьевых. Двор Елизаря да Емельяна Жараковских да Микифора да Петра Сумороковых да Ильи Богучарова. Двор Федора Стушкина да Михаила Верховского. Двор Ермолая Шипова. Двор Козменя да Совета Самойловых. Двор Матвея Голицына. Двор Офонасея Корина. Двор Бесона Невелского. Двор Григорья Пылаева. Двор Бесона да Григорья Карповых. Двор Давыда да Ивана да Игнатия да Василия Бороноволокных. Двор вдовы Антонида Улияновские жены Борноволокна. Двор Евсевья Сытина. Двор вдовы Марфы Ивановские жены Давыдовы. [Двор]а Богдана Семчиновские Племянникова. Двор Чудина Готовцева. Двор Федора Нелидова да Василья Лазарева. Двор Тимофея да Володимера Племянникова. Двор Иева Бартенева. Двор Якова Племянникова. Двор вдовы Настасии Егоревы жены Дробышева. Двор Стахея Сытина. Двор Леонтья Егорова. Двор Богдана Дробышева. Двор князя Бориса Львова. Двор вдовы Ографены Ивановские жены Сытина. Двор Дмитрея Готовцева с сыном с Микитой. Двор вдовы Авдотьи Васильевские жены Свинына. Двор Григорья Сытина. Двор вдовы Анны Смирновские жены Свинына. Двор Федора да Степана Чередовых. Двор Михаила Племянникова. Двор Федора да Богдана да Ивана Бортениковых. Двор Дмитрея да Василья Игумновых детей Беловых. Двор Ивана да Иаверьяна Кадниковых. Двор Онтреяна Свинына. Двор Федора да Агапия Шишпановых. Двор Гаврила Шипова. Двор князя Василья Волконского. Двор Федосея Шипова з братом з Борисом. Двор Ондrejaна Рылеева. Двор Никиты Рылеева. Двор Емельяна да Евстафея Карсакова. Двор Семена Апушкина. Двор Замятни Тиширова. Двор Тихомира Одлебина. Двор Третьяка Цыгорова. Двор Пятова Свинына. Двор Григорья Булгакова. Двор Ивана Фатьянова. Двор Дмитра Пляшкина. Двор десятиничей. (л. 2) Двор Елизарья да Ивана Рылеевых. Двор Семена да Ивана Перелешниковых. Двор Григорья Машкова. Двор вдовы Настасии Ратаевины жены Френева. Двор вдовы Марьи Ондреевские жены Племянникова. Двор Алексея Перелешина. Двор Кондратея Перелешина. Двор вдовы Федоры Богдановские жены Перелешина. Двор Третьяка Строева. Двор Смирнова Перфильева. Двор Ивана Перестницкого. Двор столника князя Ивана Андреевича Голицына. Двор Первова Апушкина. Двор Матвея Чередова. [Двор]е князя Дмитрея Львова. Двор Кирила Потчинкина. Двор Зва-

на Зиновьева з братьею. Двор Ивана Волосомоина. Двор Ивана Коровина. Двор Василья Шевелева. Двор Никифора Головина. Двор Фадея Апушкина. Двор Чаадая Сытина. Двор Леонтья Сытина. Двор Семена Рылеева. Двор Чудина Трунова. Двор Селчука Отя. Двор вдовы Марьи Степановские жены Фатьянова. Двор Петра Свинына. Двор подьячего Степана Борзунова. Да в Галиче в остроге дворы монастырские: осадный двор Успения Пречистыя* Богородицы новова монастыря; двор Успения Пречистыя³ Богородицы Паисеина монастыря; двор Фроловского монастыря, что у озера; двор Рождества Ивана Предтечи Железного Борку. А на тех боярских и монастырских дворах живут их дворники да посадские ж люди, государева тягла и оброку не платят. Да в остроге ж отмерено местов дворовых под дворы, и дворов не ставили: место дячее; место Леонтья Бартенева; место Петра Перелешина; место Никитиы Цыгорова; место Федора Зиновьева; место Никиты Свинына; место Игнатья Кадникова; место Петра Апушкина; место князя Замятни Мещерского; место вдовы Ульяны Куниновские жены Перелешина; место Лукияна Сытина; место Ионы Апушкина; место вдовы Авдотьи Игнатьевы жены Свинына; место Константина Волосомоина; место Петра да Олферья Апушкиных; место Григорья Апушкина; место Семена Готовцева; место Ивана да Евсегнея Френеых; место Черкаса да Федора Макаровых; место Клементя Свинына. В остроге ж: место Николского монастыря с посада игумена Иева; место Рождественского попа Григория; место Благовещенского попа Тимофея; место села Реброва попа Василья; (л. 2 об.) место посадского человека Ивашка Шевничина. Да в остроге дворы осадные галичан посадских людей пустые, а они живут на посаде: двор Офони Занина; двор Филипка да Офонасья Смирновых; двор Якова Занина; двор Митрея Шилякова; двор Ивашки Ермолина; двор Мишки Исакава; двор Мишки Серебрина; двор Власка Матвеева; двор Захарка Зиновьева; двор Карпушки Копосова; двор Осятка Кирилова. Да в остроге дворов пустых мест Галича посадских людей пятьдесят семь мест. За острогом ме(ж) Шатины и Галибины улицы храм приходной во имя царь Костянтина, а у того храма служат два попа да дякон, а живут на посадской на тяглоу на черной земле. Во дворе вдовый поп Иван Капустин. Во дворе поп Стахей Романов сын Капустин. Во дворе дякон Иосиф. Да у того ж храма на тяглоу на черной земле семь избушек, а вних живут пономарь да шесть человек нищих, питаютца от церкви по приходным людем. Да в Галиче на посаде меж Нечистая и Ковалевы улицы был храм приходной Божия Рождество Христово, а у того храму служили два попа да дякон, да вдовой поп. А живут на посаде на тяглоу на черной земле. Во дворе поп Тимофей. Во дворе поп Еремей. Во дворе вдовой поп Фрол. Во дворе дякон Федор. Да у того храму на тяглоу на черной земле шесть избушек, а в них живут

пономарь да проскурница, да четыре человека нищих от нее кормятца по приходным людям. А тот храм Рождество Христово в прошлом «127» году литовские люди и черкасы сожгли и вдоваго попа ссекли. В Галиче же на посаде у Рыбного ряду приходной храм во имя Богоявление Христово. Да у того ж храму два попа да пономарь, а живут на посадской на тяглой на черной земле. Во дворе поп Ларион. Во дворе Богдан Мокеев. Во дворе пономарь Ивашко Романов. Да у того ж храму пять избышек на посадской на черной на тяглой земле, а живут в них нищие, а питаютца от церкви приходными людьми. В Галиче же на посаде на Съезжей на Торговой площади во имя храм Огняное Восхождение Илья Пророк, а у тое церкви служит поп Кирило, а живет на посадской на тяглой на черной земле. В Галиче же на посаде (л. 3), идучи к Торговья площади з Болшие Пробойные улицы направо храм приходной во имя Воскресение Христово, а другой храм Егорей страстотерпец, а у тех храмов служат два попа да два пономаря, а живут на посадской на тяглой на черной земле. Во дворе поп Емельян. Во дворе поп Семион. Во дворе пономарь оной Френко. Во дворе пономарья Кирилко. В Галиче же на посаде на Пробойной улице храм приходной во имя Христовы мученицы Варвары, а у того храму служат два попа. Во дворе поп Федор. Во дворе поп Еремеико. Во дворе пономарь Богдашко. А живут на посадской на тяглой на черной земле. В Галиче же на посаде в рыбной слободе нат озером храм приходной во имя Василей Кесарийский, а у того храму служат: во дворе поп Игнатей; во дворе пономарь Федка Чупрун. А живут на посадской на тяглой на черной земле. В Рыбной же слободе храм во имя святых нарицаемые Пятницы, а у того храму служат два попа: во дворе поп Григорей Борисов; во дворе поп Григорей Тарасов; во дворе пономарь Петрушка. Да у того храму пять избышек на посадской на тяглой на черной земле, а в них живут нищие, а питаютца от церкви приходными людьми. В Галиче же на посаде на концу^а Рыбные слободы храм во имя Якима и Анны, а у того храму служат: во дворе поп Устин; во дворе поп Афонасей. А живут на посадской на черной на тяглой земле. В Галиче же на посаде живущие тяглые дворы: - в Шатине улице со всполья к острогу, а в ней: во дворе Пятрушка Ковезин, сапожной кропачь; во дворе Гаврилко Ветошкин, щепетинник; - да налево к Галибине улице и острогу: во дворе Ромашка Осипов сын, кузнечь; во дворе Первушка Бесонов сын, кузнечь; во дворе Михайло Исаков сын Позняков; во дворе Петрушка Семенов сын, кузнец; во дворе Филка Иванов сын, винокур; во дворе Фомка Осипов сын, кузнец; - в Галибине улице, а в ней: во дворе Ивашко Семенов сын, сапожной кропач с сыном с Ивашкой; во дворе Платошко Гаврилов сын, сыромятник; - улица Нечистая сверху от Козмы Дамьяна к острогу, а в ней: во дворе Мишка Ермолаев сын, владеющий пестерниною; во дворе

Филипко Кирилов сын, щепетинник; во дворе Петрушка Григорьев сын, прянишник; во дворе Ивашко Харламов сын, щепетинник; (л. 3 об.) во дворе Савинко Дементьев сын, прасол; - переулок Бочкин из Нечистой улицы: во дворе Паршутка Кузмин сын, щепетинник; во дворе Лучка Дмитрев, крашеник; - по реке по Кешме переулок к Богоявлению Христову и монастырь: во дворе Трофимко Семенов, крашеник; - от Рыбного ряду на Пробойной улице против Мяснова ряду: во дворе Дмитрешко Леонтьев сын Шиляков, щепетинник; - около монастыря Троицы Живоначальной: во дворе Захарко Зиновьев с сыном с Корнилком, мясники; во дворе Терешка Кузмин, щепетинник; - з Болшие Пробойные улицы к озеру Новая улица, а в ней: во дворе Офонка Афонасьев сын Рудной с сыном Тимошкою, рыбники; во дворе Филипко Горьев сын Малгинов, соляной прасол; - по Пробойной Большой улице к озеру, а в ней: во дворе Семенка Исаков сын з братьею со Якушкою да с Ондrejaшкою, щепетинники; - в Рыбной слободе: во дворе Гаврилко Петров сын куликов з братом с Михайлом, рыбники; во дворе Захарко Оксентьев, рыбник; во дворе Митка Костомин с сыном с Михайлой, рыбники; во дворе Дмитрешко Неверов, рыбник; во дворе Петрушка Козманов, щепетинник; во дворе Ондрюшка Обрасимов, рыбник; во дворе Максимко Оботуров, прасол; во дворе Митка Крусанов, рыбник; во дворе Ондрюшка Григорьев, щепетинник; во дворе Бориско Власьев сын, прасол. Да в Галиче же на посаде дворы бобыльские: - в Шатине улице со всполья к острогу: во дворе бобыль Полунка Прокофьев; во дворе бобыль Ивашко Овдокимов; во дворе бобыль Филипко Иванов сын, оконник; во дворе бобыль Пятрунка, пугвишник; во дворе бобыль Семенка Данилов сын, крашеник; - да налево к Галибине улице и острогу: во дворе бобыль Окинфейко Иванов, беляник; во дворе бобыль Авдокимко Трифанов сын; во дворе бобыль Михалко Модин сын, кузнец; во дворе бобыль Первушка Исаков сын Чернова, прасол; во дворе бобыль Митка Осипов сын, кузнец; во дворе бобыль Фролко Осипов сын, кузнец; - переулок к Галибине улице от царя Костентина: во дворе бобыль Питрушка Первов сын, седелник; - в Галибине улице: во дворе бобыль Ульянко Олтуфьев сын, мясник; - улица Нечистая сверху от Козмы Домьяна к острогу, а в ней: во дворе бобыль Тимошка Дмитрев, (л. 4) крашеник; во дворе бобыль Дружинко Иванов сын з братом Марком, горшечники; во дворе бобыль Федулко Дмиртреев, медник; во дворе бобыль Семенка Онисимов, огородник; во дворе бобыль Прощка Иванов, прасол; во дворе бобыль Родионко Фадеев з братом с Ывашком, крашеники; - от Рожества улица Ковалева, а в ней: во дворе бобыль Богдашко Савельев, колесник; во дворе бобыль Дружинка Савельев з братом с Ысаком, кожевники; - по реке по Кешме к Галицкому озеру от острогу: во дворе бобыль Офонка Семенов з братом с Тимошкою, рыбник;

Отрывок из дозорной книги Галича 1620 г.

во дворе бобыль Парфенко Кузминов, кожевник; во дворе бобыль Ларка Малафеев, крашенинник; - от реки от Кешмы к Галицкому озеру к Бочевскому: во дворе бобыль Матеинко Дорофеев, судочник; во дворе бобыль Агафонко, кожевник; - улица Денгина, а в ней: во дворе бобыль Онисимко Савельев, кожевник; во дворе бобыль Матюшка Третьяков сын Ерыкалов сын, рыбный прасол; - от реки от Кешмы переулоч к Торговой площади: во дворе бобыль Офонка Степанов сын, кузнец; во дворе бобыль Бавешко Тимофеев сын, портной кропачь; - переулоч от Богоявленского монастыря к Троице Живоначальной: во дворе бобыль Тренка Иванов сын, кузнец; - от Рыбного ряду к Пробойной улицы к кабаку: во дворе бобыль Ониска Леонтьев сын, кузнец; во дворе бобыль Бавешко Тимофеев сын, портной кропачь; - около Троицы Живоначальной монастыря: во дворе бобыль Стахейко Карпов сын, винокур; - з Болшие Пробойные улицы к озеру Новая улица, а в ней: во дворе бобыль Якимко Гаврилов, рыбник; во дворе бобыль Петрушка Федоров сын Кренев, рыбник; во дворе бобыль Федосейко Григорьев сын, рыбник; - по Глиннику к озеру: во дворе бобыль Ермолка^к Темрюков, мясник; - улица от Глинника г Болшей улице к озеру: во дворе бобыль Ермолка Пантелеев сын Рудомазин, кузнец; во дворе бобыль Гришка Пужилов, мясник; - в Рыбной слободе у озера: во дворе бобыль Павелка Осипов с сыном с Ыгнашкою; во дворе бобыль Гарасимко, плотник; во дворе бобыль Ивашко Русинов сын Боловнин, рыбник; во дворе бобыль Первушка Панин з братом за Гаврилкою, рыбники; во дворе бобыль Ермолка, кузнец; во дворе бобыль Ивашко Сысуев з братом с Михалком; во дворе бобыль Васка Нефедьев, рыбник; во дворе бобыль Дружинка Никитин сын Сягалова, рыбник; во дворе бобыль Меншичко Черной, рыбник; (л. 4 об.) во дворе бобыль Семенка Данилов сын Саплиева, рыбник; во дворе бобыль Семенка Карамышев; во дворе бобыль Панкратко Гаврилов сын Брязгина Панкратко Гаврилов сын Брязгина, рыбник; во дворе бобыль Левка Немиров, рыбник; во дворе бобыль Кирилка Григорьев сын Копаныгин, рыбник; во дворе бобыль Михалко Семенов сын Зарубин, рыбник; во дворе бобыль Поздейка Обрезов, рыбник; во дворе бобыль Ивашко Новиков, рыбник.

И всего в Галиче на посаде живущих тяглых тритцать пять дворов, а людей в них сорок три человека, а Государева оброку с тех живущих дворов з двора по десяти алтын на год. Итого оброку десять рублей шеснатцать алтын четыре денги на год. Да в Галиче же на посаде бобыльских шездесят два двора, а людей в них шездесят девять человек, а Государева оброку с тех бобыльских дворов з двора по пяти алтын на год. Итого з бобыльских дворов девять рублей десять алтын на год. И общего тягла с посадских и бобыльских дворов Государева оброку на год девятнатцать рублей дватцать

шесть алтын четыре денги. А сошного писма в живущех пол чети сохи. Да в Галиче же на посаде на черной на тяглой земле, а живут в избах, которые посадские люди обнищали и вдовы нищие, а мужних и дети посечены в приход литовских людей в прошлом во «127» году, а Государева тягла по оброку с подских людей не тянут: - в Шатине улице со всполья к острогу, а в ней: во дворе нищем нищая вдова Лукерьица Макарьева дочь, Гарасимовская жена Кондратьева; во дворе нищем нищей Васка Артемьев; во дворе нищем нищая вдова Катеринка Федорова дочь, Никитинская жена Тонкова; во дворе нищем нищей Фатка Тароканов; во дворе нищем нищая вдова Марьица Андреева дочь, Оряфинская жена Тороканова; во дворе нищем нищей Васка Исаков; во дворе нищем нищей Богдашко Моколя; во дворе нищем Никитка Трифанов, пастух; во дворе нищем нищая вдова Лукерьица Иванова дочь, Тонковская жена кузнеца; - да на левой к Галибине улице от острогу: во дворе нищем нищая вдова Олександрица Нехорошевская жена кузнеца; во дворе нищем нищей Меркушка Прудавской; во дворе нищем Данилко Богодинников; - в Галибине улице, а в ней: во дворе нищем нищая вдова Марьица Филипова дочь, Михайловская жена Шелца; во дворе нищем нищей Бориско Никулин; - улица Нечистая сверху от Козмы Домьяна к острогу: во дворе нищем нищей Огафонко Яковлев; - да от Галибины улицы (л. 5) к острогу: во дворе нищем нищая вдова Степанидка Сидорова дочь, Павловская жена сапожника; во дворе нищем нищей Захарко, сапожной кропаль; во дворе нищем нищей Олешка, сапожной кропаль; - да у Рожества Христова на монастыре: во дворе нищем нищей Никитка Марков; во дворе нищем нищей Добрынка Денисов; - да от озера к улице х Ковалева: во дворе нищем нищей Ивашко Иванов; во дворе нищем нищей Онтошка, горшечник; во дворе нищем нищая вдова Офимьица Карпова дочь, Дмитревская жена сотника; - "по реке по Кешме: во дворе нищем" нищей Ондрюшка Ипатьев; во дворе нищем нищей Фомка Суминов; - да от реки от Кешмы переулоч к озеру на Бочевни: во дворе нищем нищей Федка, портной кропач; во дворе нищем нищей Пронка Иванов Гогара; - да от Богоявленского монастыря к Торговой площади у Рыбного ряду: во дворе нищем нищая вдова Оленка Купреянова дочь, Родионовская жена кузнеца; - да от кабака переулоч к Троицкому монастырю: во дворе нищем нищая вдова Ховроньица Григорьевская жена оловянника; - от кабака по Болшей улице к Галицкому озеру: во дворе нищем нищей Срешка Тимофеев; во дворе нищем нищей Ивашко Мокрец; - да по Глиннику к озеру: во дворе нищем нищая вдова Афянида Селиверстова дочь, Онтоновская жена Немирова; во дворе нищем нищая вдова Марьица Григорьева дочь, Протасьевская жена Зуева; во дворе нищем нищая вдова Олясавка Жданова дочь, Федоровская жена Стафурова; во дворе нищем нищая вдова Татьяна Ермолина дочь,

Отрывок из дозорной книги Галича 1620 г.

Яковлевская жена Богодинина; - в Рыбной слободе: во дворе нищем нищя вдова Марьица Дмитриева дочь, Константиновская жена Куфтина; во дворе нищем нищя вдова Феклица Афонасьева дочь, Яковлевская жена Копаныгина; во дворе нищем нищей Бориско Кочергин; во дворе нищем нищей Ивашко Куфаев; "во дворе нищем;" во дворе нищем нищей Заметейкак пастух; во дворе нищем нищя вдова Оринка Федулова дочь, Дмитревская жена Немирова. В Галиче на посаде на тяглой на черной земле места дворовые пустые детей дворовых мест дворы в прошлые во «117» и во «127» году пожгли литовские люди, а инные посадские люди розбрелись порознь безвесно по розным городом и в понизовые городы: - в Шатине улице со всполья к острогу: место Пронки Игнатъева; - да налево к Галибине улице: место Фторушки Макарова; место Гришки Нехорошева; место вдовы Оринки Григорьевы дочь, Васильевские жены Федулова; место Гришки желесца; место Обросятки рукавишника; место Вторушки Сидорова; место вдовы Епистемьянки Фомины дочь, Звановские жены масленика; (л. 5 об.) - в Галибине улице: место Николки Петрова; место Богданки Лодыгина; место Гришки рукавишника; место Семенки сапожника; место Максимка крашенинника; двор пуст Паршутки Ковезина; двор пуст Осипка бирича; двор пуст Овтюха Сидорова; двор пуст Костюнка Михайлова; место Ондрюшки Клушина; место Федки Иванова сына Сварухина; место Первушки Макарова; место Максимка Макарьева; место Ивашка Головня; место Ивашки Крицкого; место Грязнутки Шипунова; место вдовы Федосьицы Шестаковские жены жорновика; - улица Нечистая сверху от Козмы Домьяна к острогу, а в ней: двор пуст Захарка сапожника; место Спирки рукавишника; место Евстифейка рукавишника; место Вахрамеика Бородатого; место Федки Бородатого; место Елфимки Бородатого; место Тимошки Вахрамеева; место Ивашка Сая; место Офони Шалачи; место вдовы Авдотьицы Филиповой дочь, Еремеевские жены Недорезова; место Якушка Иванова; место вдовы Анницы Офонасьевы дочь, Сергеевские жены сапожника; место вдовы Авдотьицы Ефремовские жены Вареникова; место Авдотьицы Кириловы жены Панкратова; место Савки горшечника; место Дружинки Головина; место Федулка Дмитреева; место Добрынки горшечника; место вдовы Окулиных Меншиковские жены Малова; место Томилки рукавишника; место Ивашка шапошника; место Незговорка полстовала; место Васки Ондреева; место Вьюшки Корякина; место Савки Панкратьева; место Олешки Панкратьева; место Якунки Басова; место Добрынки Жукова; место Первушки горшечника; место Куземки Москвитина; место Федулка Кирилова; место Вахромеика Филипьева; место Богдашки Березина; место Митки Петелина; место Илеики Федорова; место Мишки Игнатъева; место Ермолки Бедовицины; место Ермолки Протопопова; место Семенки Пыхтина; место Ивашка

Подготовка публикации А.Г. Авдеева

Ушени; место Богдашка Никифорова; место Степанка Овдеева; место Федки Иевлева; место Федки Дружинина; место вдовы Варварки Алексеевские жены кузнеца; место Степанка Шелканова; - в Бочкине переулке: место Ивашка Хабазова; место Митки Лапина; - на всполье к острогу в Галибине улицы: место Сысуика Афонасьева; место Серешки Онисимова; место Бесонка полстовала; место Гарки Олсуфьева; место Михаила свешника; - от Рожества Христова (л. 6) улица Ковалова: место Куземки Васильева; место Тренки Скепаря; место Куземки Малцова; место Митки рукавишника; место Мишки Федорова; место Якунки Кузмина; место Федки Шеломова; место Нефедки Кузмина; место Ивашка Никифорова; место Гришки Путятина; место Федки Мутовки; место Ивашки дудора; место вдовы Овдотьицы Сидоровские жены кожевника; - по реке по Кешме от острогу к Галицкому озеру: место Ивашка Ондреева; место Петрушки Гладыша; место Степанка Иванова; место Васки кожевника; место Захарка Савельева; - на Бочевни от озера: место Афонки Батмана; место Гришки Губина; место Васки Лифина; место Гришки Зеленина; место Дружинка Сынковского; место Терешки Шовырина; место вдовы Матренки Ивановские жены Литцкого; место вдовы Оринки Ефимьевские жены Лифина; - по реке по Кешме по обе стороны: место Савки Лунина; место Якушка Пересыпина; место Самсонка кожевника; место Тихонка Ильина; место Мишки Онисыина; место Емелки Спресенского; место Илеики Хиврина; место Якушки Хвостова; место Позняка Пялицына; место Ильи кожевника; место земское; место Ивашка Падуна; - в Денгине улице: место Пронки Кашина; место Митки Филипова; место вдовы Дарьицы Меншиновские жены кожевника; место вдовы Дарьицы Пахомовы дочь, Григорьевские жены кожевника; место Климка Привиткова з братьею; место Илеики сапожника; место Емелки Болотина; место Васки Спресенца; место Игнашки Званова; место Гаврилка Алтуфьева; место Кирилка Преснецова; место Пахомка Власова; место Митки Панина; место земское, что было Гришки Шиликова; место Данилка крашенника; - да около Богоявления Христова: место Третьяка Савянского; место Пятунки Совянского; место Лунки Макарова; место Дмитрейка Гладкова; место Ивашка Логинова; место Ондрюшки Матюшкина; место Куземки плотника; место Семенки Данилова; место Панки Иванова; место Ондрюшки Парфеньева; место Васки Голубина; место Давыдки Власьева; место Тренки Городчякова; место Рамашки Афонасьева; - около Троицкого монастыря: место Петрушки Олюшинского; место Васки Тарунинского; место Семенка замошника; место Панаска Иванова; место Ондрюшка Бакани; место Васки Иванова; место вдовы Авдотьицы Григорьевы дочь и Лазаревские жены Шиликова; место Федоры Кондратьевой дочери, Матвеевские жены Копосова; место Ивашка Поделского; - с Пробоинья Болшие улицы в

Отрывок из дозорной книги Галича 1620 г.

Новой улице: место Гришки Лопаты; место Климки седелника; (л. 6 об.) место Тренки Исакова; место Семенки Авденина; место Микитки Шарина; место Спирки плотника; место Гарилка Пятепалова; место Стахейка Истомина; место Мартьянка Первова; место Семенки Щербака; место Кондрашки Грыжавина; место Тренки Пренева; место Трофимка дьяка; место Тренки Васильева; место вдовы Натальицы Родионовой дочь, Тарасовские жены Коренкова; место Емельки Баранбанова^л; - по Глиннику в Тихонове улице: место Матешки Леонтьева; место Шалицы портнова кропача; место Куземки Самсонова; место Петрушки Титова; место Игнашки; - под озера: место Селиванка Ермолина; место Ондрюшки Пиртяпина; место Осипки портнова кропача; место Брагинское; место Осипка Олтуфьева; место вдовы Марьицы Федотовские жены Смородинина; место Васки иконописца; - на Болшей на Пробойной улицы к озеру: место Елизарка Лытина; место Семенки Болотникова; место вдовы Татьянки Семеновы дочь; место Панкратки Сонины; место Богдашка да Фалалеика Бабонеговых; место Калинки Сартылова; место Ларки Тестеникова; место Онтошки Озерова; место Кондрашки Ершова; место Пятунки Титова; место Нянятки Нохрина; место вдовы Настасьицы, Завьяловы дочь; место Олешки Поспелова; место Родки Рудомазина; место Аверки полстовала; место вдовы Матренки Ивановы дочь; место вдовы Оленки Осиповские дочь, Мокеевские жены Терентьева; место Матренки Лаврентьевы дочь, Гарасимовские жены швеца; место вдовы Марьицы Семеновские дочь, Ивановские жены Лаврова; - в Рыбной слободе: место Мокеика Букова; место Ларки Зобенина; место Фролки Агеева; место Бориски Меншикова; место Меншичка Чорнова; место Неупокоика Манылова; место Ивашка Окулова; место Онохи Решетова; место Потапка Мокеева; место Ивашка Некрасова; место Митки Крусанова; место Кирилка Михайлова; место Васки Титова; место Ивашки Носа; место Кондрашка Фролова; место Илеика Милетина; место Гришки Трифанова; место Фролки Вареникова; место Савки Сидорова; место Васки Зарубина; место Тихона Фролова; место Ермолки Вощеникова; место Шестачка Филипова; место Соболя Федорова; место Игнашки Фатеева; место Васки Жданова; место Ониски Жданова; место Костки Куфаева; место Ларки Меншикова; место Олешки Пенкина; место Мелешки Петрова; место Гарасимка плотника; место Ондрюшки Окулова; место Левки Оринина; место Фалалеика Андреева; место Ивашка Вардина; место Ивашка Некрасова; место Добрынки Федорова; (л. 7) место Меншичка Оринина; место Еремки Карпова; место Ивашка Карпова; место Гневашка Кондратьева; место Тренки Бабушкина; место Вахрушки Берсенова; место Ивашка Берсеня; место Михалка да Тренки Офонасьевых детей Бочянина; место вдовы Татьянки Архиповы дочь, Онисьевские жены Малцова; место Якушка Ондреева; место

вдовы Марьицы Никифоровы дочь, Федосеевские жены Пашина; место вдовы Марьицы Кириловы дочь, Семеновские жены Окулова; место Ивашки Павлова; место вдовы Устиньицы Ивановы дочь, Васильевские жены Гаврилова; место вдовы Настасьицы Савельевы дочь, Первовские жены Опалаева; место Михалка Евсеева; место Тимошки портнова швеца; место Евсегнешка Ондреева; место Силки Окулова; место Мокейка Букова; место Ивашка Семенова; место Софронка Ондреева; место вдовы Матренки Корнеевы дочь, Леонтьевские жены Кунина; место Афонки Парамонова; - от Галицкие торговые площади подле Ямской слободы: место Тимошки портнова швеца. В Галиче же на посаде на черной на тяглой земле дворы и дворовые месте, а владеют ими архимариты и игумены и галицкие помещики, дети боярские и приказные люди и стрельцы и розсылщики и пушкарники и воротники и московские торговые люди, а во дворах их живут дворники, а Государева тягла по оброку с посадскими людьми не платят: - в Шатине улице: двор Григорья Панкратьева, московского веденца, а в нем живет дворник вдова Дарьица; во дворе стрелец Левка Исаков; во дворе стрелец Купреянко Григорьев; во дворе воротник Агафонко Тузнев; двор московского веденца Семена Облезова, а в нем живет дворник пушкарь Степанко Барняков; - да налево к Галибине улице от острогу: во дворе пушкарь Фторушка Иванов; двор Рождества Ивана Предотечи Железного Борку; - в улице в Галибине: двор галичанина сына боярского Дмитрия Давыдова сына Готовцева, а в нем живет дворник розсылщик Нестайко Смирнов; - в Нечистой улице сверху от Кузмы Домьяна к острогу двор воротников Тренка Вакорин; во дворе стрелец Федька Елизаров; во дворе розсылщик Трофимко Обрядин; двор столников Бо<ри>са да Глеба Ивановских детей Морозовых, а в нем живут их дворники; - да с всполья к острогу от Галибиной улицы: во дворе стрелец Гаврилка Афонасьев; во дворе стрелец Богдашко Макушин; во дворе стрелец Олешка Родионов; во дворе розсылщик Терешка Родионов; во дворе стрелец Ортушка Иванов; - по реке по Кешме к озеру: двор Успения Пречистой Богородицы Новова монастыря, а в нем живет дворник Семенка Ондреев; - в Денгине улице: (л. 7 об.) во дворе стрелец Терешка Цылянов; двор Троицкого слуги Черкаса Бабевьского, а в нем живет дворник его Богдашко Херов; - от реки от Кешмы к Богоявленскому монастырю: во дворе стрелец Сидорко Яковлев; во дворе губной дьячек Микифорко Иванов; во дворе губной дьячек Илеика Семенов; во дворе съезжей избы подьячей Федка Кусынин; во дворе стрелец Богдашко; - по низу по Большой <по> Пробойной улице: во дворе воротник Тимошка Клипанов; во дворе вдова Федора Гурьева дочь, попадаья Богоявленского попа Семюна Протопопова; во дворе вдова протопопица Спаского соборного протопопа Сергея Панфильева Марьица Иванова дочь; во дворе стрелец Ивашко

Отрывок из дозорной книги Галича 1620 г.

Фетинин; двор галичанина сына боярского Алексея Леонтьева сына Перелешина; во дворе розсылщик Лучка Пожарин; двор галичанина сына боярского Третьяка Иванова сына Свиньина; двор Аврамья Городецкого монастыря; - в Новой улице: во дворе стрелец Офонка Антипин; двор галичанина сына боярского Ивана Петрова сына Зиновьева з братьею; во дворе розсылщик Тренка Мятишня; - да от Глиннику к озеру: во дворе стрелец Гришка Темрюков; во дворе воротник Пронка Гушин; двор галичанина сына боярского Мурзы Иванова сына Таикова; во дворе стрелец Тишка Неупокоев; во дворе бирич Васка Дмитриев; во дворе воротник Пашка Сажин; во дворе стрелец Савка Чокотов; во дворе Титко Онанин; во дворе Васка Фролов; двор галичанина сына боярского Захаря Дробышева; двор галичанина сына боярского Ратая Френева; двор галицкого губного старосты Петра Перелешина; во дворе пушкарь Гришка Рудомазин; двор галичанина сына боярского Захарья же Дробышева другой; во дворе розсылщик Ивашко Сидоров; во дворе пушкарь Ивашко Гаврилов; - в Рыбной слободе: во дворе стрелец Федка Третьяков; во дворе стрелец Федка Завьялов; - от Галицкие Торговые площади посторонь Ямской слободы: во дворе пушкарь Ивашко Онкудинов; во дворе ямщик Васка Замятнин; во дворе пушкарь Якушка Остафьев; во дворе Пашка Агеев; во дворе ямщик Пронка Проскурников; во дворе стрелец Ромашка Семенов; во дворе стрелец Пospelко Олексеев; во дворе стрелец Шалага Савельев. И всего в Галиче на посаде на черной на тяглой земле н<e>тяглых^о дворов монастырских и поповских и дияконовских и дворянских и детей боярских и московских (л. 8) торговых людей и стрелецких и розсылщиков и пушкарских и воротников девяностов восемь дворов. А Государева тягла и оброку с тех дворов с посадскими людьми не платят. Да пустых дворовых мест двести пятьдесят три места да пять дворов пустые, а Государева тягла и оброку с тех пустых дворовых мест и пустых дворов платить некому, потому что на тех дворовых местех в прошлом во «24» и во «127» году дворы пожгли литовские люди, а посадских людей посекали, а иные посадские люди разбрелись безвесно в разные города. А по дозору Ивана Безобразина в прошлом во «124» году написано было в Галиче на посаде в живущех соха счету и пол пол-чети сохи. И после Иванова дозору Безобразова, как писали в Галиче князь Юрье Шеховской да подьячей Василей Волков в прошлом во «126» году, написали полсохи, а впусте соха и полчети и пол полчети сохи. И всего после Иванова дозору Безобразова и после князя Юрьева дозору Шеховского да подьячего Василия Волкова запустело от литовского разорения и от войн соха и полчети и пол полчети сохи.

Да в Галиче же на посаде ж лавки на Торговой площади от острогу и места лавочные порозжие:

Подготовка публикации А.Г. Авдеева

- ряд Большой от Солянова ряду: лавка Шишки Пыхтина, дудника; лавка Шишки Ермолина, щепетинника; лавка Дмитрийка Шиликова, щепетинника; место лавочное Дмитрийка Шиликова; место лавочное вдовы Офимьицы Пятовские жены Шаврина; лавка Ондрюшки Григорьева, щепетинник; место лавочное Дмитрийка Гладкова москвитина; место лавочное Митки Петелина; место лавочное Якушка Занина; место лавочное Александрейка Сергеева; место лавочное Ларки Малафеева, крашенинника; (л. 8 об.) место лавочное другое вдовы Афимьицы Пятовские жены Шаврина; лавка Захарка Зиновьева; место лавочное Первушки кузнеца; место лавочное другое Якушка Занина; место лавочное Семенка Занина; место лавочное Ивашка Ефремова; место лавочное Рамашка Ермолина; место лавочное Ивашка Съедавнова; лавка другая Якушка Занина з братом с Ывашкою; лавка Парфенка Кузмина; лавка Богоявленского попа Лариона; место лавочное Елфимка Бородатого; лавка Ивашка Никифорова; лавка Царя Константиновского попа Стахея <Ка>пустина^г; место лавочное Ивашка Андреева; лавка Левки да Онтишки Степаново; место лавочное Ортюшки Кирилова; лавка Тараски Протопопова; лавка Филки Кирилова; место лавочное Ивашка Корякинова; лавка Гришки Нехорошева; место лавочное Ивашка Анохова; [...] ^уФторушки Капустина; - ряд Средней: лавка Добрынки Федорова да Мартемьянка Дорофеева; лавка Самсонка кожевника; лавка Максимка Оботурова; место лавочное Ларионка Капустина; место лавочное Богдашка Березина; место лавочное Терешки Кузмина; место лавочное Родки Кирилова; место лавочное Офонки Занина; место лавочное Родки Фадеева з братом со Емелкою; место лавочное Бориска Меншикова з братом з Добрынкою; место лавочное другою Богдашка Березина; место лавочное Ондрюшки Григорьева; место лавочное Олешки Панкратьева; место лавочное Ортюшки Кирилова; место лавочное Семенки Онисимова да Богдашка Дементьева да Тихонка Исакова; место лавочное Царя Константиновского попа Ивана Капустина; место лавочное Родионка Кирилова да Васки Ортемьева; ^фместо лавочное другое^х Афонки Занина; место лавочное Ивашка Сысуева з братью; место лавочное другое Родионка Фадеева; место лавочное Михалка свешника^н; (л. 9) - ряд Верхней х таможене: лавка князь Ивана Андреевича Голицына крестьянина Игнашки Кузмина во столпе Игнашкина лавка; место лавочное Иванова крестьянина Сытина Русинка Нелюбова; место лавочное Вторушки Леонтьева сына Кунина; место лавочное Первушки Панфильева; место лавочное сына его Олешки; место лавочное Добрынки Федорова; место лавочное Куземки Исакова; место лавочное Родки Федулова; место лавочное Огафонка Яковлева; место^н лавочное Рамашки Посникова; лавка князь Ивана Андреевича Голицына крестьянина другая Игнашки Кузмина; место лавочное Михалка Исакова; место лавочное кресцовое

Отрывок из дозорной книги Галича 1620 г.

Ивашка седелника; - ряд х таможене по верху: место лавочное Семенки седелника; место лавочное Ивашка Третьякова сына колчяника; место лавочное Ивашко Совинского; место лавочное Ондрюшки Иванова; место лавочное Кондрашки серебряника з братом; место лавочное Кирилка горшечника; место лавочное Климка седелника; место лавочное стрельца Богдашка Манушина; место лавочное Рожественского диякона Федора Борисова; место лавочное другое Ондрюшки Иванова; лавка Егорьевского попа Семюна; лавка галичанина сына боярского Третьякова крестьянина Строева Климка Федорова; лавка Петрушки Олеша^ш Николского; место лавочное Савинка Дементьева да Тренки Перфильева; место лавочное Макарка Малафеева; место лавочное Бориска Власьева; место лавочное князь Ивана Андреевича Голицына крестьянина Марка Ермолина; - ряд Мясной: лавка Лариона Мешшикова сына Чернова; место лавочное столников Бориса да Глеба ивановичей Морозовых крестьянина Смирни Андреева; место лавочное Тимошки Копосова; лавка Панфилка Филипьева; место лавочное третее Родки Кирилова; место лавочное Захарка рыболова; лавка Митки Петелина; место лавочное Мелшичка Палагина; лавка Микитки Стафурова; место лавочное другое Тимошки Копосова з братом со Власком; место лавочное Якушки Копосова; место лавочное Ульянка Олтуфьева; место лавочное третее Меншичка Палагина; место лавочное Калинки Семенова; (л. 9 об.) место лавочное Захарка Кислицына; место лавочное Карпунки Копосова; место лавочное Ивашка Копосова; место лавочное Тренки Федорова; место лавочное Демки Мартьянова; место лавочное Гришки Пужилова; место лавочное Ивашка Скакунова; лавка Игнашки Михайлова; - ряд Соляной: место лавочное Осипейка Кудашева з братом; место лавочное Семенки^ш Крисина, прянишника; место лавочное Обросимка Степанова, рукавишника^б; лавка Филки Горьева; место лавочное Еремки Раманова з братьею; место лавочное Емелки Кудашева; лавка Богдашка Херова; лавка столников Бориса да Глеба ивановичей Морозовых крестьянина Тишки Степанова; место лавочное Пятрушки зеленика; - в Колашном ряду: место лавочное вдовы Марьицы Кириловы дочь, Семеновские жены окулова; место лавочное Игнашки Лунина; место лавочное Максимка масленика; место лавочное Ивашка Фарафонова; - ряд Рыбной: лавка Федосейка Малчина; место лавочное Гаврилка Куликова; лавка Михайлка Тихонова з братьею; место лавочное Васки Нянтина; место лавочное Самсонка Иванова; место лавочное Филки Мурзина; место лавочное Онтипки Купреянова; лавка Крусанка Манеева; место лавочное Фролка Боярнина; место лавочное Петрушки Пренева; лавка Офонки Руднова; место лавочное Шишки Остафьева; лавка Якимка Гаврилова; место лавочное Митки Сошнина; место лавочное Емелки Спреселского. Да в Галиче же на Торговой площади: изба харчо-

Подготовка публикации А.Г. Авдеева

вая; изба Вахромеика Филитпьева; изба Семенки Богодинникова; изба Алешки Микифорова; изба Кирилка Преснецова; изба иноземца Онтошки Янпробского.

И всего в Галиче на Торговой площади торговых лавок тридцать четыре лавки, а государева оброку с тех лавок платить по пяти алтын на год, итого пять рублей три алтына два денги на год. Да порозжих лавочных мест девяносто девять мест.

У галицких же у посадских людей сенные покосы:

покос у берегу у Челсмы; покос на Челсме в межах з Григорьем Малыгиным; покос Дубовицыно, прозвище (л. 10) Ребровца; покос Поляна, что в межах Паисеина монастыря; покос Олешино, что на реке на Средней; покос Надеиво, что на реке на Едомше; пожня на реке на Средней под Яловцем; покос Калевица; покос Горбуняха; покос Подзавалье; покос на Таре на мысу^в; покос под Полянами; покос Белой на меже^в; покос Никаноровская на Святице под Полянами; покос на Ихлеме на берегу, да две пожни под Полянами.

И всего на тех пожнях станавитца сена тысяча сто дватцать пять копн^о. А Государеву оброку с тех пожень пять рублей дватцать алтын пять денег на год.

Да в Галиче же у посадских людей были пожни, а ныне те пожни поросли лесом и водою отмыло к Галицкому озеру и к рекам:

пожня Племятино - лесом поросла; пожня Обабково - лесом поросла; да половина пожни Шипуновы - лесом поросла; пожня Цыцырино - отмыло водою к Галицкому озеру; пожня Клементьевская - лесом поросла; пожня Долгая - отмыло водою к реке к Челсме; пожня Валевская - лесом поросла; пожня Мостовище на Мирославском - лесом поросла; да две пожни на Ровтроине - лесом поросли; пожня Дмитриевская - лесом поросла; пожня Сопцына - лесом поросла; пожня Красовская, да две пожни на Чевтаихе - лесом поросли; пожня в Толипине да пожня Ежова да пожня на берегу на Мирославском - отмыло водою; пожня Гущинская - отмыло водою к галицкому озеру; пожня Никольская - лесом поросла.

И всего на тех пожнях ставилось сена напред сего три тысячи три ста семьдесят пять копье.

Да по Государеве Цареве и Великого Князя Федора Ивановича всеа Руси грамоте за приписью диякова^ю Василья Щелкалова лета 7<1>99^я-го году написано к Галичю ж к посаду на выпуск Галича посадских людей животин гора Богоявления да гора Покровская.

- ^{1a}в ркп. Мики Федора
- ^бв ркп. царству
- ^вв ркп., очевидно, пропуск фамилии
- ^гв ркп., очевидно, пропуск имени
- ^дв ркп. слово “двор” пропущено
- ^ев ркп. слово “двор” пропущено
- ^жв ркп. испр. из Пресвятая
- ^зв ркп. испр. из Пресвятая
- ^ив ркп. испр. из конец
- ^киспр. из Ермошка
- ^{л-м}в ркп. писано дважды
- ^{н^о} в ркп. в скобках
- ^писпр. из Барабанова
- ^рв ркп. и ^св ркп. на тяглых
- ^тв ркп. Пустина ^ув ркп. пропуск
- ^{ф-х}в ркп. писано дважды
- ^чв ркп. исправлено
- ^цв ркп. зачеркнуто
- ^шв ркп. испр. из Олешки
- ^щв ркп. исправлено
- ^ъв ркп. исправлено
- ^ыв ркп. исправлено
- ^яв ркп. исправлено
- ^яв ркп. 7099
- ^{11a-б} писано другим почерком

IV. ИСТОРИЯ СЁЛ И ДЕРЕВЕНЬ

Л.П. Пискунов (Кострома)

Хороша наша деревня —
Только улица грязна.
Хороши наши ребята —
Только славушка плоха.
Хороша наша губерня,
Славен город Кострома...
(Местная присказка)

ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ РОДИНЫ О прошлом деревни Вёжи под Костромой

...Вот уже более сорока лет (1956 г.), как создано Костромское водохранилище, или, как его называют, Костромское море. Сотни лодок и катеров, тысячи рыбаков бороздят его воды. Известность его распространилась далеко за пределы области. А мне не раз приходилось спрашивать иных рыбаков: что вы знаете о жизни на месте (дне) Костромского моря? Одни отвечали, что были здесь сёла, деревни и их выселили, а другие просто пожимали плечами, не находя ответа.

На создание этого моря затрачены огромные материальные средства. Там работали несколько лет тысячи людей, сотни автомашин и тракторов, несколько (6–8) земснарядов. Ведь, чтобы подготовить ложе моря, нужно было вырубить тысячи гектаров лесов и кустарников, переселить около 20 населённых пунктов — сёл и деревень. А ведь такие сёла, как Куниково, имели более четырёхсот дворов, а Мисково и Жарки — и того больше.

Нужно было намыть пятидесятикилометровую дамбу — от судовой в г. Костроме до посёлка Прибрежный. Построить насосную станцию. И масса других работ. По предполагаемому проекту, — отшнурованная дам-

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

бой часть плодородных земель ближе к городу должна была давать небывало высокие урожаи сельхозпродукции и возместить ту её часть, которую давала затопленная водохранилищем территория. Но вот, спустя 40 лет, на деле оказалось иное. Большая часть сенокосных угодий и бывшей пашни заросла кустарником и лесом, кочками и бурьяном.

А что даёт нам этот мелководный бассейн водохранилища? В год вылавливается 50–60 тонн рыбы всеми категориями рыбаков; это промысловики, любители и браконьеры. На долю водохранилища приходится энное количество кВт-ч. электроэнергии, вырабатываемой Горьковской ГЭС. А в марте месяце каждого года при понижении уровня воды в Волге с мелководный водохранилища стекают тысячи кубометров тухлой воды, которую костромичи пьют. Время идёт, история остаётся. А что было на дне рукотворного моря 70–100–150 лет назад, знают уже единицы людей, и то по рассказам старожилов.

Мне довелось родиться и жить до самого переселения в этом дивном крае и запомнить много рассказов, легенд — как родителей, так и других старожилов наших сёл и деревень.

Наша местность, где сейчас плещется так называемое Костромское море, до затопления была уникальна в природно-географическом отношении. Вряд ли в европейской части России найдётся ещё 2–3 таких своеобразных уголка. Ну, а уж в наших близлежащих областях, я точно уверяю: нет, не встречалось. Я преклоняюсь и отдаю должное уважение великому сыну России, поэту Н.А. Некрасову, который воспел-описал жизнь болотно-низменного края. По размерам вся эта низина составляла примерно 40x20 км. А уникальность её состояла в образе жизни людей этих мест. Через эту низину протекали реки, такие как Кострома, Соть, Касть, Узокса со множеством их притоков. Было много больших озёр — таких как Каменник, Идоломское (с водным зеркалом около 250 га), Великое, Ботвино, два озера Поповы, Боранское, Першино, Семёново, Красное, Грясково. Было много мелких озёр, по 1–2 га, и каждое имело своё название. По берегам рек и озёр рос ивовый кустарник, много было ягод чёрной смородины, ежевики, калины. Между рек и озёр росли превосходные заливные травы, где находились сенокосные угодья. Все эти реки и озёра буквально кишели рыбой, так как были уникальные условия для нереста и нагула.

Необыкновенно своеобразен был весенний разлив. Вся низина от Ипатьевского монастыря до с. Глазова на р. Соты в Ярославской области (с юга на север) и от с. Бухалова до пос. Прибрежного (с запада на восток) с конца марта по середину мая затоплялась водой. Огромные лесные массивы погружались в воду, оставляя редкие островки суши. Кто бывал в это время в затопленном лесу в солнечный день на лодке, тот всю жизнь не забудет

Крестьяне деревни Вёжи. Слева направо: Михаил Григорьевич Тупицын, Нестор Алексеевич Лёзин, Пётр Фёдорович Пискунов. Около 1913 года.

Вежевские бани.

Вид с южной стороны. Фото 1935 г.

прелести природы, наполненной пением птиц, кряканьем уток, кваканьем лягушек, криками чаек, воркованьем тетёрки, ворочаньем огромных икряных щук в залитых водой кустах и валежнике.

Лес чист и прозрачен, листа ещё нет. Только на вербах и краснотале появились барашки. В это время на редких островках застигнутые врасплох оставались зайцы, лоси, лисы и волки. Лоси иногда пускались вплавь искать более подходящее пристанище. Их плавало в большие вёсны много. Некоторые звери погибали, даже волки. Как отмечали старожилы, самые большие весенние разливы были в 1915, 1926 и 1936 годах. Узнав об этом явлении, писатель М.М.Пришвин в 1937 году приехал на весенний разлив в деревню Вёжи, но разлив в 1937 году был небольшой, не такой, как в 1936 г., а ему хотелось посмотреть это стихийное явление и описать. Второй раз он приезжал в 1940 году.

Весенние разливы для жителей наших сёл и деревень представляли определённую опасность и доставляли много хлопот, хотя к весеннему разливу и готовились заблаговременно. Деревни окружала вода. Амбары стояли в воде, их ещё с зимы загружали тяжёлыми предметами (балластом), на второй этаж заносили кирпич, дрова, другие тяжести, а в самый разлив, когда начинало подтоплять, ставили большие чаны (бочки) и заливали их

водой: боялись, что б амбары не смыло водой и ледоходом.

Бани были на высоких столбах и обсажены деревьями для защиты от волнений и ледохода со стороны реки. Бани и амбары стояли отдельно от деревни — бани в одной стороне, а амбары в другой, метров за двести от деревни, а не позади дома, в огороде, как в большинстве русских деревень. В самые большие разливы крайние дома в деревнях затопляло, даже в печки заходила вода. В это время все боялись возникновения пожара.

Противопожарная работа проводилась со всем населением, и была серьёзная требовательность ко всем. Курить в улице на ходу было строго запрещено. Печи топили только утром. В улице в готовности стояли две пожарные машины ручной качки, круглосуточно велось дежурство с «караулкой» — побрякушкой.

Улицы в деревне были забиты скирдами сена, скотина у многих стояла в проулках, так как из затопленных домов и дворов её приходилось временно ставить на улице.

Старики рассказывали, что во время больших разливов (полоев) из Костромы буксиры привозили старые деревянные баржи и днища; на них размещали скот — на случай эвакуации. В это время единственным средством передвижения были лодки — бо`тники: в баню, в амбар, в другую деревню, в город Кострому можно было попасть только на лодке. Лодок было много разных форм, размеров и грузоподъёмности. Все лодки были долблѐнки. Самые большие — грузоподъёмностью до двух и более тонн. Самые маленькие — охотничьи и рыбацкие ботники-челноки. В город Кострому по большой воде ездили на больших 4-х весельных лодках, иногда под парусом. Маршрут был таков: Вѣжи — Аганино — Яковлевское — Кострома, это по течению. Из Костромы, мимо стен Ипатьевского монастыря (по речке Игуменке), мимо д. Тепра, д. Скрывалово Губачёвского с`с, местечко Ваташка, Вѣжи.

В конце прошлого века и начале XX-го, да и в более ранние времена (старики и родители рассказывали) во время больших подъёмов воды, когда начинало подтоплять некоторые дома, священники организовывали своеобразные крестные ходы — на больших лодках устанавливали иконы-хоругви, и, в руках держа иконы, целая флотилия из нескольких лодок объезжала с молебном вокруг деревень, прося милости Божией, чтоб не сотворилось пожара, бури, мора. Священник стоял в лодке и, размахивая кадиллом, пел молитвы, а дьякон, и хористы, и все прихожане подпевали. Так объезжали на лодках вокруг три раза. Потом вылезали из лодок, шли к часовне, которая стояла посреди нашей деревни Вѣжи, и там молебен продолжали. Так было и в Ведёрках, Спасе — там тоже стояли посреди деревни часовни. В это время, пока шёл молебен, псаломщик звонил в колокол на коло-

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

кольне в селе Спасе. В тихую погоду по воде звон колокола был слышен за 10–12 километров. В весенний разлив в колокол звонили в большие туманы, когда не видно было ориентиров плывущим на лодках, и по ночам. Были случаи блуждения по полою, когда вместо назначенного места приезжали в другое или на то, откуда выехали. По звону колоколов местное население различало, чьи колокола звонят. В Мискове, в Куникове, в Сущёве, в Спасе, в Глазове Ярославской области, в Шунге, в Яковлевском и т.д. — у каждого колокола была своя мелодия, своё звучание. Когда в пасхальное раннее утро начинался звон колоколов со всех колоколен, то при тихой погоде на большом пространстве воды возникал удивительный эффект игры солнца над водой (говорили: это солнышко Пасхе радуется).

Через месяц-полтора вода спадала, и напитавшаяся водой земля была очень плодородной. Луга-сенокосы покрывались зелёным ковром разнотравья. Начинались полевые работы.

Особенности весенних разливов

Большой подъём воды в нашей низине в разные годы зависел от погодных условий. В основном происходил при дружном потеплении в середине и конце марта месяца — как на нашей территории, так и в верховьях Волги. Тогда таяние снегов происходило одновременно и потоки весенних вод устремлялись в нашу низину. Основную массу воды давала Волга. Она делала подпор водам наших рек — Костроме, Соти и Касти. В это время вода прибывала по метру и более в сутки. Но бывали годы, когда Волга запаздывала со своим сбросом воды, и наши реки за неделю сбегали без большого подъёма. Иногда в марте длительное время стояли ночные и утренние заморозки, и тогда таяние снегов в лесах происходило медленно, влага в мороз испарялась. В эти годы разливы были совсем незначительные.

Во время разливов и схода воды население: рыбаки, охотники, сплавщики леса — ежедневно следило за уровнем воды. Каждый рыболов или охотник, приезжая в лес на островок, прежде чем заняться делом, сначала всегда ставил мерку, т.е. втыкал палочку с меткой в верхках или делал зарубку на дереве, стоящем в воде. В деревне также на берегу постоянно стояли мерки. Приезжающим из разных мест, например из Мискова, Бухалова, Шунги, Самети, при первой встрече задавали вопрос: «Как у вас вода, — прибывает или убывает?» Особенно за уровнем воды следили сплавщики леса. Там нужно было уловить момент, чтоб с лесных полей вывести плоты с лесом.

В старые времена тяжела и в то же время интересна была эта работа. Плоты с лесом из пойм выводили вручную. Связав в так называемую го`н-

ку 10–12 плотов, бригада сплавщиков на гонке (головном плоту) ставила домик-избушку, где и жила. Сплавлили до определённого места по полою под «Дубинушку»: на лодке-каюре метров за 200–300 отвозили якорь с привязанным к нему канатом, другой конец которого завозили на гонку, где за него тянули, и таким образом гонка двигалась. Канат собирали снова в лодку, укладывая его в круг, чтобы при следующем завозе якоря он не спутался. Чтоб видно было, где выброшен якорь и не ползёт ли он, а также на случай обрыва каната, к якорю на верёвке крепили поплавок, почему-то называемый *су`кой*. Так сплавлили как в старые времена, так и уже в послевоенные годы, вплоть до затопления, так как многие городские организации, фабрики, заводы, колхозы запасали лес-дрова каждый по отдельности. За казённым лесом (что заготавливали леспромхозы) к определённому месту приходили пароходы-буксиры. Но до этого места, фарватера, плоты из лесных пойм выводили также вручную — за якорь.

К уровню воды была очень чувствительна рыба. Когда вода прибывала, рыба шла на берег, в кусты, в лес, где вода прогревалась быстрее, на тёплые скошенные поляны — там она скорее созревала для нереста и нерестилась. Как только вода шла на убыль, из лесу рыба тотчас исчезала и сходилась вслед за водой. Когда вода в лесах стояла долго, рыба там и выгуливалась.

Основные занятия жителей

Как возникли наши поселения, точных сведений нет. И нет сведений, когда, как, в каком году построена церковь Спас-Преображения в селе Спасе, перевезённая в 1954 году в Ипатьевский монастырь.

Летом 1996 г. на месте бывшей деревни Вёжи группой археологов в течение июня — июля велись раскопки. 12–15 июля я с братом Анатолием ездил навестить тот родной островок и поговорить с археологами. Они нам сообщили, что нашли вещественные доказательства того, что поселение возникло до татарского нашествия.

Не менее интересно и то, что отдельные группы поселений имели свои названия, кроме официальных. Так, например, с. Шунга, Яковлевское, Стрельниково и прилегающие к ним деревни имели название Мыс, а людей называли мысовые. Село Саметь и выселенные в 1953–55 гг. деревни бывшего Губачёвского сельсовета называли Заво`ржье. Между сёлами Шунгой и Саметью протекала речка Воржа, которая в весенний разлив соединяла Волгу с рекой У`зоксой. Село Петрилово, деревни Шемякино, Пасынково, Шабаново, Палачёво называли Ба`ршина*, говорили: «Откуда приехали?» — «Да из Баршины». Примыкающие деревни Ярославской области,

* Видимо, от слова «барщина». (Прим. ред.)

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

как-то: Сошкино, Привалово, Филинское, Слоново и др. — называли Хазара. Говорили: «Ходила в Хазару с рыбой», или: «Хазара выехала на реку Соть сенокос ставить». Жителей села Куникова звали Ля`хи, говорили, что они польского происхождения. Наши деревни: Вёжи, Ведёрки и Спас — называли Погостье. Говорили: «Приехали из Погостья», или : «Пошли в гости в Погостье».

В наших сёлах и деревнях, как-то: Куниково, Мисково, Жарки, Спас, Ведёрки, Вёжи — озимые (хлеб) не сеяли, так как поля заливались водой. Но с очень давних времён выращивали хмель. Помните, Н.А. Некрасов писал: «Истари хмель здесь родится на диво», а писал он это, посещая наши Вёжи где-то в середине XIX века. Основными источниками существования и доходов населения являлись: 1. Хмелеводство, 2. Рыболовство, 3. Скотоводство и сенокосение для продажи, 4. Охота промысловая, 5. Заготовка и сплав леса.

Часть мужского населения уходила на заработки в Питер.

Самым древним и доходным занятием в нашем низменном крае являлось хмелеводство.

Наша местность, затопляемая весенними водами, была очень благоприятна для выращивания хмеля. Хмельники (так назывались места, где выращивают хмель) размещались в большом дубовом лесу, называемом Зае`зной, посреди которого проходила в старые времена так называемая Боярская дорога, ведущая в близлежащие деревни Ярославской области — за реку Соть, к железнодорожной станции Данилов.

С древних времён на Руси главным напитком было пиво, а хмель является неотъемлемым компонентом в пивоварении. Хмель мог расти только в защищённом от ветров месте, и на участках-хмельниках с обеих сторон высаживали деревья — дубы, вязы, вётлы.

Как рос хмель, — это было красивейшее зрелище. Люди нынешнего поколения уже не представляют его красоты. Хмель — корневое вьющееся растение, плоды его — мягкие шишки с терпким специфическим запахом. Весной, после схода воды, от хмельного корня появлялся росток, в это время к нему втыкали так называемый хмельнишний кол, высотой 6–7 метров. Зацепившись за него, росток, поднимаясь до верхушки кола, распускал свои ветви. Участки-хмельники были небольшие — метров 7–8 в ширину и

12–15 в длину, а корни высаживали примерно на 70–80 см друг от друга, рядами, чтобы можно было пройти между ними для обработки и ухода.

Для выращивания хмеля требовалось большое количество хмельнишных кольев. Их заготавливали сами крестьяне, а иногда покупали в близлежащих деревнях Ярославской губернии, на базарах или привозили по заказу.

Кол был только еловый или сосновый, его берегли; после щипки-уборки хмеля колья ставили в суслоны у больших деревьев или заносили в овин. На хмельниках ставили овины для сушки хмеля и других нужд. Обычно овины строили на 2–3 родственные семьи.

Сушили хмель так: сырой, только сощипанный с ветки хмель носили большими круглыми корзинами на второй этаж овина и рассыпали на пол, на котором была разостлана так называемая ча́ща — это большое редкотканое из пеньковой нити полотно. Внизу овина, на земле, жгли костёр, жар от костра устремлялся под потолок. Чтобы не было большого пламени, а больше жару, жгли большие суковатые поленья, которые невозможно было расколоть на дрова. Такие кряжи-поленья называли подовинниками. Когда сушили хмель, в огонь бросали серу; говорили, что это для придания блестящего золотистого цвета и чтоб хмель лучше хранился (назывался «серкованный хмель»).

Хмель выращивали как для домашнего потребления (всюду варили пиво), так и на продажу — он пользовался большим спросом по всей России и отправлялся за границу. Ещё с начала XVIII века, а может и в более ранние времена, местные мужики-торговцы на лошадях возили продавать его в Вологду, Вятку, Тверь, Бежецк и другие места. В 1905–12 годах, в связи с созданием сельскохозяйственного общества и кредитного товарищества, роль производства хмеля значительно возросла. По железной дороге покупатели заезжали из Сибири и других дальних мест России.

Примерно в 1914–18 годах сельскохозяйственное общество строит большие кирпичные склады-производства в с. Куникове и д. Ведёрках для сушки, хранения и фасовки хмеля. Там его принимали у крестьян как на хранение, так и для реализации. Родители рассказывали: хмель прессовали в пачки, как чай, по 1 фунту, 2–5 и более, на каждую пачку наклеивали красивую этикетку, где был изображён медведь, стоящий на задних лапах, в правой лапе он держал кружку с пенящимся пивом, а в левой — ветку хмеля.

С каждым годом спрос на хмель возрастал, особенно выросли доходы от него в годы революции и НЭПа. Так было до 1930 г., до коллективизации. В годы коллективизации хмель повсеместно был уничтожен. На бывших хмельниках в колхозное время стали сажать табак, цикорий, картофель. Цикорий не прижился, а табак и картофель давали большие урожаи.

Поспевал хмель к 1 августа, уборка-щипка требовала много рабочих рук. Каждую ветвь нужно было спустить с кола и, не примяв её, ощипать все плоды-шишки в корзину. Поэтому на щипку хмеля в наши сёла приходило много рабочего люда — молодёжи из других мест.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Вторым доходным занятием было сенокосение, торговля сеном и сенокосными угодьями (пожнями). Как гласят легенды и рассказы старожилов, большая часть этого низменного края: от бывшей деревни Прости (это граница с Ярославской областью на р. Соти) до оз. Каменника с севера на юг, и от местечка Омутская на р. Касти (тоже граница с Ярославской областью) — ныне это место называется Кастинские ворота — до нынешнего посёлка Прибрежного с запада на восток — его земля и воды принадлежали с древних времён нашим сёлам и деревням: селу Спасу, д. Вёжам и Ведёркам, населением которых владел помещик Алексей Московцев; может быть, он был последним их владельцем. Из рассказов известно, что помещик этот слыл хорошим, добрым человеком. Наследство передавать было некому, и, умирая, Московцев написал в Костромскую губернскую управу завещание о том, что наследства он никому не оставляет, а земли и воды оставляет за его подданными крестьянами.

После его смерти все земельные, лесные и водные угодья были поделены между «ревизскими душами». Это значило, что надел земли получал только мужской пол. И был заведён порядок: кто из мужского полу в округе умирал, его надел передавался очередному новорожденному младенцу «мужеска полу», независимо от родства. Получалось так: у кого в семье рождалось больше девочек, тем было плохо, на девочек надела не причиталось, и приходилось пожни, хмельники покупать, брать в аренду или идти в батраки, обрабатывать чужие за доли процента. А у кого в семьях рождались мальчики, хозяева-родители избытки наделов продавали, отдавали для обработки исполу. А то и просто пропивали на корню, травой, какому-нибудь знакомому богатею. Эта несправедливость являлась причиной нежелательных поступков со стороны родителей. Были семьи, где рождались одни девочки, и имея один надел, приходилось дочерей с малых лет отдавать в няни, служанки или просто батрачки, так как семья не могла себя обеспечить средствами существования. Так было, по рассказам стариков, до 1905–07 гг., т.е. до столыпинской реформы. В эти годы так называемые «ревизские души» отменили и сделали передел, т.е. стали делить наделы по едокам — на мужское и женское население.

О реформе 1861 г., отмене крепостного права, легенд и рассказав не осталось, видимо, это не коснулось наших деревень.

С 1905–07 годов жизнь в наших деревнях быстро меняется в лучшую сторону. В это время создаются сельскохозяйственное общество и кредитное товарищество. Организуется сельхозбанк. При переделе наделов на крестьян-едоков, как-то: хмельников, сенокосных угодий, озёр, лесных массивов — был оставлен общественный фонд. Этот фонд — сенокосы, озёра, лес — общество продавало, сдавало в аренду, а средства шли на обществен-

ное обустройство. Строили плотины на озёрах — езы́, они имели значение как для ловли рыбы тягой воды, так и для предупреждения затопления сенокосных угодий во время паводков. Производили и ремонт многочисленных мостов через реки и овраги, вели строительство складов для сушки хмеля, приобретали пожарные машины и т.д. В с. Спасе в 1916–17 гг. была построена первая сельская электростанция на три деревни (с. Спас, дд. Вёжи Ведёрки) венгерским инженером Шестинским, или Шекстинским. Кирпичные стены здания электростанции ещё сохранились до сих пор в селе Спасе, но проработала она недолго, годах в 1920–21 сломалась динамомашинка, её увезли на ремонт в Кострому, и после этого станция работу не возобновляла.

Сельхозобщество через свой банк своим крестьянам выдавало ссуды за небольшие проценты для покупки породистого скота, лошадей, для строительства домов, амбаров. В связи с опасностью пожаров дома в деревнях стали строить в большинстве кирпичные, для чего возводились примитивные кирпичные заводы в Вёжах, в Овинцах и в селе Куниково — к 1930 г. было 6 небольших кирпичных заводов.

Сельскохозяйственное общество возглавляли добросовестные, авторитетные местные мужики, к тому же была действенная ревизионная комиссия, которая два раза в году проводила очередные ревизии, да ещё и внезапные.

Интересен был порядок пользования наделами.

1. Хмельники выделялись на постоянное пользование, каждый крестьянин получал свой постоянный участок-хмельник, на котором строил свой овин, обрабатывал и удобрял его по-своему. Мог его и продать.

2. Сенокосные угодья (пожни) по жеребью делили каждый год. Было несколько сот пожен, и каждая имела своё название и границы. Все пожни были внесены в шнуровую книгу, где было указано качество травостоя и примерно сколько пудов сена накашивалось на каждой пожне.

Поскольку качество травостоя было неодинаково, как и расстояние от дома-деревни, а также опасности подтопления паводками заставили мудрых мужиков делить их каждый год, что было более справедливо. Если в один год доставалось не очень хорошая пожня и далеко от дома, то на следующий год могла достаться хорошая и близко. Всё решал жребий. Контора сельскохозяйственного общества была в деревне Вёжи, и вот в начале июня в определённый день назначалась жеребьёвка сенокосных угодий. По количеству едоков определялись пожни. По величине укуса пожни были разные, на одних накашивали по 500–700 пудов, на других — 80–100. Были и недовольные, тогда назначали комиссию и проверяли, так как покосы или вымокали, или, во время весенних штормов, замусоривались наносами. В

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

эти же дни объявлялись торги на общественные сенокосы. Покупателей было много. Из города, из Заволжья, из Шунги, Стрельникова и других мест. Эти дни были наподобие ярмарочного праздника, тут торговали сенокосами, травой на корню и те, у кого было много наделов, а косить некому. По завершению торгов на лугу, около весовой, под вёслами, пили так называемые ли́тки — покупали ведро или два вина (водки) и всех участников угощали, а кто не пил, тому домой с собой не давали.

Косили, сгребали в копны и метали в стога вручную. Косила каждая семья отдельно. Кто одинокие, малосемейные и безлошадные, кооперировались по 2–3 семьи, или 2–3 человека. На дальние сенокосы выезжали на всё время, пока сенокос не закончат. Туда ехали мужчины, женщины, взрослые дети с лошадьё. Ставили полога, делали из прутьев и травы — сена шалаши и там жили, пока не скосят всю пожню. Кому доставалась пожня ближе к дому, те ходили ночевать домой.

В это время вся наша низина оживала, наполнялась звуками, ржаньем лошадей, звоном кос, иногда по вечерам и песней. В жаркий день весь этот зелёный ковёр приходил в движение: где сгребали сено, где метали стоги, где возили копны лошадьми к стогу, где их носили носилками на руках; где-то на берегу реки дымился костёр, и далеко по ветру разносился запах супа или подгоревшей каши.

К сенокосу загодя готовили и лёгкую одежду. Женщины шили просторные ситцевые лёгкие платья и обязательно белые платки, мужчины одевались также в белые или холщовые-льняные рубахи и холщовые штаны, на ноги в подавляющем большинстве надевали лапти, в них было легко и удобно, ноги не опревали, и безопасно от укуса змей, ушибов и порезов.

На время сенокосов запасали и более калорийную пищу: вяленое мясо, сушёную рыбу, из которой варили супы, гречу, пшено. Постоянно был сыр, творог, но самыми изысканными считались варёное кислое молоко и квас домашнего приготовления, охлаждённый в колодце или реке.

Сенокос длился до начала августа. Иногда, если лето выдавалось сырым и дождливым, — до 20 августа. После этого срока трава теряла свои питательные качества и годилась разве что на подстилку. Поэтому в сухие жаркие дни крестьяне работали по 18–20 часов. Косить начинали в 3–4 часа утра по росе и косили до 8–9, потом часа 2 отдых, завтрак; в это время, с 8 до 12, дети, старики разбивали валки, сушили сено. С 12–13 часов сено начинали сгребать и складывать в копны. В сухую погоду копны сразу в стог не метали, а на другой день их снова растрясали для подсушки и потом уже метали в стог. Такое сено было более качественное, не пылилось, прядки-ключья однородной травы перемешивались, и сено делалось приятным, запашистым. Знатоки-специалисты при покупке сена сразу это видели, а

также определяли, когда сено скошено. Называлось сено первой косы и последки. Старики говорили: в каждом стоге сена скошенном до Петрова дня (это 12 июля) есть пуд мёда.

К середине августа, закончив сенокос, каждый крестьянин подводил итог, сколько накопилось на его пожнях сена, сколько скотины можно пустить в зиму, сколько сена он может продать.

Торговля сеном

К Преображеньеву дню, 19 августа, вся наша низина — от Ипатьевского монастыря до села Глазова Ярославской области на реке Соты — покрывалась десятками тысяч стогов свежескошенного заливного сена. У нас в Вёжах сено с лугов летом никуда не увозилось. Стога стояли в лугах до зимы и даже до весны, так как летом не везде можно было подъехать даже на лошади. С первым санным путём начиналась вывозка и торговля сеном, с этого времени жизнь в наших деревнях оживала — ежедневно ехали за сеном десятки подвод: кто покупать, кто вывозить своё накошенное летом. Все дни у весовой стоял шум, смех, ругань и т.п.

Старинная весовая находилась между амбарами и деревней; она состояла из четырёх или шести высоких столбов, наверху которых лежали толстые дубовые перекладыны. К ним было подведено коромысло весов длиной метра четыре, на концах коромысла укреплены по четыре цепи. Концы первых четырёх были закреплены за площадку для гирь размером 1,2х1,2 метра, а другие четыре цепи цепляли за воз. Зацепив воз, мужики ставили на площадку гири: 1–2^х пудовые и 10 и 20-фунтовые. Когда гирь не хватало, на площадку вставляли 2–3 мужика, после чего воз отрывался от земли, а стрелка на коромысле указывала равенство веса воза и гирь. Процесс был трудоёмкий и длительный, поэтому на весы иногда выстраивалась очередь. Продавали сено и оптом (стогом) или возом, на глаз. Надо отметить, что глаз как у покупателей, так и у продавцов был очень наметан и ошибка бывала незначительная.

В старые времена в Костроме содержалось много скота, коров, лошадей и потребность в сене была огромна. Все фабрики и заводы имели свои конюшни в сотни и более лошадей, и многие из них, не имея собственных покосов, закупали сено в наших краях и на сенном рынке в Костроме, который находился до 70^х годов на нынешней площади Мира. Часто крестьяне своё сено возили сами продавать на сенной базар в Кострому, где цена была значительно выше. По зимним дорогам днём и ночью непрерывно тянулись обозы с сеном и другой продукцией. Для обслуживания этого процесса с давних времён в наших сёлах и деревнях появились чайные, где путники могли обогреться и напоить лошадей, попить горячего чаю, перекусить,

узнать какие-то новости, кого-то встретить и переговорить.

Но основная масса сена шла на выкорм собственного скота и лошадей. Скота в нашем крае было много. В каждом доме до коллективизации 1930 г. было по 1–3 коровы, молодняк, овцы, лошади. Надаивалось большое количество молока, и с древних времён в каждой деревне была сыроварня частного владельца, куда крестьяне сдавали излишки молока.

Сыроварение

До создания сельхозобщества (1910–12 г.), как и в других краях России, в каждой деревне-селе имелись частные сыроварни, куда население-крестьяне сдавали излишки молока. Частник-сыровар устанавливал свою цену на сдаваемое ему молоко, являясь как бы монополистом, так как девать молоко больше было некуда. А крестьяне, соблюдая посты, временами имели большой избыток молока. Надо сказать, что сыр вырабатывался порой в антисанитарных условиях, так как всё делалось вручную, на глазок. Летом, в жару, у сыроварни летали рои мух. С созданием сельскохозяйственного общества во многих деревнях и сёлах были построены общественные сыроварни, с более высокой технологией по тем временам. Так и у нас в деревне Вёжи была сыроварня с кирпичным бетонированным подвалом для вызревания сыра.

Вот какой интересный случай произошёл в семье моего деда Фёдора Ивановича Пискунова. Как и все в Вёжах, его семья сдавала молоко частнику — Василию Фёдоровичу Кокину; он деду являлся двоюродным братом. Цену за молоко он назначал одну, на весь год. А когда открыли общественную сыроварню, объявили: «Принимать молоко будем пока, как и В.Ф. Кокин, по его цене, но если удастся сыр продать дороже, то, возможно, будет добавка». Надо отметить, что качество сыра в общественной сыроварне стало лучше, и торговые представители приезжали покупать его из Питера и Москвы. Тогда наш дед Фёдор Иванович собрал свой семейный совет: трёх сыновей, дочь и супругу Прасковью Васильевну — и объявил: куда теперь молоко сдавать будем — в новую сыроварню или по-старому В.Ф. Кокину? И добавил, что у Васи-то надёжно, и «при том он мой двоюродный брат», а тут ещё всё новое, неизвестно, что будет. Как с главой семьи, супруга, сыновья и дочь согласились: «Носить молоко будем к В.Ф. Кокину». И вот в конце года, подводя итоги по общественной сыроварне, сдавшие молоко туда, получили на каждый рубль за сданное молоко по 30 копеек доплаты. Озадаченный дед, как не раз рассказывал мой отец Пётр Фёдорович, пошёл к В.Ф. Кокину заявить, что вот, де, в общественной-то сыроварне доплата, а мы тебе сдали около 200 пудов молока; будешь ли доплачивать? Тот отказался. Тогда дед заявил: «Уж извини, Василий Фёдорович,

но с нового года мы тоже будем носить молоко в общественную сыроварню», что сделали и другие жители. А Кокину свою частную сыроварню пришлось закрыть.

Рыболовство и торговля рыбой

В весенний разлив вместе с водой вся наша низина заполнялась рыбой: с весенними водами рыба сходила с верховьев рек Костромы, Соты, Касти, Узоксы; основная же масса рыбы поднималась с Волги.

Методов ловли рыбы было несколько. Самым древним, не требующим много сетематериалов, являлся метод с использованием тяги воды. Почти на всех больших и малых озёрах в истоках были сооружены плотины, так называемые езы. Весной при спаде воды исток перекрывали сетью, ставили так называемую загрузку, на загрузке делали большой кошель, куда рыба заходила по течению. Потом этот кошель подсекали натяжением верёвки и, подъехав на лодке, рыбу из кошеля-подсека вываливали прямо в лодку*.

В плотину-езу, смотря по величине озера, при сооружении вставляли деревянные трубы диаметром 30–50 см. Для большого водоёма делали две-три трубы. Со стороны озера, чтоб вода не сходила в трубу, вставляли пробку-затычку. Уровень воды в озере удерживали на 1–1,5 метра выше. Летом рыбу ловили только для потребительских нужд, на праздники, для повседневной еды немного. За лето в озёрах рыба выгуливалась, набирала вес.

Как наступали заморозки и реки-озёра покрывались льдом, начинался основной лов. У плотин-езов на большинстве больших озёр сооружали рыбацкие избушки, где рыбаки посменно по 2–3 человека заступали на сутки-вахту. Зимний лов производился так: на трубу надевали редкотканый из пеньковой нити рукав длиной 6–8 метров; из трубы вытаскивали пробку-затычку, вода из озера устремлялась в трубу-рукав, а вместе с ней и рыба, которая оставалась в рукаве; оставалось только крюком поднять из воды рукав с рыбой и вытряхнуть её, как из мешка, в специально установленную на санках большую корзину. Теперь её живую отвозили на специально устроенное на льду гумно, где перемешивали со снегом, чтоб не смерзалась, и хорошо промораживали. Затем сортировали по видам, мелочь — ва́ндыш — просеивали через металлическую сетку, освобождая от снега и льда, складывали в корзины и увозили в деревню. Сдавали торговцам рыбой, делили

* По ходу рассказа хочу сказать, что таким методом в голодном 1947 году, в мае месяце, в озере Каменнике было выловлено около 80–90 тонн крупной рыбы. В районной газете «За Сталинский урожай» в июле была напечатана статья «Золотое дно Каменника», где рассказывалось, как в этот голодный период наши рыбаки помогли голодающему рабочему классу Костромы. Рыба отправлялась непосредственно в столовые фабрично-заводских предприятий, в фабрику-кухню.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

по паям, везли в город продавать и т.д. Таким методом воду из озера за декабрь-январь спускали почти до дна, а вместе с ним и всю рыбу, крупную и мелочь. Часть рыбы, которая не смогла сойти, прижатая льдом, задыхалась. Но с наступлением весеннего половодья, благоприятных условий для естественного нереста к следующему лету все озёра вновь кишели рыбой, и так продолжалось веками.

Надо отметить, что в проточных реках рыба не задыхалась, и там применялись другие методы лова. Другой, не менее древний лов в большой весенний разлив случался и лещёвками — мережа́ми, которые ставили-метали в затопленных лесах-кустарниках: по лесным дорогам, на полянках, по опушкам леса, где рыба нагуливалась, нерестилась. До сооружения водохранилища запретов на лов рыбы во время нереста не существовало. Наоборот, во время нереста шёл основной лов.

В весенний разлив в местах, где было течение, в речных протоках между островов, ставили перемёты ветеле́й (самоловушек), куда рыба заходила, а выйти не могла. Этот метод был эффективным при спаде воды, в нерест особенно много попадалось леща.

В летнее время в озёрах ловили мережами-путами: обмётывали мережей кусты, траву-камыш в кольцо и ботом (специальным, на длинном шесте) ботали-пугали по камышу-траве, рыба от испуга устремлялась в мережу и запутывалась.

Ставили в озёрах ветеля-ловушки на растяжку, особенно этим методом много ловили линя и карася.

В реках летом ловили г`оном. Говорили: «Поехали Соть гонять». Это делалось так: мережей-сетью реку перекрывали в двух местах, например, плёс или омут, в этом отрезке ботали-стучали-гнали рыбу по течению, потом мережи с рыбой выбирали в лодку, рыбу выпутывали, укладывали в корзину и ехали вверх — повторяли следующий гон. Так трудились весь день, и иногда за 2–3 гона лодка- ботник наполнялась рыбой.

На удочки летом взрослые рыбаки никогда не ловили, считали детской забавой и тратой времени. Но мы, ребятишки, этим любили заниматься, особенно лазить по колодам во время купаний.

В зимнее время, кроме тягой воды на езах, ловили подлёдным неводом, гоном со льда; забавно-азартным был лов на блесну. Как только появлялся первый лёд, большинство мужиков, и особенно ребятишек, с блёснами в корзинах устремлялись на речки-озёра. Блеснился окунь, щука. На щуку блеснили всю зиму (каждый рыбак в своём, любимом ему месте), сидели на одной лунке, делали из брезента или дерюжки загородку от ветра, а в морозные дни брали с собой чугунок с углями, чтоб согреть руки. Было много и других методов лова.

В старое время, т.е. в конце XIX в. и до 1930 г., рыбу ловили и продавали свободно, кто как хотел. В нашей деревне Вёжи торговлей рыбой занимались два человека — это Московцев Александр Филиппович и Тупицын Григорий Петрович, а позднее — его сын Константин Григорьевич. Весной у них за двором в реке плавали рубленые садки для живой рыбы, с отсеками, под замком. От рыбаков живую рыбу они принимали по весу и вытряхивали в садок, цену устанавливали-договаривались каждый раз новую, так как в городе цена на рыбу менялась даже в течение дня. Накопив в садке определённое количество, рыбу сачком перегружали в большую лодку с водой и живьём везли на вёслах или под парусом в Кострому продавать. Торговля в городе рыбой велась на берегу Волги у Молочной горы — прямо из лодки, живой; покупали как население, так и для ресторанов — оптом. Тут уже, по привозу и наличию, назначалась определённая цена. Бывали случаи, когда приходилось продавать дешевле, чем купили у рыбаков.

Летом рыбу возили и на лошадях — в корзинах со льдом, уже охлаждённую, и продавали в мясном ряду рынка или сдавали прямо в ресторан.

География сбыта-продажи рыбы была обширна. Зимой и летом много рыбы возили продавать по сёлам-деревням: в Шунгу, Саметь, Яковлевское, город, в близлежащие сёла Ярославской области: Привалово, Слоново, Закобякино, Шигино. Особенно много возили продавать рыбы зимой в торговое село Серёда Ярославской области. Там были большие базары, и рыба пользовалась большим спросом.

С 1930 г., в связи с коллективизацией, все водоёмы перешли в колхозное пользование. Хотя методы лова и не изменились, порядки стали другие — выловленную рыбу надлежало сдавать по плану райпотребсоюза в фабрично-заводские столовые города. Продавать для нужд колхоза разрешалось минимальное количество. Жизнь рыбаков перешла в два уровня: в одном, основном, ловили для колхоза официально, в другом, тайном, по ночам для себя.

С 1936 г. функции организации лова и сбыта перешли от райпотребсоюза ко вновь созданному рыбозаводу, который, не имея перерабатывающей базы, занимался тем же распределением выловленной рыбы по предприятиям города Костромы. Первым директором рыбозавода был финн по национальности — Дитлов Кирилл Сергеевич. В связи с пуском Рыбинской ГЭС в 1940–41 г. условия рыболовства в нашей низине сильно пострадали, и вся жизнь изменилась в худшую сторону.

1. Нарушились естественные весенние разливы, так как волжская весенняя вода удерживалась Рыбинской плотиной и уровень её у города Костромы был низкий, а без волжского подпора наши реки: Кострома, Соть,

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Касть — быстро сбегали, и большой уровень воды не удерживался. Выметанная рыбой икра обсыхала на кустах, кочках, и мальки не успевали прокнуться. Осенью и зимой, наоборот, случались паводки. Рыбинская ГЭС начинала работать на полную мощь, сброс воды увеличивался, и уровень её в Волге поднимался, заливая нашу низину. Образовывался подпор воды в озёрах снизу, вследствие чего прекращалась тяга воды из озёр, рыба в озёрах или задыхалась, или сходила на свежую проточную воду, так как во время войны не хватало рыбацких рук, чтоб обгрузить все озёра, укрепить, нарастить насыпь земли на плотинах-езах и т.д.

2. Нарушались зимние дороги, проложенные по рекам, озёрам, низменным местам: их то заливало, то, при убыли воды, лёд повисал на берегах, что также представляло неудобства и опасность для рыбаков.

3. Осенью и в начале зимы подтопляло стога сена в низких местах, куда ещё невозможно было подъехать и вывезти сено санным путём.

4. Весной при небольших разливах во время штормов засорялись сенокосные угодья различным мусором, иногда образовывались километровые приплески.

5. Ухудшились условия езды на лодках из г. Костромы, когда реки, не выходя из берегов, имели быстрое течение, и езда на вёслах была очень затруднена. Тогда, где было возможно, лодки тянули бечевой по рекам Костроме, Узоксе и Соти.

6. Ухудшились условия работ по сплаву: лес, вывезенный зимой на полой, не всегда вода поднимала. Буксиры-пароходы не могли пройти в полой из-за низкого уровня воды. Иногда гонки плотов с лесом оседали на мелях и оставались до следующей весны; лес за это время портился, гнил, растаскивался.

Вот такой жизненный урок нам был преподнесён сооружением первой на Волге Рыбинской ГЭС.

Охота

Не менее увлекательным и доходным занятием являлась охота. До самого затопления водохранилищем и переселения жителей этих мест в 1953–55 г. вся наша низина, озёра, леса, луга, перелески, болота имели превосходные условия для различных охот, для воспроизводства дичи. Надо заметить, медведи в наших лесах не водились; по рассказам старожилов и моего отца, только однажды в весенний разлив — в годах 1923–25 — был обнаружен на острове Красная Грива на р. Соти медведь. Была на него устроена охота, но безуспешно — медведь с острова исчез, собаки след утратили. Предполагали, что он тихо уплыл по кустам, а кто-то из охотников это прозевал. До этого, с начала века и после, медведей не встречали.

В наш «низменный край» с давних времён тянулись как известные охотники, так и менее известные. Надо отметить, что великий поэт Н.А. Некрасов посетил края деда Мазая по чьим-то рассказам, рекомендациям. Кстати, по рассказам старожил, видимо, один из охотников — друг Н.А. Некрасова — барин, по фамилии Гордеев, женил своего сына на правнучке деда Мазая, Мазайхиной Марии Васильевне, рождения примерно 1875–79 г. О том, как барин приезжал с Марией Васильевной в гости на масленицу в Вёжи, как их жители встречали, стоит писать целый рассказ.

Вот какие сведения остались в моей памяти из рассказов и предположений. Надо сказать, что Н.А. Некрасов в своё время ездил как в наши Вёжи на охоту, так и в другие места не один, а с кем-то в компании. А описанный в его стихотворении внук Мазая — это, видимо, никто иной, как Василий Мазайхин, он был рождения примерно 1845–50 годов. Этот внук Василий с супругой были плодовиты и нарожали 8–10 детей. Вот они: Мария, о которой идёт речь, Агния, Анастасия, Сергей, Павел, Евдокия, Александра. Это те, что дожили до взрослого возраста, надо учесть, что в те времена большая часть детей умирала от различных болезней. Вся эта семья была скромная, богомольная, рукодельная. Самая лучшая пряжа в деревне была Евдокия Васильевна, она пряла самые тонкие нити для рыбацких сетей. Как сам Василий, так и сыновья Сергей и Павел спиртное вообще не потребляли. Как рассказывал мой отец и другие старики, Василий был рыбак, ставил перемёты вётелей в разлив, метал в лесах лещёвки, мережи. Занимался хмелеводством. Что Василий был и охотник, не упоминалось, не были охотниками и его сыновья Сергей и Павел — это уже в наше время. Их дом, Мазайхин, был самым старым кирпичным домом в деревне и сложен был не на извести, а на глине. Первоначально он был на три окна, двухэтажный, а годах в 1870–80 были сделаны придел ещё на два окна в два этажа и сарай по всей ширине дома. Над окнами второго этажа на стене была прикреплена металлическая табличка величиной с большую тарелку, где было вытиснуто и покрашено следующее:

«Российское страховое общество. Застраховано 1870 год».

Наш дом был напротив через улицу, и эту табличку часто приходилось видеть из окна. У них дома был колодец, но в моё время, в 1930-х годах, воду из него не брали. А всё же называли «Мазайхин колодец».

Так вот, Мария Васильевна была выдана замуж за купца или помещика Гордеева. Как его было имя-отчество, неизвестно. А только остались воспоминания: «Барин Гордеев», и всё. Жили они, видимо, в Петербурге. Считали, что это Петриловский помещик-барин, который владел деревнями Шемякино, Петрилово, Пасынково, Шабаново, Палачёво. Например, на озере Великом была большая заводь и называлась она «Гордеева заводь».

В конце прошлого – начале этого века в Моховатом была огромная, на 100 ульев, пасека, где пасечником был Тупицын Пётр Петрович (дядя известного охотника из Вёжей Михаила Тупицына), и называлась она «Гордеевская пасека».

Наш дед по матери из д. Ведёрки Романов Алексей Андреевич был женат на простой крестьянке из д. Шемякина Деулиной Анне Петровне. Это было примерно в 1880 г. Так вот, как рассказывала уже моя мать, отец её Алексей Андреевич за невесту барину платил выкуп. А если жених не мог заплатить выкупа, то невеста должна идти с барином в баню мыться или на ночь в светлицу. Это для тех невест, видимо, было правило, кто выходил на сторону из его поданных деревень. Приходившая из Шемякина в гости тётка матери Александра Евдокимова рассказывала о жестокости барина к своим крестьянам.

Так, за некоторые провинности барин (а может его управляющий) одевали в сенокос на провинившегося тулуп, подпоясывали кушаком и заставляли косить, сажали в подвал на 2–3 дня и не давали еды. Видимо, не зря деревня Палачёво в этой вотчине такое название имела и недавно, после создания водохранилища, переименована в д. - Разлив. В другом случае этого Мазайхина зятя называли «Мышкинский барин». На другой стороне от Палачёва, но уже в Ярославской области, есть д. Мышкино (остановка Ломовская) и есть городок Мышкин, тоже Ярославской области.

Остаётся загадкой и то, где и как познакомились, сосватались барин Гордеев и простая крестьянка Мария, которая в Кострому-то ездила раз в 3–4 года. И я пришёл к выводу, что это связано с посещением Н.А. Некрасова, в компании с которым бывал отец или дядя барина Гордеева.

А вот рассказы очевидцев о приезде барина Гордеева в гости к Ма-

*Родители Л.П. Пискунова: Пётр Фёдорович и Татьяна Алексеевна.
Около 1925 г.*

зайхиным на масленичной неделе (они приезжали на последней неделе мясоеда). В деревне все поджидали, особенно, кто выпивал. Вот как рассказывал отец. Уже с утра с понедельника начинали бегать на край деревни за Елисеев дом, и, приложив ладонь к уху, слушали, не звенит ли колокольчик, не ухаёт ли кучер на лошадей. И если слышали, то бежали по деревне и кричали: «Едут! Едут!» У дома собиралась толпа. «Мы, ребетня, — говорит отец, — с палками стояли в сторонке и ждали.» Вот тройка подъезжала к дому, кучер соскакивал с козел и снимал с коленей барина и барыни покрывало. Из санков выходил барин и доставал гармонь, заигрывая плясовую, Мария снимала ротонду-шубу и пускалась в пляс, толпа окружала. Кто-то из мужиков помогал кучеру и хозяину дома распрягать лошадей, растирали их клочком сена и одевали попоны, вели во двор. Пройдя в плясе несколько кругов, Мария здоровалась, кланялась землякам, барин доставал кошелёк и давал мужикам на 2–3 четверти водки. А потом запускал руки в оба кармана и горстями бросал мелочь-монеты в сугробы по улице. «Мы, — говорит отец, — стремглав пускались подбирать, палками выковыривали из снега». Гости заходили в дом.

В эти масленичные дни принято за правило катать невест. Катались по кругу Вёжи, Ведёрки, Спас на саночках расписных при наряженных лошадях в лёгкой, так называемой немецкой, упряжке. Старики-родители, гости выходили на улицы смотреть, чей парень едет, что за девицу везёт, как они одеты, как лошадь идёт, какова упряжка.

Угостившись, отдохнув, кучер и хозяин дома запрягали тройку. Барин с Марией усаживались в саночки и пристраивались к поезду катающихся, в Спасе, в Ведёрках их останавливали мужики и барина качали, после чего он давал на водку, сняв шапки, мужики благодарили барина, и он ехал дальше. Так барин Гордеев приезжал в начале века много раз. Потом, как рассказывали, Мария заболела чахоткой, он, барин, возил её лечить за границу на воды. И вскоре, видимо в 1913–15 годах, она умерла.

Местных охотников было много: пожалуй, в каждом третьем доме ружьё или два были. Были охотники-чудаки, вроде некрасовского Кузи, который сломал у ружьишка курок. Были профессионалы-промысловики, занимались заготовкой пушнины, дичи для продажи. Были организаторы барских охот. Таким слыл с конца века XIX-го и до коллективизации 1930 г. житель д. Ведёрки Ленев Алексей Иванович, к нему приезжали на охоту знатные люди из города, из других мест, из Питера. У него содержалась псарня гончих собак, стая подсадных уток, флажковые облавы на волков, капканы и др. принадлежности. Моя мать до замужества жила в д. Ведёрки и рассказывала, как Алексей Иванович и охотники привозили на лошади по несколько убитых волков, а иногда пойманных в капканы, живых. До

*М.Г. Тупицын на осенней охоте на реке Касте (после утренней зори).
На берегу видна подсадная утка. Конец 30-х гг.*

1915–17 г. большинство ружей были шомпольные, с центральным боем были единицы. Сейчас проясняется, что Алексей Иванович, совместно с бывшим царским отставным офицером Губером Иваном Ивановичем, проживающим в годы НЭПа в селе Андреевском (позднее он был председателем колхоза в д. Абатурове Костромского района, это около Сущёва), готовился для приёма на охоту (видимо на уток) бывшего главвоенмора, революционера и соратника В.И. Ленина Л.Д. Троцкого, но охота по каким-то обстоятельствам не состоялась. Был в д. Вёжи охотник-промысловик и организатор охот уже в советское время — Тупицын Михаил Григорьевич, к нему на охоту дважды приезжал с большой группой других охотников писатель, автор «Цусимы», А.С. Новиков-Прибой — это в 1936–39 годах. Приезжали на охоту Д. Зуев, В. Ставский, С.В. Михалков и ещё какой-то гипнотизёр, а также постоянно ездили известные охотники из города.

Основная, большая часть охотников охотилась только на уток, эта охота не являлась промыслом, а была как бы забавой, отдыхом. В каждом втором или третьем доме в зиму содержались по 3–4 подсадные утки для весенней охоты на селезней. Прилёта уток, весны ждали, как праздника; готовились, чинили ботники, заготавливали еловый лапник для шалашей-укрытий, заготавливали порох-дробь, пристреливали ружья. И хотя существовало в Ко-

строме охотобщество, волокиты, ограничений и всякой бюрократии не существовало. Можно было свободно купить ружьё, порох, дробь. Строгого вступления в общество не требовалось — большая часть деревенских охотников не являлась членами общества. Охотиться с нарезным стволом было строго запрещено. Промысловики (а это с начала века и до 1941 г., как помнится, были в Вёжах: Семёнов Иван Сергеевич, Тупицын Михаил Григорьевич, Ропотов Фёдор Христофорович, Клюев Павел Николаевич, Лаврентьев Иван Никандрович, Тукин Николай Яковлевич; в с. Спас: Баданин Александр Александрович, Дюшков Роман Галактионович, Баданин Николай Геннадьевич, Кубашин Ананий и другие; в д. Ведёрки: Ленёв Алексей Иванович, Фирстов Николай Григорьевич с сыном Николаем, Фирстов Константин Павлович, Корнилов Александр Корнильевич) промышляли белку, норку, куницу, горностаю, хоря, лису, волка. На лосей в довоенное время охотились мало, и только во время войны и позднее стали их отстреливать воинские части из города, и были организованы 2 бригады в д. Моховатое от Песочных лагерей для их войсковой части. С этих пор и пошло большое браконьерство на лосей. Уток местные охотники отстреливали немного, три-два-пять селезней за зорю. Влёт стреляли немногие, стреляли в сидячих около подсадной утки; с заряда старались подстрелить две-три утки, так как берегли патроны. Были случаи, когда и по дюжине набивали. В первую очередь утки-дичь шли на питание собственной семьи, с утками, куликами, тетеревами варили супы, тушили картошку. Излишки иногда возили продавать в город, где на дичь всегда был спрос.

При появлении волков в наших местах организовывали облавы и от-

М.Г. Тупицын с неизвестным охотником в заводи озера Ботвина осенью.

Известные вежевские охотники. Михаил Григорьевич Тупицын (слева) и Иван Семёнович Семёнов. Конец 30-х гг.

стреливали. В одной такой охоте в 1948 г. 21 августа довелось участвовать и мне: стоял на номере и подстрелил молодого волчонка, за что получил премию 70 руб. А всего в этой охоте-загоне убили 8 или 9 волков.

Сопутствующие занятия и ремёсла

Плетение лаптей

Я часто хожу по центру Костромы, прохожу мимо памятников И. Су-санину, В.И. Ленину в парке и всегда ощущаю, что чего-то тут не достаёт, а недостаёт, считаю, памятника русскому лапотному мужику. Как бы украсил он город, и виделась бы история Руси в этом памятнике. Представляю его таким: русский мужичок, сидя на завалинке, с кодочигом в руке плетёт ла-поть (простите за фантазию). Лапоть с незапамятных времён и до конца Великой Отечественной войны являлся на Руси основной обувью. Плели и носили их повсеместно — в деревнях, в сёлах. В редком доме в семье не умели их плести. Он был удобен, лёгок, в лаптях работали как летом, так и зимой.

В нашем низменном крае, как нигде, этому способствовало большое

количество произраставшей липы. До образования водохранилища были огромные лесные массивы, где произрастала почти одна липа. Это Белкина Грива, Липовая, Красная Грива, Клитишная, Плоцкая, Овинцы.

Интересно и само дерево липа. Сколько от него исходит полезных изделий: 1) лапти, 2) мочало, из которого ткали рогожи-кули, вили верёвки, делали мочалки для мытья в бане и другие изделия; 3) из толстых лип делали кадки для мёда и грибов, опарницы, ложки, различные другие поделки. А как горит липа в печке — без треска и копоти, как масло. Только нет от неё большого жара, как от берёзы, ольхи. И не менее важен липовый мёд, её соцветия как лекарственное сырьё. Лапотным делом в наших сёлах занимались профессионально, в старое время лапти возили продавать на базары-ярмарки. На базары, ярмарки возили продавать и лыко. В годы революции и НЭПа жители наших Вёжей, Пётр Никитич Клюев и Сергей Иванович Клюев, возили лыко на ярмарки в Семёновское-Лапотное (Островское) на своих лошадях, и была неплохая выгода: оттуда везли зерно-овёс и другое. В годы НЭПа и коллективизации лапти в деревне принимало сельскохозяйственное общество, а позднее потребкооперация. Особенно много плели лаптей в с. Куниково.

Всю весну-половодье мимо наших Вёжей ежедневно ехало по несколько лодок из Куникова в наши рощи драть лыко. Это был момент для заготовки лыка — летом на лошади не всегда можно было проехать. Рубили и осенью-зимой по первопутку.

Что ещё немаловажно отметить: чем больше вырубали молодую липу, тем больше её произрастало. Сегодня срубил одну липку-лутошку, на следующий год от её корня-пенька произрастали 3–4 новых отростка.

Процесс плетения был сложный. Каждую липку толщиной в 2–3–4 см нужно было распластать по сердцевине длиной в 1,5–2 метра, а потом, переломив её в нескольких местах, отделить кору-лыко от древесины, затем снять верхний слой коры, выровнять вершину и корень лыка по ширине. Сухое лыко сначала вымачивали в пруду-реке, свивали из лыка оборье-верёвочки, которым опутывали ногу, чтоб не сваливались лапоть с ноги и портянка с ноги-голени, затем заплетали с носка (пока без колодки), а потом, когда носок получится, сажали на колодку по размеру.

В 30-е годы потребительская кооперация много лаптей поставляла на строительство льнокомбината им. Зворыкина, строительство железнодорожного моста через Волгу и другие объекты. Из наших сёл-деревень: Куникова, Вёжей, Ведёрок, Спаса, Мискова — везли возами. Это было по мобилизации, трудовая повинность за паёк хлеба, без зарплаты во время Великой Отечественной войны.

Сейчас доживает свой век в селе Спасе великая труженица тыла быв-

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

шая наша соседка по Вёжам Лидия Николаевна Ветрова, девичья фамилия Данилова — мастер лапотных дел в прошлом. Всю войну с начала и до 1947 г. она и ещё две сестры Тупицыны, Ольга Константиновна и Мария Константиновна, плели лапти для Космынинского торфопредприятия. Помню: почти каждый летний день они выставляли скамейку на крыльце, выносили пучок лыка и начиналась работа; когда забирала тоска, запевали песню (это занятие было помимо колхозной работы, по вечерам).

В 20–30 годы, да и раньше, деревенские дети в школу ходили большей частью в лаптях. С конца Великой Отечественной войны на смену лаптям стали появляться резиновые сапоги, которые принялся массово производить Ярославский завод резинотехнических изделий. Наши жители решили перепрофилироваться — лаптей стали плести меньше, а больше заготавливать мочала, из которого делали мочалки для мытья в бане и возили их продавать в Ярославль, Кострому, Вологду, где был на мочалки большой спрос. В Ярославле на мытном базаре покупали на толкучке резиновые сапоги и галоши. К началу 60-х годов лапти совсем утратили своё значение, уже очень редко кого в это время встретишь в лаптях. А сегодня можно на них посмотреть только в музее, а жаль, нужно бы чем-то закрепить об них память.

Ткачество

Уже с чистого понедельника во многих домах в деревне начинали устанавливать ткацкие станы. Помню, приходила моя тётушка Вера Алексеевна Тенегина, звала мать: «Пойдём, Татьяна, снова ткать кросна», т.е. налаживать ткачество.

С древних времён сельские жители носили домотканую одежду, рубахи-подштанники, дети повсеместно ходили в домотканой одежде. Ткали постельное бельё, навины, полотенца, скатерти и шерстяные портянки на пеньковой основе (онучи) для ношения в лаптях, дерюги. Примерно с начала XX века для ткачества стали покупать в городах хлопчатобумажную нить фабричного производства. А до этого для ткачества пряли вручную на прялках лён, пеньку, крутили на веретене, подвешенном к потолку. Ткацкий труд был тяжёлый, после каждого хлопка, челнок вручную нужно было отправлять в обратную сторону. Поэтому посменно садились за стан все женщины семейства: бабушка, мать, снохи, дочери, иногда ткали и мужики. Вытканые ткани, называемые навинной, расстилали в огороде (или в другом месте) на наст для отбеливания, летом расстилали на росе по раннему утру. К Пасхе станы разбирали и уносили в амбар до следующего Великого поста. Правда, некоторые ткали и летом — у кого было мало полевых и сенокосных работ. Особенно красивы были половики и дерюжки, их ткали из

разноцветных рваных тряпок, старой одежды, платьев, сарафанов. А холсты красили, варили в коре различных деревьев: ольхи, ивы, дуба, крушины и других; особенно красивый, коричневый цвет был из ольхи.

Прядение

Лён в нашей низине не возделывали, а закупали его в сёлах Ярославской области и других местах. Но хорошо родилась у нас конопля-пенька, её — помню я — вязали в большие пучки-снопы и вымачивали в реке, потом мяли, как лён, и отделяли от костры, расчёсывали в повесьма и из готового волокна вили верёвки вручную для хозяйственных нужд — они были намного крепче, чем из мочала. Пряли нити для ткачества (основ). А большую часть использовали для вязания рыболовных снастей, мереж, ветелей, криг, сеж, ряжей и косяков.

Сетевязание

Вступая в пай или покупая у общества какой-то водоём-озеро, каждый рыбак должен был иметь определённый набор сетей; для загрузки (перекрытия) схода рыбы весной требовалось определённое количество квадратных метров сети-косяка. Его, как и другие сети, вязали сами рыбаки, отдавали как заказ другим, кто этим занимался; вязало почти всё население — старушки, дети. Косяки для загруз смолили, чтоб были крепче и дольше не сопревали в воде; мережи, ветеля, криги дубили в коре дуба, ольхи, ивы.

Полотно для мережей вязали из очень тонкой нити, поэтому искусство прядения требовало большого мастерства. Не каждая женщина могла выпрясть такую нить. Этим занимались с ранней осени и до весны. Во многих домах при свете керосиновой лампы — а в более ранние времена и при свете лучины — жужжали прялки и веретёна. *«Или дремлешь под жужжанье своего веретена...»* А.С. Пушкин.

Для изготовления ветелей (ловушек) требовалось для каждого 5 колец и дуга. Их изготавливали из черёмухи, рябины — она была гибкая, не ломалась. Для мереж требовалось большое количество поплавков, а для грузов — камешков с дырочкой, величиной с куриное яйцо; на каждую мережу их требовалось по 40 штук; первые изготавливали из берёсты, делали вырезали заготовки, опускали в крутой кипяток, а потом накручивали на палку, чтоб в середине была дырка для тетивы. Камни-грузила делали гончары из отходов глины при гончарном производстве, их покрывали краской-глазурью и обжигали.

К началу 30-х годов появились сетевязальные фабрики и нужда в большей части сетематериалов ручной вязки отпала. Однако некоторые виды сохранились до настоящего времени.

Плетение корзин и других изделий из прута-лозы

Как я уже писал выше, по берегам рек и озёр рос в большом количестве ивовый кустарник. Он являлся исходным материалом для плетения корзин, санок-плетёнок и другой хозяйственной утвари. В старое время, когда ткали вручную, мешки как тара считались роскошью, их использовали в хозяйстве под муку-крупы и ещё некоторые продукты. А вся остальная продукция (картофель, овощи, рыба) транспортировалась в корзинах. Надо отметить, что эта продукция при транспортировке сохранялась лучше, чем в мешках.

Плетением корзин, как и лаптей, владели многие жители наших мест. Корзины имели разное назначение: бельевые, круглые с редким дном — для рытья картошки, хмелевые — для щипки хмеля, охотничьи — с окнами и перегородками для посадных уток, с которыми ходили-ездили на охоту. Большие двуручные для перевозки картофеля и овощей. Короба-сундуки, где хранили различную хозяйственную утварь. Большие сенные корзины, из которых раздавали сено скоту, овцам, лошадям на дворах. Бельевые с крышкой, в которых носили завтраки на сенокос. Маленькие — ребятишкам за грибами-ягодами ходить. И многие другие.

Корзины плели также и на продажу, возили на базары и ярмарки, покупали на месте по заказу. В 1935–38 г. в Вёжах была организована учебная мастерская по плетению, где обучалось много наших ребят. Руководил ей мастер, по фамилии Скупнов.

Особое место в потребности корзин заняло создание колхозов, тут для каждого колхоза требовалось 1000 и более корзин ежегодно. Приезжали закупать их из других мест, где не было возможностей их плетения. С созданием водохранилища места роста прута исчезли под водой, и некоторые профессионалы по плетению из д. Тепры ездили на Ростовское озеро Ярославской области.

Что человек научился делать с детства, то не забывается до старости. Как-то летом в 1992 г. приехал я в гости к дочери в Кологрив, пошёл с внуками на Унжу купаться, глянул, а там у пляжа на берегу огромные заросли прута, а корзин в доме нет. На другой день пошёл, нарубил пучок и, хотя не плёл лет 50, попробовал — получилось, и наплёл штук 10 всем.

Повседневный быт

Трудовой день в деревенской семье начинался рано утром. Первым поднималось старшее поколение. Бабушки, матери, зажигали у божницы-киота лампадку, совершали небольшую молитву, называемую нача́л, (говорилось: «положила начал»). Потом мать зажигала небольшую керосино-

вую лампу-фонарь и шла во двор доить корову.

В это время поднимался дед или отец, шёл во двор за дровами и за-тапливал русскую печь. Подоив корову и процедив молоко, хозяйка кухни начинала готовить нехитрую повседневную пищу-еду.

Тут мать будила дочь, говорила: «Вставай, Маня, почисти картошки на суп» — или: «Сходи на речку за водой». Маня-дочь вставала, также ложилась начало — молилась — и принималась за дело.

Дед-отец шёл во двор раздавать сено и корм скотине. В это время поднимались и остальные члены семьи. Каждый по указанию матери или бабушки делал дело до завтрака.

Истопив печь, скипятив самовар, кто-то из женщин семьи ошпаривал кипятком берёзовый веник и выметал избу*. После чего садились завтракать.

К этому времени должны быть все в сборе за столом, если кого-то не было (где-то задерживался), ждали. Ела вся семья из одного блюда, с одной большой сковороды. За столом сидели смиренно, разговаривали тихо, немного. Если из детей кто шалил, смеялся, получал от родителей ложкой по лбу. А у некоторых на стене висел ремешок, или трёхвостка, и достаточно было отцу-матери глянуть на него, как за столом воцарялась тишина. Столы были деревянные, большие, смотря по семье.

Главным атрибутом на столе был самовар, он всегда был под парами — степень кипения его регулировали крышкой на трубе, чтоб угли в нём чуть тлели. Чай разливал дед или отец по очереди — по старшинству. Пили из чайных блюдцев, ловко удерживая на пальцах у рта. Сахар был мелко нащипан кусочками и лежал в общей сахарнице, за каждым блюдцем полагалось взять один кусочек. Кто быстро выпивал, тот ждал, когда выпьют все и особенно, кто наливал. Потом наливали по второму кругу, кто не хотел, тот должен был перевернуть стакан-чашку вверх дном на блюдце. К чаю пекли колобушки-кулички, сочни, реже (в будни) пироги с картошкой, морковью, с пареной калиной — ржаные.

Кто в этот момент приходил, чужой или сосед, неблизко подойдя к столу, совершал небольшую молитву (из-за стола на это никто не реагировал), и садился недалеко от стола на лавку или на стул около печки, и молча сидел, пока не спросит хозяин: « Ну, чего тебе, Костя, надо?» После чего

* О венике берёзовом. Вот сколько стадий использования он проходил. Сначала с ним шли в баню, парились, там его не бросали, приносили домой и каждое утро, ошпаривая его кипятком, выметали избу всю неделю до следующей субботы. Затем уже, обтрепав лист, его выбрасывали на крыльцо обметать снег с обуви, затем, когда уже на нём не оставалось ни единого листа, голик перевязывали заново и несли на двор чистить скотину, обметать лошадей, тереть пол с песком во время мытья.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

тот начинал излагать просьбу, вести разговор. После завтрака каждый по его способностям занимался делом, работой.

Обед также совершался в определённое время, кто где-то работал подалше от дома — в овине, амбаре — за тем посылали детей. Перед тем, как сесть за стол, каждый перед иконами должен немного помолиться — перекреститься.

В хозяйствах (большинстве) соблюдалась строжайшая экономия и порядок, за всем следил зоркий глаз хозяйки и хозяина дома, и если обнаруживалась какая-то неисправность, тотчас же подвизывалось, приколачивалось, проконопачивалось.

Всему было своё место. Например, кости от мяса, старые тряпки не выбрасывали, а относили на чердак и копили, зимой проезжали по деревням сборщики этой продукции и обменивали её на нитки, иголки, деткам свистульки и другое. Даже рыбью шелуху (когда рыбу чистили для еды и на сушку) не выбрасывали, а промывали, сушили и сдавали торговцам рыбой, а те её сдавали в рестораны для приготовления заливных блюд: желе получалось хорошее. Если на дороге валялся клоч сена или полено, обязательно его подберут и домой принесут. Конская сбруя, сани, телеги постоянно проверялись, готовились загодя к сезону, а также сенокосный инвентарь: косы, грабли, вилы и т.д.

Суббота была банным днём, к этому дню приурочивали более грязную, пыльную работу*. Работали до обеда, после обеда шли в баню. Вперёд мужчины, потом женщины-дети.

Воскресенье было нерабочим днём, даже в сенокос. С утра большинство населения деревень, приодевшись в нарядную одежду, шло в церковь села Спаса, настроение придавали звон колокола и ожидание кого-то там встретить. Старикам-пожилым кого-то из родственников, знакомых, а молодёжи хотелось кому-то подмигнуть, узнать новости о подруге, товарище. И, конечно, молиться. В то время многие молодые парни пели на клиросе. Считалось это почётно.

В воскресенье готовилась более лучшая пища, пекли белые пироги, жарили рыбу, дичь, мясо.

После завтрака мужики-ребята (многие) шли к кому-то в дом, а летом

* В субботний день производилось до бани мытьё полов в избе-доме. Надо отметить, что в большей части домов полы были некрашены. Их мыли так: толкли мелко красный кирпич в песок, смочив предварительно грязный пол, посыпали его этим песком, затем голиком голый ногой тёрли пол, смывали и ещё тёрли, пока он не станет светло-желтоватым. Высохший вымытый пол, если он не очень старый, отдавал какой-то канифольно-ладанный запах, в доме всё освежалось. Мыли только женщины, и это стоило огромного труда, не один пот сходил.

к амбарам играть в карты. А девицы расходились к подружкам. Летом на улице устраивали небольшую гулянку, а зимой беседки (вечером). Весной в разлив выезжали на больших лодках меж деревень. Туда съезжались из Вёжей, Ведёрок, Спаса как парни, так и девицы: по несколько лодок (3–5) счаливались — гурбились, называлось, — и веселились, пели песни под гармошку и даже устраивали пляску, игры, влюблялись.

О цветах

Цветы, как сейчас, в садах не выращивали, и не принято было дарить, как сейчас, на праздники, дни рождения, и похороны были без цветов. Но в каждом доме зимой и летом все окна-подоконники были уставлены горшками-кадушками с цветами — каких их только не было! Все женщины ревностно за ними ухаживали, обменивались, проходя в других деревнях, смотрели, у кого какие цветы на окнах.

О церкви

Наша церковь называлась Спас-Преображения. Престольный праздник в наших трёх деревнях был 19-го августа — Преображеньев день.

История строительства её неизвестна (кем построена, в каком году), но существует легенда о месте её строительства. Первоначально её хотели строить в д. Вёжи; рассказывалось, что навозят лесу-брёвен к месту строительства, а через неделю-две этот лес исчезает в одну ночь. И не оставалось никаких следов от его исчезновения, говорили: как по воздуху улетал. И оказывался в Спасе — на месте, где позднее стояла церковь; лес увозили снова в Вёжи. Привозили из леса ещё нового, и опять через неделю-две всё исчезало и опять оказывалось на том месте, где была потом построена церковь. Так было раза три, и вежане отступились, сказали: «Это Божье веленье, пусть будет так», но когда церковь построили, просили, чтоб её называли «церковь Преображения в Спас-Вёжах». Вот откуда идёт неясность в названии. «Куда поехали?» — «В Спас-Вёжи». «Где купили сено?» — «В Спас-Вёжах». И даже экскурсовод, подведя группу туристов в Ипатьевском монастыре, где стоит сейчас церковь, объясняет: «Эта церковь срублена топором без единого гвоздя, перевезена из мест затопления Костромским водохранилищем — из села Спас-Вёжи». Но административно во всех, даже старых документах значится: село — Спас, а Вёжи — это деревня. Так, например, записано в метрике моего отца: «Место рождения — деревня - Вёжи, 1895 год, Мисковской волости, Костромской губернии».

Церковь в с. Спасе была построена метрах в 100–150 от поселения, внизу. По чему можно судить, что она построена намного позднее, чем само село Спас, так как последнее стояло на возвышенном месте, — отчасти, как и Вёжи, на привозном, приращенном грунте.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Первоначально церковь стояла на дубовых столбах. Рядом стояла деревянная колокольня-звонница. В начале XX века под церковь были подведены кирпичные столбы-тупики, а в 1910–11 годах деревянную колокольню сломали, так как она подгнила, дала крен и представляла опасность. В 1910–14 годах рядом с ней построили кирпичную массивную колокольню, которая стоит до настоящего времени.

Как обставлена была внутри церковь, сведений не имею. Между селом и церковью было православное кладбище, на котором хоронили до 1949–50 годов.

Самый крайний дом от церкви был так называемый попов дом, он был большой, одноэтажный, на 4 больших окна по лицу. Как рассказывала мне мать, самым долгожителем из священников был отец Сосипатр, который служил, видимо, с начала века и до революции; умер и похоронен около алтаря церкви.

Церковь и кладбище в весенние разливы подтопляло водой. В разлив в церковь из деревень ездили на лодках. Вдоль стены церкви была большая терраса-галерея, к которой привязывали лодки.

О верах и молениях

В наших местах существовало несколько верований и групп верующих. Самая большая — это православная, с церковью в селе Спас.

Была вера старообрядческая, с центром в деревне Овинцы. Это поселение, видимо, возникло во время раскола. Поселение очень старое, оно преобразовалось в деревню, видимо, из скита, основанного бежавшими в леса во времена раскола. Там и до переселения существовало старообрядческое кладбище, где и похоронен наш дед Фёдор Иванович Пискунов в 1930 г. Церкви там не было, а была так называемая молельня-дом. До 1930–36 гг. всех староверов из наших деревень хоронили в Овинцах. У нашей православной церкви в Спасе старообрядцев хоронить не полагалось.

Ещё была вера Черепенина, она тоже, видимо, была старообрядческая, но с другим уклоном-уставом, с центром в деревне Ведёрки, там также был молельный дом, священником там являлся долгое время житель д. Ведёрки Сергей Черепенин, а финансировал этот молельный дом уроженец деревни Ёмутово или Мохоньково близ с. Середы Ярославской губернии купец Юдин, крупный предприниматель, строитель в Петербурге.

Возникали и прекращали своё существование ещё небольшие группы, но они были незначительны.

В селе Куниково было две кирпичные церкви, и почему-то староверческая церковь стояла в центре села, а православная (Николаы Чудотворца) — в так называемой слободе (надо сказать, что снаружи церковь была

*Деревянная церковь Спаса Преображения в селе Спасе.
Середина 50-х гг.*

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

красивая, обнесена кованой оградой с кирпичными столбами).

В с. Мисково была большая кирпичная православная церковь Покрова, там (говорили старики) главный колокол весил 1000 пудов. Звон мисковского колокола отличался от других своим мощным звуком.

А вот о церкви в с. Жарки есть рассказ-легенда: её, говорят, построил костромской купец Третьяков. Какой веры она была, я не знаю. Она была небольшая, кирпичная, очень красивая-уютная, сюда по праздникам приезжала семья Третьяковых на молитвы.

Надо отметить, между верами шла постоянная борьба за вовлечение верующих каждой в свою веру. Были даже трагедии, размолвки при сватовстве-женитьбе. Сколько влюблённых пар были разлучены из-за разных вер. При сватовстве каждый сват старался перетянуть в свою веру, спорили, ругались, выторговывали материально, чтоб поступиться верой, уезжали, снова приезжали. Кто кого переубедит. Родители рассказывали: таким образом у некоторых была покалечена жизнь. Женили не по любви, а как хотелось родителям или сватам.

У старообрядцев была более строгая дисциплина как в жизни, так и в службах-молениях. Большинство, если не все, старообрядцев не курили табак, были сдержаны, а то и совсем не пили водки. Были честны и справедливы по отношению к другим. Молитвы у них велись по старому порядку. Помню, в 1975 г., мае месяце, мы хоронили нашего дядюшку в с. Чернопенье — он по вере был старообрядец. Так вот, когда его отпевали, в одной из молитв «Господи, помилуй» упоминалось сорок или более раз. Когда мы, работая ещё в колхозе в Вёжах, в 1945–47 гг. вывозили лес из овинешных лесов, то чтоб дать напиток, овинешные жители-старообрядцы не разрешали зачерпнуть ковшом в ведре воду и пить, а из ковша они наливали в кружку-стакан и потом подавали пить. Или вот какова была история одной любви в наших Вёжах, это было в 1921–22 годах. Жених был старовер, невеста православная. При нескольких попытках при сватовстве никто не уступал перейти в другую веру, и невеста решила на уход самовольно, без свадьбы, без приданого. И только год спустя, когда родился ребёнок, мать невесты смилостивилась и благословила дочь иконой Пресвятой Богородицы. Сын их — мой друг — сейчас проживает в Костроме, и иногда приходя к нему, я обращаю внимание на ту икону в дорогом окладе, стоящую на их серванте, как реликвию тех давних событий.

У православных дисциплина была послабее, было необязательно идти в церковь каждое воскресенье и даже в праздник при плохой погоде или весной в ветер ехать на лодке в Спас, в дождь, мороз. Можно было вместо этого отмолиться дома. При рождении, крещении и регистрации в церкви имя ребёнку давалось того святого, который по святцам значился на этой

неделе. Но некоторые родители, находясь со священником в хороших отношениях, могли дать понравившееся имя святого сыну-дочери и за месяц-два вперёд или назад.

Дни рождения в старое время не отмечали, а отмечали день ангела, т.е. того святого, в честь которого дано имя ребёнку. При поздравлении в семье мать произносила такие слова:

Дорогой сыночек Саша,
Поздравляем тебя с днём ангела.
Ангелу твоему — злат венец,
А тебе — доброго здоровья и счастья.

И целовала.

Прихожане помогали семье священника в сенокосных и уборочных работах. Например, вместе с проповедями во время службы священник обращался с просьбой помочь скосить ему пожню. Население откликалось, и почти из каждой семьи выделялся человек на эту помощь.

Во время праздников Пасхи и Рождества священник, дьякон и певчая (женщина) на праздничной неделе ходили по деревням со славой, т.е. заходили в дом, совершали небольшую молитву с распевом, священник в это время размахивал кадиллом, наполняя дом запахом ладана. Хозяева дома давали за это что-то из продуктов — яиц, кусок мяса, рыбину или пирог, круг скоромного масла. Дьякон ходил с большой корзиной.

О транспортных связях и путях сообщений

Самым главным и устойчивым дорожным сообщением являлись зимние дороги, санный путь. Они прокладывались по рекам, озёрам, болотам; зимой на саях можно было проехать куда угодно. В это время перевозили основные массы грузов:

1. Вывозка леса на полои из лесных делянок для сплава весной по воде.
2. Вывозка сена из лугов, к которым летом невозможно было подъехать.
3. Поездки с товарами для торговли в дальние сёла и города.

Все зимние дороги — как дальние, так и местные — вешились; ставили с обеих сторон дороги вехи на расстоянии метров 30–40. Это в основном еловые большие лапы, реже — сучья-подрост других деревьев, кустарников. Делалось для того: когда дорогу заметало в пургу-метель, чтоб видны были ориентиры дороги, не сбиться с дороги, не заблудиться. За этим строго следили как местные, так и высшие власти. Как устанавливались зимние дороги, так сразу проводилась эта работа в пределах границ деревни, волости, уезда.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Вторым, не менее важным, было водное сообщение. Оно, наверное, являлось самым древним. Поскольку у нас были большие весенние разливы и множество рек, то на этот вид транспорта ложился большой объём грузоперевозок и сообщений, а самым главным являлся сплав леса.

При возникновении пароходств (примерно с 1870–80 гг.) по р. Костроме до Буя ходили пароходы с остановкой на Остром Колене — в двух километрах от с. Спас — для жителей наших деревень. В Куникове и у Мискова также были остановки. В близлежащие деревни, в г. Кострому весной и летом ездили на лодках. Летом поездки на колесе в большей части были затруднены в связи с отсутствием хороших дорог, а в сырую, дождливую погоду можно было проехать только верхом. Исключением была дорога в Кострому, где её немного подправляли, заваливали канавы, делали мосты и т.д.

Самым приятным транспортом старики почитали водный, говорили: «На лодке не тресёт, и товар не мнётся, не растрескается, и дорога не пылится».

О службе в армии

К службе в царской армии наши старожилы относились с достоинством, видимо, проводилась определённая работа властями, обществом и церковью. Служить в армии считалось священной обязанностью каждого крестьянского сына. Не было каких-то злостных уклонений от службы.

Правда, не брали в армию одиночек у престарелых родителей и по медико-физическим показаниям. Отслужившего в армии парня считали за полноценного мужчину. Кого не брали в армию по физическим недостаткам, того называли «браковка» (белобилетник). Девушки таких парней не любили, провожаться избегали и замуж выходили неохотно, по нужде. Девушка, вышедшая за такого парня, говорила: «Всё мужичок, не соломы пучок».

Служившие мужики каждый о своей службе рассказывал с достоинством: кто о Брусиловской армии, кто об уланском полке, кто о броненосце «Громобой», кто о флотском экипаже Кронштадта. Надо отметить, многие наши ребята призывались на флотскую службу — как в царское, так и в советское время. Многие за службу в деревне получили прозвища: Варяга, Стестель, Микада, Ермак, Фельдфебель, Улан, Гусар, Моряк Елисеев.

Призыв в царскую армию в мирное время проходил, видимо, один раз в год — осенью, на праздник Козьмы и Демьяна. Призывников сразу стригли наголо. С этого времени они назывались рекрутами, до отправки в часть. Они гуляли-рекрутились, не работали, ходили по гостям друг к другу в деревни и к родственникам. Вот какие они пели песни рекрутские:

Брат, забрили, брат, забрили

Наши головы с тобой,
Брат на брата посмотрели,
Покачали головой.

Как Козьма-Демьян придёт —
Нас Московец* повезёт.
Повезёт на вороной,
Не воротисься домой.
Повезёт на сивенькой —
Расставайся с миленькой.

Прощайте, Спас, Ведёрки, Вёжи,
Кострома — больши дома,
Прощайте, милые девчонки,
От вас уеду я.

Провожали всей деревней за Спас до городской дороги со слезами и с песнями под гармошку.

О революциях и дезертирстве

Революции — как Февральская 1917 г., так и Октябрьская — особых перемен в жизнь наших сёл и деревень не принесли. Как занимались люди своим хозяйством, так и продолжали. Они первоначально коснулись только столицы — власти и армии. Такой информации, как сейчас, не было, и её приносили возвращающиеся с фронтов солдаты.

Вот как рассказывал наш отец. В армию он был призван в 1915 г. Служил в 16-й кавалерийской дивизии, 3^м егерском эскадроне. Сумел понюхать пороха и покормить окопных вшей. Был под местечком Стоход, на реке Стоход травлен газами, лежал 2,5 месяца в Гродненском госпитале.

Февральскую революцию встретили так: находясь на фронтовой линии под г. Ковелем, боевых действий не вели, некоторые солдаты бегали в немецкие окопы для братания. В конце марта командующий дивизией генерал-лейтенант Володченко был вызван в Главный штаб в Москву или Петербург. Оттуда приехал в штатской одежде и в шляпе. После проведённого с офицерами совещания произошло следующее: обращение к офицерам и генералам «Ваше благородие» отменили, а ввели обращение «господин генерал-полковник, штабс-капитан». Честь отдавать офицерам и солдатам полагалось только во время службы. За рукоприкладство офицеров полага-

* Московец — это был в 1910–15 гг. деревенский староста, Московцев Александр Филиппович, житель деревни Вёжи, на которого возлагалась отправка рекрутов.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

лось судить трибуналом. Тех, кто прослужил долго, за хорошую службу предлагалось отпускать домой на 3 недели (без дорог). Очереди на отпуск не было, отпускали по жребию. В каждом взводе бросали жребий. В отпуск тех, кто хотел, отпускали с оружием — винтовками.

Такой жребий выпал и отцу: 8-го апреля 1917 г. он выехал с позиции. Отбывших дома срок отпуска солдат военные власти Костромы в прежнюю часть не отпускали, а, видимо, формировали в Костроме свою воинскую часть. Признав у него плохое зрение, положили на долечивание в госпиталь на Муравьёвке, потом признали негодным к строевой и направили в пожарную команду, которая организовывалась в наших трёх деревнях как полувоенное формирование.

Прибывавшие с фронта солдаты не спешили являться после отпусков и роспуска старой царской армии в военкоматы, где уже формировалась Красная Армия. Они не знали, за кого они будут воевать, да и чего им надо было завоёвывать? Большинство уже воевавших солдат и призывников не являлись на сборные пункты (военкоматы).

Это уже шёл 18-й год. В сёла-деревни были направлены конные отряды красноармейцев для отлова дезертиров. В это время уже вовсю полыхала гражданская война. Мятежи вспыхнули во многих местах России. И особенно — в Ярославле. Поэтому, видимо, были приняты жесточайшие меры по борьбе с дезертирством. В наших трёх деревнях дезертирствовали человек 10–15 от 2-х месяцев до полугода. Скитались по лесам, ночевали в овинах, на хмельниках, в речных и озёрных избушках, в стогах. По дорогам днём и ночью шныряли конные разъезды красноармейцев. Как рассказывала мать, в Ведёрках у амбаров стояли их палатки, была коновязь для лошадей. У кого были дезертиры, отбирали скот, баранов на еду.

По вечерам красноармейцы устраивали пляски, пели песни. Рассказывали, один черкес (или грузин) плясал лезгинку с бутылкой на голове, а какой-то силач перебрасывал у весовой 2-х пудовую гирию через воз с сеном. Жители деревни, дети ходили на них смотреть. Красноармейцы знакомились с местными девицами, провожали их и тем самым получали сведения о дезертирствующих.

Среди красноармейцев были русские, украинцы, кавказцы и латыши — эти были особо злостные. Видимо, те меры не приносили успехов борцам за советскую власть, и они решили ужесточить меры воздействия. Так, летом 18-го или 19-го года в с. Куникове были расстреляны 19 человек дезертиров и просто попавших под горячую руку людей. Тогда был рас-

* После расстрела была объявлена амнистия дезертирам, и многие из них пошли служить в Красную Армию.

стрелян и двоюродный брат моего отца Пискунов Михаил. Он в армию не призывался, был одиночка у матери. Шёл в один летний день от Спаса, видимо, с сенокоса, его догнал конный отряд. Схватили, связали руки и повели в Куниково. Там без суда и следствия расстреляли у церкви*.

Может, в это время или раньше при таком методе борьбы с дезертирством были сожжены с. Саметь и Сельцо, где дезертирство стало угрожать положению советской власти*. Там многие жители ушли в отряд-банду так называемого Кости Озерова. Это был лихой царский офицер, видимо, сотрудничавший с организаторами Ярославского мятежа. У него был отряд около сотни лошадей. В местечке Омутское-Ожёга был в лесу стан на реке Касти. Это в середине четырёхугольника — в расстоянии от Петрилова, Бухалова, Привалова и наших деревень 8–10 км. Рассказывали старики, он делал набег на поезд около ст. Путятино Северной железной дороги (около Данилова) и, разоружив конвой, забрал часть оружия.

Биография его такова. Уроженец д. Привалово Ярославской губернии. В царской армии служил в Петербурге, в лейб-гвардии, по характеру был вспыльчив и горяч. Однажды ударил старшего офицера в лицо, сидел на гауптвахте; там ещё что-то совершил, его судили; сидел в тюрьме в Петрограде, бежал оттуда, прихватив с собой полковую кассу; был пойман в Костроме и посажен в тюрьму на ул. Русиной, тоже бежал. А в годы дезертирства, видимо, при поддержке организаторов Ярославского мятежа и заговорщиков по борьбе против советской власти организовал отряд так называемых «зелёных».

Как рассказывали наши старики, в отряде наших дезертиров не было, хотя он приглашал некоторых — отказались. В основном были мысовые; это Шунга, Яковлевское и их деревни. Один из его помощников был из Шунги — Пашков. Из Самети, Петрилова, Шемякина были многие, из ярославских деревень. Ещё помощником у него был из Шемякина некто Саблин.

Наши дезертиры по 3–4 человека скитались около своих деревень, по вечерам-ночью в овины им приносили еду. Иногда приходили в деревню, когда отрядов не было. Но однажды, скитаясь по лесу, Павел Иванович Халатов, Анатолий Павлович Мошкин и Иван Мазайхин наскочили на дозор Озерова, их задержали; оружия у них не было; Иван Мазайхин знал Костюху, и его отвели к Озерову в шатёр на допрос. Костюха расспросил Ивана: «С кем бродишь? Давно ли был в Вёжах? Где стан красных? Сколько лошадей? Кого из дезертиров поймали? Что сделали?» Потом предложил Ивану остаться в отряде, тот отказался и услышал от Озерова слова: «Ве-

* Точные даты см. в статье М.А. Лапшиной «Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919 гг.» настоящего альманаха. (Прим. ред.)

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

шаю замок на губы», т.е. «Молчать, никому ни слова». Когда наши пробирались обратно, на открытом месте, между Баранью и Лунковым, их засёк отряд красных и открыл по ним пулемётную стрельбу; они ползли по кустам, по траве, в это время Павел Иванович Халатов потерял штаны.

Этот эпизод позднее вошёл в местный фольклор. Уже в колхозное время где-то на перекуре или в рыбацкой избушке, при рассказах и воспоминаниях, мужики, как бы подначивая Павла Ивановича, говорили: «Уж ты, Паша, расскажи, как штаны потерял, когда от Кости Озерова бежали».

После гражданской войны Озеров исчез, говорили: «Как в воду канул». А рассказы, легенды про его действия остались в народе до сих пор.

Годы НЭПа (1922–30 гг.)

Революция и гражданская война особой разрухи в наши сёла не принесли, жизненные обустройства сёл не изменились. Наоборот, некоторые декреты советской власти улучшили положение сельских жителей. Так, например, всем, кто служил в Красной Армии, по декрету Ленина выделялся бесплатно лес для строительства домов, амбаров и т.д. Улучшилась работа сельскохозяйственного общества и кредитного товарищества. Наделами земли как пользовались, так и осталось, без переделов. Торговля рыбой, сеном, лесом оставалась по-прежнему свободной.

Возросла встречная торговля, из города развозили продавать ткани, одежду. Была организована продажа в кредит швейных машинок фирмы Зингер, которые развозили по деревням сами продавцы. За проданную рыбу торговцы привозили яблоки ящиками, муку (крупчатку и американку), расфасованную в синие мешочки по пуду.

В эти годы было построено много новых домов в деревнях, в основном кирпичных, так как кирпичные заводы были: 1 — в Вёжах; 1 — в Овинцах, который в год давал 150–180 тыс. штук кирпича; и было 2 завода в Куникове. Была создана в Ведёрках опытно-агрономическая лаборатория по выращиванию хмеля, которую организовал бывший пленный чех Конопасек Антон Францевич.

В Вёжах была построена общественная чайная, которая служила Народным домом, днём там пили чай — как местное население, так и проезжие, а вечером давали концерты самодеятельные артисты, которые приезжали из города, Куникова, Яковлевского, Самети и т.д. Была и своя самодеятельность в наших деревнях. Всё это не ущемляло церковную службу — в церковь как ходили, так и продолжали ходить.

В сёлах стали появляться средства механизации. Так, в Караваев-

ской коммуне в 1925–26 годах появились первые конные косилки и грабли. Как не раз отмечал наш отец, это время жизни было самое лучшее за всю его жизнь.

Коллективизация и раскулачивание

Коллективизация стала появляться, как тёмная грозовая туча из-за леса, с 1927–28 гг. Об этих переменах шли настороженные слухи и предположения. Одним не верилось и не представлялось, как это всех коров и лошадей сведут на один двор. И как это на моей лошади поедет в город какой-то там Костыка или Мишка-босяк. Другие распространяли слухи, что и народ сведут в один большой общий дом и спать будут все вместе под одним большим одеялом. Другие говорили, что власть от мужиков отберут и править всем будут бабы. Мужики коров доить, а бабы на собрания.

Первой ласточкой в этой большой политической работе было создание группы бедноты. С них и началась работа, члены группы стали ходить по домам и агитировать в колхоз. Организатором от партии ВКП(б) в нашем Куниковском сельсовете в то время был большевик, по фамилии Рогов, присланный из Костромы.

Бедняки сразу вступили в колхоз, большинство из них были безлошадники. Кто побогаче, были объявлены кулаками, у них имущество, скот стали принудительно отбирать. Те из богатых, кто раньше раскусил этот замысел, продали скот, дома, и перебирались в город, и устраивались на городские работы.

Агитация велась напористо: «Кто не вступает в колхоз, тот кулак» — был объявлен такой лозунг. Члены Куниковского сельсовета с группой бедноты заседали каждую неделю. Отчитывалась каждая деревня по вступлению в колхоз и раскулачиванию. Скот-лошадей сводили в большие кулацкие дворы. Помню, у нас в Вёжах лошади были в Московцевом дворе, коровы в Тупцином, Оточкином, Пыховом. Быки-телята — в низах амбаров Желтова, Пискунова, Хемина. В 1935 г. выстроили для дойных коров ферму на 50–60 голов и телятник.

Из наших Вёжей репрессирована и выслана была семья владельца чайной Пыхова Павла Григорьевича. Некоторые заранее уехали в города, продав по дешёвке дома, скот, лошадей и имущество. Но позднее, в 1935–37 годах, и там были арестованы и подвергнуты репрессиям. Некоторые были расстреляны как враги народа или погибли в лагерях.

Озёра-реки стали колхозными, и рыбу ловили как бы от колхоза, сдавали через потребкооперацию на предприятия общественного питания заводов и фабрик по копеечной цене, которую назначали власти.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Огромные наделы сенокосных угодий от наших деревень отобрали и поделили на весь Костромской район. Нашим колхозам оставили только на прокорм скота фермы и лошадей колхозов. Наши пожни стали приезжать косить из Бакшейки, Ивакина, Шапова, Апраксина, Караваева, Самети, Стрельникова, городские организации.

Жизнь наших жителей перешла как бы в два уровня. День работали на колхоз за трудодни-палочки, вечером-ночью для себя. Тайком (например, вечером после работы в колхозе) ехали на озеро-реку ставить сети-ветеля. На другой вечер ехали тайком проверять сети, вынимать из них рыбу, а накопив её за неделю и улучив момент, ехали в город Кострому или другие сёла продать.

Косить сена для личного скота стало негде — всё колхозное, на трудодни давали сена мало. Скота-коров в личном подворье разрешалось держать одну голову, одну овцу, одного поросенка. Лошадей держать было строго запрещено. Все перевозки население осуществляло на санках людской тягой, а весной на лодках. В колхозе лошадь давали в исключительных случаях по большой нужде, например, отвезти больного в город. Поэтому перевозка дров, сена и другого для личных нужд осуществлялась только собственным плечом. Население перестало строить дома, не на что стало купить хорошую вещь. Средств оставалось только на выживание. У кого были куплены вещи-одежда в годы НЭПа, тем она и служила до окончания Великой Отечественной войны и переселения.

Отношение к работе стало меняться, хотя ещё и оставалась старая привычка сделать хорошо, добросовестно, честно, но мешала обезличка труда. Трудодень-палочку ставили опытному работающему мужику и молоденькому неопытному мальчишке одинаково, так как работали в бригаде. Поэтому на всё стали смотреть сквозь пальцы. Стали некоторые приворовывать. Однажды мудрый мужичок Александр Иванович Хемин сказал: «А что, мужики, со смирением работай да приворовывай — так и будешь при колхозной жизни жить».

Председателей колхозов рекомендовалось сначала выбирать из бедноты, но они не оправдывали себя. Один сожёт воз лаптей зимой в мороз, когда вёз сдавать в город, второй сделал растрату.

Но к началу Великой Отечественной войны, хотя и плохо, жизнь стала в колхозе налаживаться, и о старой жизни только вспоминали. Стали председателями выбирать более добросовестных мужиков из своей деревни. Поскольку в каждой деревне был свой колхоз, люди были все на виду.

Волна репрессий спала, и некоторые мужики, по ночам поджидавшие чёрных воронок, успокоились. Все притерпелись, приспособились к этой коллективной жизни. Работать стали дружно, по окончании какой-то

сезонной работы — посевной, сенокоса — по бригадам устраивали пирушки. На работу и с работы стали ходить с песнями, пели как старинные, раздольные песни, так и озорные частушки на колхозную тему. Вот ещё помню некоторые:

Колхозница-кенареечка
Отработала год без копеечки.
В колхоз пошла—
Юбка новая,
Отработала год —
Ж... голая.

Нам сказали: «Рогов помер»,
Я вчера его видал.
Без порток, в одной рубашке
Всех в колхозы загонял.

Война

И только привыкли, приспособились к этой колхозной жизни, только отошли сердца, спала злоба с людей, как из-за гор пришла другая тёмная туча — это Война. Она с ещё большей жестокостью навалилась на наш народ.

За время войны с одних наших Вежей ушло на фронт около 50 человек, около 40 не вернулось. Это был предпоследний разрушающий удар. Большинство колхозных лошадей забрали в армию.

Беспрекословно выполнялись заказы на поставку мяса, картофеля, рыбы, сена и другой продукции для фронта, для эвакогоспиталей, размещённых в Костроме.

Народ стал голодать. Единственным спасением был Митинский овощесушильный завод в Губачёвском сельсовете. Туда наш народ вёз менять на барду (это отходы картофельного производства) сено, дрова на санках за 15 км. Из этой барды пекли драники-барденики и ели. Своей картошки не хватало, а колхозную забирали для нужд фронта.

Была введена трудовая повинность. Часть бездетных женщин-девушек в 17–18 лет отправляли на лесозаготовки в Сандогору, Ямково, Мисково. Зимой 1941–42 годов от стен Ипатьевского монастыря и до с. Саметь по берегу Волги рыли противотанковый ров — всем городом и селом области. Часть женщин-девушек была мобилизована для плетения лаптей для торфопредприятий и леспромхозов. Весной в разлив отправляли на сплав леса.

В деревне оставались 3–4 старика, дети, они обслуживали ферму —

Ученики начальной Ведёрковской школы. В центре: директор Анна Михайловна (слева) и учительница Л.Д. Веселова. Справа от Л.Д. Веселовой (позади) — Лёня Пискунов. 1939-1940 гг.

скот, телятники, овчарни. Для транспорта стали обучать быков-коров, на них подвозили с лугов сено к фермам, весной пахали.

Так переживали войну, которая унесла немало детских жизней, стариков и погибших на фронте солдат. Надо отметить выносливость и мужество людей. Так, на Митинский завод возили на санках сено по 5–6 пудов в одиночку за 15 км. Ездили, правда, по 3–4 человека, и где приходилось в гору везти, по очереди помогали друг другу. Сходило, как говорили, по семь потов. В 25–30-ти градусный мороз приходилось снимать пальто-фуфайку, до рубашки раздеваться. Таким же методом возили в Кострому, другие сёла сено, дрова и, реже, рыбу.

Школьное детство

В конце прошлого и начале XX века на три наши селения была одна школа. Сначала обучали до 3-х классов, после революции ввели 4-х классное образование. Первоначально (1900–15 гг.) школа была в Ведёрках. Там, кроме чтения и арифметики, пения, изучали закон Божий.

Многие родители и трёх классов не давали доучиваться — как научиться сын или дочь немного читать, считать и, главное, сумеет расписаться, так и снимали с учёбы. Многие помогали по домашней работе, нянчили многочисленных своих братьев и сестёр, а некоторых из девочек отдавали в няни. А мальчиков увозили в город, в Петербург и т.д. родственники — дяди, братья — или отдавали в подмастерья в мальчики.

Потом (видимо, после пожара) школу перевели в Спас, где учились до 1933–34 годов. Потом снова перевели в д. Ведёрки в большой деревянный дом Коротковых, которых раскулачили. Дети из Вёжей и Спаса ходили в школу за версту, зимой в морозы, в пургу некоторых родители возили на санках, весной в разлив из Спаса и Вёжей возили родители по очереди на больших лодках; кто-то из родителей сидел на корме, правил, а дети гребли в 4 весла и иногда запевали песни, пока по воде ехали. Пели дружно, так как и в школе было два урока пения в неделю.

Надо отметить, что многие выпускники школы очень красиво писали и отлично считали на счётах, некоторые работали бухгалтерами в сельскохозяйственном обществе и кредитном товариществе, на других ответственных должностях. Учились дети большинство прилежно, с большой охотой, особенно после революции, когда был объявлен лозунг: «Учиться, учиться и ещё раз учиться».

Большинство детей до 1937–39 годов в школу ходили в лаптях, так как к этому времени тех, кто был побогаче, раскулачили или они уехали в города. А середняки не носили сапог и другую обувь, так как в школе беднякам выдавали ботинки-валенки, чего хотели получить и середняки.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

В эти предвоенные годы под лозунгом «Учиться и учиться» сменились ориентиры учёбы; если раньше родители в своих детях видели работника, которому достаточно было научиться считать и писать, то советская власть поставила задачу:

Изучим мы дальние страны,
Узнаем строенье земли.
Мы выучимся и в стратосфере
В бои поведём корабли.

Многие наши ребята после окончания 4-х классов Ведёрковской школы подались учиться в Шунгу, Петрилово, в город в 5-й–7-й классы и техникумы, после чего уже только некоторые в деревню возвратились.

В школе нас прельщала не только учёба, а и дорога в школу. Чего мы только не проделывали! Осенью, когда копали картошку на бывших хмельниках, пекли её в золе костра или тушили в ведре, поставленном на костёр и присыпанном землёй. Лазали и качались на деревьях, дубах. Устраивали драки между учениками деревень. Осенью по перволёдку в школу ездили на коньках до Ведёрковского моста через р. Идоломку. Мяли горы на тонком льду реки. Когда в ноябре река Идоломка покрывалась первым тонким льдом и на него можно было ступить, наша деревенская детвора выходила на этот перволёдок. Кто на самодельных, кто на покупных коньках, а кто просто так. Лёд под ногами потрескивал, и в это время смельчаки — мальчишки и девчонки по 5–7 человек — выстраивались в шеренгу и бежали или вдоль берега или поперёк реки — от одного берега к противоположному. Впереди бегущей шеренги лёд поднимался (вставал «волной»), звонко трещал (но не проваливался, только образовывалась масса трещин), и это всех привлекало. Пробегали по одному месту по 5–7 раз, пока кто-то из участников не проваливался.

Провалившийся из полыньи выскакивал сам (когда одной ногой проваливался), или ему бросали жердь, или руку подавали. Он, мокрый, шёл домой, иногда со слезами, и остальные участники за ним. За это родители давали неудачнику лупку ремнём, а остальные под окном слушали, как будут пороть. На другой день друзья-участники спрашивали: «Ну, как — здорово тебя отец порол?» — «Да нет, раза три хлестнул и на печку загнал». — «Да ну, не ври, мы ведь слушали, как тебя отец хлестал да приговаривал: «Не ходи на реку, не ходи на реку, не мни горы!»»

Были и другие забавы. Весной с колом отталкивались на льдине от берега и плыли по реке-разливу, вызывая у взрослых тревогу и раздражение из-за риска и опасности. Иногда при таких забавах прогуливали уроки и даже дни. Потом от родителей получали порки.

Самыми любимыми играми ребятешек и девчонок того времени были игры в козонки и лодыжки. Девчонки 8–14 лет играли в лодыжки. Лодыжка — это часть голеностопного сустава овцы, ягнёнка, барана. Когда варили студень, эти косточки не выбрасывали, а обсушивали, красили их в разные цвета и копили. Их девчонки хранили в своём мешочке, и, когда шли гулять, брали с собой, и устраивали игру так: собирались в круг, на уровне пояса вбивали палку, собирали в руку одной девчонки по одной лодыжке с каждой участницы игры, трясли их в ладонях и бросали с торца палки на землю — которая вставала на ребро, это означало выигрыш. Так делали все по кругу. Кто проигрывался, тот покупал у много выигравших. Стоимость была разная, в зависимости от красоты и величины: от 10 до 30 копеек. Это по состоянию на 1938–41 годы.

У ребятешек была игра в козонки. Козонки — это часть голеностопного сустава коровы, быка, телёнка. Когда варили студень, эти косточки-козонки также отбирали, высушивали, красили. Они были более крупные и другой формы, чем лодыжки. Играли так: ставили в ряд монеты и козонки: впереди втыкали на ребро 3–5–20-копеечные монеты, за ними козонки и битой-палкой с расстояния 6–8 метров бросали-били. Кто сколько выбьет монет-козунков — это выигрыш. Их также продавали-выкупали за деньги ребята друг у друга. В эту игру играли весной-летом на проталинке на лугу.

Много было в деревне других сейчас забытых игр.

Праздничные обряды

Престольным праздником в трёх наших селениях (с. Спас, д. Вёжи и д. Ведёрки) было Преображение Господне, 19 августа. В более старые времена по этому случаю проходила в переполненной церкви соответствующая служба. На этот праздник гости приезжали из Костромы, других дальних сёл, и все — как накануне, так и с утра — шли в церковь.

После службы хозяева и гости расходились, разъезжались по деревням; по домам накрывались столы, и долго, не торопясь, угощались; после все выходили на гулянку.

Гулянки организовывались в довоенное время за деревней. В Ведёрках гуляли в так называемом Ельнике — это до 1930 г., позднее — на Горках: между рекой и деревней было возвышенное место. Вёжи и Спас выходили на Среднюю Гору. Это между Вёжами и Спасом. Там девицы по ровням (возрастным группам), взявшись под руки по 6–8 человек, ходили по гулянке и пели песни под гармошку или без таковой: вместе с гостями набиралось 8–10 групп-рядов. Ребята также ходили рядами, с тростями в руках, но впереди их шёл гармонист и атаман с тростью, который запевал отрывистую песню вроде частушки, например:

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Хулиган-мальчишка я,
Хулиган молоденький.
У меня, у хулигана,
Финский ножик новенький.

Надо отметить, девицы пели протяжные, раздольные песни, а парни вот такие озорные, хулиганские частушки. Дети, подражая, также группами ходили сзади рядов — ребятишки за парнями, девчонки за девицами. Гости, родители, старики или стояли, или тоже прохаживались сторонкой, рассматривали, расспрашивали, чей парень в ряду, чья девица; давали свою оценку девичьим качествам, одежде и т.д.; встречались со знакомыми, вели разговоры. Походив по гулянке с песнями, как девицы, так и парни устраивали пляски — русскую, цыганочку, елецкого. Тут образовывался большой круг. Глежане, так называли в то время зрителей, смотревших на гулянья, подзадоривали своих знакомых в пляске. Поплясав, начинали танцевать кадрили 6-зарядную. Это интересно как зрелище, так и сам процесс танца. Выстраивались в два ряда, с одной стороны парни, с другой девицы, сколько наберётся желающих, и начинали под мелодию гармошки делать определённые движения, как и в обычных танцах — с приплясами, прихлопами, с поворотами. Но самое интересное: держа свою партнёршу правой рукой за талию, а левой за руку партнёрши, парни долго отбивали дробь, с задором и лихостью. Особенно под мелодию «Светит месяц», это 4-ю играли. У каждого танца из 6-ти была своя мелодия и движения в танце.

Хочу высказать упрёк нашим работникам культуры, танцевальным коллективам и их организаторам. Во многих сельских местностях Вологодской, Ярославской, Архангельской губерний-областей на деревенских гуляньях и зимних беседах-своязах танцевали нашу любимую кадрили, состоящую из шести отдельных танцев. Это был своеобразный, задорный, озорной, весёлый танец в комбинации с пляской. Особенно он был красив, когда его танцевали летом на улице на лужайке — выстраивались в ряд и под гармошку начинали с первого танца под мелодию:

«Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои».

Вот уже более сорока лет я нигде не встречал, нигде не видел по телевизору, чтоб танцевали нашу кадрили. Правда, называют иногда танец кадрилию, но это не так, не по-настоящему, его придумали некоторые современные хореографы. Погиб своеобразный элемент культуры нашего народа.

К закату солнца гулянка расходилась по домам, хозяева забирали го-

стей на вечерний чай-угощение.

После этого, уже в деревне, подвыпившие парни и мужики, как местные, так и гости, иногда затевали драки, за гостей вступались хозяева, и получалась большая свалка с серьёзными последствиями. На этот праздник из своих деревень гости не приглашались.

В каждой деревне был свой деревенский праздник. В Вёжах — Ильин день, 2 августа, в Спасе — 21 сентября, Рождество Пресвятой Богородицы, в Ведёрках — Фролов день, 31 августа. В эти праздники приглашались гости из своих деревень и совсем редко из дальних и города. Процесс гулянок и празднования был тот же, и так же ходили в церковь.

В эти летние праздники особо обращалось внимание на противопожарную обстановку. Улицы, переулки выметались от сухого мусора. Курить на ходу в деревне запрещалось. Назначалось усиленное дежурство. Накануне, за 2–3 дня, проверялись противопожарные средства. Машины стояли на телегах в депо в готовности, на дежурство назначались трезвые, добросовестные мужики.

Зимние гулянья и посиделки

С приходом осенних заморозков начинались деревенские беседки и посиделки. Посиделки — это когда у одной из девиц в доме собирались 3–4 подружки с какой-либо работой. Это прядение шерсти, вязка рукавиц, носков, кружев, щипка шерсти и т.д. Узнав, у кого девичьи посиделки, к ним приходили ребята, в основном кавалеры, ухаживающие за кем-либо из девиц. Они, как всегда, приходили с картами и играли в подкидного, козла, девятку, Сеньку Хохла; девицы иногда гадали на картах. В это время на посиделках вели себя скромно, не курили, не шумели, громко не разговаривали, чтоб не вызвать недовольства хозяев, которые тоже были заняты каким-либо делом или уже отдыхали, лёжа на печке или на полатах. Таких посиделок в один вечер собиралось несколько, так как молодёжи было много и они собирались по возрастным группам. Были случаи, когда хозяева кого-либо из ребят и не пускали на посиделки, тогда последние в отместку могли что-то навредить хозяину — развалить поленницу дров, раскидать сено у двора, спустить под гору сани, привязать к ручке калитки старую метлу и т.п. Это делалось и в том случае, когда девица не хотела провожаться с парнем, который ей не нравился, убегала от него.

В воскресенье организовывались беседы, туда собирались девицы по ровням (возрастным группам). Было три ровни: 15–17 лет, 18–20 и 20–24. После 25 лет в беседах девицы уже не сидели, их считали старыми девами.

Туда уже работы никакой не брали, одевались наряднее. На такую

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

беседу собиралось 8–10 девиц; беседы проходили по очереди. Сидели в доме девицы, чья очередь подошла, а если хозяева не хотели, чтоб в их доме была беседа, то девица откупала у кого-либо, кто жил победнее, избу — за корзину картошки, за деньги или обязывалась выполнить какую-либо работу. В этой беседе под гармошку танцевали нашу 6^н зарядную кадрили. Пели песни, устраивали различные игры (в фантики) и всегда плясали цыганочку, русского, елецкого с озорными частушками.

На такие беседы приходили ребята с других деревень, со Спаса, Ведёрок; а наши ходили туда, иногда за вечер умудрялись обойти все три деревни. Ребята, у кого в какой деревне была невеста, те непременно шли в эту деревню на беседу.

На беседу ходили как свои деревенские глежане (зрители), так и из других деревень. Кто посмотреть на племянницу-сестру-брата-внука, кто узнать, кто кого приглашал танцевать, кто про кого какие частушки пел, кто кого пошёл провожать из девиц, какая из девиц оставила парня с носом (т.е. пошла провожаться с другим парнем), кто как был одет и вёл себя. После беседы на другой день всё увиденное и услышанное на проруби, у колодца, при встрече глежане обсуждали, рассказывали соседям и другим жителям деревни, давали оценку.

Более солидным осенне-зимним гуляньем являлись свозы. Они начинались с осеннего заговенья в начале декабря. Первый своз начинался во Спасе, потом недели через три в Вёжах и после Рождества — в Ведёрках. Там также сидели по ровням, беседами, но на своз каждая девица и парень (хозяева своза) приглашали в гости из других деревень своих подруг, друзей, и не только из Спаса и Ведёрок, но и из Куникова, Пасынкова, Шемякина; Прости, Овинцев — деревень Ярославской губернии. И если в которых семьях было по 3–4 участника своза, т.е. парней-девиц, то в доме собиралось по 10–15 человек гостей молодёжи, с двумя ночами. Нужно было им, как гостям устроить ночлег и угощение. И хлопот хватало всем — от стара до мала. В эти свозы-беседы сидели до 4–5 часов утра два вечера, а точнее две ночи, и дневная беседа на третий день до сумерек. Беседы сидели так: девицы группами по 8–10 человек откупали дом-избу, которая побольше. Ребята делали в подвале подпорки под перекладыны, чтоб пол не провалился, и перегородку в избе, отделяющую зрителей от участников беседы.

Девицы на верёвочки, грабельники или тонкие длинные палочки развешивали по стенам расшитые скатерти, полотенца, простыни — приданое своих мам и бабушек, а кто уже и своё приготовленное, после чего изба приобретала свежий, нарядный вид. Для освещения вывешивали две

30-линейные лампы-молнии, керосиновые.

Во второй половине первого дня сходились и съезжались гости своза. Некоторые уважаемые родители сами привозили свою дочь или сына на своз. В основном почти все гости были родственники: двоюродные сёстры-братья, племянники и т.д. Гости приезжали с запасом нарядов, особенно девицы. В своз в деревне было по две-три беседы, и, с учётом гостей, девиц в одной беседе собиралось по 20–25 человек.

В первый день беседа начиналась часов в 6–7 вечера, в каждой беседе по договорённости ребят был своё гармонист — из своих жителей. Ребята каждой деревни ходили своей группой (артель называли) по беседам, оттанцевав один раз в беседе, вся группа шла в другую; если артель чьей-то деревни задерживалась, возникали ссоры и драки.

Так, сделав круг по всем беседам, часов в 10–11 вечера начиналась перерядка, отдых, хозяйева своза забирали гостей и шли домой, где уже приготовили угощение, чай. В это время гости (в основном девицы) переряжались в другую одежду-платье-наряды, некоторые и ребята одевали другую рубашку-пиджак, меняли ботинки на валенки с галошами и, угостившись, отдохнув, шли давать второй круг по свозу — до 4–5 часов утра.

Во второй половине глежан уже было меньше, участники-парни уже подвыпившие, а девицы уставшие. Но так же шли танцы-кадрили, пляски, пели песни, проводили различные игры. Под конец ребята, кому приглянулась девица, уговаривались и шли провожаться. Кто драчливые, устраивали драки. А хозяйева дома, где проходила беседа, говорили: «Керосин кончается, скоро погаснут лампы».

Беседа расходилась. Кто вёл своих гостей отсыпаться, а ребята из соседних деревень — Ведёрок, Спаса — под гармошку с песнями шли домой своей артелью, а кто оставался провожать свою невесту из беседы — тот оставался у друга-хозяина своза ночевать.

Все до обеда отсыпались, после обеда девицы — как хозяйева, так и гости — наглаживали свои платья угольным утюгом. Делали завивки кудрей, заплетали косы, готовились к следующей беседе. Ребята — гости и хозяйева — в это время ходили друг к другу, обменивались впечатлениями и новостями прошедшей беседы, угощались.

Часов в семь вечера начинались беседы-гулянья второго вечера. Приходили ребята с соседних деревень, и шли во всех беседах гулянья, танцы-кадрили, пляски, песни, игры. Часов в 10–11 снова была перерядка у хозяйев, угощение-чаепитие, и снова до 4–5 утра гулянье на третий день.

Денная беседа уже была послабее, некоторые дальние гости уезжали

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

с утра домой, глежан-зрителей было мало. Из девиц в основном собрались хозяйки своза и некоторые гости, у которых возникал любовный интерес-знакомство с парнем. Часам к 5 вечера беседа заканчивалась, все расходились, разъезжались по своим деревням-домам.

После своза на две-три недели у баб деревни было много разговоров, обсуждений, пересудов. Кто в чём был одет, чьи скатерти-полотенца были всех лучше в беседе, кто с кем познакомился и провожался, кто кого оставил с носом*, чья из девиц больше всех «конопатила».**

После своза родители объявляли: «Ну, нагулялись, пора и за работу!» Кто из парней уезжал на заготовку леса в верховья рек Соты и Костромы, кто занимался домашней работой: вывозкой сена, навоза на хмельники и другими делами — до своза в другой деревне или до масленицы.

Свадьбы-женитьбы

Свадьбы в основном справлялись в мясоед от Рождества до масленицы, в Святки. Порядки и обычаи их исходили из давних времён. В каждой отдельной местности по-своему.

В наших деревнях было так. Если жених и невеста дружили, были знакомы, то жених объявлял родителям: «Тятя-мама, я хочу жениться», и если родители были согласны, назначался день и вечер сватовства — это делалось за 2–3 недели до свадьбы. Жених невесте и её родителям объявлял, в какой вечер они придут свататься. Родители невесты к этому вечеру готовились. Весь процесс подготовки и само сватовство проходило в глубокой тайне от деревенских любопытных баб, так как было много случаев несостоявшихся сватаний по различным причинам:

- 1) не приходили к согласию по вере,
- 2) не приходили к согласию из-за приданого невесты (мало давали имущества, одежды, овец, телят),
- 3) от неприязненных отношений между родителями-родственниками,
- 4) находили сваты-родители дефекты в личных качествах жениха или невесты.

И многое другое.

Было и по-другому: какой-то дядя-родственник приглядел хорошую девицу в какой-то деревне. Запрягали лошадь, сажали жениха с родителями в сани, и ехали свататься, и, бывало, сразу сосватывались. Назначалась свадьба-венчание.

Когда процесс сватовства решался положительно, родители невесты

* Оставила с носом, т.е. пошла провожаться с другим парнем.

** Конопатила, т.е. мало ребята приглашали на танец кадрили.

накрывали стол с выпивкой. Это уже назывались пропивы; к этому столу приглашались и близкие родственники — тёти-дяди, братья-сёстры, живущие отдельно. Обговорив всё о приданом, дне свадьбы и венчании, подвыпившие сваты и родственники (а это всегда было уже к полуночи) запевали громкую протяжную песню. Услышав это в соседних домах, любопытные бабы, надев валенки на босу ногу, собирались у окон дома и ждали, когда сваты и жених с невестой выйдут на улицу всей компанией и пойдут по ночной деревне с песнями, огласив тем своё сватовство-помолвку.

После дня сватовства начиналась подготовка к свадьбе. Свадьба была в доме жениха, а богатые родители невесты недели две спустя устраивали в доме невесты вторую свадьбу, называемую отозвины.

В этот период один из родителей возил на лошади молодых в город за покупками, прогуляться и, при возможности, сфотографироваться на память. Подружки невесты готовили невестино приданое. Особое внимание уделялось постели — белью, подушкам. Постель невесты была главным атрибутом свадьбы. Бельё, наволочки, подзор вышивались кружевом. Одеждо было из красивых лоскутов, стёганое.

Постель для молодожёнов устанавливалась в горнице, в светёлке, а если изба небольшая, за перегородкой. А как её установят, все бабы-девицы деревни ещё до свадьбы ходят смотреть постель и сундуки с приданным невесты.

Венчание назначалось на день свадьбы, и от венца из церкви молодые ехали к свадебному столу. Во многих домах того времени для таких целей имелись лёгкие саночки-кошовки, расписанные орнаментом или обитые красивой цветной тканью. Запрягалась лошадь в специальную лёгкую немецкую упряжь с колокольчиком, в хвост и в гриву вплетались ленты.

Ко дню венчания и свадьбы большинство ребят-мужиков (охотников) заряжали патроны холостым, и, как свадебный поезд приближался к деревне от венца, начиналась ружейная пальба. Некоторые смельчаки старались выстрелить над ухом молодой жены. Пальба продолжалась, пока молодых не встречали хлебом-солью и они не входили в дом.

Посреди деревни или на Чайной Горе мужики через улицу перетягивали верёвку, требуя с жениха выкуп за невесту. Когда молодые войдут в дом и гости рассядутся за столы, несколько мужиков, войдя в дом, зажигают посреди избы в руках лучину и кричат раз 5–6: «Ура! Хороша! Ура! Хороша!» Жених или родители жениха давали мужикам, бабам вина-закуски. Они благодарили, желали молодым долгой и счастливой жизни и шли к кому-либо в дом распивать это вино.

После этого крёстная или крёстный, тётушка или дядя, а иногда и бабушка невесты благословляли молодожёнов святой иконой — как прави-

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

ло, иконой Пресвятой Богородицы или одной из тех, которые как реликвии стояли в красном углу дома на киоте всю жизнь и перед которыми все в доме молились. После всех этих процедур начиналось свадебное пиршество, наливали вина, водки, кричали: «Горько! Горько!» — и так до песен, до плясок.

На второй день свадебные гости собирались с утра, будили молодых в постели битьём горшка с мелкими монетами, которые молодая жена должна собирать и подметать веником; ей тут подкидывали ещё и бумажки. А золотые и крупные купюры складывали на поднос, с которым одна из бойких свах обходила гостей и, приговаривая, вынуждала гостей раскошелиться. К концу второго дня свадьба завершалась, гости расходились, разъезжались.

На 3–4 день для молодожёнов топили баню и провожали их одних в баню. После чего начиналась обыденная деревенская жизнь, молодая жена привыкала к новой жизни в другой семье, а это было непросто. И тут большую роль играла свекровь, которая, имея жизненный опыт, нерезко подсказывала неопытной молодой снохе, как и что делать, к кому как обращаться, т.е. вводила в курс и порядок их семейной жизни. Надо заметить, что в большинстве семей молодая жена братьев и сестёр мужа называла: братец-сестрица. Например, обращаясь к кому-либо, говорила: «Аннушка, скажи-ка братцу Петру, что баня истопилась». Иногда в одной семье по 2–3 года жили две молодых семьи, пока одной из них не выстроит дом и она не отделится. Крупных скандалов на этой почве было немного, так как веское слово всегда принадлежало старшим — родителям, и они мудро регулировали все семейные взаимоотношения.

Масленица

Весь мясоед от Рождества до масленицы был в деревне оживлённый приподнятый дух: то свадьба у кого, то гости наезжали, то приезжали различные торговцы на лошадях — с ситцами, с горшками середские* горшечники, с конопляным и льняным маслом, сборщики тряпья и костей. А более всего покупателей за сеном, дровами, рыбой. Все чайные гудели как ульи. Мужики в шубах, тулупах с обмёрзшими, в сосульках бородами сидели, не раздеваясь, за чаем, вели разговоры, торговались, узнавали, что по чём продаётся, отогревались.

Но это были как бы будничные дни. А вот с понедельника масленичной недели начиналась настоящая масленица, приезжали, приходили молодожёны в гости к теще на блины и другие гости. Бывалые (не первый

*Середа — торговое село Ярославской области. (Прим. ред.)

год) зятя при встрече с тещей, здороваясь, шутили: «Ну, теща, жарь рыбу, рыбы нет — сама на сковороду!» Тёща отвечала: «Да что ты, милый, давно рыба на масленицу припасена, ждём вас, ждём, проходите!» До 1930 г. (до этого времени в хозяйствах имелись свои лошади, саночки и лёгкая упряжь) дошёл давний обычай устраивать катания невест, сестёр, молодых жён. Катались со среды до воскресенья по кругу: Спас, Вёжи, Ведёрки. К этому мероприятию готовились загодя, начищали лошадей, сбрую, бляхи на узде блестели золотом. В гриву и хвост вплетали ленты. В некоторых богатых хозяйствах имелись выездные лошади-рысаки, как, например, у Коротковых из Ведёрок, у Клементьева Дмитрия из Вёжей. Катались так: если в семье было 2–3 парня, то по очереди в один день или каждый в определённый день. Молодые мужья катали сначала жену, сделав круг по Спасу-Ведёркам, в Вёжах её высаживали, сажали сестру, сестру жены. Встречая гостей или катающихся молодожёнов, ребяташки выкрикивали такую поговорку: «Дяди! Дяди! Везёте ли Масленицу?», а дяди отвечали: «Везём, да не вам — молодым женам».

Во время катанья родители-старики и дети — все — выходили на улицу, усаживались на завалинку или на скамеечку у домов и смотрели, чей парень едет, кого катает, какова одежда, саночки, как идёт лошадь, какова упряжь. Самый большой интерес проявлялся к холостым парням: чью девицу катает, невеста она ему или просто подсадил, или сестру катает? Когда много катающихся бывало, то ехали поездом, т.е. несколько лошадей друг за другом. Кто хотел показать лихость, то пробовал поезд обогнать, и некоторым это удавалось. Тогда этому парню была похвала, и лошади тоже.

Воскресенье было последним днём масленицы, приходили последние гости. Вечером за рекой жгли масленицу, для этого ребята — дети 10–15 лет — недели за три до этого собирали по домам дрова, керосин, сено; всё это копили, складывали у амбаров, а керосин хранил кто-то из взрослых ребят дома. Поскольку с дровами проблем не было, то дров для масленицы собирали кубов по 10–12. Когда ещё зимой заготовливали дрова и которые кряжи не кололись, их оставляли, говорили: «Ребятишки заберут на масленицу».

В субботу с утра все эти дрова и сено детвора свозила за реку, там ребята постарше искусно укладывали дрова в поленницы квадратом, перекаладывая сеном, наверх забрасывали толстые кряжи, старые сломанные колёса и другой горючий хлам. Привозили 2–3 деревянные бочки из-под смолы или колёсной мази, и, как начинало смеркаться в воскресенье, обливали этот костёр керосином, и поджигали.

К этому времени вокруг уже стояла большая — треть деревни — толпа людей: подростки, мужики, матери с малыми детьми. И вот вспыхивал

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

этот большой костёр, на длинные жерди ребята поднимали подождённые смоляные бочки, с них на снег летели капли горевшей смолы. Матери детям объясняли: «Смотри, Саша, это молочко горит — завтра молочка не будет». С треском вылетающие из костра искры — объясняли — это пироги, пряженцы горят, завтра их не будет. У костра-масленицы подвыпившие мужики-бабы плясали, пели частушки. А хулиганистые ребята в толпе мазали головешкой у глежан белые валенки-бурки (чёсанки). Посмотрев, глежане начинали расходиться по домам, а костёр горел до утра.

В понедельник, с утра, топили бани, отмывались, назывался он чистый понедельник, наступал Великий (7 недель) пост. До Пасхи.

Великий пост

Отгуляв масленицу, сходя в баню, с чистого понедельника деревня вступала в другой образ жизни. Веселиться, петь песни не полагалось — считали грехом, даже разговаривали негромко. В пище переходили на растительную. Капуста, картошка, грибы, огурцы и т.д. Молоко давали только малым детям и сильно больным. Большинство мужчин тоже постились, не полагалось вести половую жизнь даже мужу с женой. И сильно верующие жёны этого строго придерживались.

С чистого понедельника во многих избах-домах устанавливались ткацкие станы, на них ткали в три смены бабушки, матери, дочери. Ткали холсты, навины для белья, дерюжки-половики, онучи-портянки; весь пост, а иногда и на Пасхе, продолжали ткать, до полевых работ.

Спать ложились рано, свет-лампу почти не зажигали, а утром вставали с рассветом. Все приступали к работе в семье; кто кормил скот, кто (в основном матери) топили печь, доили коров дочери-снохи. После завтрака кто пряд на прялке нити, кто вязал рыбацкие сети, кто ткал на станке, кто из стариков скручивал нити веретеном, подвешенным к потолку. Вся семья усердно трудилась. В то же время старушки-матери усердно дома молились, читая молитвы по Псалтырю или Евангелию у налюя*, перед киотом с зажжённой лампадой.

Во время Великого поста в деревню заезжали различные мастеровые, портные, сапожники, каталя валеной обуви, плотники, мастера по отделке лодок-ботников. Приходили коновалы, которые, идя по улице, кричали: «Легчать козлов, баранов, телят, жеребят!» — в основном это были татары, искусные мастера в этом деле. Портной из Куникова, по прозвищу Гусарик, останавливался у кого-то в доме и обшивал нехитрой одеждой всю деревню: штаны, пальто, пиджаки. Рубашки, платья приходила шить

* Аналой. (Прим. ред.)

из Пасынкова Вера Хромая. Из близлежащих деревень Ярославской губернии приходили на весь пост 3–4 сапожника, они шили новые кожаные сапоги, ботинки и ремонтировали старые. Плотники подряжались рубить срубы дома, бани, амбара и т.д. В это время никаких гулянок и пьянок не было, даже пьяницы в это время воздерживались, включались в какую-либо работу по дому, по найму.

В это время в большинстве хозяйств коровы уже отелились; надаивали много молока, которое почти полностью сдавалось на сыроварку или из него дома делали топлёное масло. Куры несли яички, которых за пост скапливалось по несколько сот (корзины). Всё это запасалось на Пасху, на весенне-летний период и на продажу. Во время поста всё потребляли скромно, экономно.

Обычаи, суеверия, приметы

Как у многих народов, в нашем крае также существовало как бы разделение труда между мужчинами и женщинами (говорили: «А у нас это не принято»). Не принято было мужчинам:

1. Доить коров.
2. Топить русскую печь утром и готовить.
3. Стирать и полоскать на реке бельё.
4. Носить с реки в дом воду.
5. Топить баню и носить в неё воду.

И ряд других работ.

Если кто всё-таки иногда в силу каких-либо обстоятельств и делал это, то стеснялся, оговаривался, что ему пришлось это делать. А тех, кто это делал — 1-2 человека в деревне, — бабы таких мужиков называли «бабья ляжка».

Существовало много различных суеверий.

1. Пошёл по делам, только вышел за порог, как обнаружил, что забыл то и то взять, нужно вернуться. Говорили: «Пути не будет». И в большинстве это сбывалось.

2. Вышел, и встретила на улице-дороге женщина с пустыми ведрами, тоже говорили: «Пути не будет».

3. Собрался идти по делу, дорогу перебежала чёрная кошка. «Пути не будет».

Существовало ещё много таких суеверий.

Много существовало различных примет по определению погоды. К дождю, сырой ненастной погоде:

1. Если дым из трубы или от костра стелется по земле.
2. Если ворона сидит на сухом сучке дерева и ощипывается.

3. Если на лугах нет росы.
4. Если солнце закатывается в облака.
5. Если в стаде домой идёт корова чёрной масти впереди других.
6. Если петухи поют не вовремя и беспорядочно.
7. Если лошадь во дворе часто фырчет.

К солнечной сухой погоде:

1. Если угли в закрытой печи не гаснут до следующего утра.
2. Если прикрытый самовар долго не гаснет, издаёт писк.
3. Если солнце закатилось вечером за чистый горизонт.
4. Если на лугах с вечера обильная роса,
и много других, которые уже позабылись.

Деревенские сострадания, взаимовыручка, милосердие

Как и во всей России, в каждой деревне были так называемые уроды: глухонемые, слаборазвитые, покалеченные на войнах солдаты. Они, большинство, жили в семьях, а некоторые пожилые и одиноко. К таким людям большинство жителей, особенно пожилых женщин, относились с состраданием. Приносили им что-то из питания, отдавали поношенную обувь-одежду, иногда мыли в бане. Стыдили-ругали родителей, если которые из них относились жестоко. По праздникам, особенно в Пасху, разносили таким людям яички-пироги, звали пообедать в семью.

При выполнении каких-то трудных работ, например, вывозка со дворов навоза, сенокос, сплав леса для семьи, жители-соседи объединялись по 2–3 семьи. Так, например, вывезти навоз со двора за один день не каждая семья была в силе, а, скооперировавшись, 2–3 семьи это делали в один день, что не нарушало текущего порядка во дворе-семье. А на другой день или раз это делали в другой семье.

Ещё был такой порядок. У кого телилась корова и было много молока, те хозяева делились с соседями, родственниками. А когда у первых запускалась корова, то же самое делали вторые. На праздники, у кого не было рыбаков в деревнях, тем относили рыбу, а последние в ответ присылали мёду, мяса и т.д. Всё это делалось не из денежного расчёта, а от совести и милосердия по принципу: «Если мне сделали хорошо, не забыли меня, то я сделаю ещё лучше, больше подам, принесу».

Песня и труд

Надо заметить, с древних времён человека сопровождала песня, она существовала как во время отдыха (праздники), так и во время труда. Не зря наш великий поэт Н.А. Некрасов подметил: «С песнею труд человека спорился».

В наших местах много пелось различных старинных песен — как в праздники, так и при выполнении каких-либо работ. Например, собирались девицы, женщины на посиделки в избе-светёлке прясть, вязать и запевали песню. Щипали хмель на хмельниках — то там, то тут звучала песня. Тянули гонку леса за верёвку по воде, пели «Дубинушку» с озорными припевами. Ехавший рыбачок с удачным уловом запевал свою любимую, а по воде его голос слышен был за 3–5 км. Этому, видимо, способствовала своеобразная культура-пропаганда, что ли. Пением духовным занималась церковь. Пение пропагандировалось в школе — как в конце века, так и в годы моего детства, в 1937–41 гг. В годы революции, НЭПа, в деревнях-сёлах проводились певческие олимпиады. Надо заметить, что с приходом советской власти, коллективизации репертуар деревенских песен сильно обновился. К тем старинным народным песням добавились: «Катюша», «Дан приказ ему на запад», «Дальневосточная», «И на Тихом океане свой закончили поход», «А винтовка-трёхлинейка лучше брата и жены», «При лужке-лужке», и ещё вот уже сейчас совсем забытые:

Пары подняли боевые корабли,
Уходят в плаванье
С Кронштадтской гавани,
Чтоб встать на стражу Советской страны.
Там за горою уже догорает
Красно-румяный закат.
А у сестры на руках умирает
Красно-балтийский моряк.
Только сейчас от осколка снаряда
Рану ему нанесли,
И в лазарет на его же шинели
С палубы вниз унесли.

Хочу напомнить некоторые песни, а точнее — куплеты отдельные, из очень давних песен, которые я уже не слышал с детства нигде: ни по радио, ни от народа. В чайных у нас ещё до революции были граммофонные большие трубы, и любимой песней у мужиков была песня-пластинка:

Шумел-гудел пожар московский,
Дым расстилался по реке.
А на стенах вдали кремлёвских
Стоял он в сером сюртуке.*
«Зачем я шёл к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках,

* Наполеон.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах».

Вот какие ещё песни народные забыты. Пели их на свадьбах, на гуляньях.

Разбушевдалася погода,
Разволновалася река,
На берегу синёва моря
Сидела девица одна.
А на руках у ней ребёнок,
Прижавшись к груди, крепко спит.
Ребёнок, ты не виноватый,
А виноватый милый мой.
Отец-подлец, он нас оставил,
Не хочет видеть и любить,
Он веселится, пьёт, гуляет
Среди товарищей своих.

(Больше не помню.)

Жила-была мой друг Анета,
В сиротстве жизнь свою вела,
А красотой своей прелестной
Она богаче всех была.
А Коля-мальчик был хороший,
Всегда ужаживал за ней,
Отец и мать Колю бранили,
Зачем Анету полюбил.

(Больше не помню.)

Скрылось солнышко из глаз,
За лес закатилось,
Не навеки ли с тобой,
Милый мой, простились?
Болят сердце, болят грудь,
Я, по ком, не знаю.
Научите, как любить,
Я не понимаю.
Говорила дружку я,
Повторяла часто:
«Не влюбляйся в чёрный глаз —
Чёрный глаз опасный,
А влюбляйся в голубой —
Голубой прекрасный».

Не поверил милый мой —
Полюбил другую,
А меня он, молодую,
Бросил как чужую.

Много складывалось песен, частушек, припевок местными умельцами. Так, когда танцевали кадрили без гармошки, то девицы играли на языке или пели голосом всей беседой, и под эту песню танцевали. Например:

Ах вы сени, мои сени.
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решётчатые.

Ты берёза, ты моя берёза,
Ты кудрявая моя берёза.
Со берёзы листья опадают,
Со берёзы листья опадают,
Во солдаты парня призывают,
Во солдаты парня призывают.

В Закобьякине* пыль столбом,
Старшина идёт за писарем,
Старшина идёт за писарем,
Колю нашего записывать.
Записали Колю нашего,
И заплакали домашние,
И заплакала Колина мать
И сказала: «Больше Колю не видать».

Я чахоткою страдаю,
Я чахоткою страдаю,
Я чахоткою страдаю,
Скоро-скоро я умру.
Жалко с светом мне расстаться,
Жалко с светом мне расстаться —
Мне всего 17 лет.
Жалко летнего гулянья,
Жалко летнего гулянья,
Жалко летнего гулянья

* Закобьякино — торговое село Любимского района Ярославской области.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Да ещё зимних бесед.

Вот какая была колыбельная песня, когда укладывали, укачивали в зыбке грудного ребёнка.

Домик над рекою, в окнах огонёк,
Светлой полосой на воду он лёг.
В доме не дождутся с ловли рыбака,
Обещал вернуться через два денька.
А проходит третий — рыбака всё нет,
Ждут его и дети, ждёт и старый дед.
И вот вдоль реки несётся лодка,
А на ней песня раздаётся,
Всё слышней, слышней.
Звуки той знакомой песни услышав,
Дети вон из дома бросились стремглав.
Вот и воротился, весел и здоров,
В рассказни пустился тотчас про улов:
Как щука большая с полпуда была,
Мережу пробила, из тони ушла.
А вторую щуку рыбачок поймал,
Он её руками к лодочке прижал.*

Обычаи праздников, гуляний, зимних бесед и свозов существовали до самого переселения, хотя во время коллективизации эти обычаи подвергались также репрессиям. В праздники: Ильин день (2 августа), в престольный — Преображения Господня (19 августа), Пасху, Рождество и другие — жителей принуждённо заставляли работать. Как всегда, в деревню приезжали представители власти, НКВД. С большой неохотой и принятием греха на душу колхозники выходили работать. Работали спустя рукава, чтоб только время прошло. А вечером всё равно приходили гости, и праздник справлялся, хотя таких гуляний и не было, как раньше — до колхозов.

Партячейкой и комсомолом велась атеистическая пропаганда, хотя церковь до 1936–37 годов не была закрыта; против священников и верующих велись неприличные высказывания, насмешки. Вот, помню, пели:

Поп Сущёвский — благочинный,
Прогулял тулуп овчинный.

В то же время проводилась работа по ликвидации безграмотности, многие пожилые женщины не могли писать, читать, и в раскулаченном Тупицыном доме на втором этаже учительница Ведёрковской школы Анна Михайловна проводила уроки ликбеза с этой категорией населения. Писа-

* Стихотворение И. Сурикова, сокращённое и изменённое. (Прим. ред.)

ли : «Мы не рабы, рабы не мы».

После Великой Отечественной войны такого притеснения на праздники и гулянья не стало. Помню, в 1946–47 г., когда мы работали на лесозаготовках в Ямкове, Шоде, Мискове, нас на неделю отпускали на зимние свозы домой — гулять свозы. Конечно, при той колхозной бедноте и гулянья не те были, но традиции и их дух поддерживались.

Переселение из зоны затопления будущего Костромского моря (1952–1955 годы)

Об этой грандиозной работе к нам в деревни стали просачиваться осторожные слухи в конце 1940^х годов. А в 1949–50 годах вокруг наших деревень стали ходить люди с теодолитами, вести съёмку местности, геологи — бурить шурфы и брать пробы грунта. Народ насторожился и почувал что-то неладное. Стали расспрашивать геологов, они полушутя отвечали, что будут тут делать море.

Референдумов, как сейчас, не проводилось, с мнением населения не считались, информации никакой не было. Наоборот, всё первоначально было в секрете. Большинство населения не представляло, что это за море будет. Но некоторые мужики, зная понаслышке об Рыбинском водохранилище, стали представлять себе замысел этой затеи. Узнав о том, что и деревни Губачёвского, Саметского сельсоветов подлежат выселению, некоторые люди высказывали версию, что это замысел героев соцтруда П.А. Малининой и А.И. Евдокимовой — председателей тогда знаменитых колхозов «XII Октябрь» и «Пятилетка», якобы хотевших воспользоваться этим и расширить земельные площади для своих колхозов за счёт деревень Губачёвского сельсовета.

А в 1952 г. в наших лесах застучали топоры. Прибывшие по оргнабору рабочие стали вырубать наши леса и кустарники, готовить ложе будущего моря. Работали тысячи, в лесах были построены бараки для их проживания, жили и в наших деревнях: Ведёрках, Спасе, Вёжах, Овинцах, Прости.

Вырубались ценнейшие породы деревьев, огромные массивы липы, дуба, красной ольхи, ели, берёзы, осины (сосна в нашей низине не росла). Большая часть этой древесины пропала, так как два года (1954–55) вода не поднимала плоты с этой древесиной и она оставалась в лесах невывезенной. Часть огромных дубовых кряжей невозможно было вывезти лошадьми, погрузить их вручную. А тяжёлая техника не могла пройти ни зимой, ни летом.

К линии намеченной дамбы тянули высоковольтную передачу для обеспечения электроэнергией земснарядов. Летом 1953 г. из р. Узоксы в озеро Великое вошел первый земснаряд, бросив якоря и опустив свой стальной

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

10-метровый хобот в воду, стал засасывать грунт-песок и намывать дамбу.

По 20 деревням и сёлам района велась оценочная перепись домов, строений для определения компенсации за снос и слом домов. Обмер и оценку вели девушки-студентки. Если дом новый, деревянный, компенсация определялась только за разборку и перевозку дома — мало. Если дом кирпичный, большой — компенсация назначалась большая, так как его приходилось полностью разламывать и строить дом заново.

По решению переселенческой комиссии и властей области были определены места, куда переселять население из зоны затопления. С населением об этом никто не советовался. Было строго указано, куда переселяться; если переселялись не туда, куда было указано, половина компенсации не выплачивалась.

Так из Вёжей члены рыбколхоза переселялись в Спас — он оставался за дамбой в отшнурованной части. Это семей 7–8, остальные — в сухопутное Каримово, куда поехали немногие; остальные под различными предложениями и лазейками — в Шунгу, Стрельниково, Некрасово, Гомонику, Чернопенье, г. Кострому и Ярославскую область. Деревня Ведёрки — в Чернопенье, Лыщёво, Асташево, Кузьминку, город и Ярославскую область. Мисково — в Новое Мисково, Сущёво и деревни этого сельсовета, в Ребровку, город. Куниково — в деревни Сущёвского сельсовета. Деревня Губачёво дружно переселилась в заново выстроенное Губачёво между пос. Никольским и Караваевым. Переселение проходило для населения тяжело, особенно для пожилых людей; многие, пожив немного на новых местах, преждевременно умерли от тоски и переживаний. Но кому-то пришлось и по душе на новом месте, те смогли быстро адаптироваться, обустроиться и заняться новым делом.

Переселение-перевозку осуществляли автомашинами. А весной — по воде на баржах; так за несколько рейсов в баржах переселялись из Ведёрок в Чернопенье, Асташево, Лыщёво. Разобранные деревянные дома в плотах сплавливали по воде.

В обкоме партии, в облисполкоме каждый месяц слушали отчёт о работе по созданию моря и переселению. Весь упор делался, как быстрой выселить население деревень, как нужно ударными темпами вести намыв дамбы и строительство защитных сооружений.

Будучи членом обкома, знакомый военный комиссар города (в то время полковник) Зудов Леонид Алексеевич рассказывал мне, как проходили эти отчёты — о людях думали мало, больше о выполнении задания партии и правительства, о досрочном рапорте. Поэтому многое ценное, историческое осталось не описано, так сказать, ушло на дно моря с концами. Даже колхозные документы не были затребованы, не сданы на хранение в архи-

вы — переселяясь, в некоторых деревнях их просто сжигали, не зная, куда девать. Многие колхозное имущество, скот просто растаскивалось, списывалось на утрату и т.д.

Вот сейчас, в 1990–93 гг., выходя на пенсию, мои земляки в районных архивах получают ответы: «Ваших документов в архиве не имеется». И приходится для подтверждения стажа колхозной работы приглашать земляков-свидетелей.

Некоторые жители не очень хотели и не торопились покинуть родные места; их предупреждали, стращали штрафом, невыплатой компенсации и приезжали с милицией на катере просто выгонять, а жители в это время уезжали на лодке в лес, в кусты и там отсиживались, пока выгоняльщики уедут.

Но вот в 1956 году перекрыли русло р. Костромы и мутные воды (от работы земснарядов) стали затоплять наши луга, бывшие леса. Стало накапливаться это творение человеческих рук — водохранилище, которое смыло с лица земли те 20 населённых пунктов, ту жизнь, которая протекала в этой низине, возможно, от возникновения человечества.

Список сёл и деревень, выселенных в связи с созданием Костромского водохранилища в 1953–55 гг.

1. Мисковский с`с : с. Мисково, примерно 500 дворов; с. Жарки, 250–280 дворов.

2. Куниковский с`с : с. Куниково, примерно 430–450 дворов; д. Ведёрки, 85–90 дворов; д. Вёжи, 50–55 дворов; д. Овинцы, 25–30 дворов; д. Прость, 25–30 дворов.

3. Губачёвский с`с : с. Сельцо-Никольское, дд. Губачёво, Пашутино, Новленское, Митино, Митинский овощесушильный завод, д. Скрывалово.

4. Саметский с`с : дд. Савиново, Саково, Новосёлово, Воронино, Трохач.

5. Деревня Моховатое, 22 дома; деревня Шода.

6. Деревни Ливенье, Бражниково — Ярославской области, Любимского района.

Названия колхозов

1. Село Куниково — колхоз «Красный животновод».

2. Деревни Ведёрки, Прость, Овинцы — колхоз им. 1-го Мая.

3. Село Спас — колхоз «Сталинец».

4. Деревня Вёжи — колхоз им. Сталина.

5. В 1944 г. был организован колхоз «Красный рыбак», в него вошли по 5–7 рыбаков и их семей со всех деревень сельсовета, т.е. из Куникова, Ведёрок, Спаса, Вёжей, с центром-конторой в д. Вёжи, чем было вызвано

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

большое недовольство и недоумение наших вежевских рыбаков, которые не были приняты в рыбколхоз, а куниковские за 5–6 км ходили ловить рыбу в Вёжи на наши водоёмы.

Окончание

На наши селения за несколько веков их существования обрушивались большие катастрофы и стихии.

Часто были пожары, когда выгорали дотла сёла и деревни, но народ не разбежался, а противостоял — жили в землянках, в других деревнях у родственников, в банях, амбарах. Природа и условия им тут помогали: лес для постройки был рядом, вырубали его бесплатно, сплавливали по воде до самого дома. В таких случаях все объединялись и сообща преодолевали трудности. И за 1,5–2 года снова обустривались. Выстраивали новые дома.

Были ураганы, эпидемии. Так, например, эпидемия в 1907–1910 годах, когда в Спасе, Ведёрках, Вёжах умерли десятки людей, десятки остались с испещрённым (корявым) лицом. Так, только в семье Ивана Родионовича Степанова из деревни Ведёрки за две недели умерло четверо детей, но ещё 6–7 осталось в живых.

Были стихии и другого порядка, но стихии шли от Бога и природы, и она, природа, урон восполняла. А вот рукотворные катастрофы (имеется ввиду создание Костромского водохранилища) не восполнимы, так как они сотворены руками и разумом человека.

Как-то наш отец незадолго до смерти сказал: «Развелось очень много учёных, и они погубили мир». И я нахожу его словам подтверждение. Казалось бы, при таком большом количестве учёных, просто образованных людей, научных институтов и других организаций человечеству следует жить лучше и лучше, ан, нет: человечество всё более и более становится на грань вымирания и уничтожения.

Вот чем приходится заканчивать своё невесёлое воспоминание о нашем родном крае, ушедшем в небытие от сотворения человеческих рук. Вспоминать, писать на старости лет об этом тяжело и грустно.

Дополнения

О говорах, наречиях

Как и везде по России, в каждой отдельной местности, в том числе и в нашей, имелись свои отличительные говоры и наречие. У нас были приняты в употреблении такие слова-выговоры, как: Машуха, Костюха, Катюха, Гришуха, Енюха, что подметил и употреблял в своих произведениях

Н.А. Некрасов.

Многие слова произносились с употреблением буквы «и». Например: «мисец» вместо слова «месяц», «писни поют».

Произносили слова-имена: «Ванькя» вместо «Ванька», «Манькя», вместо «Манька», «Лёнкя» вместо «Лёнка» и т.д.

Много было собственных названий. Во время Великой Отечественной войны многие девицы переписывались с молодыми солдатами — знакомились заочно. Так, одна из них, Шура Полуектова, писала своему солдату-заочнику: «Саша, у нас сейчас разлилась весна, и мы по вечерам гуляем на обрубках». В ответном треугольнике он спрашивал: «Шура, объясни, что такое «обруб» и как вы на нём гуляете». Обруб — это стена из свай со стороны реки вдоль деревни, которая уберегала от размыва во время весенних разливов. С этого обруба начинали строить заднюю стену двора, между домов с обруба ставилась капитально лестница, ведущая к реке. А на территории между домами, как на борту судна, и собиралась весной молодёжь — гулять. Ещё такое понятие-слово было как «обуденка». Говорили: «Сходила в город на обуденку», т.е. вернулась обратно в тот же день. «Сходила в деревни на обуденку».

Местные названия

Ба`ба — приспособление для забивки больших свай при строительстве деревянных мостов через реки. Это ствол дерева 1,2–1,5 метра высотой с ручками, за которые его поднимали 4–5 человек и опускали на сваю.

Бо`жья с дро`жью* — холодная, с северным ветром, с дождём и снегом погода в начале и середине мая и во второй декаде сентября. В первом случае она застигала иногда рыбаков-охотников во время весеннего разлива где-нибудь на островке в лесу, где приходилось пережидать два-три дня, пока стихнет ветер, сидя под опрокинутым ботником (иногда без еды) и дрожа от холода. Во втором случае, осенью, после такой погоды начинается слёт уток из лесных болотных ручьёв, озёрок на большие озёра, где утки группировались в стаи, готовясь к отлёту. И начиналась настоящая осенняя охота на слётную утку (на перелётах). Шум ветра в лесу, листопад, падение сучьев и деревьев в лесах-болотах пугал уток, и они вылетали на чистые большие озёра. В сентябре охотники такой погоды ждали, так как местную утку (выводки) выбивали — они разлетались по мелким лесным озерам от стрельбы на озёрах, и охоты были неудачными.

Ботни`к — маленькая лодочка (долблёнка-челнок) с одним кормовым веслом, применяемая для охоты и летней рыбной ловли в озёрах и

* Так говорили среди рыбаков.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

которую можно было одному человеку перетащить из одного озера в другое.

Ве`тель — рыболовная снасть типа ловушки, натянутая на 5 колец с двумя горлами, куда рыба заходит, а обратно выйти не может. Ставится как в стоячей воде (озере) на растяжку, так и при течении на растянутую верёвку (перемёт).

Го`лбец — тесовая пристройка в избе к боку русской печи; с торца его делали вход-дверцу для ходьбы в подвал-подполье, а вдоль печи, но ниже её верха, шло лежанье, где можно было спать одному, в редком случае — двум человекам. Когда бывало жарко спать на печи, спускались на голбец. Существовала мудрая поговорка — когда кто-то собирался куда-то ехать, но не уехал, то по этому случаю говорили: «Уехал с печи на голбец» или «Ездил с печи на голбец».

Дрян — мелкие дрова из кустарника или стволы липы после снятия коры для заготовки мочала и корья. Их рубили на кряже топором и связывали в пучки, укладывали в поленницы, ими топили подтопки, железные временные печки в подвалах. Такие дрова в печке горели без треска и копти, хотя жару от них было мало.

Духови`к — метод лова рыбы. В крутом берегу озера выкапывали яму, из неё прокапывали канавку в озеро и укрывали ветками, сеном, засыпали землёй, чтоб не промёрзла вода и был воздух. При заморе рыба собиралась в эту яму. Рыбак за озером следил: есть замор или нет; как замор прошёл, вскрывали эту яму (духовик) и саком вычерпывали из неё рыбу.

Ез — плотина на истоке из озера для удержания высокого уровня воды в озере для ловли рыбы тягой воды.

Загру`за — перекрытие сетью истока речки, вытекающей из озера, весной при спаде воды с целью предотвращения схода рыбы из озера.

Зы`бка — 1. люлька, сплетённая из ивового прута корзина и подвешенная к потолку на длинном шесте (очепе), в которой качали грудных детей. Для удобства к очепу привязывали длинную верёвочку с петлёй для ноги, чтоб одновременно ногой качать зыбку, а руками что-то делать.

— 2. слабина верёвки-каната, перетянутого через реку с быстрым течением, чтоб перемёт опускался на дно реки. Величину зыбки регулировали, когда ставили перемёты ветелей в реке — в зависимости от глубины и быстроты течения.

Ка`ва — короткая свая с зарубкой или с коротким отростком-сучком, забиваемая с осени на выбранном месте берега реки для постановки перемёта ветелей через реку весной. К ней крепился на прочной верёвке или верчёной черёмухе маяк-поплавок, к которому весной крепилась верёвка перемёта. Их забивали на обоих берегах реки.

Каю`ра — небольшая однопарная вёсельная лодка-долблёнка, применяемая при сплаве леса сплавщиками для завоза якоря, перевозки людей с плотов на берег.

Кишка`, шить кишку — в сеть при устройстве загруз (в её нижнюю донную часть) вставляли мелкий битый кирпич или тяжёлую цепь, чтоб сеть плотно ложилась на дно, предотвращая сход рыбы из озера.

Кози`ть, поехали козой — ночной лов рыбы с освещением: на корме лодки-ботника на железной решётке жгли небольшой костёр из сухих мелких дров (смолистых корневищ) — для освещения; тут же стоял рыбак с острогой и колол стоящую в воде рыбу, второй человек потихоньку одним веслом грёб, чтоб лодка тихо двигалась, не пугая рыбу. Позднее для освещения стали применять керосиновые лампы, а ещё позднее и аккумуляторы.

Кося`к — отрезок сети из толстой нити для устройства загрузки.

Кри`га — небольшая рыболовная снасть (кошель) на двух шестах, применяемая для ловли рыбы с берега (в суводях).

Лья`ло — прорубь во льду для ставки сетей со льда зимой (для ловли подлёдным неводом).

Наше`тка — лавка (банка, по-флотски) в лодке-ботнике.

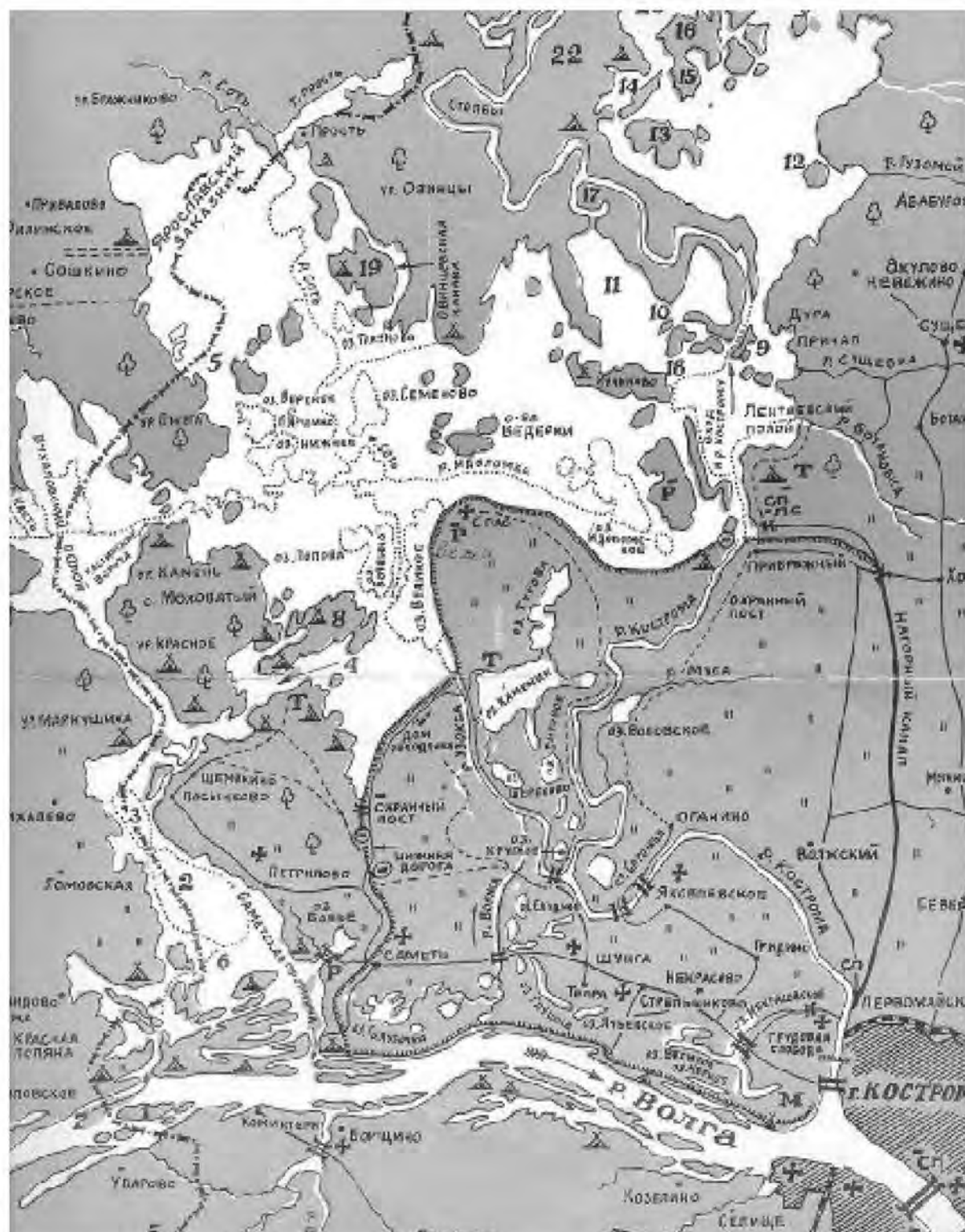
О`тпаль — при понижении уровня воды зимой в озере лёд у крутого берега провисал, образуя воздушное пространство меж водой и льдом, куда при заморе собиралась рыба и глотала воздух, и тут, пробив во льду льяло, саком её отлавливали-черпали.

Обжо`рная пя`тница — большой базар в торговом селе Серёда Даниловского р-на Ярославской области на предпоследней неделе мясоеда, в пятницу. На этот базар съезжалась все округа — из Любимского района и из наших мест. Старики рассказывали, было такое правило-порядок: если что-то привёз продать, то обязательно должен что-то купить. Деньги увозить с базара считалось негодим делом. Наши мужики на эту обжорную пятницу возили продавать рыбу, особенно мелкую (вандыш), иногда не очень качественную (снудую). К этому времени в озёрах наступал замор, и её ловили саками в отпалях, духовиках, иногда уснувшую. И говорили: «Ничего, хорошо проморозить, так на обжорной пятнице купят».

Обру`б — забор из свай вдоль деревни со стороны р. Идоломки, защищающий от весеннего разлива деревню. На сваях обруба строилась задняя часть двора-дома. С обруба ставились лестницы, ведущие к реке от домов.

По`жня — участок сенокосных угодий с определённой границей и своим названием, например: Забродье, Жеребчиха, Рыла, Церковная. Их были сотни, и у всех своё название.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Карта-схема «Костромское водохранилище».

Пужа`ло — выдолбленная из корня или нароста дерева насадка в виде чаши на длинном шесте, которой пугали рыбу при ловле мережами — чтоб заходила в мережу.

Садо`к — кошель снасти, натянутый на кольца, куда пересаживали пойманную живую рыбу для сохранения её в живом виде длительное (до 20 дней) время.

Саморо`д — шпангоут, вырубленный из корня ели и части её ствола при изготовлении лодки-долблёнки, придающий твёрдость бортам при сжатии. Их в лодке устанавливалось 5–8 — в зависимости от длины и величины лодки.

Се`жа — рыболовная снасть в виде кошеля со строганой белой доской внизу его; метод лова: перекрывают речку косяком-загрузой, в середине делают ворота, куда опускают до дна белую доску, к которой пришта донная часть сежи, боковые стенки её надевают на кольца, кошель сежи отпускают по течению с лодки, а зимой со льда. Смотрят, как через белую доску заходит в кошель рыба. Когда она начинает выходить обратно, доску поднимают и из кошеля вытряхивают рыбу в лодку или на лёд.

Токма`ч, тохма`ч — большой деревянный (дубовый) молот весом 8–10 кг, применяемый для забивки свай при устройстве загруз и постановке перемётов ветелей.

Тонь (любимая тонь) — излюбленное удачливое место лова рыбы или чередование однообразного лова: например, неводом сделали первую тонь, вторую тонь и т.д.

Ужи`ще — крепкая верёвка для вязки воза сена.

Названия лесных массивов, озёр, пожен, омутов и плёсов на реках

1. **Геросла`вль***. Плёс-омут на р. Костроме в 7–8 км вверх по течению от с. Шунга Костромского района. Сейчас в отшнурованной дамбой низине. Одноименно называлась и пожня на этом берегу между рекой и озером Каменник**.

2. **Дворе`ц**. Лесной массив на р. Костроме в 3-х км от села Спаса. До 1930 г. принадлежал селу Спасу. Сейчас в отшнурованной дамбой части.

3. **Золота`я**. Бывший хмельник, в колхозное время пашня; сейчас безхозное заросшее лесом место между бывшей д. Вёжи и с. Спасом, у дамбы.

4. **Боя`рская доро`га**. Бывшая в старое время дорога, ведущая от д.

* Ошибочное название. Правильное — Гореславль. (Прим. ред.)

** Правильное написание — Каменик. (Прим. ред.)

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

Вёжи через большую дубовую рощу Заезну в деревни и сёла Ярославской губернии — г. Данилов, Любим и далее.

5. Бора`нь. Возвышенное место, весной в разлив островок на берегу реки Касти в 1,5 км от д. Вёжи. Стоянка первобытных людей каменного века. Их две: Борань Малая и Борань Большая, в 250–300 метрах друг от друга. На обеих были дубовые рощи. Там любили цыгане устраивать свои кочевые таборы (стоянки) в наше время, в 1925–50 гг. Сейчас затоплены и размыты волнами водохранилища.

Названия мелких озёр в пойме рек Соти и Касти в 1,5–2 км от д. Вёжи

Хоти`лово, Малое Хоти`лово, Калита`, Халя`ва, Ло`гинково Большое, Ло`гинково Малое, Кулачи`шное, Подно`вое, Литви`нское, Ува`рышково, Щури`ха, Шиганы` (Шиганы` Шу`нгенские), Кру`глая За`водь, Протомо`ище, Малое Протомо`ище, Жеребчи`шное, Горбуно`во Малое и Горбуно`во Большо`е.

Названия пожен по р. Соти:

У`личища, Забро`дье, Жеребчи`ха, Лу`нково, Переле`ски, Шарко`во, По`лосы (с 1-й до 16-й), Кру`гленькая, Дедё`вка, Монасты`рская, Кра`сная Гри`ва, Ро`нделово (и омут), Тю`тин Горб.

По р. Касти от Ярославской границы:

Омутска`я, Оси`нник, Хода`рки, Ли`повая, Рыла`, Бора`нь, Церко`вная, Пе`ршинский дол, Перее`зжее Ры`ло, Ту`пышкино.

Удивительные люди

Удивительные люди жили в наших деревнях в своё время, как, впрочем, и во всей России. Видимо, в то время была настоящая свобода. Время это я отношу от конца прошлого века и до периода коллективизации 30^х годов. Народ был малограмотен, но до чего же мудр, совестлив, богобоязен и трудолюбив.

Среди многих интересных наших старожилков того времени хочу рассказать о троих жителях нашей когда-то воспетой поэтом Н.А. Некрасовым деревни Вёжи.

Вот первый: это Сергей Иванович Ключев. Он был рождения примерно 1885 г., настоящая фамилия его была Хемин. Женившись он ушёл в дом жены и принял её фамилию. Как и все деревенское население — в

начале века, занимался сельским хозяйством, хмелеводством, рыбной ловлей. С возрастом был призван на военную службу в царскую армию, служил на Балтийском флоте, после срочной службы сверхсрочную — вплоть до середины Октябрьской революции и гражданской войны. Сверхсрочную служил он баталёром-интендантом в экипажах, морских базах городов Гельсингфорса, Ревеля, Кронштадта, Питера.

Был хитроват и скуповат. Служившие с ним вместе земляки иногда рассказывали, что в годы 1-й мировой войны и революции Сергей Иванович приторговывал флотскими клёшами-брюками и штиблетами. И за время службы скопил немного денег. Кончив службу где-то в 20–21 г., приехал в родную деревню и женился уже в возрасте за 30 лет.

Обзавёлся хозяйством, землёй, лошадыю. А любимым делом выбрал извоз — торговлю. Возил по разным городам и торговым сёлам продавать рыбу, хмель, сено, лыко. Лыко возил продавать с Семёновское-Лапотное (ныне Островское), а хмель в Вологду*. Из Вологды он привозил знаменитых белозёрских снетков, которых продавал владельцам чайных и населению. Уже в годы моего детства старики часто вспоминали об этих белозёрских снетках, хотя своей рыбы было вдоволь.

Так жил-хозяйствовал Сергей Иванович до коллективизации, но в колхоз долго, до 1935 года, не вступал — занимался своим извозом. Тогда стали давить его налогами и прочими действиями, отобрали надел земли и сенокоса. Стали угрожать раскулачиванием, пришлось сдаться и вступить в колхоз, к тому времени у него было трое детей.

Как мы теперь уже знаем, в те годы комитеты бедноты обладали большой властью и при поддержке партии большевиков творили большой произвол на местах. Отбирали у более состоятельных крестьян имущество, сани-телеги, сбрую и т.д., но ещё отбирали и золото. Так как до 1924 г. в обращении были золотые монеты, то при появлении в обращении советских червонцев много золотых монет осело у населения, их предлагалось менять на советские бумажные деньги. Но народ оказался не глуп, и не все решили менять. Поэтому, видимо, советской властью было принято решение: кто не меняет золото, у того просто отбирать. Комитетам бедноты и активистам коллективизации было дано указание выявлять предполагаемых золотодержателей, т.е. указывать представителю НКВД, у кого должны быть золотые монеты. Так, в своё время в наших деревнях за это были арестованы и посажены в КПЗ Е.Я. Аниканова, Сергей Иванович, Ваня Нестеров — это из Вёжей, Сергей Черепенин и Стеша Романова — из Ве-

* О вологодских ярмарках и базарах Сергей Иванович рассказывал с восхищением и такой своей приговоркой: «О! Вологодский базар — живое дело», т.е. ему это нравилось.

О прошлом деревни Вёжи под Костромой

дёрк, и из Спаса — Мария Васильевна Лезина.

Вот как с ними представители НКВД вели дело. Посадили и не давали двое суток еды, а на третий день дали хлеба с солёной селёдкой и сутки не давали пить. А потом вызывали к следователю, где на столе стоял графин с водой, но пить могли дать, только если признаешься, где спрятаны золотые монеты или сдашь их представителям власти. Сколько у кого было отобрано, я сказать не могу, но факт такого действия был.

За службу на флоте Сергею Ивановичу в деревне народом было присвоено прозвище Варяга, что ему вроде бы и нравилось, даже сын его Николай иногда его так называл в глаза и с какой-то гордостью. А вот за арест за золото Сергей Иванович получил второе прозвище: иногда не в глаза его стали называть Серёга-Золото. Но и это ещё не всё.

Примерно в 1935–36 г. Сергея Ивановича вынудили вступить в колхоз. Отвёл он на колхозную конюшню свою лошадь Звёздку, вместе с телегой и сбруей, и стал со смиренством трудиться на колхозной ниве, но в душе всё это ему очень не нравилось*. Иногда во время перекуров предавался воспоминаниям о флотской службе, о финских девушках-фликушках, о середских, закобякинских и вологодских базарах-ярмарках. Эти слова, бродяжное царство, он произносил, когда брал в руки колхозные вилы или запрягал лошадь. Например: «Ну, дай назад, бродяжное царство!» и т.д., и к середине Великой Отечественной войны за ним прочно укрепилось прозвище — Бродяжное царство. В этих словах он выражал недовольство теми условиями жизни, которые последовали вследствие коллективизации.

Сейчас я часто предаюсь воспоминаниям и удивляюсь, как не попал в поле зрения агентов НКВД Сергей Иванович, ведь это прозвище за ним так укрепилось, что стар и мал его называли так или понимали его под этой кличкой, например, бригадир, давая наряд, говорил: «Поедешь в лес за жердями с Брод-царством», т.е. с Сергеем Ивановичем. С горечью в душе под старость лет пережил Сергей Иванович и переселение из родной деревни в связи сооружением Костромского водохранилища. Переселился он в 1954 г. вместе с семьёй сына Николая в посёлок ПМК. Это около д. Некрасово и Святого озера. И вскоре умер.

Вот я иногда предаюсь размышлениям: а как точно и мудро присваиваются различные прозвища-клички людям за их характер-поведение и дру-

* Видимо, наблюдая ту колхозную безалаберность, безответственность, давление властей сверху и перемены того устоявшегося жизненного уклада в деревне не в лучшую сторону, у Сергея Ивановича стали иногда из уст вырываться слова — «бродяжное царство». Наблюдая безалаберность колхозной жизни, С.И. дал определение этому явлению как БЦ.

гие черты человеческой деятельности.

Вторым не менее удивительным человеком был Николай Яковлевич Тукин. Он тоже 1885 г. рождения, от природы был, видимо, одарён большим талантом. Образование его 2–3 класса церковноприходской школы, но уже с 12–15 лет он сочинял стихи, много читал, зная наизусть произведения Пушкина, Лермонтова и других писателей и поэтов того времени. Много знал из церковной литературы. Иногда рассказывал о царе Ироде, Содоме и Гоморре, римских императорах. Говорил всегда в стиле рифмы, а лет в 25–30 задумал отправиться, наподобие горьковского Челкаша, в путешествие в низовье Волги, где прожил около 2-х лет на рыбных промыслах у калмыков.

Надо сказать, что семья Якова Тукина (отца Н.Я.) была в деревне на хорошем счету — уж если не богатая, то среднего достатка (это начало века). Вернувшись из путешествия, хотя не сразу, но Н.Я. женился на своей деревенской, Ольге Васильевне Даниловой, и народили они 12 или 13 детей, семеро из которых выжили, а пятеро или шестеро умерли в детстве от различных эпидемий и родительского недосмотра. С организацией сельскохозяйственного общества и кредитного товарищества постоянно работал в его сферах: членом правления, председателем ревизионной комиссии и в других должностях. Был среди селян в почёте, все его уважали. Как за работу, так и за мудрость. А мудрых слов и высказываний у него было очень много. Вот первое, как стихотворение:

1. После жарких дней ненастье
Наступает, как всегда.
После радости и счастья ожидается беда.
2. Да! Жизнь такова:
у кого денег много —
у того жизни мало,
а у кого жизни много —
у того денег мало.
3. При радости не будь радостен,
а при горе не будь печален.
4. Всякая власть есть насилие.
Все цари — кесари, они косят людей.
5. Одних вши заели, а других
форс замучил.

6. Ревят-просят, а ты
тоже плачь, но не давай.

Это та малость его мудрых слов, которая мне запомнилась в детстве.

До коллективизации Николай Яковлевич слыл и был хорошим, уважаемым человеком, но с начала коллективизации ушёл в запой и к началу Великой Отечественной войны совсем спился. Семья обеднела. Дети были хорошие, трудолюбивые, но на те колхозные заработки положения было не поправить. Я вспоминаю, как уже перед Великой Отечественной войной рано утром, когда мать ещё доила корову, на крыльце дома или у ворот двора появлялся Н.Я. Тукин со своими мудрыми стишками, выпрашивая на четвёрку, или просил налить стакан опохмелиться. Прозвищ у него почему-то не было, все звали его просто Яковлич или Тукин. Но вот помню, когда его сын Паша (Пача Тукин — прозвище), 1926 г.р., обижал нас, то мы дразнили его так: «Тятка Тукин пропил лыко и не накормил детей».

Переселился при выселении в связи со строительством Костромского водохранилища Николай Яковлевич вместе со старшей дочерью Лидией и сестрой Анастасией Яковлевной Аникановой в Каримово и вскоре умер. Дочь Лидия Николаевна — монахиня, сейчас проживает в старообрядческой церкви у д. Холм.

Третьим удивительным человеком, по характеру и способностям, был Алексей Нестерович Пискунов. Он был рождения 1855–60 годов, был большим тружеником и старообрядцем-богомолом. Жил вдвоём с женой, детей своих не было. Имел большой 2-х этажный деревянный дом, планировка в доме имела городской тип (комнаты). Вёл большое хозяйство с наймом рабочей силы, содержал 2–3-х работников, а летом до 5–6 человек. Имел много сенокосных угодий, хмельников, покупал или брал в аренду у общества озёра и вылавливал много рыбы. Где-то в 1910–12 годах усыновил одного мальчика — сироту Ваню. Был скуп и расчётлив. Вся жизнь проходила в труде и молитвах.

Старожилы и мой отец рассказывали: когда торговцы рыбой в речной избушке или в чайной производили расчёт за рыбу с пайщиками, мужики золотые монеты не брали, предпочитали бумажные, так как они у них шли сразу в расход. Да и потерять монеты можно было скорей. А вот Алексей Нестерович брал только золотые, у него на шее всегда висел на ремешке кожаный мешочек-мошна, где были деньги. Когда он их получал за продажу сена-рыбы-хмеля и т.д., опускал их в свою мошну, крестился, благодарил Господа Бога и шёл домой. Водки в рот не брал, но постоянно пил чай с вареньем.

Дома Алексей Нестерович деньги-золотые не держал, а отвозил в Ко-

строму — в немецкий банк, немцы золотые монеты принимали под 7 или 9%. Так к началу 1-й мировой войны на счету в немецком банке у Алексея Нестеровича накопилось около 4 тыс. золотых рублей. Когда объявили войну с Германией, обеспокоенный Алексей Нестерович поехал в Кострому выяснить, что с его вкладом — трудовыми деньгами, и ему ответили, что немецкий банк закрылся за неделю до объявления войны. И все служащие отбыли. Так Алексей Нестерович остался ни при чём.

Погоревав, попереживав, опять продолжал трудиться и молиться. Основа — хозяйство его — осталось, и опять Алексей Нестерович принялся за дело, которое как в годы революции, так и в пору НЭПа пошло с большим успехом. Опять появились накопления у Алексея Нестеровича.

К этому времени подрос его приёмный сын Ваня, которого решили женить. Невесту выбирал не Ваня, а Алексей Нестерович и родственники, как это и водилось в старое время. Невеста Настя была из приличной семьи и слыла славёной — как по фамилии, так и по личным девичьим качествам. Но у Насти был удалой ухажёр Костя из соседней деревни, также из приличной и большой семьи. Настю сосватали против её желания.

Отец Насти был суров и непреклонен, его интересовала не столь судьба дочери, сколько желание породниться с богатым Алексеем Нестеровичем. Моя мать Татьяна Алексеевна жила с женихом Насти Костей по-соседству, из крыльца в крыльцо, и рассказывала: узнав о сватовстве, Костя загрустил и даже однажды напился.

Отец Кости, Иван Родионович, был тоже великим мудрецом. Стали думать, как помочь Косте, и решили выкрасть Настю — уже сосватанную, но ещё не венчанную. Родня Настю всячески оберегала, предчувствуя, что дела складываются не совсем по согласию и любви. Одну Настю никуда не отпускали, ежедневно при ней был Ваня. А родня Кости в это время придумывала план похищения Насти. Так, подговорили одну женщину или старушку, далёкую от родни Кости, сходить по делу в дом Насти и передать Насте тайную записку от Кости, где он предлагал Насте по определённому сигналу выйти раздетой в сени или на двор. Через дом с тулупом в санях ждал бы Настю в это время друг и сосед Кости Коля Романов. Но, чтоб не настигли преследователи, по плану задумано ехать не в Ведёрки, домой, а в Спас — там у церкви и ожидал бы Костя.

Через некоторое время отсутствия Насти родня спохватилась, запрягла орловского рысака и двинулась в погоню в Ведёрки, в дом Кости, с топорами и ружьём. На шум и стук в калитку вышел хозяин дома Иван Родионович, он как бы ничего не знал, предложил не шуметь и не ругаться, пропустил погонщиков в дом и предложил осмотреть и поискать. В доме влюблённых не оказалось, и погонщикам пришлось ретироваться в недоумении

восвояси.

Переночевав у кого-то в Спасе, рано утром влюблённые прибыли в дом Кости, невеста Настя была в одном платье. Позднее совесть и душа родителей Насти отмякли, и они осознали, что любовь сильнее материально-го богатства и воли родителей.

Пережив такую неприятность, некоторое время спустя, Ване сосватали другую невесту — Сашу из Спаса, с которой он и прожил до конца дней; детей у них, как и у отчима Алексея Нестеровича, не было. Годах в 1928–30 Алексей Нестерович умирает и дом и хозяйство переходят к Ване.

Ваня без препятствий вступил в колхоз, часть имущества у них отобрали; коров, лошадь свели на общественные дворы. Но, как я уже писал выше, не забыли

о ванином отчине Алексее Нестеровиче, у которого имелось золото. Ваня часть отдал, но видимо, не всё, и его вместе с другими, может и не в одно время, посадили в КПЗ и также накормили селёдкой и сутки не давали пить.

После выселения в 1954 г. Ваня с Сашей купили дом в Некрасове на берегу Святого озера. Инвалид войны с деревянной ногой, Ваня, как мне рассказывали знакомые, ещё плавал на ботнике по Святому озеру, ставил несколько ветелей, в которые попадались на уху некрупные лини и карасишки. И проживши лет 5–7 там, в доме на берегу Святого озера, Ваня Нестеров, а официально Иван Александрович Пискунов, завершил земной путь.

Многих известных людей человечество помнит и почитает за их дела и поступки на благо своей Родины, но много остаётся забытых людей, ушедших в мир иной без славы и известности. Но и их нужно помнить, их поступки и дела — это общая наша историческая память.

*Леонид Петрович Пискунов.
Начало 80-х гг.*

Прошу меня простить за неточности и, возможно, за неправильные факты, так как я писал по пересказам наших старожил и родителей, а также и с момента собственных наблюдений прошло более 50 лет.

Л. Пискунов, июль 1998 г.

Об авторе

Леонид Петрович Пискунов родился в 1930 году в деревне Вёжи Костромского района, где прошла жизнь многих поколений его предков.

Ему не исполнилось и двенадцати лет, как он в полной мере испытал тяжесть крестьянского труда. Леонид Петрович хорошо знает любую деревенскую работу, хранит в сердце весь не существующий ныне уклад крестьянской жизни, о чём — ещё более красноречиво чем письменное повествование — свидетельствуют увлекательные устные рассказы его.

Прекрасная память, наблюдательность, интерес к событиям унаследовал он от отца Петра Фёдоровича, который тоже вёл записи-рассказы о различных случаях собственной жизни; а прожить ему было дано девяносто два с половиной года.

«Из истории моей родины» — памятник одной-единственной деревне из почти двух десятков загубленных Костромским водохранилищем сёл и деревень, в сознании нашего народа навсегда соединённой с поэзией Н.А. Некрасова.

А.В. Соловьёва

С.Н. Торопов (Мантурово)

УХТУБУЖЬЕ

Ещё в недалёком прошлом небольшое село, расположенное на левом берегу древней реки Унжи, в 50 верстах на юг от уездного города Кологрива, носило необычное для нашего края название — *Ухтубуж*, а территорию прихода, центром которого стало это село, называли Ухтубужьем. Топоним сохранился до наших дней. В столь непривычном для нашего слуха названии слышится отголосок древних неславянских наречий. Это предположение подтверждается многочисленными находками на Ухтубужском кургане предметов материальной культуры первожителей наших мест — финно-угорских племён меря и черемис. Первая половина слова «ухту» (охто) на языке народов финно-угорской группы означает «медведь», а вот вторая может быть истолкована двояко — «исток» или «гора». На мой взгляд, наиболее вероятен второй вариант, и тогда «Ухтубуж» можно перевести как «Медвежья гора».

Первые поселения на ухтубужской земле возникли задолго до прихода сюда славян. Об этом свидетельствуют раскопки на Ухтубужском кургане, проведённые различными археологическими экспедициями. Внимание первых исследователей, руководимых Ф. Д. Нефёдовым, привлекла красивая местная легенда о якобы зарытых здесь кладах во времена набегов казанских татар. К великому огорчению учёных и местного населения, раскопки 1885 года не оправдали ожиданий. Была обнаружена керамика и отдельные предметы финно-угорского происхождения. Загадку Ухтубужского кургана позднее пытались разгадать Н.М. Бекаревич (1903 г.), О.Н. Бадер (1925 г.), Т.А. Архипов (1976 г.), Е.А. Рябинин и А.Е. Леонтьев (1980–84 гг.). Археологи не были едины в датировке жизни на кургане (крайние даты VII–XII века), и даже по результатам исследований одни приписывали сто-

янку черемисам, другие — мерянам. Во всяком случае, городище на кургане существовало во время появления на унженских землях первых славян, отдельные предметы которых были обнаружены при раскопках.

Сейчас уже трудно определить судьбу аборигенов Ухтубужья. Возможно, они, подобно мерянам, слились с более высокой культурой славян или же, подобно черемисам, ушли на восток, в ветлужские земли. К сожалению, летописи и другие письменные источники времён татарского ига и времён противостояния Москвы и Казани не упоминают населённых пунктов на ухтубужской земле. Не сохранился и первый письменный документ с описью приунженских земель — писцовая книга 1606 - 1606 гг. Михаила Тюхина и Ивана Биркина, известная исследователям прошлого века.

Поэтому историю сёл и деревень Ухтубужья я начинаю с 1617 года, когда по указу царя Михаила Фёдоровича подъячим Михаилом Мартемьяновым и писцом Юрием Ловчиковым был произведён новый дозор чёрных земель в Унженской осаде Галицкого уезда. На самом севере Верховской волости этой осады, на высоком берегу реки Унжи, недалеко от места пересечения реки старинной мерянской дорогой, находился «погост Ухтомский, а на погосте храм во имя Рождества Предчесты, деревянной, клетцкой, да другой тёплой во имя Иоанна Предтечи...».

В приходе этой церкви было всего 8 деревень и 7 починков, в которых проживало 53 крестьянских семьи. Несколько выделялась из них деревня Кривцово, будучи одним из самых больших населённых пунктов Верховской волости, имевшая 7 крестьянских дворов.

В 1620 году ухтубужские деревни: Кривцово, Поповская, Вахнево, Митяево, Гаврилково, Яровино, Некрасово, Елизарово — и починки: Дубшино, Кормолиха, Осипово, Осиев, Нелидова, Горин и Хопалов — в составе Верховской волости были отказаны в вотчину знатному боярину, дяде царя — Ивану Никитичу Романову, прозванному в народе Кашей. Сам боярин, ведавший внешними делами Московского государства, проживал с семьёй в Москве и вряд ли часто посещал свои многочисленные вотчины, хотя для этих целей у него имелся дом в г. Унже. Управлением боярской унженской вотчиной занимались «прикащики», проживавшие в селе Градылеве, что в 30 верстах от Ухтубужа. Собранный ими денежный оброк (натуральный брался с более ближних к Москве вотчин) доставлялся боярину в Москву.

Особое положение занимала церковь, не зависящая от боярина и платившая «данные» деньги в Патриарший приказ, о чём в книгах этого приказа за 1628 год написано: «... церковь Пречисты Богородицы в Ухтубужье, дани — двадцать пять ялтын, десятильничьих — гривна. Октября в первый день на нынешний 136 год деньги взяты». Здесь впервые даётся имя

«Ухтубуж», хотя наиболее вероятно, что в 1617 году в написании названия погоста дозорщики допустили неточность.

В 1640 году, после смерти И.Н. Романова, большую часть унженской вотчины, в т.ч. и ухтубужские земли, наследовал его единственный (оставшийся в живых) сын Никита. По оценкам 1648 года, это был самый богатый после царя боярин в Московском государстве. Яркая и необычная личность, он часто упоминается на страницах истории России. В воспоминаниях современников он остался как страстный поклонник западноевропейской культуры. В декабре 1654 года, «идучи с государевой службы», Никита Иванович помер. Наследников боярин не оставил, и его унженская вотчина была передана в казну.

Недолго Верховская волость числилась дворцовой. В 1659 году по указу царя Алексея Михайловича приехали в Унжу межевщики П. Коптеев и П. Кушников и расписали «в поместье стольникам, стряпчим двора и жильцам по десять дворов крестьянских» каждому. К этому времени Ухтубужье значительно возросло. В Ухтубужском (Богородицком) приходе появились новые деревни и починки, а в некоторых старых имелось более 10 крестьянских хозяйств. Ухтубужские крестьяне с «пашнями, с осенними покосами и прочими угодьями» достались стряпчим двора: П.А. Кулебякину и И.М. Щербинину, а также жильцам: М.Б. Биркину, А.И. Анкудимову, С.Д. Данилову, М.С. Подваеву, М.И. Ковелину, К.П. Чаплыгину, И.И. Ласухину, И.С. Шахову и П.С. Бобрищеву-Пушкину. Согласно закону, поместья, в отличие от вотчин, не передавались по наследству. Однако родственники владельца старались сохранить за собой имение и писали челобитные о передаче поместья после смерти хозяина брату или сыну; просьбы обычно удовлетворялись.

В 1663 году, после смерти Ивана Семёновича Шахова, его поместье было отказано его брату Мине. Запись в отказной книге позволяет представить подобные поместья в Ухтубужье. Кроме 10 крестьянских дворов в деревнях Елизарово, Бровино и починке Осипово, за жильцом И.С. Шаховым числилось «половина мельницы на реке Меже, да и тем же дачам за рекой Унжей боброшное место, а пашни всего 25 десятин, сенных покосов и всяких угодьев против того же...».

Одной из «достопримечательностей» Ухтубужья в XVII веке была проходившая через этот край древняя мерянская дорога. Крестьяне Верховской и Понизовской волостей Унженской осады везли по ней свои товары на рынки северных городов — Тотьмы и Великого Устюга. Правда, предпоч-

тение отдавалось водным путям «с волоками» — так поставляли вино на «Колмогорские кабаки». Однако встречались в таможенных книгах вышеуказанных городов записи, подобные следующей: «Унежские осады, крестьяне Аврам Ермолин, Емельян Ларионов, Антип Иванов, Семён Константинов приехали в Великий Устюг на 13 лошадях. Товару явили 30 мер ржи, 2 конца холсту, полмеры семени конопляного...» Список товаров с Унжи включал в себя не только продукцию крестьянского хозяйства, но и десятки товаров кустарных промыслов, пушнину и даже товары неместного производства (медь, золото, азиатские ткани).

Докатывались до ухтубужского края и отголоски крестьянских восстаний. В 1670–1671 гг. на юге Верховской волости и в Приветлужье действовали отряды разиновских атаманов Пономарёва и Мумарина. После подхода правительственных войск во главе с воеводой Нарбековым Илья Пономарёв, уклонившись от сраженья, бежал по мерянской дороге в Тотму, где и был схвачен местным воеводой.

С 1708 по 1778 год земли Галицкого уезда входили в состав Архангелогородской губернии. К сожалению, история Ухтубужья за этот период остаётся пока неизвестной. Я думаю, за это время сменилось немало владельцев у ухтубужских крестьян и произошло немало событий местного значения на этой древней земле.

С возникновением в 1778 году Костромского наместничества, а с 1797 года — Костромской губернии, в составе вновь образованного Кологривского уезда была сформирована новая территориально-административная единица — Ухтубужская волость, вобравшая в себя всю территорию Богородицкого прихода. В это время значительная часть земель волости и крестьяне деревень Бровино, Елизарово, Осиево и Котляш принадлежали генерал-аншефу, участнику семилетней и русско-турецкой войн (1767–1774 гг.), Фёдору Ивановичу Глебову (1734–1799 гг.). После смерти прославленного генерала ухтубужское имение перешло к его жене Елизавете Петровне, урождённой Стрешневой. С 1803 года она и её дети по указу Александра I стали носить фамилию Глебовых-Стрешневых, дабы не оставить без потомков угасающий по мужской линии прославленный род. Гербы обоих дворянских родов были объединены в один.

С 1837 года имение генерал-аншефши перешло к её внуку штабс-капитану Фёдору Петровичу Глебову-Стрешневу. Соседом Глебовых-Стрешневых был коллежский асессор и кавалер Андрей Степанович Налетов, имевший 100 ревизских душ в деревнях Попово, Кривцово, Митяево, Гаврилково и в починке Кузнецово. Правда, в отличие от богатого соседа, проживавшего, как правило, в столице, Налетов жил в имении жены в усадьбе Карь-

ково (45 вёрст от Ухтубужа). Кроме крупных помещиков, имевших значительные земельные наделы, по ухтубужской земле были разбросаны крохотные имения подпоручицы Е.Е. Жадовской в деревне Некрасово, поручицы В.Д. Герасимовой — в деревнях Дубшино и Стрелица, коллежского секретаря П.И. Коровина — 47 ревизских душ в деревне Митяево.

Украшением Ухтубужской волости служил белокаменный двухэтажный храм с колокольнею, построенный в 1806 году и имевший 4 престола: в честь Рождества Богородицы, святого Иоанна Предтечи, во славу Богоявления Господня на Иордане и в честь преподобного Макария — Унженского чудотворца. Это был один из первых каменных храмов на территории Кологривского уезда, построенный на месте деревянного. В приходе было две деревянных часовни. Богородицкий (Ухтубужский) приход был одним из самых малонаселённых в Костромской епархии: в 1863 году число прихожан составляло всего 955 человек из 13 селений.

Дальнейшее развитие торговли, освоение Сибири, необходимость сокращения сроков мобилизации призывников в случае военных действий способствовали развитию и улучшению состояния сети грунтовых дорог Российской империи. Огромное значение имели, прежде всего, почтовые тракты. В начале XIX века через Ухтубужье проходили Старо-Вятский почтовый тракт, имевший перевоз через реку Унжу около деревни Попово (участок Попово — Поцепкино — Барановица) и полностью совпадавший с ним на этом участке Ново-Вятский тракт. Именно по нему путешествовал император Александр Павлович в октябре 1824 года и был весьма доволен устройством дорог и селений. Остановок в пределах Ухтубужской волости царский экипаж не делал, а проследовал дальше на Кологрив (маршрут путешествия монарха пролегал из Вятки в Вологду). В 1827 году по Старо-Вятскому тракту в закрытых санях провозили ссыльных декабристов — Пушина, Басаргина, Фонвизина. Последнему дорога по Кологривскому уезду была, наверное, вдвойне тяжела, ибо здесь он имел огромные имения в Кужбальской и Турлиевской волостях. На станции Малые Угоры он имел встречу со своим тестем Д.Я. Апухтиным.

Через десять лет по этому же тракту проезжал будущий император Александр Николаевич. 16 мая 1837 года наследник прибыл на переправу через реку Унжу около деревни Попово. По воспоминаниям современников, государь наследник «изволили переехать на левый берег, на приготовленном к приезду Его Высочества катере капитаном I ранга П.М. Барановым, который сам правил рулём. С раннего утра народ стал собираться на правом берегу Унжи. Окрестные дворяне с целыми семействами прибыли на встречу драгоценному гостю. Дамы своими шальями драпировали катер. Его Высочество никого не оставил без милостивого своего внимания. Бед-

ную из дворян девицу Салькову наградили 100 рублями, гребцов 125 рублями, многих отставных воинов осчастливил ласковым приветствием и деньгами». До приготовленной квартиры (где именно — неизвестно) наследник дошёл пешком в сопровождении генерал-адъютанта Кавелина. Здесь он встретился с предводителем Кологривского дворянства Т.И. Сальковым и подарил ему золотую табакерку. После традиционного чая экипаж цесаревича покинул гостеприимных ухтубужцев и выехал на станцию Дюково (через Барановицу).

Наверное, немало известных людей проезжало через ухтубужские земли по этому оживлённому в прошлые времена тракту, но немногие из них оставили свои воспоминания об Ухтубуже. Одним из приятных исключений стал русский писатель В.Г. Короленко. Он опубликовал путевые заметки из своего дорожного альбома периода ссылки в Вятскую губернию 1879 года. Более того, сохранился рисунок в дорожном альбоме Владимира Галактионовича с изображением перевоза через реку Унжу (рисунок был опубликован в одном из номеров «Авангарда» за 1970 г.).

Накануне отмены крепостного права, в 1858 году, была проведена последняя ревизия крепостных крестьян. В ухтубужском крае, согласно ревизских сказок, самое большое имение было у действительного статского советника Бориса Ефимовича Прутченко, служившего председателем Нижегородской казённой палаты. Б.Е. Прутченко подвергался жестокой критике со стороны своих сослуживцев за использование служебного положения в личных целях и за покупку земель на имя родственников по линии жены. Однако в Кологривском уезде он оставил о себе добрую память, построив в 1861 году церковь в селе Карькове. Ухтубужское имение было куплено им в 1850 году на своё имя у А.С. Налетова. Оно состояло из 16044 десятин земли, 71 крестьянского хозяйства и 621 души обоёго пола в деревнях Гаврилково, Кривцово, Попово, Митяево и Поцепкино.

Вторым по величине было имение полковника и кавалера Ф.П. Глебова-Стрешнева — 14819 десятин земли, 85 крестьянских хозяйств и 480 душ обоёго пола. Значительно уступали им имения менее знаменитых хозяев. Подпоручица В.Д. Герасимова имела 286 десятин земли, 49 дворов и 328 крестьян, коллежский секретарь П.И. Коровин — 322 десятины земли, 15 дворов и 78 крестьян, титулярная советница А.Ф. Бирюнова — 130 десятин земли, 9 дворов и 37 крестьян, А.Д. Толбузина — 67 десятин земли, 12 дворов и 95 крестьян.

После отмены крепостного права особое внимание общества было направлено на решение задачи народного просвещения в сельской местности. Надо отдать должное деятельности на этом поприще Кологривского

уездного земства. Однако у крестьян Ухтубужской волости предложения земской управы по открытию школ не находили поддержки «ввиду плохих заработков и урожая хлеба, а равно значительного накопления оброчной недоимки». В 1868 году прекратило своё существование единственное в волости приходское училище — Богородское. Оно располагалось в доме священника Николая Птицына, и в последний год его посещали 8 учащихся. Только в 1891 году, благодаря усилиям местного священника Павла Шелутинского, была открыта Ухтубужская школа грамоты. Она размещалась в доме священника, и в первый же год её порог переступили 35 мальчиков и 5 девочек из близлежащих деревень.

Спустя три года на средства Кологривского земства и Ухтубужского сельского общества было открыто начальное народное училище. Кологривским училищным советом были направлены учителями А.А. Лебедева и О.И. Уханова. Под их руководством азы грамоты постигали десятки крестьянских мальчиков и девочек практически из всех деревень Ухтубужского прихода.

Число желающих учиться росло, и в 1901 году было открыто второе учебное заведение — Кривцовская школа грамоты. На должность учителя был переведён из деревни Симоново пензенский мещанин, отставной старший писарь Алексей Павлович Кондратенко. Остаётся загадкой, какими судьбами попал в Кологривский уезд этот учитель. С 1904 года, кроме преподавательской деятельности, он ещё заведовал местной библиотекой и один воспитывал двух дочерей — Катерину и Марию. В 1907 году он неожиданно умер, а девочки-сироты были устроены в расположенный в 6 верстах от Кривцова Шевяковский сельский дом-приют. Большие средства на их содержание выделял их дядя — художник Гавриил Кондратенко. По словам старожилов, он многократно приезжал в наши края, останавливался у спасского врача Фаренбруха и написал немало картин на местные темы (пока известна судьба только пяти из них).

В 1904 году вместо школы грамоты было открыто Елизаровское народное начальное училище, а в 1906 году братьями Калининскими «построено и поставлено образцово» новое школьное здание из четырёх комнат на 200 учащихся с квартирой для учительницы. В 1911 году училище посещало 55 учащихся из 97 детей школьного возраста деревень Елизарово, Бровино, Осиево, Некрасово, Кривцово (остальные деревни волости были отнесены к Ухтубужскому училищу). Попечителем его был потомственный почётный гражданин, богатый лесопромышленник Сергей Александрович Калинин.

С 1913 года училище получило статус 2-х классного и перешло в ведомство Министерства народного просвещения. Заведовал им священник

П. Шелутинский, старшим учителем был Г.И. Бездорожев, учителем — В.И. Дерезков. Преподавателями Ухтубужского училища в это время были Н.Х. Зорина и О.П. Шелутинская.

В 1911 году земством было принято решение об открытии третьей школы в приходе — Кузнецовского начального народного училища, но судьба этого решения остаётся неизвестной.

Особо следует остановиться на развитии торговли в Ухтубужской волости. Толчком для этого послужило открытие в конце XIX века парового судоходства по реке Унже. Ухтубужская пристань, построенная на церковной земле, стала перевалочным пунктом грузов, доставляемых в Ухтубужскую, Спасскую и Медведицкую волости. Дважды в год в Ухтубуже проводились большие ярмарки — 24 июня и 8 сентября. Список товаров, привозимых для продажи, даёт представление о торговых связях Ухтубужья. Здесь были «тарантасы с Вятки и Котельнича, плуги из Н. Новгорода, огурцы и лук с Унжи, поросята, шкуры телячьи, ивовая кора, мука с соседних волостей».

До 1906 года, т.е. до открытия движения по Вологдо-Вятской железной дороге, Ухтубуж был одним из крупнейших торговых центров уезда. По воде доставлялись сюда хлеб, бакалея и мануфактурные товары, а вывозились масло коровье, шерсть, грибы, пушнина, овчины, корьё, опоёк (выделанная телячья кожа для сапог) и многие другие товары. В 1912 году по числу торговых заведений (лавок, магазинов, чайных и т.п.) волость уже значительно уступала и Спасской, и Николо-Мокровской волостям. По отчётам этого года, здесь было всего 11 торговых точек (2 чайных и 8 бакалейных магазинов), в число которых не входила казённая винная лавка в деревне Попово, которую содержал Прохор Ефимович Чесноков. К 1915 году число торговых заведений достигло 20. Казённая лавка была закрыта, в связи с постановлением Государственного Совета, на период военных действий. Среди мелких торговцев своей предприимчивостью отличались Я.С. Тихомиров, Н.А. Зорин, Румянцев и Кокушкин.

Все доходы местных торговцев были несравнимы с доходами лесоторговцев и лесопромышленников. Этим видом деятельности не гнушались ни дворяне (братья Сергей и Николай Михайловичи Прутченко), ни купцы (отец и сын Дубровины из Кологрива), ни даже председатель местной уездной управы Н.И. Лебединский. Они имели значительных размеров лесные дачи (от 10 до 17 тыс. десятин) и продавали лес как на корню, так и сплавляли его в Юрьевец и Нижний Новгород. Наибольшие доходы, однако, имели лесопромышленники «со стажем» — братья Сергей и Михаил Александровичи Калинины. До появления около станции Мантурово лесопильных

заводов князя П. Д. Долгорукого, бельгийской компании Дандрэ и Корбо, графа Красинского и купца Клеева братья успешно конкурировали на местном рынке с известным торговым домом «Брандт и К°».

Но более всего прославились братья своей благотворительностью. Кроме здания Елизаровской школы (сохранившегося до наших дней), на средства, завещанные отцом Александром Петровичем, Сергей Александрович построил здание Богородицкого храма. Причём, им были оплачены и проектные работы архитектору Философову, построен специально для этих целей небольшой кирпичный завод и куплены печи для обжига кирпича. Выстроенный в 1914 году храм так и не был освящён.

Немалые средства выделяли братья для Шевяковского дома-приюта, Спасского и Елизаровского училищ. В 1915 году они предложили земству свой дом в усадьбе Шубино-Поле для использования его под дом инвалидов, правда, предложение не было поддержано членами земской управы. К сожалению, остались неизвестны судьбы этих лесопромышленников и место их новой усадьбы в Ухтубужской волости, существовавшей до 1917 года.

До революции Ухтубужская волость оставалась одной из самых малонаселённых в Кологривском уезде: в 14 населённых пунктах проживало всего 1308 человек. За 300 лет на ухтубужской земле появилось всего два новых названия: Галибино и Стрелица. За время многочисленных территориально-административных преобразований советского периода неоднократно менялись границы, появлялись и исчезали десятки населённых пунктов. Сейчас Гаврилковский сельсовет включает в себя ту же территорию, что и бывшая Ухтубужская волость, правда, деревень стало значительно меньше: Попово, Гаврилково, Дубшино, Елизарово, Кривцово, Поцепкино.

Свидетельствуют документы

Дело об устройстве в Ухтубужье нового храма (начато 4 марта 1907 г.)

...ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ староста Богородицкой церкви, потомственный почётный гражданин Сергей Александрович Калинин согласен принять устройство нового храма на свой счёт, так как настоящий храм грозит разрушиться — отклонение колокольни на запад, трещины на стенах храма, сползание горы вниз к реке... При решении в пользу постройки храма готов пожертвовать капитал — 28500 рублей, при котором средства прихожан останутся неприкосновенными...

(Из рапорта протоиерея Вяч. Успенского).

...В случае разрешения постройки нового храма в селе Ухтубуж согласен внести 16 тыс. рублей 5-процентными государственными бумагами, кои сейчас хранятся в... банке на моё имя. Затем приготовить различный материал, затратив 12 тыс. руб. Сделать кирпичный завод и обжиговые печи... смету, за что уплачу архитектору лично 500 рублей...

(Из заявления С.А. Калинина).

...Старый храм построен в 1806 году на косогоре, на берегу реки Унжи, которая делает крутой поворот на запад. Храм последние 15 лет дважды подвергался воздействиям молнии... Вместимость храма мала. В приходе имении купца Александра Петровича Калинина, по смерти его, в 1904 году его имение в лесных дачах перешло его сыновьям Сергею и Михаилу. Дела повели сами и стали приезжать сюда из постоянного места жительства города Москвы в ухтубужское имение и подолгу проживать здесь. Они неоднократно делали пожертвования разными священными предметами. В декабре старшего избрали церковным старостой. Перед смертью богатый родитель их завещал детям построить где-либо новый каменный храм. Они ... построили новый храм на другом, более ровном месте, поодаль от старого...»

*(Священник Павел Шелутинский,
псаломщик Сергей Троицкий).*

«МЫ, НИЖЕПОДПИСАВШИЕСЯ крестьяне Кологривского уезда Ухтубужской волости разных селений, под председательством нашего сельского старосты Василия Евдокимовича Зеленова, имели суждение о постройке храма.

...Храм пришёл в ветхость, старую церковь разобрать и... употребить на колокольню и ограду ввиду бедности прихода...»

(Из приговора сельского схода 3 марта 1909 года, к которому приложена справка, что устройство храма принял на себя местный землевладелец и церковный староста С.А. Калинин).

«План на сооружение нового храма составлен архитектором Филосовым, разрешён с весны 1912 года. Средств имеется 80 тыс., что, согласно сметы архитектора, хватит на весь храм...»

(Священник П. Шелутинский, псаломщик С. Троицкий, церковный староста С. Калинин.— Из прошения к преосвященному Тихону епископу Костромскому и Галичскому).

Проект с копией утверждён Костромским губернским правлением... от 22 марта 1912 г. № 50: не возводить строительство ближе 20 саженей от храма. Причт желает, чтобы святыни старого храма в новом остались неизменными:

— название нового храма — Рождество Пречистой Богородицы, южный придел — в честь Иоанна Предтечи и северный — в память преподобного Макария Унженского Чудотворца.

(Дело окончено 25 июня 1912 года).

Список использованной литературы и источников

1. Вопросы топониматики. Свердловск, 1962 г.
2. Письмо М.М. Сорвину кандидата филологических наук Александра Константиновича Матвеева от 10.03.68 г.
3. Архипов Г.А. Работы марийской экспедиции на реке Унже, А.О.М., 1979 г.
4. Рябинин Е.Л. Исследования в бассейне реки Унжи., А.О.М., 1981 г.
5. Леонтьев Е.А. Исследования в бассейне реки Унжи., А.О.М., 1984 г.
6. Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи., МИА, №22, 1951 г.
7. Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи., МИА, № 22, 1951 г.
8. Веселовский С.Б. Сошное письмо, т.1, М., 1915 г.; т.2, М., 1916 г.
9. ЦГАДА, ф.209, кн.499, с.126-149.
10. Готье Ю. Замосковный край в XVII в., М., 1937 г.
11. Виноградов Н.Н. Род бояр Романовых и их отношение к Костромской стороне. /Памятная книга Костромской губернии, 1913 г.
12. Холмогоровы В. и Г. Материалы по истории Костромской епархии., вып. 1, Кострома, 1895 г.; вып.2, Кострома, 1900 г.
13. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого., Спб., 1914 г.
14. ЦГАДА, ф.1209, кн.7228, с.1-215.
15. ЦГАДА, ф.1209, кн.7345, с.540-574.
16. Таможенные книги Московского государства., т.2, М., 1951 г.
17. Крестьянская война под предводительством Степана Разина., т.2, М., 1957 г.
18. Ревизские сказки 1816 г., Кологривский музей.
19. Ревизские сказки 1836 г., Кологривский музей.
20. Ревизские сказки 1850 г., Кологривский музей.
21. Ревизские сказки 1858 г., Кологривский музей.
22. Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии., Спб., 1863.
23. Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики Костромской губернии. Кострома, 1861 г.
24. Вознесенский Е. Путешествие высочайших особ ныне царствующего дома Романовых в пределах Костромской губернии., Кострома, 1857 г.
25. Фонвизин М.А. Сочинения., т.2, Иркутск, 1982 г.

Торопов С.Н

26. Отчёты Кологривской уездной земской управы 1865-1889, 1891-1916, 1874-1876-1878 гг.
27. Доклады Кологривского уездного земского собрания 1893-1917 гг.
28. Постановления Кологривской уездной управы. 1869-1885, 1887, 1893-1911, 1914-1916 гг.
29. Отчёты Костромского епархиального училищного совета за 1887-1899 гг., 1903-1906 гг.
30. Описание школьной сети Кологривского уезда., Кологрив, 1912 г.
31. Справочные книги по Костромской губернии, 1913-1916 гг.
32. Грунтовые дороги Костромской губернии., т. I-II, Кострома, 1912 г.
33. Макарьев П. Фабрично-заводская промышленность Костромской губернии накануне войны., Кострома, 1912 г.
34. Журнал «Лесопромышленник», 1912-1916 гг.
35. ГАКО, ф.130, оп.4, д.3053, с.1-8.
36. Приунженский вестник, /Кологривская уездная газета, 1916-1918 гг.

Ю.В. Смирнов (Кострома)

ИЗ ИСТОРИИ СЁЛ И ДЕРЕВЕНЬ КОСТРОМСКОГО РАЙОНА

Когда возникло Караваево?

Жители Караваева прославили свой посёлок на всю страну трудовыми успехами, знаменитым сельскохозяйственным институтом. А многие ли знают о происхождении названия посёлка?

Неведение о возникновении названия Караваево разрушает древняя грамота. Это документ 1498 года — правая грамота суда Ивана Сумарокова, по докладу великому князю Дмитрию Ивановичу, поселскому митропольичего села Куликовского Ване на Иконническую землю, в Костромском уезде.* В грамоте указывается, что в старину земля между современным Иконниковым и Караваевым была «боярской землёй» и по фамилии владельца называлась Горбовской. В XV веке великий московский князь на правах верховного сюзерена пожаловал часть своих земель в Костромском уезде митрополиту, а по соседству с ним своему служилому человеку «дворскому Коровая». Между феодалами возник пограничный конфликт. Могущественный митрополит выиграл тяжбу у Коровая. Из грамоты видно, что усадьба дворского Коровая находилась на месте современного Караваева.

Вывод ясен — грамоты великого князя Дмитрия Ивановича закрепили за населёнными пунктами Костромского уезда названия, возникшие в XV веке по фамилиям или прозвищам последних владельцев. Старые на-

* Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951, с. 226.

звания забывались. Название «Караваево», в отличие от «Горбовской земли», дошло до настоящего времени. Таким образом, этот населённый пункт, названный по усадьбе дворянина Коровая, носит своё имя около 500 лет.

Как появилось Малое Андрейково?

Возле рабочего посёлка Караваево на реке Сендеге стоит небольшая деревня Малое Андрейково. Чистые речки*, лес, близость к городу определили значение деревни как места отдыха многих костромичей. Здесь, как грибы, выросли пионерские лагеря, кооперативные сады, дачи. Вокруг деревни раскинулись поля. Сколько лет они кормят этих людей? Этого сказать я не берусь, а как родилась деревня Малое Андрейково и кто был её первым жителем — могу.

В книге «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XV вв.» (ч. I, М., 1951, с. 154, 223, 225) опубликованы старинные судебные грамоты. В правой грамоте суда судьи Сартака по докладу великому князю Ивану Ивановичу, митрополичьему посельскому Гриде Пятине на Андреевский наволок, в Костромском уезде, бывший у него в споре с Алексеем Истобником 1493–1494 гг. и других документах содержатся сведения о рождении деревни. В 1473 году митрополит всея Руси Филипп выменял у Ивана Руна д. Ильинскую в Минском стане. К этой деревне относился наволок, т.е. заливной луг, по названию Долгий. Долгий луг не был заселён, но его косили крестьяне деревни Ильинской. В 1494 г. в суде разбирался пограничный конфликт между крестьянами великокняжеских и митрополичьих деревень. Судья Сартак выяснил, что последним наволоком косил крестьянин деревни Ильинской Андрей Бурко, поэтому наволоком крестьяне называли уже не Долгим, а Андреевским. Судья в своих грамотах также записал его Андреевским наволоком. Через несколько лет конфликт между крестьянами снова разгорелся. Судья открыл книги писцовой описи Волынского 1501–1502 гг. — в них уже значилась деревня Андрейково. Крестьяне так описали это место: «... а Андрейкову, господине, до Катунину межа от устья реки Тёткиша рекою Сендегою вверх до устья Попадьянского врага». Судья установил, что рядом с деревней Андрейково находятся деревни Демидково, Федорково, Перепечино, Осотово, Сухорево, Дмитрийцево, Иевцево, Карпово, Катунино, Лютого деревня, Игнатово пустошь, Микулина пустошь, Трестинская деревня. У крестьян была мельница. Здесь же жил бобровник великой княгини. По описи 1501 г., в Андреевой деревне жили Ивашко, Фролка, Олешка со своими домочадцами.

Таким образом, сомнений в том, что деревню Андрейково основал

* В полукилометре от М. Андрейкова в Сендегу впадает р. Тёткиш. (Прим. ред.)

Из истории сёл и деревень Костромского района

крестьянин Андрей Бурко между 1494 и 1501 годом, нет. Поскольку по его имени наволоч в 1493 году назывался Андреевским, то этот год следует считать датой основания деревни. В 1501 г., по описи, Андрея Бурко в живых уже нет. Его прах покоится на сельском кладбище села Куликовского (ныне деревня Куликово). Андрей Бурко состоял в родстве с крестьянами соседних деревень. Сегодняшние жители этих деревень являются между собой дальними родственниками. Большинство названных деревень исчезли. Уже никто не помнит древнего Городища, которое здесь было в более ранние времена. Андрейкову была суждена другая участь.

Как возникло Поддубное?

Сразу при выезде за пределы города на развилке шоссе Кострома – Красное – Иконниково находится деревня Поддубное. Каждый, кто видит белые стены и зелёные купола церкви, пруд, несколько домиков, невольно осознаёт, что пересекают границу Костромы. С одной стороны — сельские просторы, с другой — многоэтажные дома микрорайона Давыдовского. Поддубное давно вошло в наиболее посещаемую зелёную зону отдыха горожан. Об этом не надо говорить тем, кто направился в «Колос», «Волгарь», кооперативный сад или пионерский лагерь.

Когда и при каких обстоятельствах возникла деревня и церковь, кто был первым жителем, почему такое название? Документы, которые отвечают на эти вопросы, имеются. Они опубликованы в «Актах феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.» (ч. 1, М., 1951, с. 156, 222–226, 243). При разборе спора митрополичьих и великокняжеских крестьян в 1501 году по поводу межи писец Григорий Романович Застолбский записал: «Так рекли христиане Фрол и Копос: жалоба нам, господине, на того Ваню, то господине, земли изстаринны великого князя Минского стану, тяглые, а запустели, господине, те земли от великого поветрия, и тот, господине, Ваня те земли держит за собою х Куликовскому селу митрополичю не ведаем, по чему, и деревни ставит, Поддубное, господине, деревню поставил тому лет сорок...» Основной приметой деревни является старый вековой дуб, служивший межевым знаком для окрестных крестьян. Крестьяне привели судью именно к этому дубу и, став «у дуба, так ркли: направо господине, земля великого князя», налево митрополита, и к ним здесь примыкала земля боярская Шувалова... В документе дуб описан уже древним, как «безверхий и виловатый». Со времени возобновления деревни в 1461 г. после великого мора 1420–1425 гг., о котором записано в Патриаршей и Галичской летописи (рукописи Тычинкина) прошло 527 лет. Понятно, что дуб, давший название деревне, не мог сохраниться. Основателем деревни стал крестьянин Тимошка Мишаков с домочадцами, который поселился на старом

деревенском месте под дубом по указанию управляющего митрополита Вани. Коренные жители деревни являются потомками этого крестьянина. В 1501 г. он записан и в писцовой описи. В 1872 г. в деревне было 5 дворов, в них 14 мужчин и 17 женщин. Церкви в деревне не значится. Возникает вопрос — ведь церковь в Поддубном реально существует. Всё объясняется просто. Место, где стоит церковь, называется селом Трестиным.

Среди крестьян сохранилась легенда о возникновении села. Раньше на том месте, где теперь село, было болото (трясина). Тут явился святитель Николай на сосне одному старику-крестьянину и осушил болото. На этом месте крестьяне построили церковь во имя святителя Николая. Образовавшееся при церкви село называли Трестино от слов «трестисть», «трясина». Икона святого Николая долгое время была на испытании в Ипатьевском монастыре и только в 1889 г. благодаря хлопотам прихожан и госпожи Мичуриной она была возвращена в приходскую церковь. По легенде, это та самая икона, которая в XV веке явилась на трясине старику-крестьянину.

Верность этой легенды мы имеем возможность проверить. В 1911 г. в селе действительно существовало болото. В грамоте 1501 г. записано: «И Фрол и Копос ркли: ... и ты, господине судья, поеди за нами, мы вам укажем, где Трестинская деревня стояла. И привели в ржаное поле на пустошь». Из этого мы видим, что первоначально деревня Трестинская стояла на сухом месте, в поле, и её название со словом «трясина» как будто не связывается. Деревня с поля была перенесена на её нынешнее место по указанию управляющего Вани в одно время с возникновением Поддубной деревни.

«А Микульским, господине, называли пустошь, ино то, господине, третье поле Трестинской деревни, а не Микульскова, а стояла, господине, та ж деревня Трестинская, ту господине, деревню с того места переставили на то место, где ныне церковь великий Никола стоит, а все то земли митрополчьего Куликовского села.» В документе отмечено, что Поддубное и д. Трестинскую разъединяла дорога.

В более поздних документах, например 1629 г., селение у церкви Николаы названо, как и полагается, уже не деревней, а селом. В это время оно писалось с. Никольским «Тростино тожь на рчк. Сендеге». В XVII веке это вотчина Новинского монастыря. «В нем церковь чуд. Николая да другая церковь великой мученицы Параскевы нареч. Пятницы древяна клетки, а в церкви образа и книги и всякое церковное строение мирское и волостных людей и церковного приходу». Как видим, село росло. Церквей стало две. Такие церкви стоят сегодня в музее деревянного зодчества в Костроме.

В 1717 г. «в приселке Трестино церковь Николаы чудотворца при церкви пп. Алексей Матвеев 70 у него сын дкн. Лука Алексеев пп. Алексей

Из истории сёл и деревень Костромского района

Козьмин 38 л.».

В 1790 г. на месте деревянной церкви построена каменная. В селе у дворянина Геннадия Карцева в усадьбе была устроена домовая церковь в честь костромского чудотворца Геннадия. Карцевы — богатые помещики. Среди них товарищи министров, генералы, первые российские морские офицеры, декабристы, музыканты, видные масоны. Шурочка Карцева при встрече Екатерины II в Костроме стояла среди самых красивых и богатых дворянок в белом платье и из корзины бросала под ноги императрицы цветы. Карцев состоял в свите Александра I при его свидании с Наполеоном в Тильзите.

Среди достопримечательностей Трестина — старинный серебряный ковчежец с серебряным крестом и мощами Печерских угодников. О древности и ценности иконы Николы, от которой пошло село, заключение должны дать искусствоведы. На обочине шоссе сохранились лишь остатки часовни, относившейся к Николо-Трестинской церкви. Она неизменно вызывает любопытство и вопросы, но достоверных документов о её происхождении мне неизвестно, а легенд в народе сложено немало. Во всяком случае, часовни на Руси ставились как памятники на святых для народа местах.

В 1911 г. при церкви существовало попечительство, общество трезвости, церковно-приходская школа. Другая, земская школа была в д. Давыдовское (теперь микрорайон). Главным занятием населения было земледелие. В город на фабрики и в услужение уходили только свободные в семье люди и безземельные. В 1872 г. в селе было 8 дворов. На 16 мужчин приходилось 26 женщин.

Древняя история Поддубного заставляет нас с большим интересом и теплотой смотреть на привычный пейзаж, соединить его с «преданиями старины глубокой». Эта деревня, как чудесный цветок, рождает радость и разнообразие впечатлений среди типовой застройки. Надо изучить сохранившиеся вещественные памятники истории и культуры этого уголка нашей Отчизны, выявить новые и принять меры к их защите.

М.А. Лапина (Кострома)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918–1919 гг.)

Советская власть в Костроме и по всей губернии установилась мирным путём. Однако это не значит, что все слои общества, всё население костромского края с восторгом приняло революцию и новую власть.

В первые дни после переворота костромской совет рабочих депутатов фактически стал органом государственной власти в губернии (губернские структуры власти оформились позднее). Сразу же открыто против совета выступили служащие правительственных, общественных и частных учреждений города: на своих собраниях они выносят резолюции о неподчинении распоряжениям «так называемых народных комиссаров»¹.

В начале 1918 г. политическая обстановка в стране и губернии значительно обострилась. В феврале вспыхнул мятеж в Солигаличе, во время которого был убит председатель совета Василий Алексеевич Вылузгин. После этого прибывший из Каргополя карательный отряд расстрелял в Солигаличе 20 человек из бывшей «верхушки» города, офицеров, духовенства, представителей интеллигенции. 11 марта была попытка контрреволюционного переворота в Кологриве. В марте же в Шушкodomской волости Буйского уезда во время митинга были избиты уездный комиссар Н.С. Шубин и начальник милиции Разгуляев. В мае Буйский уездный совет выпустил обращение к гражданам уезда в связи со слухами о готовящемся сборе всех волостей с целью разгона уездного совета. совет предупреждал, что замеченные в агитации будут сурово караться вплоть до расстрела на

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

месте.²

С самого начала 1918 года происходили волнения в селе Красном, где особенно сильным было расслоение населения.

Летом по всей России прокатились антисоветские восстания, организованные монархическими силами совместно с офицерами и непролетарскими партиями. Одним из самых крупных в центре России был Ярославский мятеж, вспыхнувший в ночь с 6-го на 7-е июля. Во главе его стояли представитель военно-монархического «Союза Возрождения России» полковник А.П. Перхуров и эсеровского «Союза защиты родины и свободы» Борис Савинков. За неделю до него Костромской ЧК удалось раскрыть офицерский заговор. Ядро подпольной организации в Костроме* составляли офицеры бывшего Пултусского полка. В заговоре также принимали участие служащие, гимназисты, учащиеся технического училища. Во главе стоял полковник Жадовский, кассой заведовал бывший присяжный поверенный, лидер костромских кадетов Н.А. Огородников. Видную роль в организации играл отставной генерал Дурново. «Союз» снимал помещение в доме №18 по улице Русиной (ныне дом №16 по ул. советской), принадлежавшем крупному торговцу и владельцу кондитерской мастерской Ф.И. Боровскому. Деятельность организации направлялась из центра: отсюда шли инструкции и деньги. Существовала связь с офицерами Ярославля и лично с Савинковым, находившимся в Рыбинске. В Костроме также готовилось восстание. Следствие после раскрытия заговора установило, что было сформировано два батальона (по другим сведениям — четыре). Многих офицеров арестовали, руководители же сумели скрыться. По показаниям допрошенных офицеров, Жадовский скрывался в имении, позднее был там обнаружен и убит при попытке к бегству. Из числа арестованных офицеров 13 человек приговорили к расстрелу. Но приговор не привели в исполнение: в годовщину революции правительство объявило амнистию, и костромские руководители освободили всех арестованных по этому делу: 7 ноября участников заговора отпустили из тюрьмы. В ЧК не все согласились с таким решением руководства города. Начальник особого отдела В.А. Косульников и ведущий следствие М.В. Задорин потребовали вторичного ареста освобождённых. По предложению Я.К. Кульпе, одного из членов ЧК, материал передали в ревтрибунал, а тот решил обратиться во ВЦИК. В Кострому пришла телеграмма за подписью Свердлова: «Два раза вешать нельзя». После этого всех приговорённых вторично выпустили на свободу. Многие офицеры служили потом в Красной армии, некоторые оказались в противо-

* Это было Костромское отделение подпольной организации «Союз Возрождения России».

положном лагере — у белых. В этом особенность и трагедия Гражданской войны. Офицеры в провинции позднее возглавили крестьянские восстания.

Мы расскажем здесь о наиболее крупных восстаниях, мелкими же волнениями и вспышками во 2-й половине 1918 г. была охвачена практически вся губерния. В основе всех восстаний лежали одни и те же мотивы — недовольство крестьян политикой новой власти, и прежде всего — реквизицией хлеба в связи с введением декрета о хлебной монополии, реквизицией лошадей и скота для армии, а также мобилизациями в армию. Из других причин наиболее серьёзными являлись обложение чрезвычайным налогом и проведение декрета об отделении церкви от государства. 28 мая исполком Костромского уездного совета принял решение о передаче в революционный трибунал дела «Об узурпации прав граждан» крестьянами Богословской волости. Обвиняемые крестьяне (131 человек) на сходе обсуждали среди других и вопрос об отношении к советской власти. В постановлении этого схода записано, что власть не дала ни хлеба, ни мира, наступают голод и безработица.³ В июне, во время работы V губернского съезда советов по инициативе крестьян Шишкинской волости организуется поход крестьян Костромского уезда на Кострому с требованием свободной торговли хлебом, отмены хлебной монополии. Размноженное постановление Шишкинского волостного совета направлялось во все волости уезда. Представителям от волостей предлагалось собраться у нового кладбища на ул. Галичской в Костроме и договориться о совместных действиях.⁴ Благодаря принятым мерам (пикетам на дорогах и агитаторам), кровопролития не произошло. В организации этого похода чувствуется рука эсеров, влиятельных в крестьянской среде Костромского уезда. Уездный исполком передал дело в ревтрибунал с предложением привлечь виновных к ответственности.⁵ 13 ноября председатель губернской ЧК Ян Кульпе сообщал в губисполком, что в связи с мобилизацией в Костромском уезде (в волостях Шунгенской, Мисковской, Андреевской и Завражской) настроение беспокойное, поэтому туда посланы небольшие отряды с агитаторами.⁶

Руководство губернской ЧК 25 декабря направило в губком партии письмо с информацией о тревожной обстановке в губернии. В письме сообщалось, что комиссия предприняла ряд репрессивных мер: «... в административном порядке принимавшие участие в восстаниях были арестованы, но вспышки и восстания наблюдаются до сих пор». И отмечают главные упущения в работе органов советской власти: «1. отсутствие партийной работы и 2. неумение, часто преступные действия местных представителей советской власти (исполкомов и комбедов)». Эти неумелые действия определялись либо малограмотностью и просто невежеством советских работников на местах, либо их прошлой службой (в полиции, жандармерии и др.

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

государственных структурах) и были сознательно направлены на дискредитацию советской власти. В этом отношении показателен доклад представителя Костромского уездного исполкома о подавлении восстания крестьян в Андреевской волости. Автор похвально, как он револьвером и грубой бранью разгонял участников митинга в селе Андреевском, переполнив арестованными устроенный им же карцер. Подписан доклад подполковником Сахаровым. На документе сделана надпись рукой П.А. Бляхина (Г.М. Сафонова): «В комитет партии коммунистов. Препровождается для сведения в назидание потомству»⁷. Специальная следственная комиссия по расследованию причин одного из самых серьёзных восстаний в Костромской губернии — Уреньско-Ветлужского — отмечала, что в некоторых волостях не только отдельные члены, а целиком исполкомы волостных советов (например, Вахрамеевский) были связаны с повстанцами и даже руководили их штабами.

Согласно декрета СНК Костромская губерния облагалась чрезвычайным революционным налогом в 160 млн. рублей (примерно такая же сумма падала и на другие губернии центра России). Эта сумма особой комиссией распределялась на уезды. При этом должно было учитываться общее число хозяйств, площадь посева, число хозяйств наиболее зажиточных (с посевом свыше двух десятин и лучшими урожаями ржи).⁸ Однако на местах эти условия часто не выполнялись или нарушались. Да и сумма оказалась слишком большой. Так председатель Макарьевского совета 25 декабря телеграфировал в ЧК о враждебном настроении уезда на почве непосильного налога в 19 млн. рублей, сообщая, что «уезд максимум может дать 8 млн. Меры приняты самые энергичные, но массы одичали. Прошу походатайствовать о сокращении налога в целях успокоения несознательных масс».⁹ Исполком Костромского уезда также информирует, что сумма налога в 17 млн. рублей для уезда невыполнима. Уездный исполком ходатайствовал перед губисполкомом о снижении этой суммы до 5 млн., но получил отказ комиссии, поэтому «уездный исполком снимает с себя ответственность за выполнение этой развёрстки».¹⁰ К неуплатившим указанную в предписании сумму принимались административные и судебные меры. 25 декабря губисполком во все уездные советы разослал телеграмму наркома финансов Н.Н. Крестинского, которой запрещалось применять расстрел как высшую меру взыскания налога и рекомендовалось в случае намеренного сокрытия денег кулаками применять длительное заключение под стражу и принудительные работы, а при особой злостности — суд ревтрибунала.¹¹

В одной из волостей Костромского уезда — Каримовской — на 5 декабря назначалось собрание деревенских комбедов для утверждения распределённого среди крестьян волости налога в 500 тыс. рублей. На собра-

ние пришли все желающие крестьяне (по явочному листу — 194 человека). Собрание постановило: «Налог в 500 тыс. рублей отклонить ввиду того, что в нашей волости зажиточных крестьян нет, следовательно облагать некого». О поставке лошадей и рогатого скота тоже принимается отрицательное решение ввиду того, что лишних лошадей и коров не имеется.¹² Принимается также решение об упразднении комитетов бедноты и возвращения им денег, полученных с крестьян волости в виде штрафов. Особенное возмущение крестьян вызывало поведение секретаря волостного совета А.М. Годнева за допущенный им произвол при развёрстке налога, а также председателя Каримовского комбеда А.А. Бабанова, отбиравшего хлеб и картофель не только у средних крестьян, но и у бедняков. Совершенно без вознаграждения тот и другой были освобождены от занимаемых должностей как притесняющие и дискредитирующие власть.¹³ Тем не менее ЧК арестовала по этому делу 11 человек из деревни Клобушнево, села Терёшкино и других. В результате проведённого расследования комиссия постановила дело это прекратить за отсутствием улик против обвиняемых.¹⁴

Довольно крупными по масштабу были волнения крестьян в нескольких волостях Макарьевского уезда. Октябрьский переворот населением уезда в целом встречен сочувственно. Приезжающие с фронта солдаты пропагандировали идеи большевиков, и народ, видя в них своих защитников, поддерживал власть. Но со временем настроение крестьян стало меняться, так как проводимая советской властью политика «военного коммунизма» затрагивала их коренные интересы. Толчком к восстанию послужила объявленная в начале ноября мобилизация в армию и реквизиция фуража. 5 ноября в Нижне-Нейской, а 11 ноября в Верхне-Нейской волостях крестьяне собрались на сходы, чтобы вынести своё решение по этим вопросам. Выступавший на сходах милиционер Игнатий Скоробогатов призывал крестьян не подчиняться советской власти. В обеих волостях принимаются резолюции о неподчинении. Эти резолюции рассылаются и в другие волости уезда Листовки с призывом к крестьянам «в солдаты не идти, коней не давать» были отпечатаны в Верхне-Нейской волости секретарём волисполкомом
а
К. Кузнецовым и секретарём земельного отдела А. Беляевым (оба в прошлом прапорщики). 13 ноября в базарный день такая листовка оказалась на дверях магазина в селе Ануфриевском. По случаю базара народу в селе было много. Через некоторое время у волостного совета собралась толпа мобилизованных. На 14 ноября назначили сход всей волости. На этот сход делегат из Погощенской волости Тимофей Голубев привёз резолюцию своей волости с лозунгом «Долой войну». Крестьяне Ануфриевской волости поддержали эту резолюцию. Затем на собраниях, происходивших по дерев-

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

ням, обсуждался план действий на случай появления отрядов Красной армии. На дорогах были выставлены патрули; охранялись все телефоны. Восставшие отобрали оружие у служащих волостного военкомата, разогнали их, потом отправились в волостной совет. Там были обезоружены и арестованы секретарь совета Смирнов, председатель земельного отдела Калёнов и двое командированных коммунистов. Ночью с 16-го на 17-е ноября к деревне Гребенец подошёл небольшой отряд красноармейцев. Крестьяне, получив об этом известие, пошли ему навстречу. Отряд, избегая кровопролития, отступил, но через некоторое время снова подошёл. Узнав о прибытии отряда, крестьяне опять выступили, и снова произошла перестрелка у деревни Старово. Отряд вторично отступил, а толпа направилась в город Унжу с целью свержения там совета. Не встретив в Унже никакого сопротивления, захватив с собой из волостного совета телефонный аппарат и арестовав двух красноармейцев, вернулась обратно. Под вечер в настроении толпы произошёл перелом. Большая часть была склонна прекратить восстание и подчиниться власти. На следующий день на волостном собрании принимается решение о прекращении восстания.¹⁵ 26 человек из разных деревень (Гребенец, Б. Старово, Никулино, Карьково, Петрушево, Шевелёво и др.) были арестованы и преданы суду ревтрибунала. К сожалению, не обнаружено решение суда и неизвестно, как сложилась судьба этих людей.

Более драматично развивались события в волостях Верхне-Нейской и Нижне-Нейской. 15 ноября чрезвычайный комиссар уезда М.И. Галкин вместе с сотрудником ЧК Шибаевым и тремя красноармейцами отправился в эти волости. В Нижне-Нейской волости выступлением на митинге ему удалось предупредить восстание. В Верхне-Нейской сход его встретил совершенно по-другому, и для ареста организаторов восстания он вызвал из Макарьева карательный отряд. После схода жители волости решили выступить в Макарьев и пойти на помощь Ануфриевской волости. Было принято постановление о мобилизации всех граждан в возрасте 28–50 лет и посылке связных в Нижне-Нейскую волость с призывом к восстанию. 17 ноября повстанцы, арестовав всю группу Галкина, решили идти в Макарьев. Для руководства восстанием избрали штаб, в который вошли названные выше Кузнецов, Беляев, Скоробогатов и житель деревни Жемчугово Фёдор Анциферов. Затем один отряд пошёл в Ануфриевскую волость, а второй — в Макарьев. Было решено по дороге расстрелять арестованных Галкина и Шибаева. В селе Николо-Торжок отслужили молебен. На берегу Неи отряд остановился для расстрела. В толпе произошло замешательство. Воспользовавшись этим, Галкин попросил слова и стал убеждать крестьян прекратить задуманное дело и вернуться, обещав при этом принять все меры к

недопущению карательного отряда. Проголосовав, это решение приняли.

Нижне-Нейская волость, получив известие о восстании у соседей, решила его поддержать. Здесь тоже арестовали и разоружили руководство волостного совета. Затем все двинулись к деревне Колбино, откуда намеревались идти в Макарьев, соединившись в деревне Мироново с повстанцами из Верхне-Нейской волости. Но узнав о заключённом договоре с верхне-нейцами, ниже-нейцы разошлись по домам. 21 ноября в Верхне-Нейскую волость прибыл карательный отряд и занялся ликвидацией восстания. Были расстреляны руководители восстания Кузнецов и Беляев, а также священник Пиняев, служивший молебен. Двое других членов штаба скрылись.¹⁶

Следственная комиссия ревтрибунала, проанализировав здешние события, пришла к заключению, что справедливого отношения к восставшим и запутавшимся крестьянам не было. В докладе комиссии отмечается, что со стороны карательного отряда «наказание часто превращалось в настоящее глумление и издевательство над всем населением с применением самых жестоких приёмов чисто Николаевско-полицейского режима, не укреплявших, но совершенно дискредитировавших советскую власть в глазах населения»¹⁷. Во время волнений в Макарьеве власть перешла в руки военно-оперативного штаба, во главе которого стоял комиссар Китов (осуждён позднее трибуналом за растрату и злоупотребления). Этот штаб и отправил в волости карательный отряд в 140 красноармейцев. С отрядом находился следователь Макарьевской ЧК — бывший городской Грибин. Вместе с ним уездным исполкомом для взыскания с населения денежной и хлебной контрибуции был направлен заведующий кинотеатром Гурин. По прибытии на место отряд образовал оперативный штаб во главе с Грибиным. Штаб разместился в деревне Дьяконово и объявил волость на осадном положении. Начались аресты. Всего в волости арестовали 32 человека. Их посадили в лавку торговца Коновалова, приспособленную под «арестный дом»: Грибин и Гурин его называли «коммуной». Контрибуцию в 200 тыс. рублей предписывалось крестьянам уплатить в течение 12 часов. Перепуганные крестьяне уплатили её полностью. При допросе арестованных Грибин всё время держал на столе заряженный револьвер, который при малейшей заминке направлял на допрашиваемого, угрожая расстрелом на месте. В такой ситуации арестованные давали нужные Грибину показания. Подобно штабу вели себя и красноармейцы: самовольно ходили по домам и отбирали продукты. Население было так запугано, что выполняло любые их требования. Через пять недель отряд перебазировался в Нижне-Нейскую волость. Здесь волнение продолжалось несколько часов, и в присылке отряда не было необходимости. В этой волости среди населения также распространили контрибуцию в 200 тыс. рублей, отбирая коров на мясо, хлеб,

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

молоко, овёс, сено. Также устроено арестное помещение и безобразничали красноармейцы; шла бесцельная стрельба. Кроме реквизированных у населения продуктов, из лавки местного кооператива отрядом бесплатно взяты товары, предназначавшиеся для населения: несколько фунтов чая, весь табак, спички, керосин. В особенности много жалоб было здесь на Гурина. Он собирал хлебную контрибуцию и потребовал, чтобы каждый домохозяин отвёз на мельницу по 10 фунтов с каждого пуда ржи (примерно 25%) урожая собранного осенью. При этом не учитывались ни прежние реквизиции, ни то, что значительная часть ржи уже высеяна. Так что у многих крестьян отобрали почти весь оставшийся хлеб. О злоупотреблениях этого отряда, в составе которого находились два бывших полицейских (Грибин и Будаков — секретарь штаба), знали в уездном оперативном штабе, но никакие меры не применялись. Штаб был распущен только по ходатайству командированного для ревизии Макарьевского исполкома представителя из Костромы.¹⁸ За участие в восстании в обеих волостях трибунал судил 45 человек.

Многие восстания и вспышки можно было бы упредить, если бы политика власти была более гибкой. А на практике получалось так, что с обострением ситуации сразу создавались чрезвычайные органы власти: ревкомы, ревсоветы, высылались карательные отряды. Это вызывало у населения ещё большее раздражение.

22 ноября произошла вспышка в Чернышевской волости. Сюда для организации партийной ячейки и ревсовета из Костромы прибыли коммунисты Морозов и Аленичев. Они назначили общее собрание волости, на котором предполагалось ознакомить крестьян с программой партии. Но крестьяне пришли на собрание уже с определённым настроением и говорить представителям губернии не дали. Возбуждённая толпа с криками «дой советы» бросилась к столу президиума, избив председателя комбеда Лебедева, а затем военного комиссара Шаронова, вначале обезоружив его. Делегаты из Костромы, понимая бесцельность своего пребывания в волости и опасаясь самосуда, уехали в Завражную волость. Вскоре из Макарьева прибыл карательный отряд. Арестованные на допросе показали, что эта вспышка спровоцирована во время схода в селе Ивановском, где выступавшие говорили о том, что Макарьев занят чехословаками, а в соседней Морковицкой волости находится отряд казаков, к которым можно присоединиться, ликвидировав свой волостной совет.¹⁹

В это же время волнения происходят и в соседнем Кологривском уезде. Помимо упомянутых Ануфриевской и Погощенской волостей, тайные собрания и сходы происходят в Старо-Халбужской волости. На них также принимаются решения не давать на службу солдат и скот для нужд армии.

В день отправки мобилизованных в волостном центре собрались крестьяне деревень Зашильского, Давыдова, Хлябишина и др. и избili делопроизводителя военкомата Румянцева и милиционера Золотова. 24 мая 1919 г. следственная комиссия ревтрибунала вынесла постановление о прекращении этого дела и амнистировании крестьян, поскольку здесь их действия не носили организованного характера. Позднее постановлением губревтрибунала дело это было закрыто.²⁰

На почве проведения декрета «Об отделении церкви от государства» произошло волнение крестьян в Спасской волости этого уезда. Во время богослужения представитель волостного совета вошёл в церковь и, прервав службу, стал разъяснять верующим сущность декрета, что и спровоцировало возмущение крестьян. Это дело также было прекращено губернским трибуналом, квалифицировавшим действия представителя совета как нетактичные, оскорбляющие чувства верующих.²¹

В ноябре вспыхнуло восстание на севере губернии — в Великовской волости Солигаличского уезда. Причины те же: проведение декрета об отделении церкви и мобилизация в армию. В ночь с 16 на 17 ноября из Солигалича в волость отправляется карательный отряд во главе с комиссаром Сазоновым и представителем ЧК Макшанчиком. Действия этого отряда не отличались от действий других подобных отрядов. Так же, как и везде, против мирного населения направлялась боевая единица. По прибытии в волостной центр — село Великово — отряд объявил волость на осадном положении и окружил здание совета и церковь, где находились возбуждённые люди. По секретному списку, составленному заранее, были арестованы 23 человека, в том числе священник, дьякон и псаломщик церкви. На волостном сходе Макшанчик зачитал инструкцию об отделении церкви от государства, после чего «она была принята единогласно путём поднятия рук всей волостью».²²

В докладе следователя уездной ЧК отмечается, что толпа вела себя очень нервно и потребовала освобождения арестованных. Отряд разогнал митингующих, но люди по домам не расходились до самого вечера. Штабом издано в волости 9 приказов: о явке всех мобилизованных к месту назначения, о доставке мобилизованных людей, обложении волости контрибуцией, о наложении на арестованных штрафа в 400 рублей на каждого, а также приказ о заложниках (со списком), которые будут расстреляны в случае вторичного восстания. Причём волостной совет получил указание объявить этот приказ после ухода отряда. «Надлежащими мерами волость приведена в полное повиновение», — заключает доклад следователь А. И. Дорогин.²³

Серьёзные волнения в конце 1918 г. также произошли в Нерехтском

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

уезде и самом уездном центре. Обеспокоенные беспорядками на почве сбора чрезвычайного налога и реквизиции скота, коммунисты уезда на экстренном собрании 6 декабря приняли решение вооружить всех членов партии, способных носить оружие, и сформировать вооружённый отряд из коммунистов-солдат для экстренных вызовов.²⁴ В связи с кризисом промышленности в годы Гражданской войны, многие рабочие вынуждены были вернуться на прежнее место жительства, к земле. Вследствие этого население в каждом уезде значительно выросло, а в этом особенно, так как в самой Нерехте и сёлах уезда существовало крупное фабричное производство. К марту 1919 г. число жителей в уезде увеличилось с 75 до 95 тысяч человек. Урожай осенью 1918 г. учитывался на корню, и цифры в отчётах были завышены. Это повлекло усиленную реквизицию хлеба. Фактический же урожай оказался значительно ниже, так как качество обработки земли ухудшилось ввиду сокращения поголовья лошадей. По данным отдела управления уездного исполкома, на 79 тыс. десятин пашни в уезде приходилось всего 1200 лошадей, которые могли обработать не более 1/3 этой площади.²⁵

Поскольку сведения об урожайности оказались завышены, то получить нужное количество хлеба (указанное в нарядах губпродкома) уезд не смог. Прибывшее из города население необходимо было не только прокормить, но и помочь им получить семенной материал для посева весной 1919 года. Таковую помощь они могли получить только от зажиточных крестьян, в зависимость к которым они попадали и разделяли их недовольство советской властью. Всё это значительно усугубляло ситуацию в уезде. В связи с предстоящей реквизицией хлеба началось брожение в Блазновской волости. На 30 ноября здесь назначается митинг, на который приглашаются комитеты бедноты и все желающие. На митинг из Нерехты командировали агитатора уездного военкомата С.Н.Ермолаева. Уже с утра в волостной центр стал стекаться народ. Крестьяне потребовали внесения иконы в здание волостного совета и разоружения Ермолаева. Ему пришлось с митинга бежать через чёрный ход.²⁶

Далее всё пошло по обычному сценарию: 2 декабря в Блазново направляется карательный отряд во главе с председателем уездного исполкома П.А. Жолобовым. Встретившись в Армёнках с работниками военкомата Незамаевым и Виноградовым, отряд отправляется в Блазново. Там у здания волостного совета прибывшие руководители уезда увидели огромную толпу крестьян из 3-х волостей: Блазновской, Спасской и Сараевской. По сообщениям Жолобова, крестьяне шли организованно; выступление в Блазново было спланировано. Жолобов с Незамаевым вызвали реквизиционный отряд из армянских коммунистов. Этот отряд в 30 человек был обстрелян из револьвера по дороге между Армёнками и Блазновом. Оценив ситу-

ацию, Жолобов решил провести митинг и успокоить крестьян. В отчёте об этой поездке он пишет: «Как ни вели агитацию, а толпа требовала своего: не надо налога, не надо реквизиции и мобилизации».²⁷ Поскольку волости находились на осадном положении, митингующим объяснили, что это за положение, а затем оцепили всю толпу и стали «фильтровать». Таким образом арестовали 53 человека. На следующий день 12 человек из этого числа отправили в Нерехту, в ЧК, а остальныхпустили домой до особого распоряжения.

4 декабря Жолобов с отрядом выехал в Спасскую волость. Здесь всё обошлось спокойно, и крестьянами была принята предложенная резолюция. Из этого руководители пришли к заключению о необходимости усиления агитации, так как «тёмную массу крестьян в настоящее время свободно можно повести в любом направлении».²⁸ Характерно заключение этого доклада: «...главарей этого восстания предлагаю губернской чрезвычайной комиссии поставить к стенке, не считаясь ни с какими ихними оправданиями...».

Зимние месяцы начала 1919 г. были относительно спокойными, а весна принесла новые осложнения, связанные с массовым дезертирством. С начала разложения армии в 1917 г. дезертирство не прекращалось, а теперь приняло угрожающий характер. Выступая на VIII губернском съезде советов губернский военный комиссар В.Г. Георгиев говорил, что есть волости, «которые с первой мобилизации не дали ни одного человека». Это явление носило повсеместный характер, поэтому для борьбы с дезертирством создаются специальные комиссии — от центральной до волостной. По данным губернской комиссии, за год (с февраля 1919 г. по 1 марта 1920 г.) через комиссию прошло 58741 человек.²⁹

Наиболее массовым в нашей губернии дезертирство было в Костромском, Нерехтском, Варнавинском, Ветлужском и Макарьевском уездах. Шла война, фронт требовал пополнения армии, а мобилизованные дезертировали. Чаще всего они просто не являлись на сборные пункты или бежали с дороги при первой же возможности.

Основная причина дезертирства заключалась в усталости от войны (фактически в состоянии войны Россия находилась уже 5-й год). Разруха и разорение крестьянского хозяйства, голод и недостаток жизненно необходимых товаров вызывали недовольство властью, усугублявшееся её экономической политикой.

Дезертиры, как правило, собирались в лесу, образуя «зелёную» армию. Вначале они опасности не представляли, так как чаще всего жили дома, занимались хозяйством и лишь по прибытии отрядов для ловли дезертиров скрывались в лесу. Постепенно эти огромные массы привлекли

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

внимание бывших офицеров, которые к тому же имели оружие. Многие дезертиры тоже вооружались разными путями. советское правительство стала беспокоить ситуация в тылу, сложившаяся в результате скопления большого количества организованных и вооружённых дезертиров.

Ещё в сентябре 1918 г. РВС Республики издал приказ, согласно которому ответственность за неявку призывников возлагалась не только на военкоматы, но и глав семей, и руководителей местных органов власти. Этим усиливалась ответственность на местах, так как в деревне существовала фактически круговая порука. По причине родства, соседства, да и просто из страха мести со стороны дезертиров и их семей, все умалчивали о дезертирах.

13 апреля в Костромской губернии объявляется осадное положение. Во все военные комиссариаты направляется телеграмма, предписывающая «всем уездвоенкомам самым энергичным образом проводить борьбу с дезертирством. Всех сопротивляющихся и отказывающихся расстреливать на месте. С укрывателями расправляться как с дезертирами...» Согласно телеграмме из Центркомдезертира в каждом губернском центре для организованного разгрома дезертиров создавалась оперативная тройка. Тройке давалось задание объединять все вооружённые силы на территории губернии, определить местонахождение «банд и их руководителей», а затем разгромить их. Фактически объявлялась война с крестьянством, так как во многих семьях крестьяне поголовно были связаны с зелёными. Не все, конечно, добровольно: многие из страха угрозой расстрела примыкали к повстанцам, из страха же платили повинность, которой их облагали по решению схода (деньги, продукты).

В июне 1919 г. совет Оборона Республики принял постановление об амнистии всем дезертирам, явившимся добровольно в течение недели (срок объявлялся заранее). Их потом направляли в Красную Армию, а семьи красноармейцев получали льготы: паёк, денежное пособие, в деревне — семена для посева, помощь в обработке земли. В связи с массовым дезертирством организовать эту помощь было сложно, так как не всегда было известно, кто в армии, а кто в дезертирах, и фактически комиссии помощи семьям красноармейцам и сама помощь существовали лишь на бумаге. Летом (в июле — августе 1919 г.) в редакцию газеты «Беднота» поступило письмо от красноармейца, семья которого проживала в деревне Запрудново Кологривского уезда. Приведём его полностью:

«Дорогой сын, сообщаем тебе, что наше теперь положение такое, что приходится с голоду умирать. Хлеб в комитете волостном стоит 147 рублей пуд, а овёс 160 рублей пуд. Ходили мы в комитет 4 раза и в результате получили только на обсеменение 2 пуда овса, больше нет и достать мы не в

состоянии. После того как ты уехал, хлеба получили вот сколько: один раз 4 фунта мерзуры, 2-й раз 20 фунтов муки, 3-й раз по 3 фунта на едока и всё это на семью в 4 человека. Вольная цена хлеба продают 800 рублей, овёс 600 рублей пуд, денег у нас, сам знаешь, столько нет, положение наше самое безнадежное; сдавала огород пахать, и то за пахоту просят 600 рублей, жалование ещё не получили, т.е. продовольственный паёк; жили до сих пор только картофелем и того уже больше не стало, а картофель догнали уже до 150 рублей, и то нам не продают; как жить станем, да ещё и грызут нас, а всё за власть больше. Дорогой сын, ты писал нам, как с нами волостной комитет обходится, а они ни в чём не разбираются, что спекулянту и дезертиру, то и нам всё равно дают...»

Такое положение с продовольствием, прежде всего с хлебом, было в губернии повсеместно и потому взрывоопасно. Уполномоченный Цацулин, обследовавший в мае Чухломской уезд, писал оттуда в губисполком, что все отруби и мякина съедены. Цена мякины доходит до 200 рублей за пуд. В городе хлеб пекут пополам с дурандой. Многие поля здесь остались незасеянными, так как нет семян, а два вагона овса, предназначенные для красноармейцев, выкупить было не на что. Далее он сообщает, что с агитационной работой дела обстоят плохо — у исполкома нет лошадей и в дальние деревни выехать невозможно. Сам он сумел посетить две волости (Бушнёвскую и Вохтомскую) и отмечает, что везде просят доставить семян и отказываются платить поимущественный налог, так как приходится покупать хлеб по 800 руб. за пуд.³²

После выхода постановления о добровольной явке дезертиров Центрокмдезертир также принял решение о предоставлении льгот семьям, в которых один из сыновей в Красной армии, если даже другие дезертируют. Во все волости после этого направляются агитаторы и отзываются отряды по ловле дезертиров. Там, где дезертиры не были организованы, добровольная явка стала массовой. Там же, где ими руководили офицеры, принятые ранее постановления о заложниках служили козырной картой в борьбе с советской властью. В мае появляются тревожные сообщения об организованном выступлении дезертиров в Никольской, Митинской и Рождественской волостях Нерехтского уезда и разгроме советов. 20 июня в этом же уезде дезертиры напали на военный эшелон на 39-й версте дороги Кострома — Ярославль, разграбили оружие и выпустили едущих на фронт мобилизованных, в основном из дезертиров. Во время стычки погиб начальник штаба костромской партийной дружины Богданов.

В одном из докладов на уездной партийной конференции говорилось, что после этих событий значительно осложнилась работа советов, даже выходить на работу в канцелярии стали неаккуратно. В сельских советах

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

положение сложилось ещё хуже: дошло до того, что обязанности председателя крестьяне стали исполнять ежемесячно по очереди.³³

Наиболее крупными были восстания Шунгенско-Саметское, Красносельское и Уреньско — Ветлужское.

На территории Шунгенско-Саметского района, граничившего с Ярославской губернией, скопилось большое количество дезертиров как из костромских селений, так и ярославских. С начала июня 1919 г. дезертиры начали устраивать тайные митинги, о чём стало известно в ЧК. Тогда все дезертиры ушли в лес и расположились за Петриловом на бывшей пасеке. Туда к ним пришёл Г. Пашков, работавший учителем (в прошлом офицер). Он и стал одним из руководителей повстанцев этого района. Потом дезертиры начали посылать небольшие отряды с подложными документами в волостные и сельские советы и отбирать оружие у членов исполкомов и коммунистов. Так было собрано около 50 винтовок и 25 шомпольных ружей.³⁴

Отряды пополнялись не только добровольцами, но и путём мобилизаций. Социальная среда здесь благоприятствовала: крепкие заречные крестьянские хозяйства, связанные с городским рынком и имевшие от этого доход, с введением продразвёрстки лишились его. Многие молодые крестьяне этих деревень оказались в дезертирских отрядах: общая численность зелёных здесь составляла около 1000 человек. Отказывающихся присоединиться расстреливали или арестовывали. Арестованных держали в лесу под стражей (бывший барский лес за деревней Шемякино).³⁵ Повстанцам помогало практически всё население: снабжало продуктами, одеждой, инвентарём, необходимыми сведениями. Дети, женщины, переодетые в женскую одежду дезертиры извещали о прибытии красноармейских отрядов звонком набата. Позднее отряд Пашкова соединился с отрядом К. Озерова, находившимся в соседней Петропавловской волости Ярославской губернии, и оба прибыли в лес за реку Касть.

Со стороны красных здесь действовали небольшие отряды Ярославской и Костромской ЧК. В начале между отрядами зелёных и красных происходят отдельные стычки и отмечаются нападения зелёных на караулы красных с целью захвата пленных и оружия. 11 июля зелёные напали на отряд ЧК в селе Никольском; нападение было отбито без потерь для красных. Связь между костромскими и ярославскими отрядами практически отсутствовала за исключением эскадрона А.Ф. Френкеля, с которым отряд костромской ЧК встретился в Шунге. Председатель Костромского губревсовета Николай Филатов телеграфирует в округ о малочисленности отрядов, о том, что действовать малыми силами бессмысленно, так как операция в этом случае будет носить затяжной характер.³⁶ Вследствие кровной

связи повстанческих отрядов с населением, изолировать и обезвредить их было сложно. Председатель Костромского уездного исполкома М.В. Коптев вспоминал такой факт. Местное население облагалось контрибуцией, которую собирали руководители местных советов. Один из них — председатель Скряваловского сельсовета И.К. Марков, у которого два сына оказались в дезертирах, собрал весь налог, привёз его в штаб и даже обещал помочь в борьбе с дезертирами. В ту же ночь конный отряд красноармейцев настиг обоз из нескольких лошадей, везущих в лес хлеб, картофель, одежду. Возглавлял его И.К. Марков. Обоз задержали, а Марков по распоряжению штаба был расстрелян.³⁷

Первый бой произошёл у деревни Палачово, где разместились часть красноармейского отряда. После обстрела зелёные снова ушли в лес. Другая часть отряда (в деревнях Саково и Давыдово) была окружена и разбита отрядом зелёных под руководством Красникова. Зелёными при этом был захвачен пулемёт.

Оперативным штабом в селе Петрилове разрабатывается операция по ликвидации дезертирских формирований, контролировавших весь заворжинский район. Жителям села Саметь и деревням этого района был предъявлен ультиматум: в течение 2х–3х дней уплатить чрезвычайный налог, сдать дезертиров и оружие. Председатель сельсовета уплатил чрезвычайный налог, заявив, что дезертиров сдать не в состоянии.

14 июля, по истечении срока ультиматума, начальник оперативного штаба Георгиев вместе с председателем уездного исполкома М.В. Коптевым и отрядом красноармейцев выехал в Саметь. Высланная вперёд конная разведка в поле между Шунгой и Саметью была обстреляна зелёными, засевшими в картофельном поле. Кони вернулись назад без ездоков. Зелёные пошли в атаку. Красноармейский отряд развернулся фронтом, прибыл на помощь ещё один отряд из Шунги, и начался бой. Для того, чтобы выбить повстанцев из Самети, красные подожгли село. Оно сторело почти полностью.* М.В. Коптев вспоминал, что был свидетелем ужасной сцены: из горящего села крестьянин с женой и дочкой пытались вывезти телегу с имуществом, а красноармейцы их не выпустили, заявив, что они враги революции и должны сгореть вместе с селом. В тот же день другой отряд зажёг село Никольское (Сельцо).

В это время здесь же находился конный отряд Ярославской ЧК под командованием Френкеля, заявлявшего, что сейчас идёт война с крестьянами, поэтому никакой пощады им быть не может. Представители руковод-

* В губернской газете «Красный мир» за 18 июля 1919 г. содержится подробное описание этого боя. Поджигатели Самети и Сельца при этом, естественно, не названы. (Прим. ред.)

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

ства губернии, Коптев и Огибалов, встретились с этим отрядом в Петрило-ве. Они пытались объяснить с Френкелем и запретить ему отбирать лошадей у невинных крестьян. Тот в ответ навёл на красноармейский штаб пулемёты. М.В. Коптев свидетельствует, что в это время работать ему морально было очень тяжело. Он служил до 1917 года в системе кооперации, и крестьяне все его знали, поэтому и теперь часто обращались к нему с кто с жалобой, кто с просьбой.

Пожар в двух сёлах произвёл на зелёных тоже очень тяжёлое впечатление, и они решили в своей волости на красных больше не наступать. Совместными действиями разных отрядов повстанцы оказались отрезанными от жилья и лишились возможности получать продовольствие и информацию. Боевой дух их упал, многие стали добровольно являться в Кострому и в штаб в Петрилове.

Потери были значительными с обеих сторон. К 18 июля отряд военного комиссара Костромского уезда В.Н. Лазарева, находившийся в районе села Куникова, за период со 2 июля потерял убитыми, ранеными и попавшими в плен 17 человек. Раненым оказался и сам Лазарев.³⁸ Это сведения о потерях только одного отряда.

После этого Озеров, у которого оставалось всё оружие сдавшихся дезертиров, набрал отряд из своих волостей и продолжал нападать на отряды красных.

Намеченная на 22 июля операция по ликвидации остатков формирования зелёных не достигла окончательной цели: начальник ярославского отряда С. Васильев и два ординарца при нём, ехавшие с приказом от начальника штаба ярославских отрядов Егорова, погибли. Егоров попал в плен к зелёным. Московский отряд с артиллерией под командованием Воложанова приказа не получил и связь со штабом потерял. В результате этого выступил не в Привалово, откуда должен был обстрелять лес, а пришёл в штаб в Петрилове. За это время повстанцам удалось уйти.³⁹ Однако теперь действовать им стало сложно, многие разбежались, а оставшиеся разделились на 3 отряда под командой Пашкова, Озерова и Саблина. Постепенно эти отряды тоже рассеялись: Пашков погиб, Озерову удалось скрыться, а группа Саблина терроризировала население ещё долго. Лишь осенью 1922 г. их выследили чекисты: Саблин и ещё несколько человек были убиты, а остальные заключены в концлагерь.⁴⁰

Отряды красноармейцев из других губерний, действовавшие против дезертиров, брали у населения не только провиант и лошадей, но занимались настоящим грабежом. 31 июля председатель губреввоенсовета вынужден был издать приказ о сдаче всех награбленных вещей московскими и ярославскими отрядами. В описи сданного имущества числится 62 наиме-

нования различных вещей, в том числе дамские пальто — меховые и холодные, пальто и костюмы мужские, овчины, полотенца, полушубки и даже кровати, перины и подушки.⁴¹

Красносельское восстание было менее масштабным, но более трагичным. В Красносельской и Семёновской волостях скопилось также более 1000 дезертиров. Их штаб находился за Новосельским, в лесу (место «Сухая грива»). Руководили штабом Виталий Воскресенский из села Сунгурова, в прошлом офицер; Кондратий Головин из деревни Зайцево, проживавший в Костроме и имевший связь с офицерами; Александр Лебедев, бывший учитель из села Никола-Мосты (он же Порфирий Самоделов из деревни Гореславки). После подавления восстания они сбежали. Все вооружённые дезертиры были объединены ими в одну боевую группу и несли карательную службу, остальные разбиты на отряды. Имелись казначеи, уполномоченные по сбору денег среди населения, связные для координации действий с дезертирами соседних Пушкинской и Шунгенской волостей.*

В начале июля повстанцы разгромили Семёновский волисполком, захватили печать, документы, бланки, оборвали телефонную связь. А в ночь на 14 июля пришли в Красное. Здесь разгромили помещение милиции, захватили всё имевшееся там оружие, избили и арестовали милиционера Кочубеева, арестовали председателя волисполкома Захарова. Затем провели обыски в домах местных коммунистов — М.И. Березина, волостного военного комиссара и братьев Смирновых, Ивана и Руфа — руководителей партийной группы. Но те знали о готовившемся восстании и успели скрыться. Утром 14 июля всё население села Красного и окрестных сёл и деревень в радиусе до 10 км было созвано на митинг к пробирной палате. Тех, кто не хотел идти, выгоняли с применением физической силы. О восстании знали в Костроме и на его ликвидацию направили конный отряд А.Ф. Френкеля — тот самый, который по настоянию уездного руководства был отозван из Шунгенско-Саметского района. Прочитируем полностью мандат, вручённый Френкелю губреввоенсоветом 14 июля:

«Настоящим предписывается Вам сего 14 июля отбыть в с. Красное для ликвидации восстания дезертиров, выражающееся в разоружении и арестах агентов ЧК, сопротивлении военным властям, уничтожении телефонного сообщения с Костромой и т.д. При ликвидации предлагается Вам взять заложников из среды кулацкого элемента волости, назначить кратчайший срок явки дезертиров, заложников расстрелять и вообще восстановить там революционный порядок».⁴²

* В соседнем Кинешемском уезде, вошедшем в 1918 году в состав вновь образованной на родине первых советов Иваново-Вознесенской губернии, летом 1919 г. также происходили выступления зелёных. (Прим. ред.)

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

Этот отряд 14 июля прибыл в Красное на пароме с буксирным парходом. Повстанцы тоже знали о прибытии отряда и на берегу Волги встретили его выстрелами. Завязался бой. Участники митинга, вооружённые топорами, вилами и косами вышли из села на помощь повстанцам. Бой продолжался 6 часов. На берегу отрядом было расстреляно и зарублено шашками около 200 человек, около 60 взято в плен. Остальные повстанцы разбежались. Затем отряд начал прочёсывать соседние деревни. При этом в деревне Даниловское её житель Александр Красильников убил члена отряда, сотрудника ярославской ЧК А. Щербакова. «Весь контрреволюционный элемент и кулачество с. Красного за убийство т. Щербакова в тот же день беспощадно расстреляно», — записано в заключении следственной комиссии юридического отдела ЯргубЧК. Всего убили около 400 человек. Население обложили контрибуцией в 500 тысяч рублей. Тут же в счёт контрибуции было получено 120 тыс. деньгами, 100 тыс. письменными обязательствами, а остальная сумма — серебряными и золотыми изделиями. Отряд до тла сжёг три деревни: Даниловское, Ивановское, Конищево. На следующий день в Красное прибыл отряд из Костромы под руководством М.В. Коптева. «Последствия боя предыдущего дня, — вспоминал он, — были видны из того, что целый ряд трупов лежал ещё не убраным... Опасность со стороны зелёных нам в Красном, по моему мнению, была крайне преувеличена». По свидетельству Коптева, Френкель потом был расстрелян. В первые дни после ликвидации восстания началась массовая добровольная явка дезертиров. За несколько дней только Семёновский волостной комиссариат направил в Красносельский полевой штаб 775 человек. Они все отправились в Красную Армию.

В мае 1920 г. дело участников Красносельского восстания рассматривалось губернским ревтрибуналом. К разным срокам заключения — от 2-х лет условно до 10 лет тюремного заключения — трибунал приговорил 22 человека. В связи с амнистией в честь годовщины Октябрьской революции (она проводилась ежегодно) срок наказания всем значительно сократился.

Из всех восстаний в губернии наиболее длительным, масштабным и профессионально организованным было восстание в Ветлужском и Варнавинском уездах (с 1922 г. территория Нижегородской губернии). Восстание вспыхнуло в августе 1918 г. в уренском крае. В этот край входили 6 волостей Варнавинского уезда. Центром восстания стало село Урень.

Это был особый край: окружённый со всех сторон лесами и плодородными землями, он до 1917 г. сохранял исторически сложившийся образ жизни, мало связанный с внешним миром. Возглавил повстанцев Иван Нестерович Иванов, прозванный уренским царём (или суходольским, так как

родился он в деревне Суходол этого же уезда). По свидетельству очевидцев, этот человек, крепкого телосложения, сильного характера, пользовался среди крестьян огромным авторитетом. По некоторым рассказам, он до революции управлял имением у генерала П.Н. Краснова. Поводом к восстанию послужила, как и везде, кампания по учёту излишков хлеба с целью их реквизиции. Руководители местных советов не провели никакой подготовительной работы, более того, злоупотребляя властью, применяя угрозы и избиения, окончательно восстановили население против советской власти. Восставшие уренцы соединились с повстанцами Ветлуги, где в конце августа произошёл переворот: члены совета были арестованы и убиты, а власть перешла к Временному комитету общественной безопасности. В его состав вошли офицеры, помещики, торговцы, обозлённые реквизицией товаров и лавок.

Из Ветлуги в Урень посылаются военные инструкторы, оружие; позднее создаётся Ветлужско-Уреньский комитет общественной безопасности под руководством Нестерова (И.Н. Иванова). Объединяются и вооружённые силы. Повстанцы намеревались захватив Варнавино, соединиться с белочехами и выйти на Казань, а заняв на севере станцию Шарья, перерезать Северную железную дорогу.

Захватить Варнавин и полностью территорию обоих уездов повстанцам не удалось. 26 августа в Варнавин прибыл красноармейский отряд из Галича и Буя в 229 человек, а 28 августа — с отрядом губвоенком Филатов, к которому перешло общее руководство боевыми операциями красных на Ветлужско-Варнавинском фронте. До 19 сентября восстание ликвидировали. Мятежники, узнав, что Казань взята частями Красной армии, разбежались кто куда.

Поражает взаимная жестокость воюющих сторон. Один взвод галичского отряда, попавший в плен, был заживо сожжён в сарае; отравлен командир галичского отряда Пётр Кудрявцев. Можно привести множество других подобных фактов. В свою очередь, после взятия Ветлуги красные по приговору тройки расстреляли арестованных руководителей восстания.

Многим офицерам и рядовым участникам восстания удалось скрыться. Осуждённые заочно судом ревтрибунала, они укрывались в землянках и на лесных кордонах. Судьба многих из них поистине трагична. Так к повстанцам Ветлуги примкнули братья Рубинские, Юрий и Сергей, и Владимир Григорьев. Все трое до 1914 г. учились в Петербургском университете на физико-математическом факультете. С началом войны после окончания курсов они становятся артиллерийскими офицерами и служат в действующей армии до демобилизации в 1918 г. После ликвидации восстания прячутся в лесу. По свидетельству Юрия, он примкнул к повстанческому дви-

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

жению, так как понимал, что в провинции мало найдётся людей, способных «тонко провести тактическую линию в такой переходный период». ⁴³ Владимира Григорьева арестовали дома в Ветлуге 14 мая 1921 г. Он был взят на поруки отцом и сыном Кравковыми (из Костромы), дал подписку о невыезде до суда, а через некоторое время уже работал администратором в Костромском театре. ⁴⁴ В 1930 г. осуждён по сфабрикованному делу «О контрреволюционной организации» из бывших офицеров, получил 10 лет заключения в концлагерь. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Братья Рубинские скрывались до 1922 г., а затем добровольно сдались властям. Ежегодно проводимые в 20-е гг. амнистии уменьшили их срок заключения. В 1923 г. Верховный трибунал отменил решение тройки от 28 августа 1918 г. о расстреле Юрия; однако из ссылки после лагерей они так и не выбрались, оба погибли там. У Владимира Григорьева расстреляли младшего брата Бориса за укрывательство старшего, т.е. за то, что Борис зная, где скрывался Владимир, не донёс на него.

В 1918–19 гг. Ветлужский и Варнавинский уезды также охватило массовое дезертирство. По данным М.В. Задорина, из сотни мобилизованных в этих уездах едва ли служил хоть один. В лесах этого края хозяевами становились банды, в которых, кроме дезертиров, состояли уголовные элементы из крестьян. В ночь с 30 на 31 января 1919 г. в починке Ларионовское Вахрамеевской волости Варнавинского уезда были убиты 19 человек членов Варнавинского продовольственного отряда, а в следующую ночь в починке Вахрамеевском арестованы 6 человек. В их числе агент ссыпного пункта И.И. Матасов, его дочь Варвара и старший милиционер Л.А. Виноградов. Чудом Варваре Матасовой удалось спастись: ей нанесли девять штыковых ран, и её, едва живую, подобрал охотник, ставивший капканы. Всего было убито 24 человека.

Для расследования этого преступления создали специальную комиссию под руководством председателя губЧК Я.К. Кульпе. В докладе в губисполком, отмечая невежество крестьян этого края, отсутствие систематической работы с ними, он указывает, что данное событие носит политический и бандитский характер. Убийство вызвано, прежде всего, переучётом хлеба. Население запугано, а большая часть его связана с дезертирами. Работа в деревенском совете понимается как повинность (вроде старосты); председатель избирается на две недели, и никто из более или менее толковых людей не хочет здесь работать.

Население окрестных починков и деревень не только знало об убийстве, но и принимало самое активное участие: укрывало бандитов, предоставляло подводы, участвовало в арестах. Инициатором и вдохновителем нападения был Иван Лебедев, крестьянин починка Ларионовский, занимав-

пийся спекуляцией хлебом и мясом. Во время Уреньского восстания у него, как у казначея, хранилась крупная сумма денег, которая исчезла вместе с ним в период ликвидации восстания. Позднее его расстреляли.

Арестованных ночью и обезоруженных продотрядников били поленьями и прикладами, а затем нашлись добровольцы для расстрела. Ими оказались члены банды, занимавшейся грабежами и убийствами в Тонкинской и Карповской волостях. Один из них, Смирнов (Галочкин) Михаил, родом из починка Еремеевского, до 1914 г. служил кучером у врачебного инспектора в Сибири, 1-ю Мировую войну — на фронте, а в августе 1918 г. был мобилизован, как и большинство крестьян уреньского края, для борьбы с советской властью. После восстания дома прожить не мог из-за частых обысков, скрывался в землянке, а после убийства продотрядников остался с дезертирами, жившими грабежом.

Банды полянская, вахрамеевская, хвоинская действовали самостоятельно, убивая и грабя представителей органов власти, милиционеров, крестьян, отказывавшихся им помогать. Координировать действия всех банд, чтобы направить их в политическое русло, пытался Кочетков Иван — прапорщик, в период восстания командир роты. С этой целью он рассылал афиши по Урень-краю и в мае 1919 г. устроил собрание всех дезертиров на кордоне Боровском.

Комиссия под председательством Я.К. Кульпе уделила большое внимание не только работе по расследованию убийства продотрядников, но и поимке участников августовского восстания, понимая, что спокойствия в этом крае не будет, пока его организаторы на свободе. Разными путями ей удалось выявить 5 лесных землянок; в 3-х из них находились обитатели. В это время арестовали и одного из руководителей восстания — «уреньского царя» Иванова, которого Кульпе называет самой крупной личностью Уреньского восстания, и его помощника П. Куракина — «личность тоже выдающуюся».

И.Н. Иванов и пять активных участников восстания Костромским ревтрибуналом были приговорены к расстрелу 13 января 1921 г.⁴⁵ Приговорённые, однако, направили ходатайство о помиловании в кассационный трибунал при ВЦИК, который оставил в силе приговор Костромского трибунала. Дальнейшая их судьба зависела от решения ВЦИК, который на своём заседании 18 марта того же года постановил: «Ходатайство о помиловании удовлетворить и расстрел всем осуждённым заменить содержанием под стражей сроком на 10 лет с применением принудительных работ».⁴⁶

21 марта СНК принял Декрет об установлении общих начал лишения свободы лиц, признанных опасными для советской Республики, и о порядке условно-досрочного освобождения заключённых.⁴⁷

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

На основании этого декрета Костромской ревтрибунал постановлением от 4 июня 1921 г. всем руководителям и наиболее активным участникам этого восстания (Иванову, Москвину, Галочкину, Вахареву, Голубеву и Шишкину) сократил срок наказания до 5 лет.⁴⁸

Как сложилась потом жизнь «уреньского царя» документально неизвестно. Скорее всего, он вместе с другими арестованными по этому делу находился в Соловецком лагере, где и нашёл последнее пристанище.⁴⁹ По приговору губернского трибунала было расстреляно 17 человек, участвовавших в нападении и убийстве продотрядников.⁵⁰ В докладе в губисполком Я.К. Кульпе пишет, что комиссия работу закончила, а дело само не закончено, так как искоренить зла не удалось. Для этого нужны не только репрессивные меры, а длительная работа и квалифицированные работники; прежние не отвечали своему назначению и виновны в том, что случилось в этом крае. Среди прочих мер он предлагает смягчить здесь продразвёрстку и дать возможность укрывавшимся повстанцам выйти из леса.

В мае 1919 г. в г. Кострому приехал уполномоченный ВЦИК А.В. Луначарский. 30 мая губисполком направил в Варнавин и Ветлугу телеграмму об амнистии всех рядовых участников августовского восстания, происходивших из рабочих и крестьян, при условии их добровольной явки. Жителям уреньского края также объявлялась амнистия, но поскольку многие из них имели оружие, ставилось условие о непременно сдаче его при явке. Подлежали амнистии и офицеры, однако судьба каждого из них решалась президиумом уездного совета совместно с ревтрибуналом. Телеграмма подписана руководством губисполкома и Луначарским.⁵¹ Срок явки определялся до 1 июля. В начале июня в эти уезды снова выехала комиссия ЧК во главе с М.В. Задориным и с ней отряд. Население, как отмечал Задорин, везде отвечало, что дезертиры все ушли служить, хотя они скрывались в лесах. Комиссия стала применять репрессивные меры: отнимать скот, хлеб, брать заложников, расстреливать пойманных дезертиров. Тогда, отмечает Задорин, в настроении населения произошёл перелом: дезертиры стали являться большими партиями. В июле ежедневно из Ветлуги на станцию Шарья отправляли до 1000 человек. За два месяца работы эта комиссия расстреляла 15 человек. Задорин пишет, что население в крае бедно и неграмотно, а потому репрессии приходилось применять крайне осторожно, предварительно расследуя каждый факт. «Но совсем отказаться от репрессивных мер было бы равносильно безрезультатному времяпрепровождению», — заключает он.

Несмотря на то, что большинство дезертиров являлось добровольно, окончательно этот опасный очаг, тревоживший органы власти, был ликвидирован лишь в 1921 г.

В целом к концу июля 1919 г. обстановка в губернии стабилизировалась. 22 июля во все уезды губернии из Костромы направлена телеграмма о снятии осадного положения.⁵²

С созданием комитетов бедноты летом 1918 года большевики сознательно раскололи деревню. В ответ на большевистскую политику Россию охватила волна восстаний, нередко подавляемых регулярными частями Красной армии.

Не обошла стороной эта трагедия и костромское крестьянство, вынужденное, как и крестьяне всей России, отвечать на эти «удары» восстаниями. Из 11 уездов, входивших в состав Костромской губернии, восстаниями и волнениями в 1918–1919 гг. было охвачено 8 уездов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Конокотин А. Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. Кострома, 1927, с.13,14.

²ГАКО, Р.297, оп.4, д.25, л.6,87.

³ГАКО, Р.1296, оп.2, д.154, л.1–4.

⁴Очерки истории костромской организации КПСС. Ярославль, 1967, с.157.

⁵ГАКО, Р.6, оп.3, д.68, л.100.

⁶Там же, л.90.

⁷ЦДНИКО*, ф.1, оп.1, д.124, л.1,1об.

⁸ГАКО, Р.6, оп.3, д.8а, л.182.

⁹ГАКО, Р.1269, оп.2, д.18, л.22.

¹⁰ГАКО, Р.6, оп.3, д.89, л.157.

¹¹Там же, л.168.

¹²Архив КГБ, д.2769с, л.46,47.

¹³Советская газета, 1919, апр.13.

¹⁴Архив КГБ, д.2769с, л.115.

¹⁵ЦДНИКО, ф.383, оп.2, д.47, л.117–122.

¹⁶Там же, л.71–78.

¹⁷Там же, л.209.

¹⁸ЦДНИКО, ф.383, оп.2, д.47, л.206–215.

¹⁹ЦДНИКО, ф.383, оп.2, д.50, л.1–3.

²⁰Архив КГБ, д.2770с, л.46–64.

²¹Архив КГБ, д.2771с, л.38.

²²ЦДНИКО, ф.383, оп.2, д.50, л.66,67.

²³Там же.

²⁴ЦДНИКО, ф.383, оп.1, д.37, л.9.

²⁵ЦДНИКО, ф.383, оп.1, д.40, л.36–39.

²⁶ГАКО, Р.1096, оп.1, д.1, л.26,26об.

²⁷Там же, л. 6-8.

*Бывший партархив.

Гражданская война в Костромской губернии 1918-1919

²⁸Там же.

²⁹ЦДНИКО, ф.1, оп.1, д.125, л.1,2.

³⁰ЦДНИКО, ф.1, оп.1, д.135, л.60.

³¹ГАКО, Р.6, оп.3, д.25, л.378.

³²ГАКО, Р.6, оп.3, д.25, л.278,279.

³³ЦДНИКО, ф.383, оп.1, д.40, л.36–39.

³⁴ЦДНИКО, ф.383, оп.2, д.47, л.216–218.

³⁵Архив КГБ, д.186с, л.25.

³⁶ГАКО, Р.1114, оп.1, д.2, л.11.

³⁷ЦДНИКО, ф.383, оп.2, д.31, л.38–50.

³⁸ГАКО, ф.234, оп.4, д.65, л.331.

³⁹ГАКО, Р.1114, оп.1, д.2, л.37.

⁴⁰Северная правда, 1926, 19 дек.

⁴¹ГАКО, Р.1114, оп.1, д.4, л.432.

⁴²Там же, л.123.

⁴³Архив КГБ., Арх.№03090, л.146–157,158–162 (копия).

⁴⁴Архив КГБ, д.03904.

⁴⁵ГАКО, Р.13, оп.3, д.104, л.1.

⁴⁶Там же, л.1об.

⁴⁷Декреты советской власти, т.XIII. М.,1989.

⁴⁸ГАКО, Р.13, оп.3, д.104, л.2.

⁴⁹*Ширяев Б.Н.* Летопись мужицкого царства//Костромская земля. Краевед. альманах Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры. Кострома, 1992. Вып.2, с.77–111.

⁵⁰ГАКО, Р.1269, оп.2, д.132, л.5.

⁵¹ГАКО, Р.6, оп.3, д.25, л.232.

⁵²ГАКО, Р.1114, оп.1, д.2, л.39.

*Б.Н. Годунов , О.Б. Панкратова
(Кострома)*

**«ЧТО БЫЛО, ТО И ТЕПЕРЬ ЕСТЬ, И
ЧТО БУДЕТ, ТО УЖЕ БЫЛО...»***
(Опыт документальных этюдов)

*«Мы же теперь не творим, а бунтуем
ещи, потому что мы не спокойны в
отношении прошлого, мы его отрицаем еще
только, поэтому у нас только будущее без
прошлого и настоящего».
М. Пришвин. «Дневники...»*

На столе — папки с документами «лишенцев» по Семёновскому (ныне Островскому) району за 1926–1936 годы. По каждому сельсовету — толстая папка с подшитыми аккуратно и не очень бумажками самого разного цвета, качества, размера. По некоторым сельсоветам — три, четыре таких папки. Три десятка сельсоветов было тогда в районе. Тысячи бумаг, исписанных карандашом, чернилами невысказанного цвета, каракулями и каллиграфическим почерком с красивыми писарскими завитушками, с полуграмотно сложенными и написанными текстами и сочиненными опытной и знающей головой документами. Многие сотни дел, в которых — заявления, жалобы, биографии, анкеты, справки, «приговоры» односельчан, опиши имущества, акты о его разделах и распродаже с торгов, решения властных инстанций самого различного уровня.

* Екклесиаст, гл. 3.

Во всех этих бумагах и папках — просьбы крестьян из семёновских деревень о восстановлении их в «избирательных правах», отчаянные попытки доказать, как были неправы и несправедливы те, кто лишил их «права голоса»...

Неожиданно странная политическая активность крестьян? — Это первая мысль, что приходит в голову, когда видишь такое множество просьб о восстановлении «прав голоса». Казалось бы, зачем это право крестьянину в каком-то Починке. Жил же до этого, никого никуда не избирая, пахал, сеял, снимал урожай и молотил, выращивал скотину, строил дома, амбары и сараи, да мало ли чего делал «по хозяйству». И вдруг ему так остро необходимо стало избирательное право? Странно...

Когда же начинаешь знакомиться с содержанием этих папок с делами «лишенцев», вникать в суть подшитых «в деле» жалоб и заявлений крестьян... Совсем не для того, чтоб иметь возможность проявить свою гражданскую волю на выборах или показать свою политическую активность, в течение нескольких лет каждый из них настойчиво доказывал несправедливость применения именно к нему «статьи 69 Конституции РСФСР», в соответствии с которой его лишали избирательных прав. Вовсе нет.

«Лишенец»... Это еще не «раскулаченный». Нет. Но он знает, что отныне он по существу бесправен. И не случайно в заявлениях часто и на равных звучат просьбы «о восстановлении в избирательных правах» и «о восстановлении в правах гражданства». Он знает, что теперь потребкооперация не для него, что отныне он в кооперативной лавке не сможет купить ни муки, ни крупы, ни керосина. Знает, что завтра вместо «единого сельскохозяйственного налога» могут принести из сельсовета бумажку о налогообложении «в индивидуальном порядке» или «дать твердое, задание», с которым ему заведомо не справиться. Это знает не только он, но и все те, кто выписывает такие «бумажки». Поэтому у него сразу же опишут имущество вплоть до чайного стакана и вилки, если они в хозяйстве имеются, арестуют вклады в сберегательной и страховой кассе и облигации, прекратят кредиты. Опишут и передадут его имущество ему же под расписку на хранение и запретят передвижение из района в район. И будут ждать уплаты этого налога. Потом будет суд. За неуплату (недоплату) налога имущество будет (в 20-е годы) продано с торгов в своей деревне, — и купят ведь! — или будет (в 30-е годы) передано в колхоз «в счет паевых взносов бедняков и батраков», вступивших в колхоз без пая. Если у него нет своего хозяйства, чтоб существовать, он должен работать где-то. С клеймом «лишенца» ему работы не найти.

Все это он знает. Он уже видел, как это было у соседа. Он слышал и то, что в избирательных правах высшие власти иногда восстанавливают

сразу при получении заявления, иногда через год и два-три, когда... хозяйства уже нет. Оно через суд, «законным» образом, порушено. Знает и спешит, ищет любые способы и слова, чтоб доказать свою «лояльность» власти, и готов на все. У него нет выхода, он загнан в угол. — И отнюдь не политическая сторона этих «прав» его волнует, вопрос стоит: как же жить и выжить...

На что же толкала его рабоче-крестьянской властью созданная таким образом ситуация? Его загоняли в правильную жизнь, вынуждая отказываться не только от старого способа хозяйствования, не показав еще нового, и даже не столько от него, сколько от самих носителей этих традиционных способов организации крестьянского хозяйства. А что еще оставалось делать, — богатства особого не было и раньше ни у отцов, ни у дедов. Так, выделялись на общем фоне справностью хозяйства, хозяйским образом жизни, основательностью, некоторой предприимчивостью. Ничего этого и у отцов уже не осталось, а у молодых — выдел из того, бывшего, имущества, часто — малая его часть. Вроде бы, уже ничто и не связывает с прошлым. Но — как писалось в документах — и эта часть имущества, как и все оно в целом, нажиты были отцом, дедом на «нетрудовые доходы». — Выход был один: доказать, что лично ты ничего общего не имеешь с отцом (бывшим торговцем, священником, дьяконом), с дедом (бывшим заводчиком, где он сам в жаре, дыме и саже добывал древесный порошок и спирт), с мужем (сыном мельника, торговца), с женой и сыном (дочерью и внуком бывшего «богача»). И пытались, тщились многие это доказать, — рвались корневые родственные связи, отрекались от отца и деда, от жены и мужа, от брата и сестры, от семьи..., чтобы выжить, существовать самому.

Когда читаешь эти документы, заявления, письма, жалобы, хочется, чтоб рядом был собеседник, еще одна сострадательная душа. Чувства распирают. Они здесь первичны. Мысль пока рефлекторна, она лишь незаметным, слабо уловимым рефреном сопровождает их, формируется на их фоне. И крепнет: «Это должны знать все, эти документы надо публиковать». Не для того, чтоб еще раз всколыхнуть эмоции. Публиковать, — чтоб знали, чтоб могли судить о времени самостоятельно, чтоб задумались о последствиях того прошедшего, бывшего, вроде бы, давно, чтоб имели возможность сопоставить с бывшим, состоявшимся, настоящее.

Документы эти уже сами по себе примечательны тем, что несут целый пласт во многом новой для нас информации. Они показывают, и показывают ярко, почти не знаемый нами в таких деталях рушившийся бытовой уклад крестьян, внутрисемейные отношения и семейные связи. Рассказывают, как устраивали свои финансовые дела, ухитрялись найти и соблюсти свои материальные интересы деревенские полуграмотные мужики в

городе, где и как умудрялись они добыть в деревне нужную в хозяйстве живую копейку. Они свидетельствуют об уровне грамотности крестьян и крестьянок и о том, как менялся язык крестьян в эти годы, как в обиход, в просторечие приходил постепенно язык «советский». В них отражается отношение всех уровней власти к Человеку... Если его именуют здесь «гражданин» или «товарищ», то сокращенно — через «гр.» и «тов.». А чаще: «проситель», «заявитель», «лишенец», «торговец», «заводчик», «служитель культа», или вообще обезличенно-массово: «беднота», «актив бедноты», «бедняцкий актив», «богачи», «кулаки»... В документах этих видно: что мужики умели, что знали, что ценили, от чего никак не хотели отказываться. О многом могут поведать «документы лишенцев». Надо захотеть их прочитать.

В каждом из них — отражение больших и малых бед и целых трагедий в жизни каждой отдельной крестьянской семьи. В их совокупности — отражение одной большой трагедии: раскрестьянивания России.

Предлагаемые здесь «документальные этюды» в той или иной мере тоже несут всю эту информацию (и этим уже примечательны). Но главное в том, что они объединены одной темой. Они рассказывают, как «по-живому» рвалась насильственно связь времен и поколений, рушились семейные и родственные узы и устои. Они — иллюстрация к предупреждению В.О. Ключевского о том, что «прошлое нужно знать не потому, что оно прошлое, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий». Знакомясь с ними, как будто слышишь, как всё более мощным рефреном звучит шукшинское: «Так что же все-таки с нами происходит?» Как же получилось, что стали мы равнодушны и чёрствы к старым немощным людям? Что в заброшенных, забытых Богом и местной властью деревнях без радио и электричества, без почты и возможности купить продукты первой необходимости доживают свой век старики, кормившие и защищавшие страну в коллективизацию и военное лихолетье, пережившие все «эксперименты» и крайности нашей экономической «политики» на селе, — но оставшиеся верными земле и крестьянскому своему делу? Что у благополучных людей родители в доме престарелых? Что двое взрослых «интеллигентных» сыновей выбрасывают во двор, как хлам, архив только что умершего отца? Что исчезают села и деревни, и люди тоже — те, что с душами, душевные люди — почти перевелись?

О многом, об очень многом заставляют задуматься и ... думать предлагаемые в «этюдах» документы. Они — не столько о прошлом. Они, если в них не увидеть настоящее, — о нашем будущем, которое при этом может стать, думается, хуже настоящего.

Этюд 1. «Пропадает моя молодая жизнь за кличку фамилии* моего отца».

Все члены семьи Обозова Ивана Ивановича, проживавшего в д. Гуляевка Семёновского района, были в 1929 году лишены избирательных прав. Глава семьи — за то, что в течение шести лет, с 1920 по 1926 г., «имел торговлю по патенту второго разряда», а остальные — как члены семьи торговца. (См.: ГАКО. Ф. р 2666, оп.3, д. 5, л. 19-31, 140-157, 160-168).

Предлагаемые документы рассказывают о борьбе за существование одного из его сыновей, — Василия.

В Семёновскую районную избирательную комиссию поступило от гражданина д. Гуляевка Обозова Василия Ивановича заявление:

«Настоящим прошу Семёновскую районную избирательную комиссию восстановить меня в правах гражданства, то что я в настоящее время **пропадаю в жизни за старую свою совместную жизнь с отцом****, так как который был частным торговцем. Ну с 1926 года я имею с ним совсем отдельное хозяйство и раздельный акт от 15 ноября того же года и с того же время не в какой торговле не участвовал по сие время, о чем и подтверждает деревня своим приговором, в чем я и вынужден был с ним поиметь раздел. Не хочу я быть и не был каким-либо вредителем советской власти. А поэтому и прошу не отказать в моей просьбе, к чему и подписуюсь.

Обозов Василий».

На этом заявлении, внизу листа, есть приписка: «На изложенное заявление и даденое обществом приговор Гуляевский сельсовет сообщает, что Обозов Василий Иванович действительно раздел имел, а с момента 1926 года и живет самостоятельно своим хозяйством, независимо от отца занимается сельским хозяйством, профессия случайно временной обоз.» — Стоит под этой припиской штамп сельсовета, дата: 29 октября 1929 г., и подпись председателя: Иванов. (ГАКО. Ф.р.2666, оп.3, д.5, л.149).

Со временем этой приписки председателю сельсовета почему-то показалось мало (то ли из района позвонили, то ли сам почувствовал, что мелко вато написал), и он на отдельном уже листе добавляет еще: «В Семёновский избирком по заявлению о разрешении прав гражданства гражданину д. Гуляевка Семёновского района Кинешемского округа Обозову Василию Ивановичу Гуляевский сельсовет 4 ноября 1929 года в виде добавле-

* Орфография и пунктуация документов сохраняется полностью.

**Здесь и далее выделено авторами. (Прим. ред.).

ния к тому заключению, которое на заявлении, сообщает, что гражданин **Обозов** бывают случаи, что в виду какой-то зависимости от отца **Обозова Ивана Ивановича** занимается от него извозом и лояльности к Советской власти никакой не проявляет. Даже намеченных мероприятий правительством он их против по видам **Обозов В.И.** то он не может быть в населении пользоваться правом гражданства. Последнему со стороны сельсовета воздержаться о разрешении прав **Обозову** до тех пор пока **Обозов В.И.** не примет активное участие в Советской власти.» — Стоит подпись председателя райсельсовета **Иванова** и секретаря **Веселова**. (ГАКО. Ф.р.2666, оп.3, д.5, л.148).

К этим документам приложены: «Анкета лиц, возбуждающих ходатайство о предоставлении избирательных прав, утраченных в силу пункта Д статьи 69 Конституции РСФСР» и «Приговор», данный односельчанами.

Из «Анкеты...»: «**Обозов Василий Иванович**, родился 30 января 1905 года, национальность — великоросс, образование — сельская школа, низшее, бывшее сословие — крестьянин, социальное положение — середняк: 1 лошадь, 1 корова, бондарь при трех членах семьи, чем занимался до 1914 — был в детстве, с 1914 по 1917 г. — занимался в Старо-Дворищенской школе, с 1917 по 1919 г. — помогал отцу в сельском хозяйстве, с 1919 по 1926 — помогал отцу в торговле...». — «Анкета» датирована: 28 октября 1929 г. (ГАКО. Ф.р.2666, оп.3, д.5, л. 151).

«Анкета» дополнена сведениями, данными на отдельном листочке 29 октября 1929 года за подписью председателя сельсовета **Иванова**:

«Дополнение:

Также — бондарь. С момента 1926 года чужой труд не эксплуатировал, кроме как для необходимости ведения сельского хозяйства на период летнего времени нанимает временно. Социальное положение: семья 3 чел., из них трудоспособных 2. Скота: лошадь 1, корова 1, мелкого рогатого скота нет. Сельхозпостройки: дом, двор, баня, сарай. Земельный надел — 2,27 десятин. Причем активности к обществу не проявляет, заявок о разрешении прав гражданства впервые». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 152.)

«Приговор.

1929 года октября 28 дня мы нижеподписавшиеся граждане д. Гуляевка Семёновского района даем настоящий приговор гражданину этой же деревни **Обозову Василию Ивановичу** в том, что он **Обозов** по настоящее время занимается исключительно одним сельским хозяйством. К тому же, имея подсобную частную профессию извозчика и кроме того он **Обозов**, человек трудолюбивый и честный, и по разделу с отцом от 1926 года никакой частной торговлей не занимался и о всем вышеизложенном подтверж-

дает группа бедняков граждан д. Гуляевка». — Обозначено 39 подписей крестьян. (ГАКО. Ф.р. 2666, оп.3, д. 5, л. 150).

Документы эти были представлены в Семёновский райисполком. Было принято 12 ноября 1929 решение Президиума Семёновского районного исполнительного комитета.

«Выписка

из протокола заседания Президиума Семёновского РИК от 12.11.1929 г.

Слушали: Заявление Обозова В.И. о восстановлении в избирательных правах.

Постановили: Учитывая, что Обозов В.И. лишен избирательных прав как сын торговца по патенту второго разряда и до 1926 года принимал непосредственное участие в торговле с отцом, после окончания торговли в 1926 году вследствие раздела с отцом Обозов с общественно-полезной стороны себя не проявил, с заключением сельсовета согласиться и в просьбе отказать.» (ГАКО Ф.р.2666, оп.3, д.5, л.147.)

И выписку эту отправили 20 ноября 1929 г. в Кинешемский окрисполком «для рассмотрения».

И Обозов В.И. вынужден был в декабре 1929 года написать еще одно заявление, теперь уже в Кинешемскую окружную избирательную комиссию: «Настоящим прошу окружную избирательную комиссию не отказать в восстановлении меня в правах гражданства. Мне районная избирательная комиссия отказала мотивируясь тем, что я с 1925 года не проявил себя активно не в каких организациях советской власти. Я и не проявил себя не в чем ввиду того что: 1. Я человек совершенно не грамотный даже не окончил сельской школы. 2. Может быть и проявил бы себя в чем либо, ну как лишенцу меня не допускали ни на какое общее собрание и не какой связи не с райсельсоветом не дали не представлялось возможным поиметь раз я был с членом деревни.

Только и счастье попасть членом добровольной дружины в которой я работаю очень с желанием, а пропадаю я во всей молодой жизни только за отцовскую фамилию.

Я все время существования советской власти вполне приветствую все существующие законы и постановления. А хотя и жил я с отцом, но патента на право торговли на меня не было, а был как только член семьи, даже заставило поиметь **раздельный акт с отцом, за которого я вторично говорю и приходится пропадать**, в чем и прошу не отказать моей просьбе. К чему и расписуюсь». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 145).

Президиум Кинешемского окрисполкома, рассмотрев представленные материалы 11 января 1930 г., принял решение «в просьбе отказать» и

направил их 7 марта 1931 г. вместе с выпиской из протокола своего заседания «для рассмотрения» в Ивановский облисполком. На этой «выписке» 12 апреля 1930 г. появилась в уголке надпись: «В округ: проверить, живет ли отдельно». (ГАКО. Ф. р.2686, оп. 3, д. 5, л. 144).

И все пошло по новому кругу...

Опять — заявление Обозова В.И. в райизбирком, где он писал, что «лишен прав гражданства как бывший сын торговца» и обратился: «Семья моя состоит из 3 человек, но судя поэтому как я еще молодой хозяин начинаю только развивать свое хозяйство и не считаю себя середняком, но пропадает моя молодая жизнь за кличку фамилии отца. А хозяйство мое сейчас состоит только 1 лошадь и то очень плохая, а поэтому прошу районную избирательную комиссию не отказать моей просьбе о восстановлении меня в правах гражданства не погубить мою молодую жизнь.» (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 142).

Опять состоялось общее собрание граждан д. Гуляевка «с участием 25 человек под председательством Зайцева Ф.В. и секретарем Яковом Ивановым», на котором они: «Единогласно постановили, что мы против восстановления ничего не имеем, а считаем его Обозова как человека не вредного для существующего время, но пропавшего по своей жизни через потомственную фамиль Обозова как частного торговца.» (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 157).

И состоялось заседание Президиума Гуляевского сельсовета 14.3.1930 г., на котором постановили: «Принимая во внимание, что гр. Обозов В.И. в начале 1926 г. поимел раздел имущества с отцом Обозовым И.И., протокол общего собрания граждан д. Гуляевки говорит, что гр. Обозов В.И. вреда для Советской власти никакого не предает, а поэтому президиум сельсовета не ставит препятствия восстановлений прав гражданства гражданина д. Гуляевки Обозова В.И. и даденое заключение ранее сельсоветом о гр. Обозове В.И. президиум считает неправильным.

Состав президиума: Иванов П.И., Горюнов Д.М., Смирнов Н.Н., Соколов П.Ф., Железняков В.Т. Из них 3 члена президиума и 2 кандидата.

Председатель сельсовета Иванов». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л.154).

Состоялось 28.04.1930 г. решение райизбиркома Семёновского РИК, где решили: «Учитывая, что гр. Обозов В.И. избирательных прав лишен как сын бывшего торговца, после раздела с отцом, т.е. с 1926 г. занимается сельским хозяйством, чего-либо предосудительного замечено за ним не было, просьбу Обозова удовлетворить и в избирательных правах восстановить.» (ГАКО. Ф.р. 2666, оп. 3, д. 5, л. 153).

И, наконец, 3 февраля 1931 года Президиум Семёновского райисполкома решил: «Отменить решение Гуляевского сельизбиркома в части

лишения избирательных прав Обозова Василия Ивановича, так как он с 1926 года живет от отца торговца совершенно отдельно и занимается исключительно сельским хозяйством личным трудом». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 140).

Так «счастливо» для 1931 года завершилась борьба Обозова В.И. за свои «избирательные права», длившаяся полтора года... — Спрашивается, что изменилось за это время, когда принимались в отношении одного и того же человека такие противоположные решения? Он с 1926 года действительно жил отдельно от отца. Отдельно пахал и сеял, бондарничал, ездил «под извоз». Это было известно и в октябре 1929 года так же, как и в феврале 1931 года. Как, впрочем, и то, что он не эксплуатировал чужой труд и ничего не делал «вредного» для советской власти... Почему же и для чего в первых решениях «властей» настойчиво подчеркивалось, что «Обозов В.И. до 1926 года принимал участие в торговле отца», а в последних их решениях, — что «Обозов В.И. в торговле отца с 1926 участия не принимает»? (Ведь по смыслу-то эти утверждения тождественны). — Не для того ли понадобились полтора года, чтоб вынудить его «трижды» (см. подчеркнутое нами в текстах заявлений) отречься от отца? И он делал это (как апостол Петр отрекался от Иисуса... до того, как трижды пропел петух) в своих заявлениях каждый раз все резче и резче, да так, что и общее собрание крестьян подчеркнуло, что пропадает-то он действительно за «потомственную фамилю». Отрекался до тех пор, пока президиум РИКа не посчитал возможным поверить, что он и в самом деле «живет от отца... совершенно отдельно». Этого и добивались?

Несомненно. Ведь младший его брат Иван, который остался вместе со своей семьей жить со стареющим отцом, получил отказ в просьбе о восстановлении в избирательных правах. Отказали, несмотря на то, что сельсовет в конце концов принял решение о восстановлении в избирательных правах Обозова И.И. и его жены Ольги Григорьевны «на основании пункта 5-го постановления ВЦИК», не восстановив в правах только отца. Отказали в РИКе «как проживающему вместе в хозяйстве отца» (ГАКО. Ф. р.2666, оп.3, д. 5, л.160-168).

Надо было и ему уходить от отца, надо было его оставить... одного.

Вместо выводов по первому «этюду»

Мы видим: здесь действовали, как могли, как заставляла обстановка, как позволяла совесть (а может, и негласное согласие и прощение отца, — такое тоже бывало...), молодой 24-летний крестьянин и его младший брат. У обоих — свои семьи, дети. Наверное, вскоре детей стало больше. У обоих...

Нам-то сегодня понятно, что не надо их ни осуждать, ни хвалить. Ни за то, что один остался с отцом, ни за то, что другой отрекся. Да и не о том речь. И даже не о тех, кто, ломая жизни, калеча души, творил такую обстановку «на местах», якобы претворяя в жизнь «классовую политику в деревне». — В конце концов, все они жили во времени, которое не выбирали, и жили по времени. Здесь не черты характера, не твердость или размытость нравственных устоев того или другого. Это черты эпохи...

О нас сегодняшних что-то понять хочется, прочитав эти документы.

Нерушимо во времени сохранялся в деревне дедовский обычай, в соответствии с которым взрослые кормили своих детей и своих престарелых родителей. За это им молодые платили благодарностью, любовью и памятью и с детских лет помогали, как могли, в хозяйстве, а старики — мудростью и советом. Традиционно передача житейского опыта и мудрости велась в крестьянских семьях через поколение: воспитанием детей чаще и больше занимались дед с бабкой (сказки и песни, былины и молитвы, поговорки и прибаутки, загадки и наблюдения, умения, навыки и ремесла... через выдумки народной педагогики). Опыт и память, народная культура и традиции передавались в поколениях всем устоем деревни в совместной жизни и труде, передавались естественным образом вместе с выработанными многими поколениями нравственными принципами, моральными устоями молодым поколениям.

Крепка была и вечной казалась связь времен. Для многих поколений постоянными были и среда обитания, и круг общения, и заботы крестьянские, и бытовой и хозяйственный уклад. Процесс общения поколений не прерывался, да и содержание этих отношений мало менялось. А если и менялось, то также эволюционно. Так, что формы передачи опыта и мудрости молодым успевали приспособиться к новым условиям. И это было едва ли не самым важным в процессе организации жизни на селе. Нарушение одного (любого!) звена в этой сложившейся в веках системе деревенской жизни, жизнеобеспечения, жизнеустойчивости могло (а в отдельных семьях иногда и ломало, — тогда им «помогал» мир своим вмешательством) сломать её всю.

Мы ж и видим здесь, в документах этого этюда, сознательное стремление сломать всю эту систему, искусственно оторвать от носителей ее традиций — отцов и дедов — новое поколение. И не просто оторвать, а создать такие условия, чтоб сын (дочь) САМ отказался от отца (от матери), взяв тем самым моральную ответственность за этот безнравственный (с общечеловеческой точки зрения) шаг на себя. — Неуважение старших само по себе уже считалось грехом великим и осуждалось и даже наказывалось деревенским «миром». А тут происходило святотатство: принародный от-

каз от живого стареющего отца, вся «вина» которого только в том и состояла, что он, получив землю из рук советской власти, сумел при НЭПе поставить свое хозяйство на ноги, почувствовать себя хозяином собственной жизни.

Не тут ли исток того действительно «великого перелома»... нравственного хребта, и не только в деревне... Ведь только через 50 лет после этого сыновья и внуки тех, о которых рассказ в этюде, вроде бы опомнившись, запели: «Поклонись до земли своей матери и отцу до земли поклонись».

Но кажется, что сегодня, уже у их внуков эта песня (скажем так) тоже «не на слуху». Сами эти внуки, уже без подобного жесткого принуждения, отказываются от духовного наследия отцов и дедов, не отказываясь, впрочем, унаследовать от них что-то материальное.

Вправе ли мы осуждать их за это? А вот не выходит из головы: уж очень много похожего вокруг в марте 1998 на март 1929.

Этюд 2. «Несмотря на то, что отец должен находиться на нашем... изживении, я ему фактически за все время никогда не помогал ... и с ним никакой связи не имел и не имею».

Это не извинительная фраза раскаявшегося блудного сына. Слова эти написаны мужчиной в зрелом возрасте, у которого двое детей. Написаны, чтоб доказать свою лояльность к власти, которая его официально обвинила в том, что он «до настоящего времени поддерживает связь с отцом лишенцем и братом», отрекшись от отца и от трех братьев.

Д.И. Носков был лишен избирательных прав, «как сын бывшего заводчика».

За него ходатайствовал коллектив Семёновской больницы, в которой он работал.

Из протокола общего собрания Семёновской больницы от 7 апреля 1927 года.

«Сушали: т. Кустов информирует собрание о невозможности т. Носкова в правах гражданства, несмотря на то, что последним представлены все нужные документы для этого в соответствующее учреждение. Указал на то, что Носков является ценным работником в учреждении и в коллективе. Постановили: Считаюсь с тем, что т. Носков за время своей работы в Семёновской больнице показал себя как член коллектива во всех отношениях хорошим, кроме того будучи в месткоме, показал себя одним из лучших работников. Всю работу, которая ему поручалась коллективом, не считаясь со временем и трудностью, выполнял без отказа. Отношение Нос-

кова с Советской властью было самым хорошим.

Несмотря на то, что т. Носков отведен от месткома, как лишенный прав гражданства, ведет работу в коллективе и потому просим Уездное правление союза поставить вопрос в Уисполкоме о восстановлении Носкова в правах гражданства.

Резолюция принята собранием при двух воздержавшихся. Председатель собрания Виноградов. Секретарь Кукушкина». (ГАКО. Ф. р.2666, оп.3, д. 24, т. 3, л. 127).

Ходатайство коллектива больницы было 26 января 1928 г. поддержано Правлением Кинешемского уездного отделения Союза медкоптруд. (ГАКО. Ф.р. 2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 115).

И тем не менее, состоялось заседание Президиума Семёновского райисполкома 12 ноября 1929 г., где было рассмотрено заявление Носкова о восстановлении в избирательных правах, и принято постановление: «Учитывая, что Носков лишен избирательных прав как сын крупного заводчика и торговца, в 1927 году получил порядочную часть имущества из хозяйства отца, нажитого нетрудовым путем, по отдельному акту.

До настоящего времени поддерживает связь с отцом-лишенцем и братом.

С общественно-полезной стороны за годы революции достаточно себя не проявил.

С заключением сельсовета согласиться и в просьбе Носкову отказать.

Одновременно поставить вопрос перед райздравотделом и Семёновским групповым комитетом медиков о снятии Носкова с занимаемой им работы в Семёновской больнице.» (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 80).

После этого, 29 ноября 1929 г., учтя предъявленные ему в этом постановлении обвинения, Д.И. Носков пишет жалобу в Кинешемский окружной исполком, где сообщает, что: «Президиум Семёновского райисполкома мотивировал мне в отказе тем, что я согласно отдельного акта, произведенного между мной, с одной стороны, и моим братом Федором Носковым, с другой, получил порядочную часть имущества в 1927 г. из хозяйства моего отца, и что согласно того же отдельного акта я поддерживаю до настоящего времени связь с отцом-лишенцем, имеющим в данное время 75 лет, ссылаясь и указывая на приписку в отдельном акте, что престарелого 70-летнего отца мы берем на полное наше иждивение...

В действительности же мы произвели раздел с моим братом Федором, с которым жили совместно, в 1925 году 7 июня, а не 1927 году, как указано в постановлении райисполкома. И что я получил по отдельному акту крестьянского живого, движимого инвентаря и др. домашних предметов на сумму 825 руб., который тут же были мной проданы за указанную

сумму.

Вся часть этого имущества нами была приобретена лично обоими по возвращении нас со службы из рядов РККА в 1921 и 1922 годах, где брат оставался дома, занимаясь крестьянством, а я же служил на советской службе, помогая ему в крестьянстве деньгами.

Все же имущество, приобретенное моим отцом, после Октябрьской Революции досталось другим братьям, старшим Николаю и Александру, которые были дома все время, как в Империалистическую, так и в Гражданскую войну. Мы же с братом Федором были все время непрерывно на военной службе, как на действительной, так и в Империалистическую и Гражданскую войну, и все время служили в Красной Армии на фронтах.

Несмотря на то, что хотя приписка в акте и была, что отец должен находиться на нашем обоих иждивении, я ему фактически за все время никогда не помогал, т.к. он ушел к брату Федору, с которым и живет в настоящий момент.

Никаких сведений, ни переписок за все время с ним не вел и не веду, несмотря на то, что брат Федор не является лишенцем, хотя он и живет с отцом. После же отца нам досталось имущества нажитого им: дом, амбар и сарай, от которого я впоследствии отказался. Следовательно, отцовского имущества я ничего не получил и с ним никакой связи не имел и не имею». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 85).

Так, даже сверх меры старательно, Д.И. Носков даёт в этой жалобе ответы на все три предъявленные ему президиумом Семёновского РИКа обвинения, особенно на обвинение в связях с отцом. Он несколько раз подчеркивает, что даже несмотря на обязывающую запись в отдельном акте, он ему «фактически за всё время никогда не полагал», «никаких сведений, ни переписок за всё время с ним не вел и не веду», «с ним никакой связи не имел и не имею». А прошло со времени раздела 4 года... Желая от себя отвести предъявленные обвинения, он, по существу, делает здесь доносы и на своих братьев, сообщая, что «брат Фёдор не является лишенцем, хотя он и живет с отцом», что «все имущество, приобретенное моим отцом, после Октябрьской Революции досталось другим братьям старшим Николаю и Александру».

Не помогло. В декабре 1929 г. отказал в просьбе о восстановлении в избирательных правах и Кинешемский окружной исполком. Д.И. Носков пишет 24 марта 1930 г. еще одно заявление, теперь уже в Иваново-Вознесенский облисполком, где подробно рассказывает о себе.

«Заявление.

Постановлением Президиума Кинешемского окружного исполнительного комитета от 12.XII.1929 г. по моей жалобе о восстановлении в правах

гражданства мне было отказано, как сыну заводчика, что я считаю неправильным потому, что:

а). С заводом отца (сапоговаляльным) я ничего не имел. До 1905 года учился в городском 4-х классном Кинешемском училище, а с 1905 года по 1907 год служил конторщиком у фирмы Дорожнова в гор. Баку и Астрахани. После этого служил в царской армии фельдшером. С 1914 года по 1917 год служил в Империалистическую войну в 154 запасном полку также фельдшером и служил в этот же период в 104 сводном эвакуационном и 186 эвакуационном госпиталях. И с 1918 года по 1921 год включительно служил в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 1-й батарее 2-го артиллерийского дивизиона тяжелой артиллерии особого назначения Республики в качестве фельдшера батареи, а впоследствии исполнял должность старшего врача дивизиона. Все время был на фронтах Восточном и Южном, был в боях под Сызранью, был на охране Черноморского побережья, получил увечье в Красной Армии правой ноги, награжден был дважды денежным пособием и шинелью. После этого были со своей частью переброшены для подавления Кронштадского восстания, а потом были переброшены в Карелию на финляндскую границу и в конце декабря 1921 года уволен со службы на общих основаниях как демобилизованный, согласно приказу РВС Республики.

После демобилизации из рядов РККА был назначен Иваново-Вознесенским губернским исполнительным комитетом и Губернским СНК на Вакутинский, Закусихинский сапоговаляльные заводы в качестве помощника заведующего заводом и заведующим производственной частью завода. С 1925 г. по 1926 г. служил в Марфинской санатории заведующим аптекой и медицинской канцелярией, а с 1926 г. по 1930 г. 7 марта служил в Семёновской районной больнице, около 3-х лет был в последней на должности зав. аптекой, а потом работал в терапевтическом и хирургическом отделении наркозитором. С 7-го же числа марта сего года откомандирован в распоряжение Кинешемского окрздравотдела и был приглашен на должность фельдшера на лесозавод.

С 1921 года состоял членом профсоюза. Работал в низовых профсоюзных организациях в качестве председателя и секретаря месткомов, состоял председателем культкомиссии, производственного совещания и т.д. Все это видно из моих приложенных документов (копий), которые мной были приложены к моей жалобе в Кинешемский окрисполком, которую прошу затребовать.

б). Семья моя состоит из 5-ти человек, 2-х малолетних детей, тещи 65 лет и жены, которая служит сестрой с 1914 года. В данное время она находится на службе в Семёновской больнице.

Земли и связи со своим отцом я не имел и не имею. На основании выше изложенного я прошу Ивановский облисполком восстановить меня в правах гражданства.

Гражданин, проживающий в Семёновском-Лапотном Кинешемского округа Д.И. Носков». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 84).

Как видно, и в этом заявлении подчеркнуто еще раз, что «связи со своим отцом я не имел и не имею». Но здесь — более чем достаточная аргументация в несостоятельности обвинения Д.И. Носкова в том, что он «с общественно-полезной стороны за годы революции себя не проявил».

И, в конце концов, 12 августа 1930 г. состоялось окончательное решение Районной избирательной комиссии Семёновского райисполкома, которая постановила: «Хотя гр. Носков Д.И. и является сыном бывшего заводчика, но принимая во внимание, что гр. Носков с 1919 г. по 1921 г. служит в рядах Красной Армии, после чего по настоящее время служит в Советских учреждениях и за все время службы в Красной Армии и в учреждениях за ним компрометирующего ничего не имелось, что подтверждает ряд документов, в избирательных правах Носкова восстановить». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т.3, л. 81).

Итак, после более чем трехлетней активной борьбы за существование Дмитрий Иванович Носков вновь обрел все права гражданства. Справедливость, кажется, восторжествовала. В чем и какой ценой?

Вместо выводов по второму этюду

Бесценным расплачивались... — Отец, трое братьев... Вряд ли после этого были у Дмитрия Ивановича действительно братские отношения со своими старшими братьями. И уж совсем сомнительно, что установились когда-либо тесные связи у двоюродных сестер и братьев. Скорее всего, не все даже знали друг друга. — Такая вот цена платилась за очень относительное благополучие. И не только этой семьей, не только всеми семьями лишенцев. Создавалась определенная этим атмосфера во всем обществе. Даже на селе родственные отношения беднели и оскудевали и по объему, и по содержанию, и насыщенности. Слабела память об этих связях по вертикали. Совсем мало стало звеньев в родственных связях по горизонталям. — Старики в деревне всегда помнили несколько колен предков почти в каждом деревенском доме. И по каждой семье целый вечер могли распутывать связи двоюродных и троюродных родственников, сватов, и кумовьев, и крестных, протягивая их от дома к дому и в соседние и дальние деревни. Не говоря уж о своих родственниках и собственных родичах. Но стариков некому стало слушать. — Обезродниваться стали люди. А без глубинных корней и крепких родственных связей человек...

Искони в Семёновской глубинке детей привязывала к бедному и родному краю не только красота родной природы (ведь чтоб ее оценить, надо на какое-то время с нею расстаться, а так — она существует часто не осознанная). И конечно же, не экономический интерес и расчёт. Не от больших же урожаев, высокого плодородия земли и её обилия отправлялись ежегодно мужики из всех, окружавших с. Семёновское-Лапотное деревень в отхожий промысел в Москву и Питер, Нижний Новгород и Иваново. И не «приписка» к месту их держала... Их держала сила привычки, традиционно сложившегося уклада, уважение к родителям, забота о них и хозяйстве, сознание необходимости быть с родителями до их смертного часа. Так уж повелось, что люди, которых рожала здешняя земля, в неё же и уходили... И дети, возвращаясь с погоста после похорон родителей, с удивлением вдруг осознавали, что им уже не до поисков лучшей доли на стороне, не до путешествий, что уже не за горами и их черед в смене поколений.

Когда же потребовался, чтобы физически выжить, отказ от родителей, когда тяжелы и даже опасны стали братские связи, когда стали забываться родительские гробы, когда искусственно, грубо стала обрываться корневая система, эти вековые связи перестали держать. И ничем это компенсировать не удалось...

Перед войной 1914 года в Костромской губернии было около 15 тысяч населенных пунктов. И каждый этот пункт был действительно населённым. В 1968 г., когда начинал свою жизнь план ликвидации неперспективных деревень, в нашей области было 6692 села и деревни. А собирались оставить только 728 селений. Слава Богу, что не всё из задуманного осуществилось... — Не думаем и не говорим здесь о тех, кого увезли из деревни силой, о тех, кто ушел на войну и не вернулся... Мы — о тех связях (когда говорят, что привычка крепче натуры), которые держали крепче крепкого и перестали держать.

И тоже только через 50 лет сыновья и внуки тех, о ком рассказ в этюде, чувствуя, очевидно, какую-то глубокую вину перед малой родиной своей, сложили и запели ностальгическую песню о дальней «деревеньке-колхознице», к которой их «дела» не пускают... Но это песня отпускников или дачников. Настоящие крестьянские песни, что пела деревня, давно или забылись, или ушли на сцену, напрочь исчезнув из обихода. — Уходит, если еще не совсем ушла, душа из деревни, которая только и давала материальную пищу обществу и духовную основу национальной культуре.

И сейчас, кажется, так же, как в 1930 году, никого из власть предержащих это не заботит.

**Этюд 3. «Развод... производился лишь с целью
восстановления в избирательных правах и получения
возможности... попасть в учебное заведение...»**

В качестве первого наброска, определяющего контуры и содержание этюда, — рассказ в документах о судьбе одной женщины.

«В Семеновский районный исполнительный комитет от Соколовой М.И., проживающей в с. Семеновском-Лапотном Кинешемского округа ИПО.

Заявление

Прошу Семеновский райисполком восстановить меня в правах гражданства.

Исходя из моей автобиографии, наша семья состояла из 4-х человек: мать, отец, сестра и я. Родилась 26 февраля 1909 года. Отец мой был рабочий, а мать занималась по хозяйству. После смерти отца я осталась одного года. И после всего этого мы уехали в Кинешму. Мать моя поступила на лесопильный завод (таскать тес). И так мы с матерью жили несколько лет. Потом наступил голод, при котором пришлось много испытать. Мне пришлось в течении этого времени быть нищей и собирать для того, чтобы достать кусок хлеба. Нас скоро постигло несчастье. Мать моя заболела и умерла. Я осталась круглой сиротой. После этих несчастий приехал дядя и взял меня воспитывать. У дяди я жила 10 лет.

Проживши это время, я вышла замуж за гр. с. Семеновское за Николая Алексеевича Мазина. Проживши 1 год 4 месяца, вижу, что я попала по своей молодости не в ту среду. И гляжу, что я с ними дальше жизнь продолжать не могу, мне становится тяжело.

Воспитывалась я все время партийною, сама была комсомолкой. Хочу я встать снова на новый путь, которое во мне было и осталось. С мужем я взяла фактический развод и уезжаю жить в Кинешму опять к дяде.

Прошу мою просьбу исполнить, восстановить право гражданства». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 23, л. 351-352).

«Удостоверение 1 ноября 1929 г.

О имущественном положении гр. Мазина: домов 2, дворов 2, баня 1, сараев 3, амбаров 1, лошадей 2, коров 2, земли 4.83 дес. Семья 10 человек, трудоспособных 5 человек. Имеет мыловаренный завод, который работает.

Председатель Семеновского сельсовета Смирнов». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 23, л. 355).

«Заключение 12 октября 1929 г.

на Соколову М.И. с. Семеновского-Лапотного.

Гражданка Соколова жила в семье кулака Мазина 1½ года, а в настоящее время ушла от них 4 дня.

Вполне может получить дом из их хозяйства, на который может опять существовать.

Мнение сельсовета в просьбе отказать.

Председатель Семеновского сельсовета Смирнов». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 23, л. 356).

«В Кинешемский Окрисполком для рассмотрения.

Выписка

из протокола заседания Президиума Семеновского районного исполнительного комитета от 15 ноября 1929 г.

Слушали: Ходатайство гр. Соколовой, проживающей в с. Семёновском... о восстановлении в избирательных правах. Соколова лишена избирательных прав как член семьи торговца Мазина, живущая на нетрудовой доход.

Постановили: Учитывая, что Соколова хотя и развелась со своим мужем Мазиным, но развод произведен лишь 3 октября месяца сего года и последний производился лишь с целью восстановления в избирательных правах и получения возможностей Соколовой попасть в учебное заведение, в просьбе Соколовой отказать и с заключением сельсовета согласиться». (ГАКО. ф. р.2666, оп. 3. д. 23. л. 350).

«Выписка

из протокола заседания Президиума Кинешемского окружного исполнительного комитета от 11 февраля 1930 г.

Слушали: Гр. Соколова ... лишена избирательных прав, как член семьи торговца Мазина. Просительница, хотя и развелась с мужем, 3 октября 1929 г., фактически связи с ним не порвала. Развод совершен под предлогом того, чтобы восстановиться в избирательных правах.

Постановили: В просьбе отказать». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3. д. 23, л.349).

«Выписка

из протокола заседания районной избирательной комиссии при Семеновском райисполкоме от 12 августа 1930 г.

Слушали: Протокол заседания комиссии при Семеновском сельсовете по пересмотру списков лишенных избирательных прав.

Постановили: Считать восстановленными в избирательных правах гр. с. Семеновского-Лапотного Соколову М.И., как порвавшую связь со своим мужем — лишенцем Мазиным Ник., и вышедшую замуж за гражданина не лишенного избирательных прав». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 23, л. 348).

Очевидно, что решения подчас принимались на основании слухов, догадок, необоснованных предположений одного-двух человек, стоявших у власти. Принимались людьми, неспособными уже поверить в искренность порывов и естественность поведения тех, кто хоть как-то, хоть сколько-то времени был близок к классово-чуждым (по их мнению) элементам. В течение целого года Марию Ивановну Соколову, двадцатилетнюю молодую женщину, хватившую в детстве лиха немало, подозревали: одни в том, что она при разводе хочет (имеет право?) дом от семьи мужа получить и на это «существовать», другие - в том, что хочет очистить себе дорогу в учебное заведение, восстановившись в избирательных правах, и все вместе - в том, что этот шаг фиктивен (не может же она, в самом деле, вот так просто уйти из богатой семьи), что связи с мужем она не порвала. И вынуждены стали считаться с непонятным им фактом, лишь когда она вновь вышла замуж. И не извинились... – А если бы она не вышла вторично замуж года два-три?

Формальное, бездушное отношение и опять же подозрительность были выказаны Семеновскими властными органами при «рассмотрении дела» Соколовой Юлии Ивановны, 22-летней женщины, ушедшей от мужа из семьи торговца Киселева Петра Михайловича. И это дело, как видно, получило тот ход, который был задан единолично данным заключением председателя Семеновского сельсовета Смирнова. Об этом и рассказывают документы ее «дела» на 15 страницах.

«В Семёновский волисполком
от гр. Соколовой Ю.И.

Заявление

Прилагая при сем автобиографию и анкету, прошу о восстановлении избирательных прав, т.к. вышла из бедной крестьянской семьи и лишена права голоса по случаю замужества с гр. Киселевым И.П., с которым я сейчас нахожусь в разводе вот уже 3 месяца, а с семьей Киселева вообще потеряла связь.

На основании вышеизложенного и прошу о восстановлении избирательных прав.

25 марта 1929 г. гр. Соколова». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л.217).

«Автобиография.

Родилась в 1907 г. июля 16 дня в с. Семеновское-Лапотное в бедной семье, а именно: отец имел профессию малярного дела, на это мы и жили. Семья наша состояла из 8 человек, из них рабочих было до 1913 г. отец и мать, которая шила на лавку и кроме того занималась крестьянством и домашним хозяйством, а с 1913 г. семейное положение сильно ухудшилось, т.к. отец умер, и кроме этого в то же время случился пожар, от которого

хибара, принадлежащая нам, сторела.

С этого времени началась скитальческая жизнь, как дня меня, также и для всей нашей семьи, ибо для пропитания необходим заработок, который мы проявляли, работая в батраках у зажиточной части с. Семеновское-Лапотное. Наша бедняцкая доля не могла не отразиться на моем учении. Не окончивши полного курса учения (5 зим) в 1926 г. я работала в должности секретаря сельсовета, получая оплату 22 р. 50к. в месяц, на которые мы существовали трое: мать, я и брат.

В 1927 г. я вышла замуж за Киселева Ивана, сына торговца, которому я вынуждена была против желания и воли помогать в качестве продавца одной сельди в торговле — вследствие чего я лишена права голоса. Сейчас, вот уже около года, я нахожусь в разделе с отцом и около 3-х месяцев в разводе с мужем». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т.3, л. 216).

В автобиографии, написанной к заявлению в Ивановский облисполком, Юлия Ивановна в ряде мест несколько уточняет факты биографии и более подробно рассказывает о некоторых ее периодах.

«Автобиография 2.11.1930 г.

Родилась я в очень большой семье. У родителей нас было 6 человек. Мне было только 5 лет. Отец был маляр, запойный, и 5 мая 1914 г. семеновцы выгорели, а 25 декабря того же года у нас умер отец, потекла наша сиротская жизнь.

Кое-как нас мать повырастила, отдала в школу. Проучившись 5 классов, я и еще старшие 3 сестры стали заниматься рукоделием. Потом мои сестры вышли замуж, а я осталась с матерью 51 года, с братом 14 лет.

От вышивки у меня стали болеть глаза, после чего я устроилась на секретаря Гуляевского сельсовета, оклад был только 22 р. 46 коп. Конечно на троих этого нехватало, а подрабатывать на рукоделии, уже выше упоминала, что у меня испортилось зрение, но нужда все росла.

Конечно всей нужды не буду описывать, но в результате я решила выйти замуж и дала согласие Киселёву И.П. (приемному сыну Киселева-торговца). С 13 мая 1927 и по 29 июня 1928 г. я жила в семье торговца за батрачку (потому что и сын не хотел взять из богатых девушек себе жену, а взял из бедных), а мой муж работал по сапожному. С 29 июня 1928 г. мы с ними разошлись, я жила на собственных заработках, а в октябре месяце мой брат убил свекровь мою, и со дня обозначения Киселевы стали меня гнать и мстить, после чего я с мужем И.П. развелась 24 января 1929 года, с 8-месячным сыном жила на квартире у соседей, а Киселев уехал в Ашхабад, поступил там добровольцем в Красную Армию.

В начале августа 1929 года я сошлась с сотрудником УРО Федякиным В.М. 15 августа 1929 года я оставила у моей сестры сына, а сама по-

ехала на Кавказ, т.е. родина Федякина. В это время по вызову отца Киселев вернулся из Ашхабада, продал все оставленное, с сыном и пропил, а сына у сестры взял и его уже отняли у Киселева в Кинешме, после чего меня вызвали телеграммой. Я вернулась с Кавказа 10 ноября 1929 г. и с тех пор с сынишкой ночью у моей родни. Федякин же работает теперь в Кинешме и в жизни мне ничего не помогает лишь потому, что я лишенка, поступить работать также нигде нельзя. В прислуги идти, точно так же с ребенком никто не изъявляет желаний, хотя б за половинную плату. А также пайка на сына тоже не могу выхлопотать, и теперь с 1 года 11 мес. мальчиком ищу хотя бы колоть дрова, ради того, чтоб покормили. Что было у меня одежи, все продала уже и просто теперь одно жду вашего решения, ибо не хватает мне больше сил без хлеба и крова с ребенком скитаться.

Прошу, товарищи, войти в мое положение, чтоб заработать копейку на воспитание моего малолетки, восстановить меня в правах гражданства». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 215-216).

В автобиографии, написанной 4 января 1930 года, Ю.И. Соколова объясняет свой уход от мужа и свое поведение при разводе: «После убийства свекрови муж стал бить и всячески издеваться надо мной, мстил мне за брата, как будто на этот поступок натолкнула брата я, и так жила под побоями с 20 октября 1928 г. до 26 января 1929 года, 26-го пошла и взяла развод. Киселев же, как получил извещение о разводе, так собрался и уехал в г. Ашхабад, поступил в Красную Армию, а я же прожила с ним всего 1 год 9 мес. и за что меня лишили прав гражданства. У меня остался сын 10 месяцев.

Как с красноармейца, зная, что ничего не получу, то и алименты не подавала, жить мне было нечем...

В это время Киселев вызвал сына И.П., который подал в суд о разделе имущества. Суд, не извещая меня, присудил все имущество и ребёнка в пользу Киселева от 30 сентября 1929 г. за №294. Ребенка сестра Киселеву не отдала... Имущество же продано Киселевым и пропито, а я теперь с сыном нахожусь в Вичуге в новом поселке и, ради крова и куска, стираю и мою полы, кто бы только не позвал...» (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, л.223).

На первое заявление Ю.И. Соколовой в Семеновский волисполком председатель сельсовета Смирнов дал свое

«Заключение

на Киселеву Юлию Ивановну

Считаю, восстанавливать рано, так что крепкую связь имеет своим отцом Киселевым Петром Михайловичем, который ездит к Киселевым и Киселева к нему и он помогает во всех нуждах так что и с ей слов (неразборчиво в тексте — Б.Г.). Я считаю что Киселева Юлия полезнова не при-

несет считаю воздержаться. 14 июля 1929 г.

Председатель сельсовета Смирнов». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 225).

В соответствии с этим заключением Семеновский исполком 23 июня 1929 г. в просьбе Юлии Ивановне отказал, направив свое решение в Кинешемский окрисполком «для рассмотрения», а на уточняющий запрос из Кинешмы ответили так:

«Кинешемскому Окр И Ку на №И 13/226.

Семеновский райисполком сообщает, что гр. с. Семеновское-Лапотное Ю.И. Соколова действительно произвела развод с мужем и не живет с ним всего лишь около 2-х с половиной месяцев. В торговле свекра официально по патенту участия не принимала, а лишь помогала торговать в свободное время с момента выхода замуж, т.е. с мая 1927 г. до окончания торговли Киселевым П.М. (свекра) в с. Семеновском в 1928 году. Свёкор торговал по патенту 3-го разряда.

В настоящее время гр. Соколова живет на средства свекра и доходы, получаемые от квартиры.

Председатель райисполкома...» (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 224).

Все утверждения бездоказательны, без ссылок на какие-либо документы, основанные, очевидно, лишь на слухах, сплетнях, собственных догадках, но утверждения эти продублированы были и Президиумом Кинешемского ОкрИка, постановлением которого просьба была отклонена при таком обосновании: «Лишена избирательных прав, как иждивенка семьи торговца Киселева, торговавшего до 1928 г. по патенту 3-го разряда. Соколова в настоящее время около 3-х месяцев с мужем торговцем и его семьей развелась и живет отдельно, но фактически, как сообщает Семеновский РИК, связи с ним не порвала и по-прежнему находится на иждивении этой семьи». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 210).

И ведь все они читали заявления Соколовой Ю.И. и написанные ею автобиографии, и веры, ни на чем не основанной, было больше полуграмотно сложенному тексту «заключения» председателя сельсовета. — Лишь через год в Семеновский райисполком «для сведения» поступил из г. Иванова документ...

«Выписка

из протокола заседания Президиума Ивановского областного исполнительного комитета от 13.1У.1930г.

Слушали: Ходатайство гр. Соколовой Юлии Ивановны о восстановлении в избирательных правах. Их лишена, как иждивенка семьи торговца Киселева, торговавшего до 1928 г. по патенту 3-го разряда.

Просительница в 1927 г. вступила в брак с сыном торговца — Киселева И.П. и в половине 1929 г. развелась, выйдя замуж за другого. Со вторым мужем уехала на Кавказ и вернулась 3 ноября 1929 г., после чего со вторым мужем также развелась. Имеет 2-х летнего ребенка, проживает у своей сестры в г. Вичуге, связи с торговцами не имеет, в настоящее время безработная. Происходит из семьи маляра. Окрисполком ходатайство отклонил.

Постановили: Принимая во внимание, что гр. Соколова Ю.И. с мужем — торговцем развелась, в материальной зависимости от него не находится, живя отдельно, в избирательных правах восстановить». (ГАКО. Ф.р.2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 211).

Дела такого рода, к сожалению, далеко не всегда оканчивались подобным образом, сравнительно благополучно. И при прохождении таких «дел» по властным инстанциям редко где можно заметить, если уж не доброе, то уважительное отношение к просящему человеку, если уж не доверительное, то, хотя бы, внимательное отношение к тем документам, которые написаны ходатайствующим или его односельчанами. Создаётся такое впечатление, что их не читают, на них не реагируют, их совершенно не учитывают при выработке и принятии решений и постановлений, что вся подборка, весь комплект необходимых по форме документов собирается в папку и «прокатывается» каждый раз по всем инстанциям только потому, что «так положено», но отнюдь не для выяснения сути дела и установления справедливости.

Вместо выводов по третьему «этюду»

Две семеновские женщины, у которых распались семьи. Две во многом схожие, в чем-то разные судьбы. Обе они по разным причинам сами оставили своих мужей из богатых семей. Одна с 8-ми месячным сыном. А отношение к ним со стороны всевозможных представительных органов советской власти в ответ на их единственную просьбу о восстановлении в правах гражданства, чтоб можно было существовать, одинаковое и в районе, и в округе, и в области. Нет желания разобраться в причинах распада семей, нет озабоченности о дальнейшей судьбе их самих и ребенка. Наоборот: подозрительность — а не обманывают ли, вправду ли разошлись, и какое-то настороженное ожидание новых доказательств действительного разрушения семей. — Этого хотели, этого добивались...

Как вспоминает жительница с. Островское Разина Софья Федоровна, бывшая замужем за сыном портного Разина Я.Д., проработавшего три года в колхозе и раскулаченного в 1932 году, она ходила в женотдел РИКа за поддержкой в просьбе: выделить их с мужем имущество или хоть отдать

лично ей принадлежащую с девичества шубу на хорьковом меху. Женщины в отделе ответили: «Разведись, — вернем и квартиру дадим». В это время в семье уже был маленький сын...

Распространение «классового» подхода ко всему сущему оправдывало в глазах не шибко грамотных предержавших власть и резкую двухцветную — по их мнению, классовую — оценку всего происходящего даже в семье, в быту. Если они жили с сыновьями торговцев-богачей, значит каждая — социально чуждый элемент. Согласно этой же теории и учесть бы при этом их самое что ни на есть бедняцкое происхождение... Нет: они были связаны с богачами и нечисты. Чувства каждой, её собственная оценка и восприятие действительности никого не интересовали. Формально оцениваемая «классовая» принадлежность определяла и отношение к человеку (они даже не гражданки, они — лишетки) и рамки решения его судьбы. Остальное все — «от лукавого»: личность, достоинство, характер, чувства, стремления... И не имеет решающего значения в определении: «наш» — «не наш». Душевность, сочувствие, сострадание — «интеллигенщина», «святошество»...

Даже в бытовом обиходе перестали быть общеупотребительными не только понятия: «плохой — хороший человек», но и такие по-человечески ёмкие, как: «хороший семьянин», «хорошая мать» (это уж после унесшей миллионы жизней войны придумали звание «Мать-героиня»), «домовитый мужик», «справный хозяин»... На слуху стали общезначимыми лишь: «бедняк — середняк — кулак», «единоличник — колхозник», «кустарь-одиночка», «общественница», «делегатка» и пр. — Так «классовая линия» проявилась через общежитейские представления.

Теперь всегда вспоминаются эти потрясающие своей страшной простотой и невыдуманностью документы лишенцев, когда слышим, с одной стороны, громогласно делительные оценки на «демократов», «коммунистов», «фашистов», «либеральных демократов», и даже «коммуно-фашистов» и «красно-коричневых», а с другой — о «предпринимателях», «бизнесменах», «фермерах» и «неимущих слоях населения», о том, что в Грозном погибли трое «военнослужащих федеральных войск», уничтожено пять «боевиков»... Уж очень похоже. Опять не о Человеке речь, а о понятиях, символах. Не прошла бы эта политическая и «идеологическая» разделительная линия вновь через бытовое сознание, через семью...

Этюд 4. «Прошу возвратить моей бывшей жене отобранную лошадь и корову и крестьянский инвентарь и самое жалкое её имущество и восстановить в правах гражданства».

Сельсоветы и исполкомы очень часто лишали избирательных прав по чисто формальным признакам, не вникая в суть отношений между людьми, отношения людей и к делу, и к власти. Примеров тому в делах «лишенцев» тьма.

В избирательную комиссию Заборского сельсовета Семёновского района 2 декабря 1928 года Тихомирова Александра Анастасьевна написала...
«Заявление

В октябре месяце сего года избирательной комиссией я была внесена в список лиц, лишенных избирательных прав. Причина лишения указана в списке: жена урядника.

Такая несправедливость обидела меня до крайности, т.к. я женой урядника не была, а вышла замуж в 1921 году, когда он работал в Троицком исполкоме.

Последствия лишения права голоса таковы, что от меня отобрали книжку общества потребителей, где я получала продукты, как имеющая членский взнос.

Ввиду того, что я существовала и продолжаю существовать только на своем собственном иждивении, как живущая самостоятельно, и по своим силам всегда работаю, добывая необходимый кусок хлеба. На иждивении же своего мужа ничуть не состою, т.к. он, не имеющий определенных занятий, едва может сам один существовать. В данном случае я поставлена в тяжелое положение, и так больная, нуждаюсь в продовольствии. Хлеба своего нет, купить негде. Как же я могу существовать?

А поэтому я обращаюсь в избирательную комиссию с просьбой о восстановлении меня в правах голоса и выдачи мне продовольственной книжки на получение продуктов из общества потребителей. Внесение же меня в списки лиц, лишённых избирательных прав, несправедливо, т.к. права мои не поражаются ни одним из пунктов ст. 69 Конституции.

О том, что я живу на своём иждивении подтвердят все и каждый.

Гражданка Тихомирова». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 7, л. 439).

Для того, чтоб стало более понятным сказанное А.А. Тихомировой в данном заявлении, прочитаем из «дела» Тихомирова Николая Романовича (её мужа), которое на 40 листах, лишь один документ,

«Во ВЦИК от Тихомирова Н.Р., постоянное место жительства с. Спас-Заборье, рабочего Московского метро.

Ходатайство

о восстановлении в избирательных правах.

Я рабочий метростроя вторично прошу ВЦИК (первое ходатайство во ВЦИК было отклонено 20 мая 1936 г. — Б.Г.) восстановить меня в избирательных правах и разрешить мне остаток моей жизни отдать на строительство социализма.

Меня лишили избирательных прав в 1925 г. за 8-летнюю службу в качестве урядника, несмотря на то, что я с первых же дней перешел на работу Советской власти. С 1917 по 1924 г. включительно я работал делопроизводителем в военном отделе в Троицком волисполкоме, и в то же время был заведующим военно-конским участком волости и состоял членом профсоюза советских работников. Освобождён от должности по сокращению штатов.

Во время моей службы я ни в чем предосудительном не был замечен и всегда был на стороне Советской власти (см. справку сельсовета). С 1924 г. по 1927 г. включительно я занимался сельским хозяйством без наемного труда. Сельскохозяйственный налог платил за 24/25 год — 22р. 10к.; за 25/26 г. — 8р. 50 к.; за 26/27 — 4 рубля. По состоянию здоровья (инвалид 3 группы) я принужден был отказаться от занятия сельским хозяйством и отдал свою наделенную землю. С 1928 по 1931 г. включительно, ввиду своей инвалидности и упадка сил (см. медицинскую справку), я находился на иждивении своего племянника Румянцева Б.П. (см. справку односельчан).

С 20 июня 1932 г. и по настоящее время я работаю на метрострое сторожем и являюсь ударником (см. справку, характеристику, ударную книжку №1194). По окончании первой очереди я получил путевку в дом отдыха (см. справку). И в настоящее время работаю опять на метро 2-й очереди.

Что касается приложенной к делу справки о моей, якобы, судимости, справка народного судьи Семёновского района от 2.2.33 г., а также справка Заборского сельсовета удостоверяет, что я сам судимости не имел, а вызывался только в качестве свидетеля.

Район и Ивановский облисполком в моей просьбе вторично отказали (см. копии постановлений).

Принимая во внимание как Советская власть перековывает людей, я надеюсь, что ВЦИК примет во внимание мою ударную работу в течение одиннадцати лет и 4 года трудового хозяйства и даст мне возможность и вперед остаток моей жизни (я имею 67 лет) отдать на пользу социализма и снимет с меня позорное клеймо «лишенного избирательных прав» и восстановит меня на основании 36 ст. Инструкции о выборах.

Б.Н. Годунов, О.Б. Панкратова

До рассмотрения моего ходатайства прошу затребовать все производство по моему делу от Семёновского РИКа Ивановской области, т.к. там имеются все вышеупомянутые приложения.

4 октября 1936 г. Тихомиров». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д.7, л.1).

Документ, думается, достаточно характеризует мужа А.А. Тихомировой и говорит об обстоятельствах его жизни, при которых она вышла за него замуж. В самом деле, выходила она замуж в 1921 году за 52-летнего советского работника. Откуда ж ей было знать, что через 4 года вспомнят его урядническое прошлое и лишат прав гражданства, что еще через 4 года и ее постигнет та же участь за... замужество. — Тем не менее, и Адищевский волисполком и Кинешемский окрисполком отказались восстановить Александру Анастасьевну в избирательных правах. Восстановлена она в своих правах была 13 мая 1929 г. (через полгода), но уже Иваново-Вознесенской губернской избирательной комиссией.

В каждом деле «лишенца» о человеке, подавшем жалобу, писалось много всяких бумаг. Но сквозь все бумаги человек этот проходил невидимым для всех тех людей, которые «заседали» в ВИКах, РИКах, УИКах и ОБЛИКах, решая его судьбу, решая очень сурово. В этом отношении как раз характерна отразившаяся в документах судьба М.Д. Голубевой, что проживала в д. Дуброво Семёновского района. Пусть говорят документы.

«Расписка.

1931 г. февраля 9 дня дана настоящая гр. д. Дуброво Голубеву Д.В. в том, что за неуплату сельхозналога и других налогов взята из его хозяйства лошадь — мерин 12 лет масти карей, сбруя, и одна корова масти чёрнопёстрой.

9 февраля 1931 г. Председатель Гуляевского сельсовета Смирнов». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 120).

«Опись имущества у гражданина д. Дуброво Дмитрия Васильевича в обеспечение сельхозналога на 1930-1931 гг.

Опись начата 17 декабря 1930 г. в 12 часов.

Наименование предмета	К-во	Сумма оценки	Примечание
1 дом шестистенок 15x15	1	3000 р.	новый
2 дом со двором	1	150 р.	старый
3 двор 15x12 под железом	1	200 р.	новый
4 баня во дворе 6x6	1	100 р.	новая
5 кормовая баня	1	50 р.	старая

Опыт документальных этюдов

6 погреб 4x4	1	20 р.	новый
7 сарай 1,5x8	1	150 р.	новый
8 лошадь 12 лет	1	300 р.	
9 корова 1-й тел.	1	150 р.	
10 овца с двумя ягнятами	1	20 р.	
11 плуг деревянный	1	3 р.	старый
12 борона пружинная	1	22 р.	подержанная
13 борона с железн. зубьями	1	5 р.	старая
14 сноповозка на железн. ходу	1	25 р.	старая
15 сани-дровни	1	10 р.	старые
16 легкая телега на жел. ходу	1	30 р.	старая
17 кошовка	1	10 р.	старая
18 комплект сбруи	1	20 р.	старая
19 часы-чикалки	1	1 р.	старые
20 столы	2	10 р.	
21 венские стулья	6	18 р.	новые
22 кровать железная	1	10 р.	старая
23 подушка перьяная	1	3 р.	
24 полушкафчик	1	5 р.	
25 шуба на русской овчине	1	30 р.	старая
26 сак ватный женский	1	15 р.	новый
27 овчин невыделанных	3	6 р.	
28 картин стенных	3	6 р.	
29 абажур с лампой	1	1 р.	
30 тарелки	5	1 р.	
31 ваза большая	1	1 р.	
32 сахарница	3	0,50 к.	
33 молния (лампа)	1	5 р.	
34 стёкла оконные	7	7 р.	
35 канцелярские счёты	1	4 р.	
36 тарелка большая	1	1 р.	
37 тарелки	3	0,60 к.	
38 мясо солёное	2	32 р.	
39 мука ржаная	3	7 р. 20 к.	
40 рожь	12	15 р.	
41 овёс	3	3 р. 90 к.	
42 ячмень	2	4 р.	
43 сено	20	6 р.	
44 клевер	50	25 р.	
45 картошка	30	15 р.	

При описи присутствовали и оценку производили понятые граждане д. Дуброво Смирнов Н.И., Беляев И.Я. и член сельсовета Смирнов.

Председатель сельсовета Васильков». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 114).

Как видно, произведена опись имущества Голубева Д.В. и расписка об изъятии из хозяйства лошади и коровы выдана на его имя. Однако хозяйство это восемь последних лет вела Голубева Марина Д., которая в это время жила одна (муж — Дмитрий Васильевич жил в Москве с другой женщиной, сын — студент в московском вузе, две дочери выданы замуж за год перед этим). Она обращалась:

«В Семёновской райторготдел

д. Дубово

Голубева Марина

Заявление

Прошу снять часть хлебозаготовок, так как я считаю, что норму, положенную, я уплатить не могу: 15 пуд. ржи, 5 пуд. овса, 5 пуд. картошки, 10 пуд. сена, 10 пуд. соломы. У меня же было сеяно ржи 6 пуд. овса 3 меры. Муж от меня уехал и живет в Москве, мне не помогает. Скота имею 1 лошадь, 1 корову, 1 овцу. Семья я одна 52-х лет. Заработать этого я не могла.

За неграмотную расписалась Лебедева». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л.115).

«Справка.

Мы, нижеподписавшиеся граждане д. Дуброво даем настоящую справку в том, что гражданка Голубева М.Д. что я Голубева живу одна все время и мне мой муж Голубев Д.В. живет все время в Москве и мне вспомоществования совсем не дает и так же сын мой Голубев К.Д. также живет в Москве и с 1925 г. тоже ничего подает, так я до настоящего времени живу одна, работы никакой не имею и я лишена голоса лишь только за мужа, с которым у нас с 1925 г. всякая жизненная связь кончена».

Подписи 22 человек. (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 121).

В 1930 г. на хозяйство Голубева Д.В. сельскохозяйственный налог был начислен в индивидуальном порядке — оно было «подвергнуто индивидуальному обложению»; дано было «твердое задание» (как тогда говорили), исходя из того, что он «имеет нетрудовые доходы от сдачи внаем помещений, огромного помещения в Москве, имеет всего три дома». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 95). А затем вся семья была лишена избирательных прав.

Прокурору Семёновского района 22 декабря 1930 года поступила жалоба от Голубева К.Д. — сына Голубева Дмитрия Васильевича, который считался главой семьи.

«Жалоба.

Я, Голубев К.Д. — сын Д.В. Голубева, рабочий-студент, с 14-летним производственным стажем, имею возраст 30 лет.

Послан был в вуз 12 декабря 1929 г. с путевкой месткома Госпромстроя г. Москвы в счет январского приёма. Ещё скажу, что до поступления работал днём, а вечером учился, ударник. Имею на руках Госзаймов: «Моссовета» на 50 руб., «II займа индустриализации» на 70 руб., «III займа индустриализации» на 175 руб., и «Пятилетка — в 4 года» на сумму 110 рублей. Живу в Москве самостоятельно шесть лет, от отца отдельно, работал в разных госучреждениях в качестве жестянщика-кровельщика. Собравши некоторые документы второпях, приехал к матери на каникулы 19 декабря сего года.

Узнавши, что, как моего отца, так и всё семейство лишили избирательных прав Гуляевским сельсоветом, считаю, что как отца так и членов семьи о лишении избирательных прав неправильно по следующим соображениям:

Отец 55 лет, с малых лет послан был в учение на кровельщика, где прослужил в учении 4 года. После работал сезонником долгие годы по найму.

До 1909 г., 5 лет, работал на вагоно-строительном заводе в Мытищах кровельщиком по устройству вентиляции. Захватил и участвовал вместе с заводскими рабочими 1905 год.

С 1910 — 1914 г. была организована сезонная «Первая Московская артель маляров и кровельщиков» на коллективных началах, которые лето работали в Москве, а на зиму уезжали все в деревню, т.к. строительная работа не производилась. Участники и организаторы таковой были однодеревенцы:

1. Голубев Д.В. — кровельщик (жив)
2. Голубев В.В. — маляр (жив)
3. Голубев Д.А. — маляр (убит на войне)
4. Смирнов Е.С. — кровельщик (жив)
5. Б. Федоров Н.А. — маляр (жив).

Так они работали до войны 1914 года. Договор, заключенный нотариусом хранился у участников артели до пожара деревни 1920 года.

С 1914 г. по 1917 г. работал по найму от Московской городской управы в качестве кровельщика, где 42-летним от призыва 1915 г. был освобожден.

После Октябрьской революции 1917 года первый повесив флаг из красной плохой материи, и с большим энтузиазмом встретил пролетарскую революцию (некоторые из деревни это знают).

С 1917 по 1919 г. жил в деревне и в Москве работал в отделе питания — кровельщиком по устройству крышек для котлов и устройству паротводов, где почти первый вошел в Строительный союз, номер членской книжки, как помнится, был 316-й (документ или потерян или сторел, не помнит). После механически выбыл.

Дальше говорить не приходится, т.к. видно из приложенных к жалобе документов, но скажу, что патентов личных и других не имел, за исключением в 1924 или 1925 г. по такому же, выше указанному старому типу была организована «Первая самостоятельная артель маляров и кровельщиков» из однодеревенцев, которые брали на артель патент 2-го разряда. Артель еле-еле просуществовала один сезон и рассыпалась из-за отсутствия работ, порядка и платежа денег. Организатором и инициатором был действительно мой отец Дм. Вас. Голубев. А потому считаю, что лишение голоса было голословно, не подлежит никакой действительности.

Что касается нарекания на то, что имеет два дома в деревне и дом в Москве (конечно не 2-х этажный), то скажу. Во-первых, дом в деревне один временный, старый (около 60 лет), был купленный вскоре после пожара нашей деревни, в котором никто на живёт, и при описи сельсоветом оценен в 150 руб. (подлежит совершенно на дрова, видно из описи). Во-вторых, дом новый, живёт одна мать, 52 года (две дочери выданы прошлый год замуж), отец с ней не живёт и не помогает. Уехал около 5 лет в Москву, живет самостоятельно, хотя и числится по-старому, как хозяин дома (знают все деревенские граждане и сельсовет). В-третьих, принимая во внимание жилищный вопрос в Москве, дом одноэтажный, строящийся почти лично своими руками, за исключением плотничных работ, Голубевым Д.В. в 5 км от Москвы, разрешённый по договору (только как рабочему) с МУНИ, за который не платится никакой арендной платы в течение 10 лет, за исключением неустойки, что видно из приложений документов и квитанций.

А посему прошу прокурора Семёновского ВИКа подробно войти во весь курс настоящего дела и восстановить в правах гражданства Дмитрия Васильевича и членов его семьи, как высококвалифицированного рабочего-крестьянина, не курящего, не пьющего вино и полезного для Советского Союза.

22.XII. 30 г. К. Голубев». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 103-106).

Реакции прокурора на эту жалобу сына в «деле» не видно. Однако, вслед за этой жалобой подано было заявление самого отца, Голубева Д.В., в Семёновскую налоговую комиссию, присланное из Москвы.

«Заявление.

Первоначально я был обложен сельхозналогом в сумме 78 р. 47 к.,

причём от моего неземледельческого заработка при обложении меня налогом были включены в доход 300 р. побочного заработка 1000 р. Этот налог мною был уплачен, но впоследствии мне был прислан другой окладной лист, в котором указано, что мой заработок при обложении определен Гуляевской налоговой комиссией с заработка в 4000 р. и сельхозналог назначен мне ещё 253 р. 78 к.

Включение в мой доход от зарплаты в 4000 р. при обложении меня сельхозналогом на 1930/31 год я считаю неправильным по следующим основаниям:

Я работаю в госконторе «Моссантехстрой» в г. Москве. Получаю жалование 175 р. в месяц, кроме того мой заработок по месту моей работы учитывается и удерживается согласно законов.

Всего мною заработано за 1930 год в сумме 1675 р. 88 к., таким образом при обложении меня сельхозналогом нужно было принять во внимание только 10% от моего заработка, т.е. 165 р. 58 к., а не как на 78 р. 47 к. по первому обложению плюс еще 253 р. 78 к. = 332 р. 25 к., как указано в окладном листе...

Второе: что касается наложения на меня твёрдого задания по деревне, считаю глубокой неправильностью, т.к. я в деревне сельским хозяйством не занимаюсь (т.е. 15 пуд. ржи, 5 пуд. овса, 5 пуд. картошки, 10 пуд. сена). Я 37 лет работаю в Москве, а потому также прошу пересмотреть. О результатах прошу сообщить по адресу:

г. Москва, 5-й Ново-Останкинский проезд, д. 22.

9 февраля 1931 г. Голубев Д.В.». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 90).

Затем была жалоба Голубева Д.В. в Семёновской РИК и было 27 января 1931 г. принято постановление по этой жалобе: «Учитывая, что Голубев обложен по сельхозналогу в индивидуальном порядке за сдачу помещения (целого дома) и ранее имел наёмную силу, а также занимался скупкой и перепродажей разных предметов, а потому в жалобе Голубеву отказать, т.е. считать Голубева лишённым избирательных прав». (ГАКО. Ф. р.2666, оп.3, д.5, л.122). Реакцией же на его заявление в налоговую инспекцию было, очевидно, постановление Семёновского РИКа 8 марта 1931 г., где также решили: «в просьбе отклонить». «Имея в виду, что он имеет два дома, один из них находится в Москве, который сдаёт под квартиры, имеет большие нетрудовые доходы, а поэтому обложение считать правильным». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 89).

После этого поступила:

«В областную избирательную комиссию Ивановской области гр. Голубева Дмитрия Васильевича, д. Дуброво Гуляевского сельсовета Семёнов-

ского РИКа, проживающего: Москва 63, 5-й Ново-Останкинский пр., д.22.

Жалоба

Я, Голубев Д.Б., получивши постановление избирательной комиссии Семёновского РИКа от 27.1.1631 г. о лишении меня избирательных прав, считаю неправильным и к отмене такового имею нижеследующие основания:

1. Избирательная комиссия совершенно не руководствовалась инструкцией РИКа от 1930 г., где в ст. 11 сказано: «Составление списков лиц, лишённых избирательных прав производится на основании документальных данных», этого же комиссия в поданной нашей жалобе не учла:

а) Откуда Семёновскому РИКу знать, что я имею доход от «целого дома», строящегося близ Москвы, что я сдаю целое помещение. Правда, я строю дом вдвоем в 5 км от Москвы, с разрешения МУНИ как рабочему, на одну квартиру, за который освобожден от всяких арендных плат, за исключением неустойки. Причина застройки дома вызвана тем, что в Москве квартир нет и жить было негде. Также и из квитанций квартплаты видно, что 1926 -1929 г. я жил в убогом жилище при кухне. Тогда вместе с Гребельниковым решили построить дом. Осенью 1926 г. я поехал с хорошей получкой в деревню, где и срубил сруб, а в 1928 г. его перевёз в Москву. Лес мне выдали бесплатно, как погорельцу по деревне и часть купил.

в) Райсовет Семёновского РИКа ошибочно приписал меня, что я раньше имел наёмную силу, только лишь потому, что из протокола №2 от 4 июня 1924 г. «артели маляров и кровельщиков» видно, что я назначаюсь казначеем артели, а посему и оплачивал труд рабочих, но сам не эксплуатировал рабочую силу и не имел никаких патентов как при Советской власти, так и раньше.

с) Семёновский РИК говорит, что я раньше занимался скупкой и перепродажей разных предметов, так я этого совершенно не понимаю: чем? когда? и как? И когда мне было заниматься перепродажей, когда я работаю 15 часов в сутки, 37 лет выжил в Москве кровельщиком, член союза с 1918 г. за №303, с перерывом работы в артели в 1924 г. и снова вступил в союз в 1926 году. Потому прошу вызвать меня к разбору настоящего дела и допросить, где я представляю настоящие удостоверения, расчётные книжки, где я работал и работаю, хотя сын и представлял их в копиях в избирательную комиссию Семёновского РИКа.

Еще скажу, что я раньше был сезонным рабочим, а потом постоянным, и 8 лет назад оставил в деревне несчастную жену крестьянкой и стал жить с другой гр. Белорусовой, что видно из справок, к делу приложенных.

д) Гуляевский сельсовет не имел права лишать меня выборов, потому что я в деревне не живу давно, живу я в Москве и плачу все существую-

щие налоги по месту моей работы и моего жительства.

Гуляевский сельсовет также не имел права ограничивать мою бывшую жену согласно ст.19, где сказано: «к гражданам, подавшим жалобы в вышестоящие органы власти на неправильное лишение избирательных прав впредь до окончательного рассмотрения их жалоб не могут применяться какие бы то ни было ограничения, кроме ограничения права участия в выборах», которая совершенно невинна, 32 года пахала, косила и никогда не применяла наемного труда в деревне, неграмотная, имеет 52 года.

На основании изложенного, ввиду явной несправедливости, прошу постановление Семёновского РИКа отменить и возвратить моей бывшей жене отобранную лошадь и корову и крестьянский инвентарь и самое жалкое её имущество и восстановить в правах гражданства.

Сельхозналоги все выплачены, за исключением индивидуального...
При сем прилагаю:

1. Выписку из протокола №7 от 27.1.31 г. РИКа.
2. Протокол артели маляров и кровельщиков.
3. Распоряжение по Госсантехстрою.
4. Часть квитанций старой квартиры.
5. Расписка, что отобрана лошадь и корова.
6. Справка граждан д. Дуброво.
7. Сведения о моей жизни.
8. Отсрочки на застройку дома».

(ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 136 - 137).

На этой жалобе есть приписка: «4.V.31 г. материал запрошен». Имеется в «деле» и письмо из избирательной комиссии Ивановского областного совета от 11 июля 1931 года.

«В Семёновский райисполком.

Материал об избирательных правах гр. Голубева Д.В. при этом препровождается для выполнения требований ст. 23-24 избирательной инструкции. Вместе с этим к делу надлежит приобщить характеристику хозяйства жалобщика и как оно облагается ЕСХН. После этого материал вновь пересмотрите и свое мотивированное постановление объявить Голубеву, в копии вышлите нам». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 100).

Далее документы свидетельствуют, что началась спешная подготовка ответа. Однако, работники райисполкома не утруждали себя поискам документов для обоснования и подтверждения предъявляемых Голубеву Д.В. претензий и принятых о нем и его семье постановлений. В телефонограмме, направленной в райфо, было требование «срочно дать выписку решения районной налоговой комиссии и сведения о «мощности» индивидуально обложенного Голубева». В телефонограмме в Гуляевский сельсовет: «сроч-

но в 2 дня», «дать характеристику на гр. Голубева», «что послужило причиной к лишению прав срочно шлите в райисполком». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 5, л. 98,99). В РИКе думали, что в райфо и сельсовете есть какие-то первичные документы, на которые опирались, принимая решения. Их не было нигде: слухи, домыслы, сплетни были «обоснованием» судьбоносных для многих людей постановлений местной советской власти. И здесь были вновь получены соответствующие ответы, приобщены к «делу» вместе с копией постановления РИКа от 27 января 1931 г. и отправлены в Ивановскую областную избирательную комиссию вместе с сопроводительной бумагой, где говорилось: «Семёновской избирком, согласно вашего запроса от 4.V.31 г., направляет дело Голубева Д.В. на ваше рассмотрение о восстановлении его в правах гражданства». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д.5, л. 101).

Окончательных решений о судьбе семьи Голубевых в деле, по каким-то причинам, не оказалось. Можно пока только догадываться...

Однако, обращает на себя внимание в этом деле тот факт, что на всём пути разбирательства в разных инстанциях никто не вспомнил о судьбе Голубевой М.Д., которая, как писал муж, «32 года пахала, косила и никогда не применяла наемного труда в деревне», у которой «в феврале забрали последнюю «лошадь-мерина 12 лет масти карей» и увели со двора «корову масти черно-пестрой». Как ей дальше жить, чем пахать, — это никого, как видно, не волнует. Ее судьба решается автоматически и синхронно с судьбой Голубева Д.В., который уже 8 лет живет не с ней, а в Москве — с другой женщиной (он представит об этом в «дело» справки — свидетельства двух московских жителей). Вина ее: нет официального развода. А что это — беда её, 52-летней неграмотной деревенской женщины-труженицы, — кого интересует?

Вместо выводов по четвертому «этиуду»

Ещё две судьбы, показанные документами этюда на очень коротком временном отрезке, прошли перед глазами, через душу и сердце. Да, такие две судьбы не могут только лишь мелькнуть перед глазами, они обязательно затронут глубинные чувства читающего. И долго ещё думаешь потом: что это было...

Известное: «лес рубят — щепки летят»? Нет, здесь не об этом. В судьбе четы Тихомировых проявились: по отношению к Александре Анастасьевне — чистейший формализм применения голой формулы о классовом подходе к конкретному человеку, а по отношению к Николаю Романовичу... Здесь сложнее. — Официальная доктрина продекларировала задачу классового перевоспитания носителей пережитков старого общества. В прессе было полно примеров, когда воры-рецидивисты в массовом порядке становились ударниками, когда стройки первой пятилетки представлялись шко-

лой перековки вчерашних классовых противников и их пособников, когда... А тут перед нами (и перед ними 4 октября 1936 г.) — старый, оставленный всеми, больной человек — бывший урядник, бывший работник военного отдела волисполкома, лишенный «гражданских прав» и добившийся «ударной книжки №11194» на Метрострое, получивший за это путёвку в дом отдыха. Он рассказывает всем и тщится доказать, что он тоже «перековался» и просит признать это, возвратив ему «права гражданства». Его не слышат уже 15 лет. — Задача поставлена «перековать» массы. Этим и заняты. А единичный человек мало кого интересовал: перековался он или нет... Пойди, разбирайся, — хлопот много, выгоды никакой, а ответственность... Аллегорическое у Маяковского: «Единица! Кому она нужна?!» — воспринималось буквально, и голос единицы становился действительно «тоньше писка», его заставили не слышать даже жену.

Символично, что председатель сельсовета Смирнов уводит лошадь и корову, забирает сбрую, а потом и сено со двора Марины Д. Голубевой, которая сама добрый десяток лет вела это хозяйство, а расписку даёт на имя её мужа Голубева Д.В., с которым они 8 лет не живут. Для Смирнова она не существует, её как бы и нет вообще, для него важно «классовое отношение» к её мужу, «хозяину двора», которое он и реализует, уводя скот, А она... На 51 листе «дела» семьи Голубевых нет ни одной строчки, где бы хоть кто-нибудь из представителей власти всех уровней (а здесь есть постановления, справки, записки и сельсовета, и РИКа, и ОКРИКа, и различных органов Облисполкома) выразил интерес к самой этой женщине, труженице, человеку. У которой в одночасье под конец жизни не стало ни мужа, ни семьи, ни детей (дочери выданы замуж, сын в институте учится...), ни даже дома, земли и хозяйства и элементарных гражданских прав. Нет, она всеми забыта. О ней забыли так же, как когда-то забыли о старом слуге Фирсе (в чеховском «Вишневом саде»), заперев его в доме. Там забыли дворяне, «представители» закатывающегося класса, ... вместе с теми, кстати, кто хочет и надеется увидеть «небо в алмазах». Здесь забыли представители «восходящего класса». Того забыли в доме, эту — в жизни. Забыли также походя, небрежно, легко и ... преступно.

За борьбой идей, в страсти борьбы они забыли, ради кого и чего начинали революцию, перепутали, кто для кого призван существовать в этом «передельываемом» мире. Для кого и для чего существовала и существует Марина Д. Голубева, более-менее ясно. А кто же в этом строящемся, самом гуманном и справедливом, обществе живет для неё, кто и чем в этом государстве призван её защищать? — Забыли.

Как до боли все узнаваемо сегодня... Сколько фирсов и марин забыты сегодня по домам и в жизни, — никто не знает и мало кто интересуется.

А начинали «демократизацию» тоже, чтоб человек стал, наконец, мерилом всех вещей. — Настораживает такая похожесть...

Этюд 5. «Решительно заявляю, что я порываю всякую связь с отцом и его хозяйством...»

В «деле» Анатолия Алексеевича Горского, родившегося 28 марта 1901 г. в с. Борщине Коряковской волости, проживавшего в с. Спас-Пенья Семеновской волости и лишённого в декабре 1928 г. избирательных прав, есть газетная вырезка с его письмом в «Приволжскую правду», очевидно, в 1923 году.

«Письмо в редакцию.

Уважаемый товарищ редактор. После окончания военной службы я должен вернуться в хозяйство отца, служителя религиозного культа с. Спас-Пенья Семеновского района.

Решительно заявляю, что я порываю всякую связь с отцом и его хозяйством, меняю место жительства и хочу честно работать вместе с другими гражданами СССР.

А.А. Горский». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 6, л. 433).

В своей автобиографии, приложенной к «делу», он писал: «В 1919 г. я учился в школе II ступени в Костроме, в 1919 г. учился там же и работал в Центропечати до дня взятия в Красную Армию. 15 февраля 1920 года был мобилизован в ряды Красной Армии, из Москвы был выслан на южный фронт, где и пробыл до 1923 года и был демобилизован из 3-й Киевской военно-инженерной школы 15 января 1923 года. В 1923 г. я лежал в лазарете 6 месяцев и вышел по демобилизации полубольным, так что 1923 и 1924 год не работал, а был в хозяйстве у отца и обрабатывал землю, которая ранее обрабатывалась убитыми на фронте братьями в количестве трех человек, а всего служило 5, и потом — братьями, которые учились в ВУЗах СССР.

В 1925 г. я поступил на работу по ликвидации неграмотности инструктором и работал 1925 и 1926 год, а выбыл с работы по болезни (экзема) в Семеновской волости. (В 1927 г. был тоже в Семеновской волости). В 1927–1928 гг. учился при Промышленно-экономическом техникуме в Костроме и окончил к июню 1928 года. С 7 декабря 1928 по 7 июля 1929 г. я работал в Шушковском сельском обществе взаимопомощи счетоводом (в это время меня и лишили прав гражданства), и я вынужден был уехать в Кинешму и работать на погрузке дров и хлеба.

Кинешемская биржа труда направила меня на работу в с. Семеновс-

кое, где я с 6 мая 1930 г. работаю по настоящее время счетоводом рейстрах-кассью». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 6, л. 467).

Дальше эта история развивалась так. В 1929 г. в просьбе о восстановлении в избирательных правах А.А. Горскому было отказано и Семеновским РИКом и Кинешемским ОкРИКом. Возможно, при этом свою роль сыграла появившаяся в газете заметка, хотя в принятых постановлениях нет ссылок ни на саму заметку, ни на события, в ней описанные.

Копия: из газеты «Рабочий край».

«Дела духовных отцов. Положите конец вредительству религиозников. Контрреволюционные выступления церковников.

Безземельная часть крестьянства с. Спас-Пенье бывшей Семеновской волости зимой текущего года поставили на сходе вопрос об изъятии земли у попов. Сын попа Анатолий Горский заявил на сходе: Если только отберут у нас землю, то я вас всех перестреляю из нагана. И для острастки тут же застрелил курицу. Бедняки шарахнулись в сторону...

Весной дело об изъятии земли разрешилось в положительном смысле для бедняков, но попы, пронюхав об этом засеяли яровые».

На этом листочке — резолюция: «Выяснить где «дело» и приложить к материалу. 7 окт. 29 г.». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 6, л. 442).

При повторном обращении Горского А.А. (через год) Семёновский райисполком восстановил его в избирательных правах 28 апреля 1930 г. Но 17 августа 1930 г. Кинешемский ОкРИК принял постановление: «Решение Семеновского райисполкома отменить и оставить Горского в списках лишенцев, т.к. не порвал связи с отцом, хоть и служит в разных организациях». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 6, л. 446).

Отказано в просьбе было и Ивановским облисполкомом.

После этого была представлена в «дело» справка из Семеновского райфо о том, что А.А. Горский «согласно сведений, взятых с похозяйственной карточки, в хозяйстве Горского Алексея Ивановича не числится». (ГАКО. Ф. р. 2666, оп. 3, д. 6, л. 447).

Дело было 21 февраля 1931 г. отправлено прокурору Семеновского района по его запросу (на 48 листах) и возвращено в РИК 7.XII.31 г. с рекомендацией «восстановить». Три года борьбы увенчались успехом?

А.А. Горский был один из многих. Целый слой деревенского общества — дети священно- и церковнослужителей (священников, дьяконов, дьячков, псаломщиков) — исключались из общественной жизни поголовно. Если в крестьянском сословии бывали исключения, когда дети, давно отошедшие от хозяйства родителей, не лишались избирательных прав, то члены семей служителей церкви лишались все без исключений. При этом не помогал формальный отказ от родителей, не учитывался тот факт, что

Б.Н. Годунов, О.Б. Панкратова

молодые люди из этой среды, как правило, имели значительное по тем временам образование и были бы полезны в развертываемой работе по ликвидации неграмотности, как и то, что они действительно пытались участвовать в этой работе и иногда им это ненадолго (пока не приходили документы о том, что они лишенцы) удавалось. Не помогали никакие их заверения в лояльности и даже преданности советской власти, которые они вынужденно делали в своих заявлениях.

В с. Спас-Заборье Семеновского района была лишена в 1927 г. избирательных прав вся семья псаломщика Калининкова, и его взрослые дети неоднократно ходатайствовали о восстановлении в правах, чтоб иметь возможность зарабатывать и существовать, т.к. в отличие от крестьян, у таких молодых людей в это время уже не было земли, как правило, они не имели ремесла и других источников существования. — Об этом — их заявления.

«Калинникова Зоя Алексеевна (род. 9.XII.1910 г.), гр. д. Заборье, проживающая с 18 сентября 1929 г. в д. Бородино.

В Семеновский райизбирком.

Заявление.

Настоящим прошу Семеновскую районную избирательную комиссию восстановить меня в правах гражданства, т.к. я нахожусь дочерью псаломщика и не имею с ним никакой связи.

Имею от роду 18 лет и с 12 лет занимаюсь батрачеством. Глядя на то, что я работаю батрачкой, в 1928 г. мне предложили быть ликвидатором школы грамоты с взрослыми в дер. Крутце. Проработав с 1928 по 1929 год я опять начала от того года находиться батрачкой в д. Борке у учительницы М.В.В. В конце 1929 г. я проживала на районных курсах ликвидаторских и поступила в ликвидаторы в Ивановский сельский совет д. Бородино, Якуниха, Маурино и работаю по сие время.

Окончив эту работу, я опять постараюсь дать пользу в общественной работе и жить на свое иждивение и кормиться своим трудом.

Лишена я с 1929 года, так как я имею от роду 18 лет. И так прошу районную избирательную комиссию пожалуйста не отказать в моей просьбе и восстановить меня в правах гражданства, как будущего передового человека, не хочу быть чуждым элементом для Советского Союза и еще прошу районную избирательную удовлетворить мою просьбу и сообщить в с. Заборье. В чем и потписуюсь Калининкова Зоя.

7.IV.1930 г.» (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д.7, л. 228-229).

«Калинников Николай Алексеевич (род. 4.11.1909 г.) с. Заборье

В Заборскую районную сельскую избирательную комиссию.

Заявление.

Настоящим заявлением я прошу избирательную комиссию восстано-

вить меня в правах гражданства, лишённого в минувшем 1927 г., как находящегося на иждивении отца-псаломщика.

Такую причину я нахожу в корне неправильной, т.к. я не жил и не живу на средства отца, а живу на свои средства. Всем известно, что я работал и работаю батраком-подёнщиком у крестьян, крайне нуждаюсь в самом необходимом. За все время мне отец не купил даже сапог, что тоже всем хорошо известно.

Если я живу под одной кровлей с отцом, то ведь пока мне некуда больше деваться. Когда я устроюсь на постоянную работу, тогда я уйду из дома отца.

Кроме того я участвую в общественно-культурной жизни района наравне со всеми и антисоветского ничего не проявлял.

Товарищи, вы не должны забывать указы всем избиркомам, что надо делать не по форме, а по содержанию. Нет у советской власти распоряжения лишать права голоса батраков и бедняков, опору Советской власти в деревне. 4.XI.28 г.

Калинников Н.»). (ГАКО. Ф. р. 2666, оп. 3, д. 7, л. 318).

Как видно, и в том и в другом заявлении — попытки, если не совсем отказаться от отца, то отмежеваться, оправдаться в том, что приходилось с детства... жить вместе. Прогривоестественные попытки, но к ним вынуждали. И обещание оставить отца, как только появится возможность... Прогривоестественное обещание, но оно «учитывалось» при решении вопроса о возвращении прав.

О Зое Алексеевне Калинниковой Семеновский райизбирком, заседа 30 мая 1930 года, принял постановление: «Протокол заседания Президиума Заборского сельсовета по пересмотру списков лишенцев утвердить без изменений, а именно:

...16. Гр. Калинникова З.А., хотя и является членом семьи служителя культа и проживает совместно, но с момента совершеннолетия занимается общественно-полезным трудом, — в избирательных правах восстановить». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 7, л. 227).

Николаю Алексеевичу Калинникову было отказано в восстановлении прав 11 января 1929 г. в Адищевском волисполкоме, а 6 февраля 1929 г. — в Кинешемской уездной избирательной комиссии. При повторной его просьбе, когда он женился на работнице Александровской бумажной фабрики и сам стал работать там же разнорабочим, он был 19 августа 1929 г. восстановлен в избирательных правах Кинешемским окружным исполнительным комитетом. (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 7, л. 512).

Пожалуй, более ярко и точно названы мотивы, заставлявшие детей священнослужителей бороться за восстановление в избирательных пра-

вах, — в заявлениях сестер Ширяевых, как и причины, толкавшие детей на разрыв всяческих связей с родителями.

«Ширяева Серафима Михайловна (род. 20. VI. 1909 г.) с. Заборье, проживающей в д. Исаковка Адищевской волости

В Спас-Заборский сельсовет

Заявление

По ст.15 II гл. инструкции о выборах, как находящаяся в материальной зависимости от отца — служителя культа, я лишена избирательных прав. Для того, чтобы быть восстановленной а этих правах, я должна не менее 5 лет заниматься производительным общественно-полезным трудом (ст. 19 III гл. этой же инструкции). Но для того, чтобы быть допущенной на какую-либо производительную общественно-полезную работу, нужно иметь право гражданства: куда ни обращалась я, прежде документов об образовании спрашивают о моем социальном положении.

Таким образом, я нахожусь в настоящее время в каком-то заколдованном круге: от отца отойти не могу из-за куска хлеба, да и некуда идти, т.к. применить свой труд, получив среднее образование, могу только в (умственной) работе, т.к. никакого мастерства не знаю, а для поступления на эту работу должна иметь права гражданства, а для получения прав гражданства — пятилетний рабочий стаж.

Не как средство для участия в выборах, а только как средство для применения своих сил способностей для какой-либо производительной общественно-полезной работы и доказательства своей лояльности к советской власти желала бы я иметь права избирательного голоса.

Спас-Заборский сельсовет знает о моей лояльности к Советской власти. Отец мой, сын дьячка, выучившийся в профессиональной духовной школе, невольно должен был обречь себя на службу служителем культа — как дань своему отцу за своё трудное содержание в школе, тем более, что другие его 4 брата изъявили твердое желание выйти из отцовского сословия: один почтовым служащим, другой ветеринаром, третий - пропавший без вести в империалистическую войну, кончал Московский коммерческий институт, четвертый — Московское высшее техническое училище и одновременно страховым агентом и в то время помер, проживая в Москве в самое критическое для неё, холодное и голодное время. Уже не молодой, не может отец начать жизнь сначала в других условиях, не станет у него для этого ни сил, ни энергии, что же касается отношения его к совласти, то лояльность его к ней известна совету, как и исправность его в уплате налогов и всех повинностей.

Настоящим прошу Спас-Заборский сельсовет принять во внимание все вышеизложенное, вывести меня из заколдованного круга — возбудить

ходатайство перед губернским исполкомом о восстановлении меня в избирательных правах, чтобы я имела возможность принять участие в общественно-полезной советской работе.

Неужели же Советское правительство — щит всех угнетенных, которым трудящиеся женщины, работницы и крестьянки прибегают к общеполитической жизни страны, отвергнет мое стремление к общественно-полезной работе. Только и слышишь как склоняют во всех падежах: женщина, женщине, женщину, для женщины и проч., а женщине приходится сидеть под опекой отца, питаться нищенски собранными народными крохами и грошами, без возможности кроме кухни, да летом только батраческого труда, применить на чем-либо свои силы и способности.

10.1.28 г. Ширяева Серафима М.». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 7, л.371-372).

«Ширяева Антонина Михайловна (род. в 1910 г.), с. Спас-Заборье, проживающей в д. Бородино с 18 сентября 1929 г.

В Семеновскую районную избирательную комиссию.

Заявление.

Настоящим прошу Райизбирком восстановить меня в правах гражданства, т.к. я живу самостоятельно с 18 сентября 1929 года, занимаюсь общепольным трудом и желаю далее продолжать начатое дело. 1929 г. 18.IX. я отписалась от отца и живу совершенно независимо от него уже 6 месяцев.

Отец мой был служителем религиозного культа до 1929 года, но теперь он не служит.

Я занимаюсь на 3-х пунктах в качестве учителя школ грамоты, на что имеются в РОНО документы и сведения, а в газете «Беднота» о лишенцах был такой пункт, что все лица, лишенные избирательных прав после 1925 года, занимающиеся общественно-полезным трудом, имеют право быть восстановлены в правах гражданства.

Я лишена только с 1929 г., т.к. до 1929 г. я училась в Кинешемской школе II ступени и находилась независимо от отца. По окончании учения я работала 7 месяцев на практике по внешкольному уклону в Кинешемской центральной библиотеке, на что имеются документы в РОНО. По окончании практики в конце 1928 г., не найдя работы, прибыла домой и, прожив год дома, я лишилась прав гражданства, но все время стремилась уйти от этого позорного пятна и желаю ясно доказать свое лояльное отношение к совласти и, начав работать, я желаю все время быть полезной в общественной работе.

Товарищи, войдите в мое положение, не откажите в моей просьбе. И так прошу районную избирательную комиссию восстановить меня в пра-

вах гражданства.

15. IV. 1930 г. Ширяева Антонина М.». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д.7, л. 434).

После отказов в восстановлении в правах в волостном и окружном исполкомах, при повторных просьбах, состоялось 23 мая 1930 года заседание Районной избирательной комиссии Семеновского райисполкома, где было принято постановление: «Протокол заседания Президиума Заборского сельсовета по пересмотру списков лишенцев утвердить без изменений, а именно:

... п.3. Гр. Ширяевы Серафима Михайловна и Антонина Михайловна с.Заборье — лишены избирательных прав, как дети служителя культа, но с момента совершеннолетия занимаются общественно-полезным трудом и имеют самостоятельный заработок, а поэтому на основании Инструкции ВЦИК от 11 апреля 1930 г., §5, в избирательных правах Ширяевых С.М. и А.М. восстановить». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д.7, л. 432).

Много замечательных учителей начальных классов получила потом советская школа из начавших свою педагогическую биографию в эти годы и — таким вот образом — детей священнослужителей. Кто из старшего поколения людей, вышедших из деревни, не вспомнит примеры таких учителей? Трудным же было у них начало, как, впрочем, и вся жизнь.

Вместо выводов по пятому «этюду»

Вроде бы все, о чем речь в этом этюде, узнаваемо и даже неплохо знакомо. — Не впервой в нашей истории «поповичам» отказываться от образа жизни своих отцов. Каждый второй из «шестидесятников» прошлого века был из этого сословия. Достаточно вспомнить известных со школы Добролюбова, Чернышевского, Антоновича, Помяловского, да и В.О. Ключевского. Кстати, ведь они входили в жизнь тоже, когда рушилась Россия... крепостническая. Но они входили сами. И отказываться от образа жизни, иногда и от духовного наследия своих отцов их заставлял самостоятельный поиск истины. И они не выпячивали, не демонстрировали специально своего отказа. Просто они занимались, увлеченно занимались своим делом, которое стало делом всей их жизни.

Здесь другое.

Этих «поповичей» заставляла отказываться внешняя, посторонняя сила, отказываться вслух, принародно. И требовала, как минимум, отдельного проживания. Все было грубее, примитивнее, мельче. Применение теории деления общества на классы к такой тонкой материи, как семейные, родственные отношения, ничего хорошего не могло дать ни человеку, ни обществу. И не дало. — Они вынуждены были, чтоб выжить и жить, при-

нимать условия. Отказывались и уходили из родных семей. После этого и за это получали возможность работать счетными работниками, библиотекарями, учителями и проч. Они начинали функционировать в обществе с заданным властью количеством степеней свободы.

Дети священнослужителей... По тем временам в деревне они были самыми образованными среди сверстников, многие успели поучиться еще в гимназиях. Слепо пойти за новой доктриной они вряд ли могли. Они должны были её понять, осмыслить и, только поняв, могли принять, поверить и пойти. А то, что они видели вокруг, что они испытали на себе, мало этому способствовало. Добролюбовским «сокровищам душевной красоты» не суждено, очевидно, было реализоваться ни у сестер Ширяевых, ни у брата и сестры Калининковых, ни у Горского. Ушибленные противоестественным, насильственным отказом, личности могли ли дать всплеск духовности... Да этого от них и не требовали. — Им ничего не оставалось как существовать..., работая.

Не раскрывшиеся по тем или иным причинам потенциальные возможности многих, многих личностей из разных слоёв общества... Человек, исполняющий роль функции (и ценимый только за это), от которого берут и требуют то только, что нужно (в соответствии с очередной доктриной) на потребу сегодняшнего дня... Недавний взрыв и сегодняшнее онемение, — они из тех лет, из прошлого.

Говорят сегодня: времени нужен человек хваткий, ходкий, деловой... Сегодня?! — А образованный, культурный, размышляющий?

Этюд 6. «...Не желал и не стремился заниматься нетрудовым доходом в религиозных культах, считая это позором...»

Всякое случалось в семьях священнослужителей в те годы... на так называемой «классовой» основе. Не только дети отрекались от отцов и публично заявляли в той или иной форме об этом. Отцы отказывались от сана и, как это было принято, с обязательной публикацией этого отречения в газетах. Документы рассказывают и о других случаях. Бывало, что отцы, чтоб как-то «обезопасить» детей своих, дать им возможность найти место в новых условиях, в новой жизни, оставляли свою землю, официально передавали её сельсовету или, если удавалось, оставляли ее детям, и... уходили от семьи, «исчезали». Находили себе место подальше от родных, поглуше и продолжали свою службу Богу... до поры, до времени.

Всякое бывало, — документы бесстрастны.

В документальном отражении во многом характерна история семьи Петропавловских. И необычностью ситуации в отношениях, сложившихся внутри семьи. И редко встречавшейся в это время позицией сына по отношению к отцу-дьякону, когда он во всеуслышание заявил о своем долге заботиться о стариках-родителях. И обычным вздорно-настороженным, недоверчивым отношением к людям со стороны председателя сельсовета в сложившейся необычной, нестандартной ситуации в человеческих отношениях, которую ему не постичь. И грамотно поставленной сыном защитой, хорошо подобранной и четко сформулированной в «заявлении» аргументацией в защиту интересов семьи, что тоже было большой редкостью. И даже тем, что в этой аргументации — открытые доносы на соседей, знакомых. Во всём — характерный цвет времени, всё — как оно было.

Итак, — документы.

«Решение.

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, 1923 г., декабря 28 дня.

Семеновская волостная земельная комиссия в составе: Председателя Рожкова и членов комиссии Зайцева и Волженкова, рассмотрев настоящее гражданское дело, гражданина погоста Старое Дворище Петропавловского Анания Матвеевича о передаче земли в количестве 4-х десятин сыну своему Павлу Ананьеву и выслушав показания истца и ответчика и члена церковного собрания, волземкомиссии постановила:

Руководствуясь земельным кодексом, раздел 1, часть 1-я, статьи 18-19-20, означенная земля, сдаваемая гражданином Петропавловским Ананием в количестве 4-х десятин передать в общее пользование его сыну Павлу Ананьеву и при этом же означенный гражданин, которому передается земля в религиозном культе не состоит и в новом договоре означенная земля за общиной не числится.

Решение окончательное, но может быть обжаловано в Уземкомиссию в кассационном порядке в двухнедельный срок». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 23, 1 ч., л. 254).

«Справка.

Дана настоящая Семеновским райсельсоветом гр. погоста Старое Дворище Петропавловскому П.А. в том, что последний является главой семьи с 24-25 гг., т.е. с того момента, когда земля служителей культа была назначена к отбору, и до сих пор считается домохозяином.

14.1.1929 г. Председатель сельсовета Смирнов». (ГАКО, Ф. р.2666, оп. 3, д. 23, 1 ч., л. 255).

«Выписка

из протокола заседания Семеновской волостной избирательной ко-

миссии 8.1.1929 г.

Слушали: Заявление о лишении избирательных прав граждан Семеновской волости.

Постановили: Лишить избирательного права Петропавловского Павла Ананьевича, как члена семьи лишенного избирательных прав (сын бывшего дьякона), нелояльно относящегося к Советской власти». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 23, 1 ч., л. 244).

«Семеновскому ВИКу.

Просмотрев материал по восстановлению избирательных прав гражданства Петропавловскому, Семеновский сельсовет дает следующее отношение:

1. На указанную Петропавловским службу в советских учреждениях сельсовет считает, что в продолжении службы со стороны Петропавловского общественно-полезной работы не было совершено.

2. А также в беседах с гражданами со стороны Петропавловского проскальзывает нелояльное отношение к Советской власти.

3. Хозяйство Петропавловского является выше среднего.

Подытоживая все вышеизложенное сельсовет считает лишение прав гражданства Петропавловского П.А. вполне правильным и настаивает на этом решении.

Председатель сельсовета Смирнов. Секретарь Мазин». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 23, 1 ч., л. 247).

«В Кинешемский Уизбирком через Семеновский волисполком гр. погоста Старое Дворище Семеновской волости Петропавловского П.А.

Заявление.

Постановлением сельизбиркома, утвержденным волизбиркомом 8 сего января, я лишен избирательных прав как сын бывшего дьякона и нелояльно относящийся с Советской власти.

Постановление это я считаю неосновательным по следующим причинам:

1. Избирком меня считает сыном служителя религиозного культа, т.е. живущим на нетрудовой доход отца, между тем отец мой имеет 74 года и с должности дьякона уволился в 1923 году, в чем прилагаю удостоверение приходского совета церкви, и с тех пор не имеет никаких доходов и находится на моем иждивении.

2. С 28 декабря 1923 г. отец мой А.М. Петропавловский, ввиду нетрудоспособности своей, передал мне свое хозяйство и я с тех пор являюсь главой семьи, что видно из прилагаемого решения волостной земельной комиссии и справки Семеновского сельсовета от 14 января с. г.

3. Из справки сельсовета видно, что сельсовет пристрастно относится

ко мне, т.е. старается затормозить восстановление прав гражданства, добавив в справке слова «с того момента, когда земля служителей культа была назначена к отбору», между тем это неверно, т.к. земля служителей культов, не зарегистрированная в земельных органах, предназначалась к отбору лишь в 1927 году по постановлению ГубИКа от 18 марта №90, а не в 1923 г., почему никакого умысла при передаче земли не было, а таковая была передана исключительно по нетрудоспособности отца.

4. Основное занятие мое — сельское хозяйство без наемного труда. Обрабатываю личным трудом 5 дес. земли, имею семью в 4 чел. при двух нетрудоспособных, дом, амбар, сарай, 2 др. хозпостроек, 1 лошадь, 1 корову. Возраст членов семьи: я сам 27 лет, отец 74 года, мать 67 лет и сестра 20 лет.

5. Что касается моей якобы нелояльности к Советской власти, то это сущая несправедливость, т.к. я, окончив школу II ступени, поступил на должность учителя с 15.X.20 Зоймищенской школы и уволился 1.1.21 г. по призыву в ряды Красной Армии.

С 1923 по 1924 г. служил в Клеванцовском ВИКе на должности делопроизводителя военного стола, причем удостоверения о службе не могу представить ввиду ликвидации Клеванцовского ВИКа.

С декабря 1924 по июнь 1925 г. служил в Семеновском ВИКе в должности конторщика и волстатистика, о чем прилагаю удостоверения от 14.1.с.г.

С 1.VI.25 г. по 1.VII.26 г. служил зав. канцелярией 11-го финансового участка Кинешемского уезда, на что прилагаю удостоверение от 23.I. за №110.

С 5 июня 26 г. по 30 мая 28 г. служил кассиром-делопроизводителем Семеновского кредитного сельскохозяйственного товарищества, на что прилагаю удостоверение от 20. V. 28 г. за №631, где уволен по случаю сокращения штатов и в настоящее время состою безработным.

С 1 сентября 1925 г. состою членом профсоюза, что видно из имеющегося у меня членского билета Союза сельхозрабочих за №4308.

6. Если бы я был фактически несочувствующим Советской власти, то наверное был бы лишен прав гражданства с начала революции, между тем лишен лишь, спустя 11 лет, и только тогда, когда стал безработным.

7. Никаких замечаний во время службы в советских и общественных учреждениях о моей якобы нелояльности или по службе я не получал и удивляюсь откуда волизбирком мог заключить о моей якобы нелояльности к соввласти. Я думаю, что предполагать нельзя, а только можно основываться на фактах.

8. Пристрастное лишение меня избирательных прав со стороны сель-

избиркома видно из того, что сосед мой Николай Иванович Весновский, сын попа, почему-то не лишается прав гражданства, между тем отец его и до сих пор служит в религиозных культах и имеет нетрудовой доход, а Николай Весновский работает на Томском химзаводе в конторе. И подобных ему членов семей, живущих на нетрудовой доход и в то же время состоящих на службе, масса, однако избирательных прав они не лишены. И сопоставляя меня с ними, я не могу понять, что взято за основу сельской комиссией, чтоб лишить в то время как отец мой 6 лет не служит дьяконом.

9. Ссылаясь на мою нелояльность, волизбирком не считается с тем, что я с начала революции имел желание служить в советских учреждениях, а не желал и не стремился заниматься нетрудовым доходом в религиозных культах, считая это позором, а также и теперь, находясь безработным и не имея достаточной доходности к существованию от сельского хозяйства, намерен служить на советской службе, что доказывает мое сочувствие советской власти, и лишение гражданских прав не дает мне возможности использовать свое искреннее желание работать на пользу строительства соввласти.

10. Нельзя даже предположить, что я не сочувствовал Советской власти и потому, что ничего плохого я от нее не видел, а наоборот, за улучшение ведения своего хозяйства получал денежные премии: 1) в 1925 г. за применение сортового материала полевых культур — премия 1 разряда, 15 руб., на что имею свидетельство УЗО от 10.X.25 г., 2) за представленную племенную кобылу с приплодом — премия 1 разряда; 15 руб., на что имею свидетельство УЗО от 10.X.25 г. В 1927 году по разрешению Ивсельбанка получена долгосрочная ссуда 200 руб. на устройство показательного двора.

Из этого видно, что я считался трудовым элементом, почему и поощрен к лучшему ведению сельского хозяйства, несмотря на это, по инициативе отдельных представителей сельской власти и общественных организаций я зачислен в число лиц нетрудового элемента просто по недоразумению или пристрастно, чем подрывается мое стремление к улучшению сельского хозяйства.

11. Если сельский и волизбиркомы считают меня нетрудовым элементом только потому, что я живу в одной семье с отцом, бывшим дьяконом, и не произвел с ним раздела, то это грубая ошибка, т.к. я являюсь главой семьи, и на иждивении отца, старика 74 лет, не состою, а наоборот, он по своей старости и инвалидности и мать 67 лет состоят на моем иждивении, а в случае раздела с ними все-таки я обязан их кормить до смерти, а не оставлять их на произвол судьбы. Других же братьев, которые могли бы остаться при разделе с ними, у меня нет.

Приводя вышеуказанные доводы, прошу Уездную избирательную ко-

миссию постановление Семеновского волизбиркома отменить и восстановить меня в правах гражданства, чем дать мне возможность быть полезным обществу и Советской власти, попрежнему использовать меня на работе в Советских учреждениях, не отталкивая меня с пути моего стремления к полезному труду, т.к. я фактически являюсь трудовым человеком и сочувствующим Советскому строю и даю обязательство попрежнему работать честно на пользу общества.

1929 г. 20 дня января.

В дополнение к сему сообщаю: состоял на службе в Семеновском Лапотном кредитном сельскохозяйственном товариществе, был на выборной должности члена комиссии по охране труда (удостоверение 23.1.29 г.)». (ГАКО. Ф.р. 2666, оп. 3, д. 23, 1 ч., л. 248-249).

«Выписка.

из протокола заседания Семеновского волисполкома от 20.IV.1929 г.

Слушали: Материал на гр. Петропавловского Павла Ананьевича погоста Старое Дворище, заведенный на предмет лишения его избирательных прав.

Постановили: Ввиду того, что поводов к лишению Петропавловского П.А. нет, все представленные им данные характеризуют его исключительно с хорошей стороны, лишение его признать неверным.

Тов. Петропавловского П.А. считать как лицом, имеющим избирательные права». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 23, 1 ч., л. 246).

После этого Кинешемский окружной исполком на своем заседании 10 мая 1929 г. принял решение «с постановлением ВИКа согласиться», и Петропавловский П.А. был в правах избирателя восстановлен.

Вреде бы закончилась данная история. Но через некоторое время в очередной папке с «делами лишенцев» обнаружено новое «дело» этой же семьи, относящееся к 1930 году.

Итак, — еще документы.

«В Семеновский РИК

19.1.1930 г.

от гр. пог. Старое Дворище Петропавловских Анания Матвеевича и Анны Михайловны.

Заявление.

Прошу президиум Семеновского райисполкома восстановить меня и мою жену в правах гражданства, т.к. с 1923 года я не пользуюсь нетрудовым доходом служащего религиозного культа. Имея старческие года, седьмой год живем на иждивении сына, не имея никаких заработков. Со дня революции ни в чем замешаны или подсудимы не были и в настоящий момент являемся сочувствующими Советскому строю». (ГАКО, Ф. р.2666, оп.

3, д. 24. (т.1), л. 199).

«Заключение на Петропавловских
12.11.1930 г. Анания М. и Анну М.,
м. погост Старое Дворище.

Поскольку Петропавловские, как служители культа, к Советской власти относятся плохо. По мнению сельсовета в просьбе отказать.

Предс. сельсовета Смирнов». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, (т.1), л.300).

«14. II. 1930 г. Выписка из протокола заседания
президиума Семеновского РИК,

Слушали: Заявление Петропавловского А.М. и Петропавловской Анны М. о восстановлении в избирательных правах.

Постановили: Как бывшему служителю религиозного культа, нелояльно относящихся к мероприятиям Советской власти, с заключением сельсовета согласиться, в просьбе Петропавловским отказать». (ГАКО. Ф. р.2666, оп. 3, д. 24, т.1, л. 198).

На листке с заключением сельсовета в левом верхнем углу наискосок (как и положено было «накладывать» резолюции) запись:

«к 5.IV.30.

1. Отказался ли Петропавловский от сана священника и когда об этом была публикация в газете.

2. Чем занимается сын Петропавловского и почему он не лишен избирательных прав.

(Подпись неразборчива. – Б.Г., О.П.) 27.III.30 г.»

Обращает на себя внимание факт, что «резолюция наложена» в конце марта и предлагается ответ дать к 5 апреля, т.е. все это сделано уже после решения РИК, отказавшего старикам в просьбе. Стало быть, логично предположить, что история эта для их сына имела продолжение... Но документы эти по какой-то причине в архиве или не отложились или пока не найдены. О дальнейшей судьбе Петропавловских пока можно только высказывать предположения и... искать.

Вместо выводов по шестому «этиуду»

Безусловно, в социально-классовой структуре деревни семьи священнослужителей выделялись заметно. Они были на виду. К 30-м годам уже и в деревне этот слой отличался довольно высоким уровнем образования. Особенно молодёжь в этих семьях. Может быть, и поэтому в «делах» священнослужителей, кажется, особенно как-то высвечиваются, отражаются все противоречия времени, всё многообразие их проявлений в общественной жизни деревни, в общежитийских отношениях с соседями, с односельчанами, в семьях среди родственников. В пожелтевших бумажках с выцветши-

ми чернилами, стершимся карандашным текстом действительно просматриваются многие противоречия: от принципиальных до мелочных, возводимых иногда кем-то в ранг чуть ли не основных и главных, от действительно существовавших в реальной жизни до выдуманных усердными служителями «идеи», от экономических и мировоззренческих до личностных, своекорыстных, прикрываемых «идеологизированной» шелухой.

В самом деле, 74-летний бывший дьякон и его 67-летняя жена — классовые враги, мешающие утверждению нового строя, которого хотят массы народные? Дурно звучит... В 29-м и 30-м годах их еще не выселяли, но их старательно делали изгоями в сельском обществе, — это было непросто. А потом стали рушить церкви, жечь иконы. Старики в Островском рассказывали, что ими растапливали печь в пекарне... И признать надо, что не чужими руками это делалось. Почти в каждом селе — по воспоминаниям тех же стариков — находились «свои» исполнители и даже инициаторы этих варварских актов.

Винить ли их... В нормальной общественной атмосфере вряд ли кто из них додумался бы до этого, а еще меньше решились бы совершить, — ведь перед обществом в селе ответ держать. Было ли тогда в селе, в деревне общество? — Ответ стали держать перед сельсоветом, активом бедноты, РИКом и т.п. «избранными» структурами власти. А общество и общественное мнение... Каким оно могло быть и было после трех революций и трех жестоких войн начала века... Да ещё при повседневном поддержании напряженности общественных отношений и постоянном состоянии борьбы с кем-либо, за что-то. Появление подобных «своих», способных на... обусловлено, очевидно, все-таки общим состоянием окружающей среды, степенью нравственного её здоровья. Здесь не идеология и даже не политика. Здесь общественная болезнь, в той или иной степени поразившая каждого, — так думается после близкого ознакомления с документами, приведенными в этюдах.

И опять: что-то хочется понять о нас сегодняшних... не покидает мысль о похожести многого. Уж очень заметно стремление многих хоть чем-нибудь поддерживать ежедневно состояние напряженного ожидания... в обществе. Экономика ли сегодня главное в упорядочении жизни нашей? Ведь «в начале было Слово»! У Бога оно было, и обращаться бы с ним по-божески научиться, бережнее употреблять, что ли...

ВМЕСТО ВЫВОДОВ по всем «этюдам»

Десятки папок с подобными пронзительными документами, — бесстрастными свидетелями времени. Одни папки с просмотренными уже делами уносят, приносят следующие. А документы рассказывают все боль-

ше и больше о крестьянах Семеновского-Лапотного, Спас-Заборья, Адищева, Заозерицы, Гуляевки... о разных крестьянах различных деревень Семеновской округи. Рассказывают разное. А кажется, что все они об одном, — о беспощадной борьбе с прошлым, с памятью о давнем и недавнем прошлом и с активными носителями этого прошлого под видом борьбы за светлое будущее, когда всё «сегодняшнее» заполнено только этой борьбой, только этим содержанием и наполнено.

Приведенные в этюдах документы, может быть, не дают права на такие выводы, а тем более не могут служить основанием для широких обобщений. Но, во-первых, не выводы делаем, а «вместо выводов» говорим об ассоциативно возникающих при чтении документов мыслях. Во-вторых, приведенные здесь документы — малая часть из многих сотен таких же. В-третьих, не теоретического спора ради о возможных и неиспользованных путях развития в 20-е и 30-е годы, об истинности марксистской теории, о правоте или неправоте Ленина, Бухарина, Сталина затеяна данная публикация. Подобный спор не для этого издания, да и сколько их уже было... (Хотя, надо сказать, что при чтении этих документов критическая мысль, исповедующая законы марксистской диалектики, всегда присутствует. Тут уж никуда не денешься...). Предпринята эта публикация потому только, что чтение «дел лишенцев» буквально заставляет думать о нас сегодняшних... в связи с этими событиями рубежа второго и третьего десятилетий нашего столетия.

В самом деле, знакомясь с ними, не можешь отделаться от желания рассмотреть, что же все-таки лежит за этой бурной поверхностью явлений в самой глубине общественной жизни, понять, почему и кому стало так ненавистно прошлое тысячелетней крестьянской деревни. — Не потому ли, что в основе многовекового прошлого деревни нашей лежала частная собственность? — Из всего прочитанного видно, что в деревне борьба шла не «беднейших слоев крестьянства в союзе с середняками против кулачества как класса, за его ликвидацию». Нет. Борьба шла против этой самой основы прошлого, против частной собственности здесь, а стало быть, против крестьян-хозяев, крестьян — умелых, бережливых и сметливых тружеников, носителей вековых крестьянских традиций, крестьянского генного кода, который закладывает в каждом новом поколении здравый консерватизм: помирать собираешься, а рожь сей...

При этом все документы говорят, что о последствиях борьбы этой в будущем не думал никто, да и о будущем, наверное, мало кто думал, в него призывали верить, верили или начинали верить. Все было подчинено «сегодняшнему» дню, а «сегодняшний» день — борьба... за хлеб для города, за средства для пятилетки, за «бедноту» — против имущих, хозяйства ко-

торых сельсовет с «активом бедноты» на своих заседаниях называли и признавали «зажиточными», а самих их облагали сельхозналогом в «индивидуальном порядке» (как Бог на душу положит), давали «твердое задание» по сдаче сельхозпродуктов, причисляли к кулакам, или вспоминали — у кого в семье кто-то когда-нибудь торговал, имел порошковый завод, скупал по деревням лапти и возил на продажу в другие губернии, и объявляли, что эта семья живет на нетрудовые доходы, лишали все семейство «голоса» — «прав гражданства». Рушились крепкие хозяйства, большие семьи, рвались корневые и родственные связи...

За всем этим — искалеченные души и ущербная дальнейшая жизнь и стариков и молодежи (и в тех даже семьях, которые не были выселены). За всем этим — не переданный опыт, духовные и нравственные ценности многих поколений множества семей и крестьянских родов, не освоенные молодежью целые пласты народной культуры. За всем этим — недополученное тепло семейного очага, отсутствие традиций в семейных и родственных отношениях, самобытной крестьянской культуры общения, незнание своих родовых корней, социальных и духовных истоков у многих миллионов людей в новых поколениях, пренебрежительное их отношение к этим знаниям. В итоге — нивелирование, размывание и стирание таких понятий, которые начинали считаться архаичными, неклассовыми, ненужными («предрассудками буржуазной культуры»), как стыд и совесть, самостоятельность и гордость, честь и достоинство, верность слову и законам дружбы и родства, почтение старших, поминовение усопших и память о них...

Ведь это уже о нас. Надо ли удивляться примерам душевного склероза, сердечной недостаточности, потери общественного сознания людей в наше время. Это во многом — от безродности души и в историческом и социальном пространстве. Это те самые «свои последствия» прошлого, которые оно, «уходя, не умело убрать». Да и не его это дело, а наше — предвидеть последствия творимого... — Читаешь эти документы, содрогаешься, возмущаешься, а не можешь оторваться и не перестаешь думать: зачем же мы сегодня умножаем то, что натворили тогда... Умножаем, когда одна «святая» неправда о прошлом поспешно заменяется и вытесняется из общественного сознания другой, когда в сегодняшней борьбе за власть Историю нашу откровенно «используют» в своих интересах различные политические группы и группировки, вновь пытающиеся по-оружелловски «управлять прошлым», чтоб получить возможность «направлять будущее» по-своему... Вновь сознательно разрушили созданное, — ладно, не привыкать нам, «опыт» имеем... Но отрицать сделанное и издевательски оплевывать прошедшее и прошедших за последние семь десятков лет, зачем же, кажется? В угоду опять сиюминутному «сегодняшнему». Вот уж действительно,

“дикость, пошлость, невежество не уважать прошедшего, пресмыкаясь только перед настоящим”. Прав А.С. Пушкин, на все времена прав. Так было и в 1929 году, так и в 1998... Не плевать бы в прошлое-то надо, а изучать бы всем народом и анализировать, чтобы знать свою Историю и выводы делать, пока не наступил склероз всего нашего общественного организма.

Сколько раз нам говорилось, что история всегда поучительна и, в этом смысле, — всегда современна. Общество без знания своей истории (во всех и всяких проявлениях жизни) не может быть и не станет нравственно, не даст всплеска духовности и гражданственности. И очевидно, что начало исторического оптимизма — в памяти о прошлом и прошедших, в её обретенных, в её уроках. Больше его взять негде. Только народ, помнящий и осознавший своё прошлое, осознает себя и творцом своего будущего, своей истории и станет им. Станет не просто — хорошо или плохо — хранить наследие, а выступит наследным хозяином духовного и материального богатства прошлого, ответственным перед потомками за его развитие и приумножение.

Хочется, ох как хочется, чтоб сбылось пророчество В. Высоцкого: “Наши мертвые нас не оставят в беде”. Знать бы только о них всё и помнить...

* * *

Б. Козлов (Кострома)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ КОСТРОМЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Глава 1. Деятельность костромской творческой интеллигенции в 1941–45 гг.

С 22 июня 1941 года костромичи, как и весь советский народ, начали жить по законам «священной войны». Она обусловила специфику литературной жизни города и края, определила судьбу каждого писателя-костромича. Большинству довелось, пройдя дорогами войны, вернуться домой, как правило, после тяжёлых ранений. У тех, кто по состоянию здоровья или другим причинам остался в Костроме, судьба складывалась по-разному. Репрессированному и поэтому отлучённому от литературы А.П. Алёшину было отказано в просьбе направить его на фронт и разрешено лишь принять участие в строительстве оборонных рубежей под Москвой, после чего он в 1943 г. умер, прожив всего 48 лет. В мае 1944 г. был арестован и осуждён поэт Н.А. Орлов. Из блокадного Ленинграда в 1942 г. вернулся в Кострому и активно включился в общественно-литературную жизнь известный писатель-костромич Вячеслав Лебедев. Вместе с ним и вслед за ним в Кострому эвакуировались ленинградские литераторы: кинодраматург Н.А. Саламанов, поэтесса Вера Скворцова, очеркист Галина Остапенко. Приехали и некоторые ленинградские артисты. Костромские и ленинградские

* Этот очерк является продолжением следующих публикаций: «Литературная жизнь Костромы в первое послеоктябрьское десятилетие» — Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры. Вып. 2. Кострома. 1992; «Литературная жизнь Костромы в 1930-е годы» — Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Вып. 3. Кострома, 1995.

писатели и актёры организовали концертные бригады, выступавшие на предприятиях и в госпиталях; сбор от их платных концертов в клубах и других культурных учреждениях шёл в пользу фронта. Особенной популярностью славилась концертная бригада, организованная костромским поэтом Н. Орловым и ведущей артисткой ленинградской государственной эстрады Зинаидой Андреевной Колчиной.

Война разделила костромских литераторов на сражавшихся на фронте и работавших в Костроме. Ушли на фронт Евгений Осетров, Алексей Никитин, Виктор Хрящёв, Александр Часовников, Алексей Румянцев. Они присылали в «Северную правду» насыщенные реалиями войны стихи, корреспонденции, очерки, рассказы, фельетоны, публиковавшиеся под рубриками «Письма земляков-фронтовиков», «Творчество земляков-фронтовиков», «Костромичи в боях за Родину». Здесь же печатались красноармейцы и командиры, не имевшие профессионального статуса литератора, но решившие обратиться против врага и второе оружие — перо или карандаш. Некоторые из них были рабкорами и селькорами, до войны писавшими в «Северную правду» или «Северный рабочий», в 1936–44 гг. являвшийся газетой Ярославской области, частью которой в эти годы был и костромской край. Отмечая их заслуги, «Северная правда» писала: «Десятки бывших костромичей-рабкоров ушли на фронт, и многие не теряют связи с газетой, например Фёдор Кульков, бывший селькор. Кульков прошёл путь от селькора до журналиста. Сейчас он на фронте и часто пишет в свою родную газету. Его селькоровское перо так же метко разит фрицев, как и снайперская пуля. Сержант Кульков активно участвует во фронтовой печати. В нашу газету он пишет о боевых заслугах земляков... Бывшие рабкоры газеты Евгений Осетров, Михаил Кулапин, Иван Суриков и на фронте не теряют связи с газетой... Часто пишут наши земляки Н. Скопец, И. Беликов, А. Гусев, А. Волин* и другие...» (А. Соловьёв. — Наши военкоры, СП, 1943, 5 мая, с. 2).

Те, кто не ушёл на фронт (Н. Орлов, Н. Соколов, В. Лебедев, Г. Милова, С. Степанова, Е. Павлова и др.), вместе с «ленинградцами» активно включились в общественно-оборонную работу и литературное сотрудничество, стали сплочённым коллективом. В 1944 году, в связи с обретением Костромской областью административной самостоятельности, встал вопрос о создании в городе литературного объединения.

Пока же при редакции «Северной правды» под руководством Н. Ор-

* Ал. Волин — псевдоним Алексея Ивановича Никитина, что подтвердили жена писателя Л.Н. Путинцева, а также С.Г. Степанова и И.А. Гашин. Он пользовался псевдонимом, пожалуй, даже чаще, чем фамилией, особенно подписывая стихи, посылаемые с фронта (см.: «Северная правда», 1943, 30 мая).

лова действовала литературная группа, особенно продуктивно в 1943 году. На её собраниях обсуждались новые произведения; её участники организовывали встречи с читателями. 22 февраля 1943 г. её усилиями был подготовлен и вышел в эфир первый костромской литературный радиоальманах, в котором выступили Н. Саламанов, А. Чичерин, В. Скворцова.

Костромские литераторы организовывали литературно-художественные вечера, являвшиеся «смотром творческих сил города» (Н.А. Щавелкина. Литературно-художественный вечер. — «СП», 1943, 24 апреля). Даже в самые тяжёлые времена военной страды проводились и персональные творческие вечера-отчёты костромских писателей; например, в июне и октябре 1942 года состоялось обсуждение драмы В. Лебедева «Максим Горький» и вечер об итогах его творческой деятельности (а это было время кануна и начала Сталинградской битвы). В 1943 и 1944 гг. в Костроме были проведены вечера с приглашением ярославских писателей.

Костромские литераторы постоянно поддерживали связь с местными музыкантами и актёрами театра. Вот афиша одного из вечеров-концертов:

Костромская детская музыкальная школа
Суббота, 12 декабря 1942 г.
ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР ПОЭТА НИКОЛАЯ ОРЛОВА
Вступительное слово о творчестве поэта
скажет ленинградский писатель Н. Саламанов
В концерте принимают участие артисты
Городского театра им. А.Н. Островского
П.В. Брянский и А.М. ТАЛИСМАН, солист
джаз-оркестра текстильного института
Д. Парфенов, Т.П. Преображенская, М.А. Горохова
и другие
У рояля композитор П.А. Преображенский
Начало концерта в 6 час. вечера

В годы войны Костромской драмтеатр поставил много спектаклей, обращённых к патриотическому чувству зрителей: «Козьма Захарьин Минин-Сухорук», «Надежда Дурова», «Парень из нашего города», «Русские люди», «Фронт», «Нашествие».

Летом 1943 года театральная бригада артистов-костромичей выезжала на фронт в воинские части, в которых было много земляков. В это время директором городского театра был Н. Саламанов. Он же вёл в «Северной правде» и театральную хронику. Другим «посредником» между театром и зрителем, автором театральных рецензий был А.В. Чичерин, заведующий кафедрой литературы и языка Костромского учительского института.

Костромские литераторы не теряли контакта и с земляками-художни-

ками Н. Шлеиным, М. Колесовым, А. Яблоковым, А. Рябиковым, В. Беляевым и другими, публикуя заметки о их творчестве, отдельных работах и тематических выставках. Уже осенью 1944 г. обретшие организационную самостоятельность костромские художники подготовили первую областную выставку.

Творческая жизнь костромской интеллигенции постоянно отражалась «Северной правдой» и «Северным рабочим». На их страницах происходила «встреча» литераторов-фронтовиков и работавших в Костроме и Ярославле. Конечно, для организации регулярной общественно-литературной жизни потребовалось время, и поэтому газеты, возмещая количественный и качественный дефицит литературного материала в начале войны, прибегали к перепечатке его из центральной прессы. Периодически это делалось и в течение всей войны. Публиковались публицистика и проза И. Эренбурга, А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева, Б. Горбатова, Б. Полевого, В. - Лидина, Ю. Германа, В. Гроссмана, Л. Соболева, стихи В. Лебедева-Кумача, А. д' Актиля, Н. Тихонова и других.

Со временем набирает силу творческая деятельность костромских поэтов и прозаиков, и уже с конца 1942 г. «Северная правда» начала регулярно публиковать их разнообразные по жанру и стилю произведения, объединённые темой Отечественной войны.

Глава 2. Костромская поэзия 1941–45 гг.

«Эта поэзия родилась с первыми залпами Великой Отечественной войны. Мужественная и искренняя, она пронизана великой моральной силой, нравственной чистотой, стойкостью и ненавистью к фашизму», — справедливо отметил Б. Гусев в статье «Строки мужества» (Молодой ленинец, 1967, 9 мая).

Конечно, стихи первых месяцев 1941 года несли в себе дежурно-агитационный заряд, инерцию шапкозакидательских тенденций, характерных ещё для поэзии кануна войны:

Нас не тронь, не лезь и не грози,
Помни, враг, что шутки плохи с нами.
Никому не выпачкать в грязи
Над страной развёрнутое знамя!
... Мы пройдем сквозь пламя и сквозь дым,
Гневом бомб на головы обрушась,
Никому вершка не отдадим

Ни воды, ни воздуха, ни суши...
Мы пройдем болота и снега,
Прнося победу за собою,
Чтоб не смели хищники врага
Пачкать наше небо голубое,
Чтоб гуляли вольные ветра
По стране обильной и могучей,
Чтоб дымили фабрики с утра,
Самолёты врезывались в тучи,
Чтоб, когда последний стихнет бой,
Отдохнув, сказать совсем немного:
«Родина! Отныне над тобой
Не нависнет чёрная тревога!
Навсегда исчезли рубежи,
Ничего с тобою не случится.
... Вот теперь спокойно можно жить,
Отдыхать, работать и учиться!

(И. Мартьянов. Мы готовы! — «Сев. правда», 1941, 25 июня).

Подлинный трагический ход событий пока противоречил содержанию этих и им подобных стихов, которые будут изживать фальшь дежурного оптимизма, наполняться исторической правдой лишь в ходе войны, в муках, ценой которых была достигнута Победа. Если бы под этими стихами стояли даты: «1945», «1944», — они воспринимались бы иначе...

Газетные страницы начального периода войны не случайно заполнялись безымянными стихами-лозунгами, часто печатавшимися в виде «шапки» газетной полосы. Вот их образцы из «Северной правды» начала июля 1941 г.: «Обороняй свою страну /В бою и мастерских./ Ушёл товарищ на войну — /Работай за двоих!»; «Колхозница! /Братьев на фронт провожая/, Их замени на фронтах урожая!» («СП», 6 июля), ещё: «Сражайся, грозен и суров, /За мирный труд и отчий кров!»; «Сплотим всю мощь, /Всю нашу силу: /Фашисту выроем могилу!» («СП», 10 июля). Сама анонимность этих стихотворных лозунгов была своего рода всеобщим ритуалом, внешним выражением которого и стал, как отмечают исследователи поэзии 194–45 гг., «стиль общих слов». Надо сказать, что поэты, как бы извиняясь перед читателями, просили их (в том числе и критиков) воспринимать их стихи как «не-поэзию», например С. Орлов:

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чём.

Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашёл в воронке под огнём...

(С. Орлов. Избранное. М., «ХЛ», 1988, с. 3).

Показательно и признание С. Кирсанова в том, что «... часто в газетную фразу /Уходит живая строка... (стих. «Долг», 1942). Очень часто, особенно в начале войны, искреннее чувство, наполняясь публицистическим пафосом, «отливалось» в форму «газетной строки». Это вовсе не означает, что стихотворная публицистика была не нужна: она была востребована временем. Например, агитплакат «За правое дело», написанный поэтом-костромичом Николаем Орловым, многократно исполнялся в начале войны в концертах артистов городского театра и пользовался большим успехом.

Фронтальная поэзия воинов-костромичей

Первые стихи фронтовиков с пометкой «Действующая армия» появились в «Северной правде» уже в начале 1942 г. после разгрома немцев под Москвой и были посвящены этому знаменательному событию:

... Москва богатырский свой меч подняла,
Не раз как его поднимала,
И страшный удар по врагу нанесла
Всем гневом людей и металла.
Зверь лютый на Запад уходит, рыча,
Он лижет кровавые раны.
Но русская храбрость и сила меча
Прикончат навеки тирана.

(Алексей Рыкалин. Москва отомстит. — «СП», 1942, 14/II).

Следующие стихи А. Рыкалина после большого перерыва, связанного, очевидно, с отступлением наших войск к Волге, появились в начале Сталинградской битвы осенью 1942 г. В первом из них в полной мере использована внушающая сила «заклинающего» слова, сосредоточенная в публицистическом призыве и рефрене; здесь звучит и набат исторической памяти:

На бранных просторах привольного Дона,
В зелёных горячих кубанских степях
Пусть славой покроются наши знамёна
Бессмертную славой в тяжёлых боях.
За нами родимые волжские дали,
С тревогою смотрит на нас Сталинград.
Стоять за Отчизну, как предки стояли,
Стоять до конца, и ни шагу назад.
Встречай, как герой, эту наглую свору,

И если бывает в бою горячо,
Ты вспомни, как бился за землю Суворов,
Как Невский стоял за Отчизну с мечом.
Зовут сыновей материнские стоны,
Багровое пламя украинских хат.
На бранных просторах привольного Дона
Умри, как герой, но ни шагу назад.
В свинцовом дожде, в урагане пожаращ
Над нами три слова набатом гудят —
Ни шагу назад не отступим, товарищ,
Ни шагу, ни шагу, ни шагу назад!

(Алексей Рыкалин. Ни шагу назад. — «СП», 1942, 23/IX).

Во втором стихотворении «заклинание» вложено в уста русской женщины, взывающей к гражданскому долгу и мужской чести солдата:

Я не стану звать тебя любимым,
Ты подругой не зови меня,
Если ты в седых разрывах дыма
Испугался вражьего огня...
Мать тебя не зря в руках носила,
Много лет в здоровье берегла,
Чтоб в огне рождённая Россия
Вечно жить свободно могла.

(Алексей Рыкалин. Тебе говорит она. — «СП», 1942, 24/X).

Часто присылали свои стихи в газету М. Кулапин, Ал. Волин (А. Никитин), Н. Скопец, бывшие рабкоры. В них часто звучал «костромской мотив», присутствовало ощущение «малой родины» как части Отечества:

...И не раз, признаюсь,
Мне казалось,
В городах
Полосы фронтовой
Будто схожее что-то
Есть малость
Со старинной
Моей Костромой...

(Ал. Волин. Родному городу. — «СП», 1943, 10/I).

«Я — сын трудового народа...»
Я вырос на русских хлебах,
Спокойные волжские воды
Качали меня на волнах.

С мальчишек влюблён я в родное
На устье Костромки село,
В раздолье России ржаное,
В мужское своё ремесло...

Ужели могу я спокойно
Смотреть на разбой палачей,
Ужели мне тоже не больно,
Как больно Отчизне моей!

Клянусь! Пока сердце не встанет
И кровь в моих жилах течёт,
Рука моя бить не устанет
Презренный коричневый сброд.

(Ал. Волин. Солдатская клятва. — «СП», 1943, 15/VIII).

Интересно в этом плане и стихотворение М. Кулапина «Пишу тебе письмо, любимый город...» («СП», 1942, 16/VIII). Любопытны попытки этого поэта-фронтовика создать «костромской вариант» русского национального характера, своего рода «Тёркина», в балладе «Родом с Волги» (цитирую в отрывках):

...Пришло пополнение, к нему вышли мы.
Во время знакомства один рассказал нам:
— А родом я с Волги, из Костромы...
— Ага, костромич! Ну мы город ваш знаем —
Лечили там раны, ходили там в сад.
Особенно в памяти мы сохраняем
Заботу о нас врача Державца...
С тех пор костромич был в особом почёте,
Понравился всем простотою лица,
Стрелял он отлично, и не было в роте
И даже в полку — веселее бойца...

Далее повествуется, как костромич был ранен, вынесен с поля боя товарищем, как тепло проводили его боевые друзья:

...Куда ж он поедет путём своим долгим?
Где город, где раны залечит ему?
Быть может, поехал он в город на Волге,
В родную сторонку, в свою Кострому?

(«СП», 1943, 14/VIII).

В годы войны было создано немало так называемых «именных» про-

изведений в стихах. Приведём полностью одно из них, написанное «с натуры» Н.Скопцом:

Слух идёт по батарее,
И уверен каждый в том,
Что когда-то был Киреев
В Костроме часовщиком.

Вечно занят, озабочен,
Часто крутит он усы.
Говорят, Киреев точен,
Как хорошие часы.

Залегла в лесу пехота,
Ей одной подчас невмочь,
И всегда с большой охотой
Он берётся ей помочь.

Пушка рывкает сердито,
Иней падает пушист.
Третий выстрел. «Цель накрыта!» —
Говорит телефонист.

Так громит фашистов ДЗОТы
Тёмной ночью, ясным днём
Дядя Коля, друг пехоты,
Управляющий огнём.

(Н. Скопец. Артиллерист. — «СП», 1943, 28/II).

Н. Скопец присылал в газету в основном очерки, но, как видим, ему удалось написать и стихи о реальном и конкретном солдате так, что каждая строчка здесь является удачной, «живой».

Нередко в стихах кстромичей-фронтовиков появляется «пейзаж» как «примета» родины. Он никогда в лучших стихах не был просто «картиной природы», что является общим «законом» «пейзажной» лирики в целом; он наполнялся необходимым смыслом с помощью «наращивания пейзажных деталей до их символического заострения» (М.Ф. Пьяных. — Ради жизни на земле. М., 1985, с.207). Так происходит, например, в стихотворении А. Волина (А. Никитина) «Зима»:

...Пусть снег идёт. Мы разберём,
Куда ведут следы.
Врагу ни ночью и ни днём

Не скрыться от судьбы.
Опять все белым замело,
И тишина кругом.
Пред нами русское село,
И мы его возьмём.

(«СП», 1944, 9/1).

На выразительном контрасте построено его стихотворение «Июнь»:

В ста метрах от меня враги,
А здесь черёмуха цветёт,
Стрижи порхают у реки,
Встаёт оранжевый восход...

Цветёт земля. Ликует жизнь,
Благоухает скатерть трав,
И с неба ласковая синь
Купает в воздухе ветра.

В ста метрах от меня враги.
Там ночь, там птицы не поют,
Земля-страдалица горит,
В краю своём ища приют.

Там смерть гуляет по дворам,
Там ворон чёрный вьётся в небе,
В полуночные вечера
В озёрах плачет белый лебедь...

(«СП», 1944, 25/VI).

Под «аккомпанемент» метелей последней военной зимы идут на запад бойцы в стихах Александра Часовникова из цикла «На фронтовых дорогах» («Ночь метельная», «Метель»). Здесь у людей и природы разные «заботы»:

...Нам идти недалеко...
Окружили снега ворохами,
Навалилась метель,
холодных холмов намела.
Далеко до села с огоньками,
с теплом, с петухами...
Хорошо бы дойти до такого
села...
Мы идём по сугробам

под злые напевы метели.
Ей — кружить и блуждать,
нам — шагать в темноте
без дорог.
Наши каски, шинели в снегу
поседали,
Устоим, победим и не свалимся
с ног.

(А. Часовников. Волгари. Стихи. — Кострома, 1947, с. 13).

А вот в раннем «новогоднем» стихотворении, написанном после разгрома немцев под Москвой, метельная русская зима — «союзница» Красной армии; детали «пейзажа» вписаны в обстановку войны:

Темногу пробил луны осколок,
Звёзды, как осколки от гранат.
Вот еще один отбит посёлок,
Истреблён ещё врага отряд.

В снежном море тонут мародёры...
Бьёт в лицо крылатая метель.
Скоро полночь встанет на просторах,
Новый год выходит под шрапнель.

Он простился с дедом бородатым,
До опушки леса проводил,
Взял винтовку, пристегнул гранаты,
По фашистам очередь пустил...

...По снегам, по черноте пожарищ,
Истребляя зачумлённый сброд,
С Новым годом, дорогой товарищ!
С новой силой на врага вперёд!

(А. Часовников. В эту ночь. — «СП», 1942, 1/1).

Желанным «гостем» литстраниц газеты был Евгений Осетров, работавший в разных литературных жанрах. Он написал много хороших стихов. Одним из первых было опубликовано стихотворение об однополчанах:

Пусть падают мины вокруг,
Пусть непогодь чёрная злится,
С катушкой отважно ползут
Чудесные люди — связисты.
Молчат молодые поля,

Но ниткою кабеля чистой
Исчертят фронтовой район
Чудесные люди — связисты.
Мы страха не знаем в бою,
Про нас ведь не зря говорится,
Что родину любят свою
Чудесные люди — связисты.

(Е. Осетров. Чудесные люди — связисты. — «СП», 1942, 28/VI).

Именно ему удалось написать свою «Землянку»:

Горит фитиль в заржавленной
жестянке,
За дверью ночь, за дверью
ходит мрак.
А мы сидим в сухой своей землянке —
Москвич, волжанин, парень-
сибиряк.
Трещит валежник в глиняной
печурке,
Мы с разных мест, но здесь
одна семья.
Взгрустнул товарищ о своей
дочурке —
Из дома что-то долго нет письма.
Но, может быть, письмо уже
в дороге,
Быть может, почтальон его несёт.
Споём, товарищ, чтоб забыть
тревоги,
О доме пусть гармонь твоя поёт.
Нас родина на грозный бой
созвала,
Нам родина оружие дала,
Нас ждёт ещё больших боёв
немало,
Нас ждут ещё великие дела.

(Е. Осетров. В землянке (На мотив песни «Письмо в Москву») — «СП», 1942, 10/IX).

Тема фронтовой дружбы, как известно, и в кино, и в солдатском фольклоре, и в литературе военных лет имела один особый вариант — братства двух верных боевых друзей. Е. Осетров нашёл свой путь его «решения»:

Земляки у нас служили —
Дружба горяча,
Два товарища, два друга,
Два костромича.
Батальон раз шёл в атаку,
Мне не умолчать,
Как сражались два друга,
Два костромича.
Грозно пушки рокотали,
Пулемёт стучал,
Но нигде не отступали
Два костромича.
Вместе письма получали
С родины своей,
И горели две медали
На груди друзей.
И одно не поделили,
Признаёмся мы,
Портрет девушки красивой,
Родом с Костромы.
И об этом часто спорят,
Мне не умолчать,
Два товарища, два друга,
Два костромича.

(Е. Осетров. Два костромича. — «СП», 1943, 30/V).

Отозвалась в поэзии Е. Осетрова и ещё одна популярная и знакомая читателю по замечательным стихам А. Твардовского, И. Уткина, М. Кульчицкого, М. Луконина, Ю. Друниной, А. Межирова, Б. Окуджавы, Ю. Белаша и других авторов тема — «поклонение» солдатской шинели, являющейся для воина буквально всем:

И в морозы, и в метель
Выручала нас шинель.
Выручала нас в июле,
И в бою, и в карауле.
С непогоды в дом войдёшь,
Мягкий хлястик отстегнёшь,
Пусть буран стучит в стекло,
Под шинелью нам тепло.
Эх, солдатская шинель,
Скатка боевая!

Через тысячи дорог
Мы прошли, родная,
Аккуратно сшитая,
Пулями пробитая.
Помнят вековые ели,
Как мы на привалах пели,
Как в лесах среди метели
Укрывали нас шинели.

(Е. Осетров. Шинель. — «СП», 1943, 21/II).

По стихам Е. Осетрова можно проследить фронтовые маршруты, которыми он прошёл с боевыми товарищами, «историю» и «географию» его войны, до тяжёлого ранения в 1943 году. «Песня о Десне» («СП», 1943, 3/X) была одним из последних стихотворений с фронта. Судя по осетровским публикациям, весной 1944 он уже начал работать в редакции «Северной правды» (7 апреля был опубликован сделанный им обзор стихов, присланных в редакцию — «Поэзия на войне»). На выход своих однополчан к западной границе он откликнулся стихотворением «Над Прутом» («СП», 1944, 8/IV). По нему можно сделать вывод: всё-таки лучшие стихи о войне поэт-фронтовик пишет на войне, хотя это стихотворение содержало внешние эффекты:

...Какая радость, счастье какое
Встречать освобождение земли,
И пушкинское солнце Кишинёва
Уже видно солдатам издали!

Написанное вскоре «первомайское» стихотворение тоже нельзя отнести к удачам поэта: «...Идём за Отчизну, идём за Россию, /На запад, на запад — вперёд, /Пробитое пулями русское знамя /Как майское солнце встаёт...» («СП», 1944, 1/V). Конкретика «ушла», её вытеснили «общие слова».

Евгений Осетров ещё напишет хорошие стихи о войне, когда война во всём её облике оживёт вновь в его памяти. Он одним из первых откликнется на мученическую смерть Юрия Смирнова («Бессмертен подвиг Юрия Смирнова...» («СП», 1945, 23/II) и напишет очерк о его матери.

Но он уже в конце войны выходил к своей главной теме — осмыслению «во всём объёме» русской истории как непрерывного процесса, потока времени, частью которого была и история Костромы, и затихающая война, и его собственная судьба:

...Здесь я понял — перед прошлым
Я всю жизнь в ответе.
Здесь меня на подвиг звал

Древнерусский ветер.

(Е. Осетров. У стен Ипатьевского монастыря. — «СП», 1944, 5/VII).

Ощущение «связи времён» закономерно привело его к оптимистическому выводу о «неистребимости» жизни уже в стихотворении «Я — русский человек», включённом в первый выпуск «Костромского альманаха» (1946):

Мне кажется, что заколдован я,
Что пули не берут меня литые,
Что я — само кипенье бытия,
Что я бессмертен, как моя Россия.
Любовью безымянною храним,
Неистребим как радость,
как свобода,
Я — русский человек,
я — верный сын
Великого, родного,
богатырского народа.

Это — не просто слова, а выстраданное, добытое личным опытом.

Подводя итоги сказанному об Осетрове, следует отметить: в течение войны он, и по количеству, и по качеству стихов быстро преодолел уровень «стихотворной самодеятельности», становился профессиональным поэтом. Завершая очерк о творчестве костромских поэтов-фронтовиков именем Е. Осетрова, нужно сказать: он был среди них одним из лучших, первых.

Поэты, работавшие в Костроме

Оставшиеся в Костроме поэты-костромичи были как бы «вторым литературным фронтом».

Особой общественной и творческой активностью отличался Николай Александрович Орлов. Страницы «Северной правды» 1941–1944 гг. сохранили много его стихов, являвшихся публицистическими откликами «на злобу дня» (написанный в первые дни войны агитплакат «За правое дело», стихотворения «Мы отомстим» («СП», 1941, 16/X), «Мы гоним фашистов» («СП», 1942, 1/II), «На харьковском направлении» («СП», 1942, 29/V, «Сталинград-богатырь» («СП», 1942, 23/X), «Сталинградская победа» («СП», 1943, 5/II) и др.; отрывки из поэмы «Севастополь», посвящённой героической обороне города, где 20 лет назад автор служил в морской авиации, публиковал свои «солнечные» стихи. Поэма заканчивалась утверждением неизбежности возмездия врагу:

...Оплатят фашисты суровый нам счёт,
Могильной земли наглоются вдоволь.

Добьём их и спросим: «А ну, кто ещё
Желает задеть Севастополь?»

(«СП», 1942, 24/IV).

Стихи Орлова имели качества, присущие всей нашей поэзии первых месяцев и лет войны: агитационный характер, приоритет авторского ораторского голоса и скупость изобразительных средств, использование стилистических клише, заряженных внушающей силой слова, обращённого ко всем и к каждому в отдельности, использование рефрена, часто выносимого в заголовок, как, например, в стихотворении «Тот день придёт»:

...Повсюду мир упрочится надолго,
Рты пушек, знаю, всюду замолчат.
И костромские девушки на Волге
Вновь песней встретят огненный закат.
Тот день придёт, я в это твёрдо верю,
Тот день придёт, его недолго ждать,
Страна залечит раны и потери
И будет вновь расти и расцветать.

(«СП», 1942, 19/VII).

Другая группа стихов Орлова этих лет написана совсем иначе: в них автор не ораторствует, а рассказывает о себе и друзьях, о выступлениях в госпитале перед ранеными («Задушевные встречи», «В госпитале»), об ожиданиях вражеских авианалётов на Кострому («Затемнение»), о дежурствах на ночных улицах («Ночное дежурство») и других сторонах быта военных лет. Эти стихи и сегодня интересны содержащимися в них «приметами прошлого». Наконец, война не отменила «мир чувств», и Н. Орлов продолжал заполнять свою «лирическую тетрадь» стихами о любви, о встречах и разлуках, о дружбе с замечательными женщинами, в том числе костромичками. Все названные и другие стихи автобиографического, «личного» характера поэт собрал недавно в вышедшей в г. Камышине книге «После встреч и разлук» (1994). «Пересказывать любовную лирику — дело неблагодарное. Её нужно читать... «наедине с собой», чтобы вместе с поэтом пережить и радости, и муки, какие несёт в себе любовь. Особенно, когда «потрёпан жизнью», — справедливо сказано в рецензии на этот сборник (В. - Мамонтов. «Как я мог без тебя?» — «Диалог». Газета, подготовленная Камышинским литобъединением «Родник», 1994, 24 декабря).

И, наконец, необходимо включить в обзор стихи Орлова, написанные после того, как в очередной раз судьба не только «потрепала», а взяла его в крутой оборот после ареста 1944 г. Эти стихи составили третью книгу поэта «Ордер на обыск. Стихи лагерных лет», тоже изданную в Камышине в 1992 г. Некоторые из них известны нам по публикациям в костромских га-

зетах в связи с 90-летием поэта. К сожалению, в сборнике стихи не датированы, и невозможно определить, какие из них написаны во время, а какие — после войны (из заключения Орлов освобожден в 1951 г., ещё при жизни Сталина), но это и не так важно. Важно другое: публикации последних лет свидетельствуют о силе сопротивления человека бесчеловечным обстоятельствам ГУЛАГа. И среди этих публикаций займут своё место вышедшие в 1992 году книги — Анны Барковой «Избранное. Из гугаговского архива» (Иваново) и «Ордер на обыск» Николая Орлова.

Варлам Шаламов назвал свои рассказы «пощёчинами сталинско-брежневскому режиму»; так же можно именовать и стихи Орлова «Жизнь скользнула с откоса», «Под грязными нарами», «Охватила меня тюрьма», «Гуляет опричина снова...», «Не вертуйся!», «Пурга полярная мне сердце остудила» и другие. «Прямое», разящее слово поэта клеймит виновников страданий миллионов советских людей, — от рядовых конвоиров до кремлёвских экспериментаторов:

...Конвоиры греются
У костра дымящего.
Лица у них зверские,
Лучше б не видать.
А у нас у каждого
Думушка щемящая:
Да за что же это
Должен я страдать?
Родина любимая
Для нас стала мачехой.
Её коммунисты сделали такой.
Опыт свой проделывать
Над Россией начали,
Вновь закрепили
Наш народ родной.

(с. 15).

Что помогало преодолеть отчаяние, желание избавиться от мук самоубийством? Во второй части сборника Орлов сконцентрировал стихи, названия которых содержат ответ на этот вопрос: «Ваше письмо хорошее», «Заполярное лето», «Надежда», «Открытка», «Память». Одна из самых главных духовных опор — неподвластная ничему, кроме собственной воли поэта, возможность писать стихи:

Моя дорогая,
Я очень устал.

В тюрьме
Беспричинно сижу.
Я в мыслях давно уж
Верёвку достал
И узел
Для петли вяжу.

Как спрут
Охватила меня тюрьма
За чьи-то чужие грехи.
И, право, давно бы
Сошёл я с ума,
Да только
Спасают стихи.

В тюрьме я счастливее
Многих людей,
Которые здесь сидят.
Они лишены здесь
Работы своей
И целыми днями
Грустят.

Но кто у поэта
Отнимет слова?
Нет силы такой нигде.
На это
Бессильны даже права
Всесильного НКВД...

(с. 10-12).

Н.А. Орлову суждено было вернуться из воркутинской тундры, поселиться в Камышине-на-Волге, в 1950-е годы получить полную реабилитацию, стать членом Союза журналистов. Жизненные испытания не сломили его, о чём свидетельствует активная творческая работа поэта «камышинского периода» (с 1951 г. до сегодняшнего дня).

Заметную роль играл в литературной жизни Костромы и поэт Николай Соколов, несмотря на тяжёлую болезнь, надолго приковавшую его к постели. В 1944 г. он вошёл в бюро костромского литобъединения, затем, до отъезда в Москву на учёбу и работу, стал его председателем. Уже в первый день войны он написал стихотворение «Ударил час»:

Ударил час... Нас мать зовёт
На подвиг и на смерть.
Пехота грозная идёт,
Орлы взмывают в твердь.
Ударил час ... Коварный враг
Напал на отчий дом.
Победоносный красный флаг
Мы в грозный бой несём.
Агрессор наглый, берегись!
Ответишь головой!
За Родину, за честь, за жизнь
Мы все идём на бой.

(«СП», 1941, 28/VI).

Ещё в довоенных стихах Соколова был заметно ощутим романтический мотив связи поколений, памяти о погибших в Гражданскую войну. Теперь этот «романтический историзм» набирает силу. В стихотворении «Сестрёнка» молодое поколение «сороковых» принимает боевую эстафету от юности 1920-х:

Военные ветры раздули знамёна,
Подёрнута мглой синева.
Сестрёнка махнула платком из вагона —
На фронт уезжает она.
И вспомнил я снова суровые годы.
Тогда разливалась весна.
Сестрёнка махала платком с парохода —
На фронт уезжала она...
Сестрёнка! Родная, в далёкие годы
Сражаться вам, старшим, пришлось.
А младшие братья сегодня проходят
Своё испытание гроз.
И если удар наш неистов и страшен
Был чёрному войску тогда,
То опытность ваша и молодость наша
Сегодня развеют врага!

(«СП», 1941, 9/X).

В стихотворении «Наш праздник» поэт во сне видит своих друзей по пионерскому детству уже солдатами, шагающими в колоннах военного первомайского отряда:

...И шли бы, шли в шинелях серых,
В шеренге доблестных солдат,

Мои друзья из пионеров,
Все, все товарищи подряд.
Он будет этот праздник! Будет,
Как за зимой приход весны...
Рёв атакующих орудий
Осуществляет наши сны.
(«СП», 1943, 28/II).

Через два с небольшим года этот сон сбылся:

Прояснилось наше небо,
Освежённое грозой,
И гремит салют Победы
Над весеннею страной...
...Так шуми листвой весенней,
Проясняйся и сияй,
Наш в последний раз военный,
Наш победный Первомай!

(«СП», 1954, I/V).

На волне победной радости весной 1945 г. Соколов написал известную в те годы «Песню о Костроме», вероятно, не без влияния знаменитой песни М.Блантера на слова М. Исаковского «Где ж вы, где ж вы, очи карие?»:

...Ратный подвиг завершая,
Земляки-фронтовики
Вспоминают у Дуная
Костромские огоньки.
В Кострому приводят снова
Все дороги, все пути...
Лучше города родного
Во вселенной не найти...

(«СП», 1945, 15/IV).

Уже после войны Николай Соколов «дописал» хорошее, тёплое стихотворение «Костя Булдаков» (1941–46) — о друге детства, солдате, ставшем после войны преподавателем и учёным-историком, известным многим костромичам и бывшим студентам Костромского пединститута, где он читал курс отечественной истории:

...Возле Немана-реки
Тускло светятся штыки.
За мою родную Волгу
В бой уходят земляки.

И на Немане-реке,
От любимой вдалеке,
Костю минные осколки
Распластали на песке...

.....
За Россию и за дружбу
Исполнял он честно службу:

Не кляня судьбы тяжёлой
С вещевым её мешком,
Географию прошёл он
На колёсах и пешком,

Из болота умывался,
Трижды с жизнью расставался,
Стал бойцом-большевиком,
И в Историю ворвался
С остроблещущим штыком...
...Но что б с нынешнего века
Оставались на века
На дорогах человека —
Не следы его штыка,

А следы труда и мысли, —
Надо старые пути
Обойти и вновь осмыслить,
Надо сто наук пройти,

Надо всем наукам этим
Обучать скорей ребят —
Молодых хозяев света,
Мира будущих солдат.

Потому читает, пишет
Мой товарищ в тишине
И не чувствует, не слышит,
Как на радиоволне

Голос друга по эфиру
Облетает ночью высь

И звучит в его квартире:
Где ты Костя? Отзовись!

(Н. Соколов. Просторная земля. Стихи. Кострома, 1947, с. 107–109).

Картина костромской поэзии военных лет была бы неполной без имени и стихов Веры Скворцовой (1924–1955). Она приехала из блокадного Ленинграда с уже написанными там мужественными и искренними стихами (См. сборник: В. Скворцова. Стихотворения. Лениздат, 1957). Эти качества были присущи её стихам и «костромского периода»: балладе «Бессмертие» о судьбе украинского юноши, влюбившегося в девушку-ленинградку и погибшего на «дороге жизни» через Ладогу («СП», 1943, 17/1), «Песне о Перекопе», «Двум солдатам» и другим. Она часто читала стихи в литературной группе, на концертах, на радио, получая признание у слушателей, у старого критика А.В. Чичерина и своих друзей.

Мы рассмотрели творчество тех костромских поэтов, чьи стихи появлялись в печати довольно часто. Наверное, «карта» костромской поэзии получилась более яркой и привлекательной, чем она была в действительности, так как, во-первых, внимание акцентировалось на лучших стихах, а во-вторых, некоторые факты оказались неупомянутыми, в частности и особенности стихи о Сталине. Это сделано намеренно, ибо нельзя же «в угоду моде» сегодня осуждать поэтов тех лет за упоминание имени Сталина или посвящённые ему стихи. Достаточно сказать, что «про это» есть почти у всех поэтов, о которых мы говорили.

Сложнее вопрос о «хорошей» и «плохой» поэзии. У нас есть тенденция считать «плохой» публицистическую поэзию, хотя это неверно в такой же степени, как ценить стихи за «тенденцию» без учёта красоты поэтического слова. Редакция ещё могла иногда «простить» самодеятельного автора за неуклюжие, но искренние стихи и напечатать их в порядке исключения. Однако бесстрастность, отсутствие силы, тусклость образов в стихах профессиональных поэтов не получали снисхождения. Например, сборник стихов Марка Лисянского «Моя земля» (Ярославль, 1942) подвергся резкому разбору А.В. Чичерина («СП», 1942, 22/IX).

Представляется методологически продуктивным и точным при оценке поэзии военных лет то, что было сформулировано А.Т. Твардовским в статье «Поэзия Михаила Исаковского» (1949–68). Исходя из тезиса: главные достоинства поэзии — искренность и правдивость, он доказал: «Исаковский — один из самых наглядных примеров верности этим принципам... Личный облик поэта представляется в органическом единстве с его творчеством. И поэтому голос его всегда искренен, даже тогда, когда он служит преходящему, газетно-публицистическому назначению...» В стихотворении «Русской женщине» Твардовский увидел поразительный пример «соедине-

ния» «слов газетно-пропагандистского обихода ... со словами такой сердечности, точно они обращены к родной матери, любимой жене или сестрёнке...» Вот и следует, оценивая поэзию поэтов-костромичей, созданную в годы войны, исходить из этих критериев, ставя вопрос перед собою: есть ли в них искренность? Так как её нельзя имитировать, она либо есть, либо её нет. Соотнося стихи поэтов-костромичей с реальностью войны, убеждаешься в правдивости и искренности большинства из них.

Глава 3. Отражение войны в прозе 1941–1945 гг.

Что было востребовано самой обстановкой Отечественной войны? Прежде всего, публицистическая поэзия и проза. Вот почему уже в июле 1941 г. «Северная правда» в нескольких номерах публикует цикл статей «Костромичи в борьбе за Родину», написанных учителем средней школы № 29 И. Шабатиным. В них с уходящими на фронт костромичами как бы «говорили» десятки поколений их предков, сражавшихся в рядах ратников Александра Невского и Дмитрия Донского, у Плещеева озера, освобождавших русскую землю от польско-литовских интервентов и полчищ Наполеона.

Публицистически заострёнными были периодические выступления в газете и на литературных вечерах А.В. Чичерина, посвящённые литературным юбилеям, спектаклям театра, военной публицистике И. Эренбурга и А. Толстого и т.п. Например, в первые дни войны в статье к 100-летию гибели М.Ю. Лермонтова он писал: «Поэзия Лермонтова... воодушевляет юное поколение советской страны на невиданные подвиги в борьбе с вражескими полчищами во имя родины, которую так любил гениальный поэт...» («СП», 1941, 27 июля). Современный подтекст имела прочитанная им на собрании литгруппы и получившая одобрение историческая новелла о борьбе испанцев с французскими оккупантами в 1806 г. («СП», 1943, 10 февр.).

Жизнь костромичей первых двух лет войны нашла отражение в очерках Галины Остапенко. Она писала о семьях, из которых ушли на фронт несколько сыновей, приняв военную «эстафету» от своих отцов, участников первой мировой и Гражданской войн («СП», 1941, 13 ноября), о молодых ткачихах, ставших сандружинницами и отправившихся на фронт или работавших в развёрнутых в Костроме госпиталях («Боевые подруги». — «СП», 1941, 21 дек.), о донорах и организованной в городе врачом М.А. Державцом (это его вспоминают на фронте бойцы в стихотворении М. Кулапина «Родом с Волги». — «СП», 1943, 14 авг.) станции по переливанию крови («Доноры», «СП», 1941, 18 ноября), о костромском Доме малютки, принявшем детей-сирот из Ленинграда, Карелии и с Украины

(«Дети ждут». — «СП», 1942, 6 мая, «Это наши дети!» — «СП», 1942, 26 марта), об учащих ремесленных училищ («Сила, ловкость, умение». — «СП», 1942, 11 июня), школьниках, собиравших деньги на боевой самолёт («В школе № 29». — «СП», 1941, 9 дек.). Одобрительный отзыв получил рассказ Г. Остапенко «Родня» о судьбе женщины и её маленькой дочери, чудом вырвавшихся из фашистского застенка и оказавшихся среди пассажиров тылового поезда, потрясённых их историей. В рецензии на «Ярославский альманах», перепечатавший рассказ из «Северной правды» от 29 марта 1942 г., он был назван «хорошо сделанным» по критериям литературного мастерства (Проф. А. А. Смирнов. «Ярославский альманах». — «Северный рабочий», 1942, 10 дек.).

Вячеслав Алексеевич Лебедев посвящая свои очерки бригаде костромских столяров, сделавших для фронта 35 тысяч первоклассных лыж («Мастерство». — «СП», 1942, 1 мая), пожилым мастерам-рационализаторам текстильной фабрики («Нестареющие старики». — «СП», 1942, 14 мая), сельским труженицам («Трактористка Ньюра». — «СП», 1942, 20 мая), комсомолкам-работницам «Рабочего металлиста», вышивавшим кисеты для красноармейцев («Самому весёлому». — «СП», 1942, 25 окт.), труженикам совхоза «Караваново», выведшим в годы войны новую породу скота (позже он написал об этом роман «Млечный берег»). Интересен «именной» очерк-портрет В. Лебедева «Мать восьмерых патриотов» («СП», 1944, 8 марта) об Елене Ильиничне Кутьиной, воспитавшей для страны её защитников и специалистов-тружеников.

Надо заметить, что факты реальной жизни города и края отражались главным образом именно в жанре очерка — «производственного», «портретного» и др. Рассказ о жизни «тыла» встречался крайне редко. Конечно, в годы войны очерк и рассказ имели много общего: очерк заимствовал у рассказа сюжетную заострённость, а рассказ у очерка — документальную достоверность. В. Лебедев, тем не менее, стремился чётко обозначать жанр своих произведений (См.: Писатели Костромы. Библиографический указатель, 1981, с. 35-37), «отличить» рассказ от очерка. «Потомок Сусанина», «Пятеро братьев» правомерно названы им «рассказами». Почему? Рассказ более чуток к противоречиям человеческого характера и общественной жизни, которые придают повествованию новеллистичность, остроту. В «Потомке Сусанина» В. Лебедев показал драму человека, прозванного земляками «потомком» потому, что он всю жизнь переживал исчезновение памятника Сусанину с костромской площади. Коллизия «снимается», разрешается следующим образом: Фёдор Васильевич Булавин в годы войны жертвует 70 млн. рублей на строительство танковой колонны имени Сусанина; т. е. своеобразного «памятника» патриоту-костромичу, а его прозвище как бы «рас-

кавычивается» («СП», 1943, 1 янв.).

В «Пятерых братьях» («СП», 1943, 28 февр.) конфликт между братьями Бурковыми, входившими в «именной», семейный расчёт дальнебойного орудия, разрешается после прибытия на фронт их отца Епифана, ветерана «первой германской» войны, тоже артиллериста. Рассказ завершается выводом: «...Вместе теперь постреляем по Гитлеру...»

Кроме Г. Остапенко и В. Лебедева, жизнь Костромы и районов края отражали иногда К. Абатуров, Н. Саламанов, Н. Орлов, А. Часовников.

Их традиции были подхвачены вернувшимся после ранения в 1944 году в Кострому Е. Осетровым, опубликовавшим в конце войны очерки о тружениках города и деревни, учителях-орденоносцах и воинах-костромичах, добивавших врага: «Горячая любовь к делу» («СП», 1944, 22 дек.), «Люди одного колхоза» («СП», 1945, 12 янв.), «Герои последних боёв» («СП», 1945, 1 мая) и др.

Очерки профессиональных писателей и журналистов были весомым вкладом в тот постоянный и обычный газетный материал разных жанров, который в качестве своеобразного «зеркала» костромской истории военных лет является сейчас бесценным «кладом» для костромских краеведов.

Обратимся теперь к фронтовому очерку и рассказу, в которых военные будни и подвиги бойцов и командиров, в том числе костромичей, представляли увиденными глазами их авторов, — А. Гусева, Ф. Кулькова, Е. Осетрова, А. Румянцева, Н. Скопца и других.

По количеству опубликованного в «Северной правде» материала первое место принадлежит Фёдору Кулькову. В одном из очерков есть краткие автобиографические сведения о школьном детстве: сержант Кульков вспоминает, как учитель Чернопенской школы Евдоким Николаевич Соколов по субботам читал ученикам произведения русских писателей; по-видимому, не без влияния его у мальчика из с. Качалова возникло желание не только читать, но и писать, и он стал селькором, а на фронте — военкором. С сентября 1942 по март 1945 гг. он прислал в «Северную правду» несколько десятков корреспонденций, очерков, рассказов. Многие из них объединялись в тематические циклы, например, «Рассказы об отваге», записанные со слов опытного разведчика и его товарищей, совершивших удачные вылазки в немецкий тыл («СП», 1942, 13 сент.); «Фашистские изверги» — о фактах издевательства белофинов над пленными красноармейцами и надругательства над трупами наших бойцов («СП», 1942, 8 окт.); «Так дерутся советские воины» — об умелых действиях артиллеристов, миномётчиков и снайперов («СП», 1942, 24 окт.); «Удары по тылам врага» — о боевых успехах сапёров («СП», 1943, 18 июля) и т. п. Большинство очерков Кулькова — «событийные», т. е. повествующие о необычном, ярком фронтовом

эпизоде. Таков, например, очерк «Поединок пушки с танками» — о дуэли артиллерийского расчёта с двенадцатью танками врага, из которых было подбито шесть («СП», 1944, 9 янв.).

Но Ф. Кульков написал и немало «портретных» очерков. Как раз первым и был опубликован «Механик Булыгин» («СП», 1942, 5 сент.), рассказавший о ярославце с автозавода, ставшем на фронте умелым авторемонтником. Следующим стал очерк о снайпере Зайнутдинове, на счету которого было уже 112 убитых фашистов («Грозная сила». — «СП», 1942, 13 сент.). Газета неоднократно писала о воинской доблести земляка, бывшего мастера с «Красной маёвки», ставшего на фронте бесстрашным и умелым связистом, Николая Васильевича Пашинина (в других публикациях — Пашенина). Не раз о нём и других друзьях-связистах полка, в котором служило много костромичей, писал Ф. Кульков. Он же в очерке «Месть за друга» («СП», 1944, 2 апр.) поведал о гибели героя в бою с прорывающимися из окружения немцами.

Большой заслугой наших журналистов являлась запись ими устных народных рассказов о войне, особенно о немецкой оккупации. Делал это и Кульков как автор уже упомянутого цикла «Фашистские изверги», а также очерков «Жизнь в неволе» («СП», 1944, 1 марта), «Страшный костёр» и «В Молдавии» («СП», 1944, 16 и 17 мая), «Кровь и пламя» («СП», 1944, 22 июля).

Значение очерков Кулькова не только в том, что в них отразились события 1942–1945 гг., но и в том, что они вели читателя-костромича по местам боевых действий от Карелии до Молдавии.

Публикации Евгения Осетрова имели разную жанровую форму. Первой из них было публицистическое обращение-письмо к боевым товарищам. Начав его с рассказа о том, как «узбек из Ферганской долины, парень с золотого Урала и я — волжанин» читают друг другу письма из дома и вспоминают родину, он закончил его так: «...я видел сожжённые деревни под Тулой, поруганную Ясную Поляну, развалины г. Алексина, я слышал, что рассказывали люди, освобождённые от немцев. Сердце леденит от этих рассказов. Хочется идти в бой и уничтожить эту фашистскую сволочь. Мы не боимся смерти, потому что позади нас милая земля русская, наш дом, и мы не хотим, чтобы эта земля, этот дом были сожжены и опоганены немцами...» (Красноармеец Е. Осетров. «Совместными усилиями разобьём врага!» — «СП», 1942, 24 окт.). Осетров присылал с фронта «страницы из записной книжки», в которую заносил интересные эпизоды, факты, «случаи» из жизни на войне: встречу с «сыном полка» («Мальчик из Серебряной Музги. (Из записной книжки)». — «СП», 1943, 30 мая), рассказ о пожилой женщине, пленившей в подвале двух немцев-мародёров («Случай в

лесной сторожке». — «СП», 1943, 17 июля), рассказ о «выдумке» артиллерийского разведчика, корректировавшего огонь наших батарей из гнезда аиста («Из записной книжки. В гнезде аиста». — «СП», 1944, 19 янв.).

Интересны были и фронтовые очерки Николая Скопца «Три товарища» — о боевых друзьях из Омска и Одессы, поклявшихся отомстить за костромича Василия Серова («СП», 1943, 21 февр.), «Встреча (Фронтная быль)» — о ветеране первой мировой войны Степане Ляхнове, ставшем наводчиком орудия в батарее своего сына («СП», 1943, 5 мая). Если эти очерки по своей сюжетной организации приближаются к рассказу, то другие — «К мести!» и «Отомстим за муки товарищей!» — к публицистической статье, о чём свидетельствуют и названия, и их стиль: «...в сердце твоё, боец, стучит пепел трёх казнённых красноармейцев. Перед глазами встают их изуродованные, обгоревшие трупы. Мсти за них жестоко, товарищ, мсти до тех пор, пока не будет уничтожено племя фашистов!» (Н. Скопец. «К мести!». — «СП», 1943, 2 июня).

Очерки военного корреспондента «Северной правды» майора А. Гусева напоминают очерки Ф. Кулькова, но они более лаконичны и сдержаны по манере письма. Главное в них — сообщение, информация, что и является основным смыслом корреспонденции. Как правило, в центре очерков Гусева — боевые подвиги разных армейских «профессий»: бронебойщиков («Истребитель вражеских танков». — «СП», 1943, 29 мая), пехотинцев-мастеров штыкового боя («Рукопашная схватка». — «СП», 1943, 3 окт.), сапёров, «Бесстрашные». — «СП», 1943, 16 июня), снайперов («Мститель». — «СП», 1943, 23 ноября), разведчиков («Разведчики». — «СП», 1944, 5 марта), танкистов («Экипаж машины боевой». — «СП», 1943, 27 июня) и др.

Названные авторы чаще других публиковали в газете «фронтную прозу». Иногда встречаются очерки и рассказы Алексея Румянцева, М. Кулапина, а также литераторов-ярославцев.

Таким образом, в костромской прозе 1941–1945 гг. отразилась история и география войны, в ней воссоздана «портретная галерея» её тружеников и героев. Выполняя эти главные задачи, писатели-костромичи заняли своё, пусть и скромное, место в рядах русских литераторов, внесших лепту в ПОБЕДУ над фашизмом.

* * *

VI. ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ

*Е.В. Шинова, Г.А Семёнова, М.А. Беляева
(Кострома)*

РЕДКИЕ И ОХРАНЯЕМЫЕ РАСТЕНИЯ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Как это ни странно, но Костромская область, расположенная не так далеко от ведущих научных центров (Москвы и Санкт-Петербурга), до сих пор является «белым пятном» на ботанической карте средней полосы России. Сведения о растениях, произрастающих на её территории, разрознены. С 1766 по 1866 гг. было опубликовано несколько крупных работ, в которых есть ссылки, свидетельствующие о распространении лишь некоторых растений на территории нашего края. Как указывает А.Е. Жадовский (1915 г.), из 19 работ этого периода нет ни одной, посвящённой исследованию конкретно костромской флоры. В 1867 году выходит первый наиболее полный список растений, собранных в Костромской губернии (А.Н. Островский, 1867). Этот список включал 533 вида сосудистых растений. Автор использовал как свои личные сборы, так и обобщил уже имеющиеся материалы. В 1833 году Н.М. Бекаревич опубликовал «Материал к флоре Костромской губернии», где описал 491 вид, но главное — включил в список 64 новых, ранее не упоминавшихся вида. Далее исследования продолжались более интенсивно. Появились работы В.Я. Цингера (1885) с описанием 747 видов растений, П.Ф. Маевского (1892), И.Ф. Мейснера (1899) с указанием 781 вида и другие.

И всё-таки крупнейшим исследователем костромской флоры является Анатолий Есперович Жадовский. Им составлена библиографическая сводка по истории изучения растительного мира Костромской губернии, проанализированы гербарные коллекции, представлены поездные списки кол-

лекций костромской флоры, собран собственный гербарный материал в 500 листов и, наконец, опубликованы полные списки встречающихся растений. К сожалению, фундаментальный труд А.Е. Жадовского не был издан. До нас дошли только отдельные его работы, написанные с 1913 по 1922 гг.

В последующие годы, в связи с существенной административной реорганизацией Костромской и соседних с ней губерний, ботанические исследования не были столь активными и возобновились лишь в послевоенный период. Был опубликован ряд статей по луговой и болотной растительности, описаны лишайники и растительность некоторых конкретных территорий, например, Ветлужско-Унженского водораздела.

Кафедра ботаники Костромского педагогического университета имени Н.А. Некрасова с 1945 года проводила ботанические исследования нашей области. Начал их Пётр Игнатьевич Белозёров. К 1967 году он заканчивает труд, обобщающий весь накопленный им материал, — «Флора Костромской области». В рукописи было описано 949 видов дикорастущих сосудистых растений и 335 видов культурных семенных растений. Однако, его труд не был опубликован. Только недавно стало известно, что рукопись и свыше двух тысяч гербарных листов были переданы его дочерью в дар Костромскому музею-заповеднику.

Пристальное внимание кафедрой уделялось изучению лекарственных растений: Г.И. Лебедев, А.В. Александрова (1975), Н.Н. Брезгин (1984), И.А. Шретер и др. (1992); сорно-полевой флоры: Л.И. Туманова (1975), Е.В. Шлякова (1976) и последующие. Сотрудники Костромской лесной опытной станции исследовали болота области и дикорастущие плодово-ягодные растения (А.Ф. Черкасов, 1973), девственные еловые леса в Кологривском районе (А.В. Письмеров, 1987), изучали уникальные формы изменчивости древесных растений. Но к 1990 году не было полных данных о количестве видов, произрастающих в Костромской области. Специалисты предполагают, что их число составляет примерно 900-1000 видов. Вот почему кафедра ботаники с энтузиазмом взялась за эту работу. Одновременно с этим продолжалось изучение редких и исчезающих растений, начала которое А.В. Александрова, долгие годы руководившая кафедрой ботаники Костромского педагогического института. Ею были опубликованы первые списки травянистых растений, нуждающихся в охране (1975, 1987). К работе кафедры подключились студенты 1–5 курсов факультета естествознания, школьники, обучающиеся в очно-заочном клубе «Эколог» при областной станции юннатов. И хотя эта работа далека от завершения, часть полученного материала обобщена и представлена в рукописи «Охраняемые растения Костромской области».

Для причисления растений к статусу охраняемых были использованы

Редкие и охраняемые растения Костромской области

следующие принципы отбора:

1. В список охраняемых растений Костромской области внесены виды, строго охраняемые на территории России (башмачок настоящий, калипсо клубневая (клубненоносная), офрис насекомоносный и т. д.).

2. В список вошли растения, подвергающиеся большим нерегулируемым сборам, такие, как лекарственные (аир обыкновенный, синюха голубая, зверобой продырявленный и др.), пищевые (душица обыкновенная), декоративные (гвоздика-травянка, купальница европейская и др.), ранне-весеннецветущие (волчье лыко, первоцвет обыкновенный, прострел раскрытый).

3. Выделены растения, исчезающие в связи с изменением природных фитоценозов. Это луговая растительность, исчезающая из-за неумеренных выпасов скота, распашки земель (гвоздика пышная, колокольчики, золоты-тысячник); растения леса, исчезающие из-за нерациональной лесоразработки (чина лесная, гнездовка обыкновенная, княжик сибирский и др.); растения обочин дорог, исчезающие из-за заболачивания почвы при отсутствии дренажных систем при строительстве дорог (первоцвет весенний, козлобородник луговой, пупавка красивая); растения, исчезающие из-за торфоразработок (росянки, малина арктическая); растения, исчезающие из-за полного уничтожения больших территорий вследствие затопления (образования водохранилища), заболачивания почв (сведение лесов в долинах рек), распашки естественных фитоценозов под сельскохозяйственные угодья, образования фермерских хозяйств, садоводческих товариществ.

В опубликованные списки охраняемых растений вошли в основном сосудистые растения и небольшая часть споровых, среди которых: папоротники (гроздовник полулунный и многораздельный, страусник обыкновенный, уховник обыкновенный), четыре вида плаунов (баранец, годичный, сплюснутый, булавовидный).

Особо следует сказать о видах растений, подлежащих охране по всей территории России. На территорию Костромской области их приходится всего девять. Причём, часть из них никогда не была встречена в нашем крае, однако ареал распространения вида проходит по Костромской области. О других краснокнижных видах упоминали исследователи в разные годы, но за период с 1990 по 1995 год эти растения нами встречены не были. И всё-таки вероятность обнаружения таких видов остаётся; вот почему так важно определить статус таких растений и вести природоохранную работу. Ниже представлен список растений Костромской области, охраняемых на территории Российской Федерации:

1. Башмачок настоящий (венерин башмачок).*
2. Калипсо клубневая.

3. Надбородник безлистный.
4. Офрис насекомоносный.
5. Пальчатокоренник балтийский*.
6. Пальчатокоренник Траунштейнера*.
7. Рогульник плавающий*.
8. Полушник озёрный.
9. Ятрышник шлемоносный.

(Звёздочкой обозначены виды, местонахождение которых известно).

В составлении списков приняли участие специалисты Костромской лесной станции и Костромского областного комитета охраны окружающей среды и природных ресурсов, которые помогли в изучении древесных растений, грибов и лишайников.

Исследования по выявлению охраняемых растений близятся к завершению. Вышло постановление Главы администрации области от 03.01.1996, №1 «Об особо охраняемых природных территориях Костромской области», где имеются списки 119 видов сосудистых растений, 6 видов грибов и 1 вид лишайника. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения растения Костромской области представлены в них четырьмя группами. 1 группа — это растения, охраняемые в окрестностях городов и крупных населённых пунктов (13 видов), 2 группа — растения Костромской области, внесённые в Красную книгу России (9 видов). 3 группа — уникальные формы изменчивости древесных растений, 4 группа — редкие и исчезающие растения Костромской области, охраняемые на её территории (92 вида сосудистых растений).

Работа по выявлению таких растений, конечно, не закончена, она будет продолжаться параллельно с изучением флоры нашего края. Однако, своевременность выявления охраняемых растений, знакомство с ними широкой публики ни у кого не вызывает сомнения.

Среди выделенных растений есть и лекарственные (валериана лекарственная, синюха голубая), и пищевые (земляника зелёная), и великолепные по своим декоративным качествам растения (горечавка лёгочная, княжик сибирский). Однако, мы хотим познакомить читателей с семейством уникальных растений. Часть растений внесена в Красную книгу России, другую можно найти вблизи домов, третья — ведёт очень скрытный образ жизни, и даже специалист считает удачей встречу с ней. Речь идёт о растениях семейства орхидных.

Орхидные называют семейством «аристократов» среди растений. За красоту и уникальность многие страны выбрали местные орхидеи своими символами. Царство орхидей — влажные тропические леса, где обилие света, влаги, тепла. Крупные цветки поражают бесконечным разнообразием

самых фантастических причудливых форм, буйством красок, удивительными запахами. Не случайно их величают «цветками богинь и красавиц».

Увидеть орхидеи можно и в наших лесах. Правда, они не отличаются столь пышной красотой, не так заметны, но в изяществе и оригинальности наши северные орхидеи не уступают своим тропическим родственникам. В этом не только их достоинство, но и несчастье. Яркие душистые цветки всегда привлекают любителей собирать букеты, которых нередко отличает неуёмная жадность. Кроме того, ряд орхидей обладает ценными лекарственными свойствами, которые хорошо известны людям. А в сочетании с повсеместным активным вмешательством человека в окружающую среду это привело к резкому сокращению численности орхидей. Не случайно они стали первыми растениями, занесёнными в многочисленные Красные книги.

Башмачок настоящий.

Первым видом, об охране которого заговорили учёные, стал башмачок настоящий (Венерин башмачок). В переводе с латинского название растения звучит так: башмачок Киприды (Венеры); известны и обиходные названия этого растения — Марьян башмачок и кукушкины сапожки. Растение имеет тонкое ползучее корневище и длинные извилистые корни, прямостоячий стебель 25–30 см высотой с короткими железистыми волосками. Листьев три–четыре, они эллиптические, заострённые. Цветков один–два, листочки околоцветника красновато-бурые. Губа (один из лепестков-листочков) вздутая, светло-жёлтая, внутри с красноватыми крапинками, похожа на переднюю часть атласной туфельки. Башмачок может размножаться как вегетативным, так и семенным способом, хотя развивается очень медленно и зацветает лишь на 15–17 год после прорастания семян. Опыление происходит с помощью мух, жуков, земляных пчёл и других насекомых. Цветок представляет собой как бы заранее расставленную и тонко продуманную ловушку, заставляющую насекомое произвести опыление. Насекомое вползает внутрь крупной губы с завернутыми внутрь краями и, обследовав её, начинает искать выход. Ограниченное пространство и глад-

Гнездовка настоящая.

кая внутренняя поверхность не позволяет выползти кратчайшим путём. В задней стенке губы имеются обманные «окна» (клетки без пигментации), пропускающие свет. Принимая их за выходы, насекомое ползёт в указанном направлении. Когда пчела, выбираясь из цветка, протискивается мимо пыльника, большая порция липкой пыльцы, как подушечка, приклеивается к груди пчелы. Весь механизм опыления построен на обмане: насекомых привлекает, по-видимому, лишь запах и цвет — указатели несуществующего нектара. Зацветает башмачок в середине мая – начале июня, причём неопылённые цветки сохраняют свежесть до трёх недель. Опыляются не все цветки, именно поэтому семенное размножение башмачка наблюдается не часто. Растёт башмачок по разреженным лиственным, реже хвойным ле-

сам, кустарникам, лесным лугам и опушкам.

Учёные называют башмачок растением-индикатором. Дело в том, что это растение кальцелюбивое, растёт на щелочных почвах, содержащих много солей кальция. А кальций для человека — это известь, мел, доломит, гипс и т.д. Весьма декоративный башмачок издавна уничтожался при сборе на букеты, при переносе в сады. Сокращается численность башмачка и при изменении условий его обитания. А восстанавливается он очень трудно — необходим целый комплекс условий, чтобы растение могло существовать. И если вам встретится на пути это маленькое чудо природы и вы протянете руку, чтобы в один миг его сорвать, остановитесь и вспомните, что, может быть, именно этому растению понадобилось около 15 лет, чтобы пройти длинный путь от семени до первого цветения!

Самым удивительным растением, принадлежащим к семейству орхидных, в наших краях следует считать гнездовку настоящую. От всех северных орхидей она резко отличается своим внешним видом: растение не имеет ни капельки зелёного цвета. Высокий тонкий стебелёк 20-60 см высотой, чешуйчатые листья, цветки — все желтовато-буроватые, цвета кофе с молоком. Как же она питается? Её пища — гниющие остатки растений,

чаще всего — опавшие листья. Гнездовка к паразитам не относится, она использует то, что стало ненужным растению. А почему растение назвали гнездовкой? Название очень меткое и связано с особенностями корневой системы. Если осторожно раскопать лесную подстилку, то воображение человека поразят мясистые толстые корни. Они сплелись в клубок, напоминающий птичье гнездо. Корни высасывают из разлагающейся лесной подстилки органические вещества. Поэтому и предпочитает гнездовка селиться в дубравах, иногда она встречается в смешанных лесах. Размножается гнездовка только семенами. В её плодах огромное количество семян, а встречается растение не часто, потому что семена её очень мелкие (как и у других орхидных), без запаса питательных веществ. Поэтому большинство семян гибнет, не найдя на поверхности почвы подходящих питательных веществ. Растёт она единичными экземплярами, находящимися далеко друг от друга. Гнездовка — растение многолетнее, на одном месте растёт несколько лет, но если гнездовку выкопать, то на этом месте она уже не восстановится.

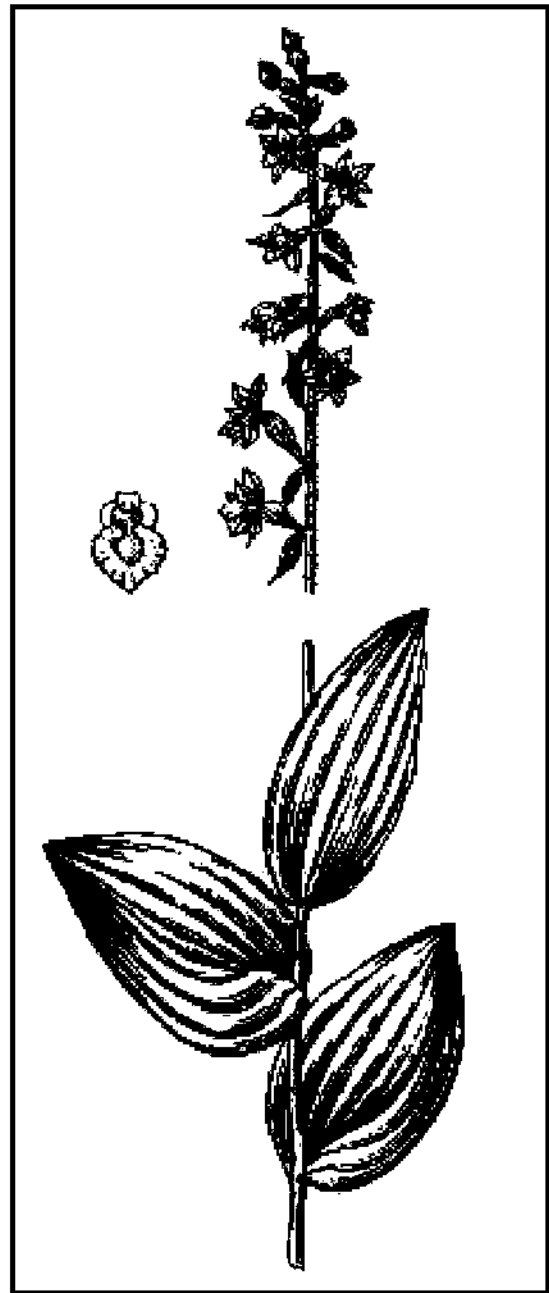
Гудайера ползучая.

В хвойной чаще, в сосновом лесу на зелёном ковре мхов иногда можно увидеть скопление какого-то растения, похожего на миниатюрный подорожник. Листья его имеют яйцевидную форму, собраны розетками и распластаны. Только они в два-три раза меньше, чем у подорожника. Да и поверхность их иная — с оригинальным сетчатым рисунком. Это — гудайера ползучая, растение во многих отношениях интересное. Если осторожно извлечь растение из мха, в котором оно растёт, то можно увидеть под-

земные органы гудайеры — довольно длинное ползучее корневище, с отходящими от него корнями. Корни необычны для такой маленькой травки — они толстые, как спички, гладкие (совершенно лишены боковых ответвлений), короткие. Чем можно объяснить эти особенности? Оказывается, на поверхности корней разрастается густой войлок из тончайших нитей микроскопических грибов — это так называемая микориза. Нити гриба заменяют растению корневые волоски: они поглощают воду из почвы. В этих условиях тонкие ответвления корню просто не нужны. Да и большая длина тоже. Однако, гриб получает при этом определенную выгоду и для себя. Грибные нити проникают в живые клетки наружного слоя корня и извлекают оттуда органические вещества. Гудайера — одна из немногих в нашей стране зимнезелёных орхидей. Её листья зимуют и отмирают лишь следующей весной, а иногда и через год. Поэтому стебель у основания имеет много вялых, но хорошо сохранившихся листьев. Цветочную стрелку гудайера выбрасывает рано — в конце мая—начале июня, но цветение начинается не ранее середины июля и продолжается примерно три недели. Цветки у неё мелкие, белые или слегка желтоватые, собраны на верхушке стебля в короткий однобокий колос. Цветки имеют сладковатый запах, привлекающий насекомых. На месте цветка образуется маленькая коробочка, наполненная огромным количеством мелких семян. Они, как мелкий порошок, подхватываются и распространяются потоками воздуха. Первые два-четыре года проросток ведёт подземный образ жизни, питаясь с помощью гриба. Лишь на пятый год появляются первые зелёные листья, а зацветает растение обычно на седьмой – восьмой год. Гудайера может размножаться и кусочками корневища, на которых находятся почки. Ещё одна интересная особенность этого растения — его чувствительность к свету. При сильном затенении оно может перейти к подземному образу жизни и существовать за счёт гриба в течение нескольких лет, а при освещении участка вновь появляется над землёй. Гудайера ползучая — очень древнее растение, сохранившееся даже в ледниковый период. Необходимо приложить все усилия, чтобы не дать исчезнуть такой оригинальной жемчужине нашей флоры.

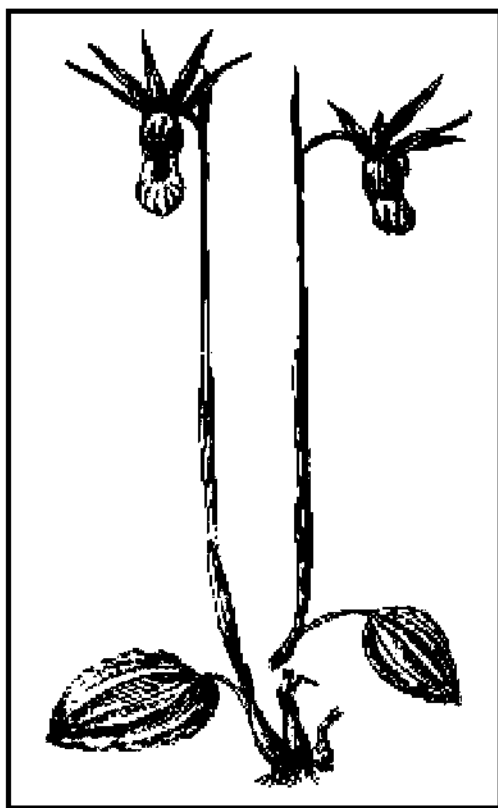
Среди красивых, нежных и очень уязвимых орхидей есть растения, способные сохранять жизнеспособность в самых разнообразных и зачастую неблагоприятных условиях. Одним из таких отважных и выносливых является дремлик широколистный. Дремлик — многолетнее травянистое растение высотой до 1 метра с коротким толстым корневищем, от которого отходят мясистые корни. Корневище расположено довольно глубоко, поэтому дремлик может расти и на сухих почвах, но очень медленно. Стебель у растения светло-зелёный, прямостоячий, у основания покрыт корич-

невыми чешуйками, в верхней части слегка фиолетовый. На стебле 4 – 10 овальных стеблеобъемлющих листьев. Цветки у дремлика неправильные, зеленовато-пурпуровые, собранные в соцветие до 40 см длиной. В верхней части губы накапливается нектар, который привлекает насекомых — ос, шмелей, мух-журчалок. Больше всего цветок посещают насекомые с коротким хоботком. Погружая голову в цветок, оса нагружается комком пыльцы, которую переносит на рыльце другого цветка. До и после опыления цветки поникают, а для опыления принимают горизонтальное положение. Как и все орхидеи, дремлик очень слабый конкурент. Натиск некоторых сильных видов (лабазника вязолистного, щучки дернистой) могут полностью вытеснить дремлик с обжитого луга. Наши терпеливицы- орхидеи в течение всего существования пытаются избежать конкуренции с более сильными и мощными видами. Уклоняясь от тесного соседства с ними, орхидеи отступают на участки, малопригодные для обитания; реже всё-таки пытаются сосуществовать, но при этом встречаются единично, небольшими группами, хотя они — самые удивительные украшения лугов и лесных полянок.

Дремлик широколистный.

В лесах обитает ещё одна оригинальная орхидея. Это холодостойкая, встречающаяся даже на границе с лесотундрой, калипсо луковичная. В нашей зоне она распространена в мшистых хвойных лесах, часто среди поваленных деревьев, иногда на заболоченных участках, нередко на известковых почвах. Это красивое многолетнее растение с коротким корневищем и шнуровидными придаточными корнями. Для перенесения неблагоприятного периода тропическими орхидеями выработано интересное приспособление — водозапасающий орган. Это утолщённая нижняя часть стебля, которая имеет форму луковицы и называется клубнем. Унаследовала

Калипсо луковичная.

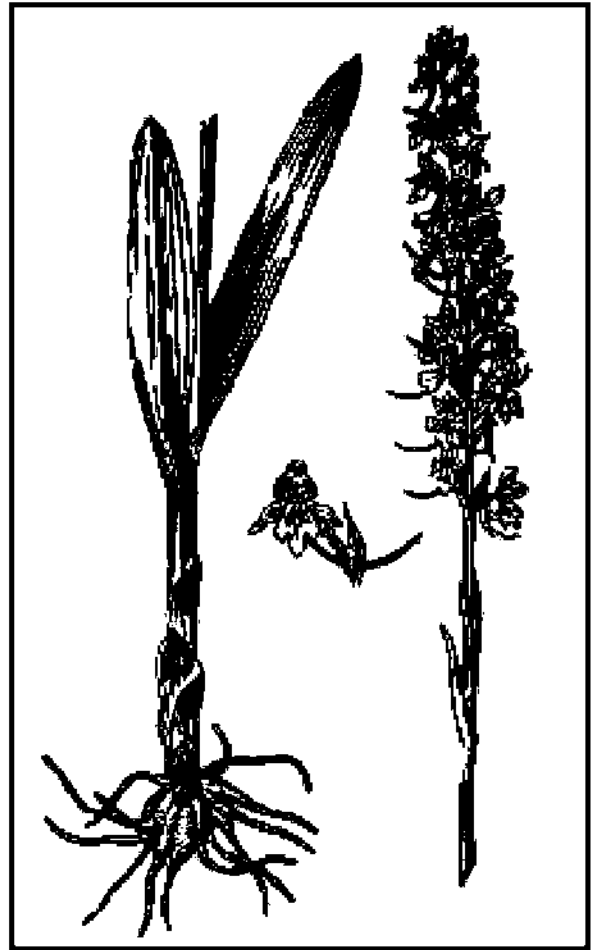
этот орган от тропических предков и калипсо. Стебель у растения небольшой — 20 см, единственный лист калипсо формируется к осени и уходит зелёным под снег, он имеет яйцевидную форму, до 4 см длины. Цветёт растение в конце мая – начале июня: на верхушке стебля раскрывается один крупный изящный цветок с сиренево-розовыми лепестками и душистым запахом. Калипсо встречалась в северных районах нашей области ещё в конце прошлого века. В связи с массовой вырубкой хвойных лесов, нерациональной организацией вывозки древесины, а также сокращением числа опылителей и снижением семенного возобновления, сведений о его произрастании в настоящее время не имеется. Если учесть, что это растение — единственный представитель рода калипсо, потеря может оказаться невозполнимой. Калипсо луковичная на территории Костромской области должна

находиться под строжайшей охраной. Она внесена в Красную книгу России.

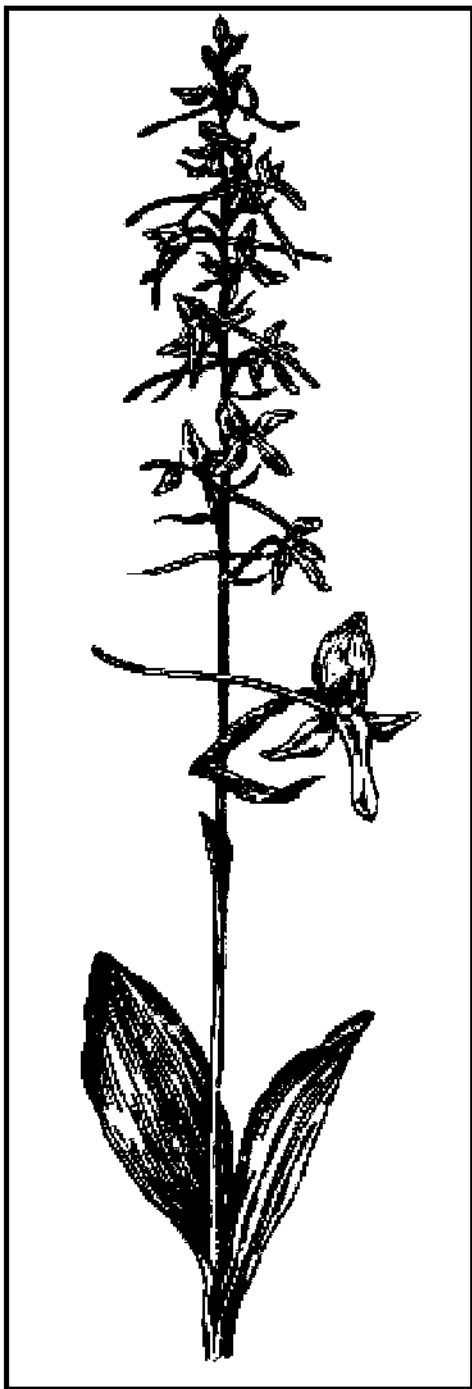
Кокушник длиннорогий, или комарниковый, по внешнему виду напоминает пальчатокоренники. Это многолетнее высотой до 60 см растение, образует под землёй пальчатый 4–6-лопастной, сжатый с боков клубень. Листья у него узкие, слегка отогнутые назад. Лилово-розовые со слабым приятным гвоздичным запахом цветки собраны в густое колосовидное, в виде цилиндра, соцветие. В цветке кокушника имеется серповидный шпорец, который в полтора-два раза превышает завязь. Кокушник относится к тем орхидеям, которые обеспечивают своё опыление, не прибегая к хитрым уловкам. Они привлекают насекомых запахом, усиливающимся к вечеру, и без всякого обмана предлагают насекомым нектар, обильно вырабатываемый клетками внутри длинного шпорца. Цветок создан природой настолько виртуозно точно, что когда бабочка просовывает свой хоботок в шпорец, пыльца быстро приклеивается по обе стороны хоботка, а при следующем посещении цветка она приходится точно на расположенные по бокам рыльца пестика. Цветёт кокушник в июне-июле, реже в августе. Опыляется различными видами насекомых — дневными и ночными бабочками, мухами, пчёлами, жуками. Как и все орхидные, кокушник длиннорогий

требует к себе особого внимания. Он очень долго развивается, прежде чем мы сможем полюбоваться его изысканной красотой. Два года проросток живёт под землёй, и только на третий год появляется зелёный лист, а зацветает растение ещё через несколько лет. Не торопитесь срывать очаровавший вас цветок — вы погубите целое растение, не оставив ему ни малейшей возможности возобновиться. Ведь как и прочие его клубневые родственники, он размножается только семенным путём.

Есть среди орхидных очень популярное и поэтическое растение. Его называют любкой, что равносильно словам «любимая», «возлюбленная». Говорят, что из клубней её готовили в древности любовные напитки, которые будто бы возвращали молодые силы и нежные чувства. Многочисленные эпитеты, которыми награждали любку, связаны с её несравненным запахом и красотой. Называют её и полевым жасмином, и диким бальзаминном, и ночной фиалкой, и ночными духами, и ночной красавицей, и даже «люби меня – не покинь». Ночной красавицей любку зовут не случайно. Если вам приходилось бывать в лесу июньской ночью, то вы на всю жизнь запомнили тонкий аромат, которым напоён воздух. Его источают цветы любки двулистной. В тёплом полумраке таинственно вспыхивают и гаснут блуждающие огоньки светлячков, призрачным светом светятся гнилушки, а на сырых лесных полянах, залитых лунным светом, красуется любка, наполняя воздух нежным ароматом своих бело-серебристых цветков. Но как только солнечные лучи рассеют ночной мрак, цветки теряют свой аромат до следующей ночи. Народ сложил об этом цветке легенды. В одной из них рассказывается о том, что в ночь на Ивана Купалу у старшего лешего в Чёрном бору расцветал чудесный цветок, не имеющий себе равных по красоте и аромату. Обладателя его ждала удача во всех делах и долгая счастливая жизнь. Леший нарочно заманивал своим цветком самых красивых девушек, заколдовывал и превращал их в ночные фиалки на лесной поляне,

Кокушник длиннорогий.

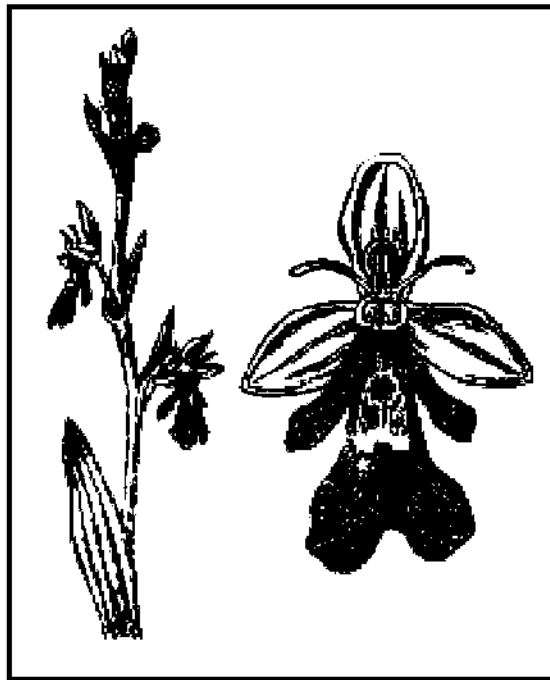
Любка двулистная.

которые особенно сильно благоухали в светлую купальскую ночь, в ночь их таинственного исчезновения и превращения.

Цветущее растение любки не лишено изящества: тонкий, стройный, прямостоячий стебель до 60 см высотой у самой земли два больших удлинённо-овальных листа (вот почему любку называли двулистной). Листья расположены один против другого и почти лежат на земле. Они блестящие, словно лакированные. Их форма и особенно лоснящаяся поверхность — хороший отличительный признак растения. Нецветущие экземпляры часто имеют только один лист. Выше на стебле располагаются ещё один-три маленьких ланцетовидных листочка. На верхушке — рыхлое, многоцветковое цилиндрическое соцветие до 20 см длины. Рассмотрите его порхающие белые цветочки и мысленно увеличьте их — вы увидите перед собой настоящую орхидею, о которой грезят садоводы. Хрупкие лепестки образуют замысловатую форму. Два боковых — словно лёгкие крылья парящей птицы. Три верхних — шалашик, они оберегают от дождя и ветра спрятавшиеся под ними тычинки и пестик. Нижний лепесток, как и у всех орхидей — губа, которая служит площадкой для насекомых — опылителей. А завершает цветок длинный, изящно изогнутый шпорец; он несколько напоминает миниатюрные ножны для шпаги. Внутри шпорца — бесценный сладкий нектар. Благодаря множеству длинных, торчащих во все стороны шпорцев соцветие любки

выглядит лохматым. Цветки опыляются ночными бабочками. Свообразны подземные органы любки — два небольших овальных клубенька величиной с напёрсток и пучок толстых неветвящихся корней. Клубеньки служат местом отложения запаса питательных веществ, они представляют собой сильно утолщённые корни. Эти клубеньки относятся к так называемому замещающему типу, то есть ежегодно образуется только один клу-

бень, поэтому для размножения они служить не могут. А размножается любка исключительно семенами, очень мелкими и довольно многочисленными. Растёт любка в хвойных, лиственных и смешанных лесах, особенно близ «окон», по опушкам, лесным полянам, зарослям кустарников. К влажности любка безразлична, растёт она как на сухих, так и избыточно увлажнённых почвах, к богатству и кислотности почв также нетребовательна. Может выдерживать затенение, однако предпочитает освещённые места, где лучше цветёт и плодоносит. Любка двулистная — растение пока ещё достаточно распространённое, но с каждым годом в лес приходит всё больше и больше народа, сбор цветов год от года увеличивается. Если так будет продолжаться и дальше, то очень скоро любка станет редкостью и уйдёт в глубину леса.

Офрис насекомоносный.

Беспокоятся ботаники и за более редкий вид, очень похожий на любку двулистную — любку зелёноцветковую. Это многолетнее травянистое растение имеет более крепкий до 30 – 60 см стебель, зеленовато-белые цветки, почти без запаха, немного крупнее, чем у любки двулистной, да и шпорец несколько крупнее и на конце булавовидно утолщён. Зацветает растение на две-три недели раньше. Угроза исчезновения любки очень реальна, так как эти растения размножаются только семенами. Собирая цветы, мы не даём созреть семенам, а следовательно, целиком уничтожаем потомство растения в самом зачатке. Над растением нависла серьёзная опасность. Если так будет продолжаться и дальше, то очень скоро любка совсем исчезнет из наших лесов, а наши потомки никогда не смогут полюбоваться этим изящным растением.

Иногда на сырых лугах внимание человека может привлечь невысокое растение, на котором вместо цветков сидят пчёлы или мушки! Ясно видны крылышки, ножки, усики, глаза. Если мы попытаемся согнать насекомое, то оно останется неподвижным. Это и есть цветок одной из самых оригинальных орхидей — **офриса, пчёлки**. У нас встречается, правда очень редко, один вид офриса — насекомоносный. Это растение 15-40 см высоты с маленькими, почти шаровидными или продолговатыми клубнями диаметром около 10 мм. Стебель тонкий, облиственный в нижней части. Лис-

Пальчатокоренник.

тьев три-пять, они сизоватые, длиной до 12 см. На соцветии от 5 до 10 цветков. У цветка офриса насекомоносного губа похожа на тело насекомого со сложенными крыльями, блеск которых имитируют серо-голубые полосы на губе. Боковые лепестки околоцветника имеют вид антенн-усиков, а расположенные в основании губы ложные нектарники напоминают глаза насекомых. В целом цветок удивительно имитирует облик самки того или иного вида насекомого. Обнаружено даже сходство запаха цветка и насекомого. Насекомые находят этот цветок даже в тёмном помещении. Объясняется всё довольно просто: самцы некоторых перепончатокрылых появляются после перезимовки несколько раньше самок. Побуждаемые мощным сексуальным инстинктом, они летят к цветкам офриса, которые завлекают насекомых с помощью хитроумной приманки — подсадной пчёлки. Из-за очень узкой специализации офрисов по отношению к определённым видам насекомых-

опылителей процент завязывания семян у них очень низкий, вегетативное размножение и вовсе отсутствует. Поэтому офрисы нуждаются в самой тщательной опеке, если мы хотим сохранить это уникальное растение, которое занесено в Красную книгу страны.

Люди давно обратили внимание на необычные подземные структуры некоторых орхидных — клубни, отличающиеся длинными пальчатовидными отростками. Один из родов так и называли — пальчатокоренник. В давние времена одни их называли «божьими ручками», другие — «чёртовыми руками». В.Шекспир устами Офелии говорит о них, как о пальцах мертвеца. Они также являются полноценными источниками медицинского салепа.

В нашей области встречается несколько довольно сходных по внешнему виду пальчатокоренников — мясо-красный, Руссова, Фукса, Траунштейнера, балтийский. Это растения достигающие в высоту 60 см, отличаю-

щие достаточно плотными, с пятнами буроватого цвета или без них, листьями и красивыми розовыми, розово-фиолетовыми или красными соцветиями. Строение цветка у них типичное для всех орхидных — он состоит из 6 листочков, которые расположены в два круга. Один из трех листочков внутреннего круга сильно отличается от других — он называется губой и выполняет роль посадочной площадки для насекомого. Губа крупнее других листочков и у каждого вида своей формы. Ещё один характерный признак: склеивание пыльцы в довольно плотные образования — поллинии, которые снабжены клейкой железкой и ножкой — все это обеспечивает прилипание пыльцы к телу насекомого. Основ-

Ятрышник шлемоносный.

ной товар, который могут предложить опылителям растения с помощью яркой «рекламы» — лепестков — это нектар. Но у пальчатокоренника его нет — шпорец, в котором обычно бывает нектар, не что иное, как хитрая ловушка. Когда насекомое, севшее на губу, просовывает голову в полость, ведущую в шпорец, оно неизбежно опыляет растение в «принудительном порядке». Цветут пальчатокоренники в начале лета на 9–11 год после прорастания семян, вегетативного размножения не наблюдается. Численность пальчатокоренников невелика и сокращается с каждым годом. Опасностей быть уничтоженным у них много. Это хотя и многочисленные, но несамостоятельные (для прорастания и их питания необходимы микроскопические грибы) и очень мелкие семена, полезные клубни, красивые густые ярко-окрашенные цилиндрические соцветия и, наконец, последствия уничтожения привычных мест обитания. Все это может вычеркнуть эти изумительные растения из списка живущих на земле видов. Пальчатокоренники внесены в различные региональные Красные книги.

Впервые греческое слово «орхис» для обозначения одного из растений употребил еще Теофраст (IV–III вв. до н.э.) в своем «Исследовании о растениях». Орхис — по-гречески обозначает яичко и указывает на сходство парных подземных клубней орхидных с яичками животных. Об этом

же напоминает и русское название ятрышник, произошедшее от «ятро», «ядро». Действительно, под землей у ятрышника шлемоносного образуется корнеклубень, в котором накапливается много крахмала и маннана-слизистого вещества, легко растворимого в воде, пектиновых веществ, немного смолы, минеральные соли. Если выкопать растение в период цветения, то можно заметить два клубня — дряблый, темный, старый и светлый — упругий, молодой. У ятрышника есть два склада: из старого корнеклубня питательные вещества расходуются на рост и развитие в данном году. И одновременно в новой кладовой накапливаются запасы на будущий год. Молодой корнеклубень перезимовывает и выпускает весной новую цветочную стрелку с листьями и оригинальными цветками. Высушенные клубни ятрышников являются лекарственным сырьем, фармацевты называют его «салеп». Он издавна применялся в народной медицине Востока, откуда был позаимствован вначале как народное средство, и лишь позднее стал использоваться научной медициной. Народные врачеватели считают салеп хорошим обволакивающим, смягчительным и противовоспалительным средством при отравлениях некоторыми ядами, вызывающими желудочно-кишечное расстройство, и при кишечных заболеваниях у детей. Он обладает хорошим общеукрепляющим действием.

Стебель у ятрышника шлемоносного достигает 20-45 см высоты, в нижней части находится 3–5 листьев, они эллиптические, до 9-19 см длиной. Соцветие у растения густое, многоцветковое, почти цилиндрическое, а цветки с приятным запахом, беловато-розовые. Зацветает ятрышник в мае-июне на 7 год после прорастания семян. Опыляют растение многие виды насекомых — пчелы, мухи и др., но плоды завязываются лишь у трети цветков. К тому же, его клубни пользуются «успехом» у мышей, гусениц, других мелких насекомых. Так что опасностей быть уничтоженным у ятрышника много. Ятрышники, как и другие виды орхидей, не могут не привлечь внимания человека. Красота ятрышников — их беда. Любители букетов обрывают соцветия с листьями, а это не только делает семенное возобновление невозможным, но приводит к гибели и самого растения, так как в корнеклубне не может накопиться достаточное количество запасных питательных веществ для дальнейшего развития и зимовки. Ятрышник шлемоносный в настоящее время очень редкое растение, занесенное в Красную книгу России.

Каждое растение уникально, неповторимо, вплетено незримыми нитями в ткань, которая носит название «жизнь». Много тайн и открытий можно сделать, изучая мир растений, вот почему так важна и необходима работа по изучению флоры Костромской области, в которой может принять участие каждый желающий.

VII. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Епископ Геронтий (Лакомкин)

ВОСПОМИНАНИЯ

Вскоре исполнится полвека со дня смерти мужественного человека, прошедшего сталинские лагеря, доброго пастыря и выдающегося проповедника, до последнего своего часа заботившегося о возрождении и процветании Древлеправославной Старообрядческой Церкви — епископа Геронтия.

“Всею душой преданный Богу и Его святой Церкви, глубоко изучивший Священное Писание Ветхого и Нового Завета, деятельнейший церковный организатор и администратор, крупнейший канонист, исключительный специалист в области патрологии, пламенный проповедник, неутомимый и ревностный священнослужитель, отлично знавший церковный устав, — епископ Геронтий в истории Древлеправославной старообрядческой Церкви занял большое и почётное место”, — так о нём писал церковный календарь за 1955 год.

Епископ Геронтий (в мире Григорий Иванович Лакомкин) родился в 1872 году 1 августа в деревне Золотилове Костромской губернии (ныне Ивановская область) в семье старообрядческого священника. Получил домашнее образование. Благодаря своей любознательности, прекрасной, можно сказать, феноменальной памяти и блестящим способностям, он самостоятельно изучил ряд учебных дисциплин средней

школы и особенно преуспел в изучении специальных религиозно-богословских наук.

Жизнь его сложилась так, что волею Божиею и настойчивыми просьбами старообрядцев села Стрельникова Костромской губернии 14 мая (старого стиля) 1906 года он был рукоположен в сан диакона, а 21 мая — посвящён в сан священника.

Началась кипучая деятельность молодого священника среди старообрядцев стрельниковского прихода. Его стараниями был капитально отремонтирован и частично перестроен храм, было построено особое старообрядческое училище с четырехлетним курсом обучения, где помимо общеобразовательных предметов ученики под руководством отца Григория изучали закон Божий и старообрядческое богослужение. Кроме того, была открыта специальная школа по обучению крюковому пению. Выпускники её стали впоследствии “золотым фондом” Стрельниковского церковного хора. Эта школа дала много учителей для других приходов старообрядческих церквей России, в которых возрождались певческая церковная традиция древнего крюкового пения. И не случайно церковное пение прихожан Покровского стрельниковского храма получило заслуженную оценку учёных-музыковедов.

Кипучая деятельность отца Григория стала известна среди старообрядцев. В 1911 году отец Григорий (после своего вдовства в 1908 году) избран Освященным Собором Церкви на Петроградско-Тверскую епархию. 27 февраля он принял иноческий постриг с именем Геронтий, а 11 марта 1912 года состоялось его рукоположение во епископы. Хиротония происходила в Петрограде на Громовском кладбище. Хиротонию совершил архиепископ Иоанн (Картушин) в сослужении 3-х епископов.

Управляя в течение 20 лет Петроградско-Тверской епархией, владыка Геронтий много труда положил для восстановления и строительства храмов и монастырей, в том числе его заботами был построен Покровский собор на Громовском кладбище. Управляя епархией, он внимательно следил за своим родным стрельниковским приходом и состоянием обучения в школе. Его стараниями построены храмы в Костромской губернии, в том числе храм и школа в селе Ду-

расове. К великому сожалению, полуразрушенное здание школы лишь напоминает о когда-то едином церковном ансамбле.

Незаметно подошёл 1932 год — год, когда последовал арест епископа Геронтия, а затем длительное заключение и пребывание в лагерях до 1942 года. В 1942 году после освобождения он возвращается в Костромскую область, в своё дорогое и родное Стрельниково, а прописывается и живёт в селе Дурасове. По приезде сразу же вступает в управление Ярославско-Костромской епархией, а с 1943 назначается помощником архиепископа Иринарха и переезжает в Москву, где 7 лет служит в Покровском кафедральном храме Рогожского кладбища.

Немало пастырских трудов положено в тяжёлые годы Великой Отечественной войны. При непосредственном участии владыки Геронтия было составлено много воззваний и обращений по защите Родины а также собрано средств на её оборону.

Его духовное завещание и полная биография написаны им самим за несколько дней до кончины и разосланы по старообрядческим приходам Костромской области, а также самым близким своим знакомым. Автобиография имеет два раздела. Первый — это его жизнь до 1932 года, т.е. до ареста, и второй — это годы вне свободы.

В 1951 году 7 июня мирно почил о Господе великий светильник Церкви Христовой — епископ Геронтий. Похоронен в общем святительском склепе на Рогожском кладбище города Москвы. Память о нём до сих пор сохранилась среди старообрядцев. Ещё живы те люди, которые с ним общались и молились в храмах нашей костромской земли.

Он, епископ Геронтий, стяжал глубокую любовь и сердечную благодарность, что очень редко выпадает на долю одного человека.

Память о нём незабвенна.

*Старообрядческий священник,
настоятель церкви Рождества Богородицы
с. Дурасова отец Валентин Новожилов*

Сказание о родословии Лакомкиных*

*Как и почему произошла фамилия Лакомкиных — христиан-старообрядцев деревни Большого Золотилова Ивановской области**, бывшей Костромской*

Родоначальник этой фамилии был некто старец — благочестивый христианин, старообрядец Белокриницкой иерархии, по имени ИАКОВ, родившийся в конце XVII столетия. Воспитан был в очень благочестивой христианской семье в деревне Золотилове. Был весьма грамотный. <...> Он решился без стеснения, открыто исповедовать правоверие; был так называемый записной старообрядец (раскольник)***, платил два налога (за старообрядчество и за ношение бороды) и неоднократно без очереди призывался на военную службу.

История предания свидетельствует, что он очень был милостив к немущим и для того, чтобы всегда иметь при себе деньги, гроши, копейки, он на поясе носил особый мешочек, называемый «лакомка».

Другие люди обычно такой мешочек-лакомку носили только по праздникам, давая детям гостинцы и бедным милостыню, а дедушка Иаков носил эту лакомку ежедневно — и на работах крестьянства, и всегда. За это его и прозвали «Лакомка». А сына его, Стефана, называли Лакомкин, т.е. сын Лакомки. Далее и пошло поколение фамилии-прозвища Лакомкиных.

Стефан имел двух сыновей: Парфена и Герасима. От Герасима родился Феодор, впоследствии был первым священником при дер. Золотилове. У него было 4 сына и дочери. Семья была большая, и все ревнивые старообрядцы. А от Парфена родился Григорий. Григорий имел очень большую семью. Его жена, Евдокия, несмотря на то, что в тогда было крепостное право (три дня работали барину-помещику и три дня для себя), поодиночке всего родила 19 человек. При этом с Григорием были, т.е. жили вме-

* Публикуется впервые по машинокопии 1949 г. с правками автора, бережно сохранённой прихожанами села Стрельникова близ Костромы. Текст приведён к нормам современной орфографии при максимально возможном сохранении авторского стиля. (Здесь и далее — примечания редакции).

** Деревня Золотилово расположена неподалёку от г. Плёса Ивановской области.

*** Записной старообрядец — официальный старообрядец; незаписной — тайный, перешедший из православия.

Сказание о родословной Лакомкиных

сте, и дедушка, и бабушка, и тетушка; имена их уже неизвестны. Семья Григория Парфеновича насчитывала более 40 человек. Все жили вместе и мирно, в полном послушании и смирении.

Григорий Парфенович обучил своих сыновей и дочерей не только грамоте читать по-славянски и петь, но и арифметике, и письму. Особо талантливы были Николай Григорьевич и Иван Григорьевич. Тогда это было редкостью. Две девицы (вековухи) были особо обучены даже и знаменному пению в г. Шуе и в г. Москве.

Дети его — часть умерли во младенчестве, но большая часть и взрослыми. Один из сыновей, Павел, умер 21-го года — от злых людей был отравлен, потому что не захотел жениться на девице-никонианке. Страдал от отравы 3 дня. Без суда виновных простили, а он — красавец и по душе и телу — отошёл к Богу. Две его сестры-вековухи умерли девицами, читая слово Божие, имея особое горение к Богу. В чистоте тела и души отошли к Богу. Были обучены они знаменному пению и уставу службы.

Тогда было сильное гонение. Молились при закрытых окнах и ставили сторожей около здания, где молились, чтобы не быть арестованными. Власти часто отбирали и книги, и святые иконы, облачения, даже и подручники.

Григорий Парфенович рано женил своих сыновей. Занимались крестьянством и ткали на дому полотна от купцов. В доме было до 5 станов.

Старший сын Николай, а потом и Иван, с детства занимались чтением святых книг, так как кругом были разноверия и всякий хвалил свою веру.<...> Никоновские миссионеры всегда нападали и требовали ответов. А больше всего старались арестовывать и гнать старообрядцев.

Впоследствии Григорий Парфенович четырёх сыновей с жёнами определил в село Яковлевское*, в 18 километрах от Золотилова, к купцу Сидорову Сосипатру Дмитриевичу. <...> Несмотря на блестящие заслуги <...> братьев и безукоризненную их жизнь, только за то, что они не захотели быть беспоповцами, каким был сам хозяин, всех 4-х братьев с жёнами в 24 часа уволили с работы. Пришлось им всем возвратиться к родному отцу и заняться крестьянством.

Такова была участь братьев Лакомкиных. Подробности будут указаны в описании семьи Ивана Григорьевича Лакомкина.

Потомство Лакомкиных

Правнук дедушки Якова, Феодор Герасимович, при появлении архи-

* Яковлевское - ныне г. Приволжск, райцентр Ивановской области.

** Архиепископ Антоний — первый архиерей, возглавивший в середине XIX века

Епископ Геронтий (Лакомкин)

епископа Антония** в Москве был избран от прихожан и поставлен был от архиепископа Антония первым священником в Золотилове для христиан-старообрядцев.

Отец Феодор Герасимович имел большую семью из 4-х сыновей: Иван Феодорович (большой), Парфений Феодорович, Василий Феодорович и Иван Феодорович (малый). Потомство Лакомкиных имело как бы какие-то особые таланты, особые способности по всем отраслям. Кроме крестьянства, они приспособились делать набивки платков из бумажной ткани, даже и ситцы разных рисунков, особенно это было развито у Парфена Феодоровича, несмотря на то, что он был совсем почти неграмотный.

При всём этом все они были очень религиозны и начитаны. Парфен Феодорович, имея при своём промысле, при его заводе, 5–10 человек постоянных рабочих, из них грамотных по праздникам заставлял читать святые книги и делал в них закладку и отметку — зная каждую отметку, о чём там говорится. <...> Так что и миссионеры не в силах были с ним вести беседы. В книге Кирилловой, Катехизисе большом, Маргарите и т.п. имелось от 200 до 400 закладочек приклеенных, и он знал, что отмечено в борьбе с никонианами и беспоповцами. Каждая закладка у него была в уме. Он старался помнить и листы, а главное — разноцветные закладочки.

Старший сын у Парфена — Артемий, самоучкою обучился при паровом двигателе и разных приводах лошадьми печатать ситцы разных рисунков и красить материи в разные цвета, а особенно плюс (красный цвет) и кубовые, чёрные и темно-синие цвета, и они не линяли и не выгорали. А второй сын Георгий изучил варить мыла и разные гарные масла. Имел в этом особые способности, давая пользу людям. У большого Ивана дети были все знаменитые слесаря, а особенно из них — по прозвищу «баков Иван», он чинил всякие швейные машины, был часовых дел мастером и всяких потребностей, а на заводе у Пелевина — незаменимым мастером по слесарному и по машинам.

У Василия Феодоровича старший сын Андрей получил звание крахмального мастера, а два были специалистами по счетоводству; особо в этом отличился Дмитрий Васильевич.

Проще говоря, к удивлению всех, потомство Лакомкиных было от природы богато талантами разных способностей. Но переживания разных несчастий в жизни мешали их развитиям, а главное — гонения на веру. Но несмотря на всё это, они могли в Золотилове изо всей губернии г. Костромы первые получить разрешение от МВД на постройку молитвенного дома,

т.н. Белокриницкую (она же Рогожская, она же — Австрийская) иерархию — крупнейшую старообрядческую русскую Православную Церковь, всероссийский центр которой донныне находится на Рогожском кладбище в Москве.

Сказание о родословной Лакомкиных

каковой и был построен в 1885 году на усадьбе Парфена Феодоровича. Второй священник в Золотилове был Иван Григорьевич Лакомкин, а после него его сын Георгий, священствовал 19 лет и был епископом Донской епархии; умер в 1932 году. Брат его Григорий Иванович* был священником в Стрельникове, а потом епископом Петроградско-Тверским.

Заботами и старанием епископа Геннадия, епископа Геронтия в Золотилове была построена церковь каменная и освящена в 1915 г., с очень хорошим иконостасом и иконами, и был организован хор любителей певцов и певиц. В 1931 году храм был закрыт.

Много было стараний восстановить храм, но просьбы были отклонены. Люди остались и без храма, и без священника. Последний священник был о. Феодор Сидоров, очень религиозный и талантливый священник и добрый пастырь. Приход пришёл в полное запустение, но надеются ещё восстановить святой храм — это покажет будущее.

Да будет воля Божия на всё.

Краткое описание жизни старообрядческого священника деревни Золотилова, бывшей Костромской, ныне Ивановской области — Иоанна Григорьевича Лакомкина, его супруги Манефы Дмитриевны и их семейства

*Отцы наши поведаша нам, не утаися
от чад их в род ин.*

*Возвещающа хвалы Господня и силы
Его, и Чудес Его, яже сотвори.*

Пс., 77, 3–4/

В описании жизни указанных лиц — всюду видны особые проявления силы Божией, чудесных событий и покровительства Всевышнего. Всё то, что известно было, то и записано, сознавая, дабы не погрешить, а описать то, что было и что известно, как передавали отцы и деды и другие лица и как Всеведущий Бог над ними проявлял Свои неопишуемые силы и судьбы уст Его.

* Автор настоящего описания.

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Иоанн Григорьевич родился в большой семье благочестивых родителей 31/ХІІ–1884 г. (Тезоименитство его 7 января). Воспитан был при строгом христианском благочестии в старообрядчестве, приемлющих священство Белокриницкой иерархии. Обучен был не только церковной славянской грамоте и пению, но со своими братьями и арифметике, и письму.

В те времена, при крепостном праве, это было редкое явление, а тем более родители его, Григорий Парфенович и жена его Евдокия, и их семья большая были так называемые записные старообрядцы (раскольники), открыто и смело верующие по старым святым книгам, не имея общения с господствующей никонианской церковью.

Тогда было сильное гонение на старообрядцев. Григорий Парфенович два раза незаконно за религию был призван на военную службу, но Божиею помощью помещик Бологовский и его жена оба раза освободили его от этого, за его безукоризненную жизнь и благочестие.

Иван Григорьевич и старший его брат Николай с детства возлюбили чтение святых книг, никакие детские игры и развлечения их не касались. На буднях усиленная крестьянская работа (три дня в неделю — на помещика, и три дня — на себя), а в праздники — за богослужения, и весь день вместо отдыха — чтение святых книг. Когда достигли брачного возраста, их около 17 – 18 лет женили. Для Ивана Григорьевича родители подобрали особо благочестивую девушку знатных крестьян и благочестивых родителей д. Василькова — девицу Манефу Дмитриевну, хорошо грамотную по церковнославянскому языку. Тогда это было тоже редкостью. Девица Манефа по своей кротости, скромности и целомудренности уже не хотела вступать в брак, но её отец, зная благочестивость Лакомкиных, благословил сочетание ей святым браком, несмотря даже и на то, что она была старше жениха годов на пять.

После вступления их в брак Манефа Дмитриевна стала по счёту в семье 36-й. Их отец дал распоряжение четырём сыновей с жёнами определить на фабрику в с. Яковлевское, в 18 километрах, к купцу Сидорову Сосипатру Дмитриевичу, старообрядцу-беспоповцу. Николай Григорьевич определён был управляющим фабрики, Иван и Зиновий — в контору в качестве счетоводов и по приёмке и распределению товаров, Сергей — в качестве кучера самого хозяина, а жёны их — ткачихами. У них была ткацкая ручную — полотенца, скатерти и полотна в 3–5–7 подножек. Было до 40 станков.

Николай Григорьевич, как особо развитый и грамотный, через короткое время из ручной фабрички создал паровую самоткацкую и научил работать полотенцы и скатерти не только шашечками, но и в разные цветы и рисунки посредством картона, и, наконец, выткали портрет государя Алек-

сандра II и представили это достижение во дворец. В награду хозяин получил золотого орла. <...>

В это время помер у беспоповцев настоятель их моленной. Хозяин особо стал просить быть настоятелем, и в то же время и управляющим, Николая Григорьевича. Он категорически отказался, доказывая несправедливость беспоповства. И ни на какие вознаграждения не соглашался. Хозяин, несмотря на неописуемые заслуги его и его братьев и блестящие безукоризненные их труды, приказал их всех рассчитать и уволить с фабрики. Так и было сделано. Все они неожиданно возвратились в родной дом, и пришлось им всем заняться крестьянством. Семья увеличилась и стала более 40 человек.

Николай Григорьевич, переутомлённый работами и заботами на фабрике и чтением книг, получил чахотку, к крестьянским работам стал неспособен. Он последнюю свою жизнь потратил на чтение святых книг и делал из них выписки по разным вопросам в борьбе с никонианами и с беспоповцами, их в круге было более 5 разных групп: федосеевцы, поморцы, спасовцы, странники, и из них — денежники и безденежники. Одни деньги брали, а другие считали деньги за антихристову печать. Единоверцы, а потом раздорники — иосифовцы и иовцы (т.е. неокружники). Вот у него на все вопросы разноверующих и были ответы в выписках написаны своею рукой, так как в книгах тогда была особая нужда. Выписок у него было с Иваном Григорьевичем более 10 пудов. Полный громадный сундук. Очень, очень жаль: во время пожара не могли его вытащить и всё это неоценимое сокровище сторело. Остались выписки, бывшие в раздаче по христианам, и часть копий с них.

Он всю свою жизнь горел только к Богу и к защите правоверия. Был в беседах непобедим. Жена и он, оба, в одном году предали святые свои души в руци Божии. Остались две дочери, девицы-сироты, и они были выданы замуж, а две его сестры, девицы, учёные в г. Шуе пению, так в девицах и померли. От них другие были научены знаменному пению, уставу службы.

В это время помер священник д. Золотилова о. Феодор Герасимович Лакомкин. На его место единогласно прихожанами был избран Иван Григорьевич Лакомкин.

От прихода д. Золотилова было избрано два кандидата: один Иван Григорьевич и другой — Галактион д. Золотовки. Когда они прибыли в Москву, по достоинству и по исповеди был поставлен во священники Иван Григорьевич, а Галактион, как канонически, по недостоинству, должен был быть забракован; последнему было очень унижительно, ему хотелось быть священником, а его этого лишили.

Пока обучали о. Иоанна, Галактион оставался в Москве под видом

Епископ Геронтий (Лакомкин)

ознакомления с Москвой и её святынями. В это время в Москву епископом незаконно был поставлен второй Антоний, тогда как в Москве был архиепископ Антоний, называемый Шутов. Галактион узнал, что второй Антоний пребывал в доме купца Винокурова, он пробрался туда и объяснил о себе, что его не поставили во священники. Второй Антоний, несмотря на его недостойность, поставил его не в Золотилово, а в Золотовку, 7 вёрст от Золотилова. Этому Галактиона поставили с условием, чтобы он не имел общения с о. Иоанном Лакомкиным, зазирая его, что они, якобы, окружники. По приезде на родину о. Галактион стал делать раздор, несмотря на своё недостойство.

Священник о. Иоанн, а тем более его брат Николай очень были начитаны во святом Писании — Николай в то время ещё был жив. Они сразу же поехали в Москву и всё подробно узнали о незаконности второго Антония и что раздор был не из-за окружного послания, а из-за денег Рогожского кладбища, украденных Винокуровым, когда он был попечителем на Рогожском кладбище. За это его и уволили. И он, Винокуров, и другие написали подложное прошение к митрополиту Кириллу в Белую Криницу — незаконно поставили второго Антония (Гуслицкого). Впоследствии он был запрещён от митрополита и соборно низвержен. И бывши в запрещении и низвержении, он, епископ Антоний, поставил во епископы Иосифа Нижегородского, епископ Иосиф поставил на Москву Иова, и между ними произошёл раздор с проклятиями друг друга. Так в Золотовке и получилось две группы, две веры: одни назывались иосифовцы, другие — иовцы...

Такое было печальное событие по научению врага дьявола. Эту историю о. Иоанну и его детям пришлось всесторонне изучить и доказывать всю гибельность раздора и бороться с ним.

На долю молодого священника о. Иоанна выпал тяжёлый крест. Гонение от никониан, борьба с никониянами, единоверцами. Борьба с беспоповцами — их было 5 разделений: федосеевцы, поморцы, спасовцы, странники — денежники и безденежники — и две группы раздорников. Ему всегда нужно быть готовому давать ответы всем указанным разноверцам. Но Бог ему помогал, и у него была особая начитанность. Через 2–3 года Николай помер. Он остался один. Моленную закрыли. Ему пришлось ходатайствовать об открытии другой моленной, и Бог помог. Министерство внутренних дел разрешило построить молитвенный дом в Золотилове, с большим трудом храм был построен на усадьбе Парфена Феодоровича Лакомкина. Это было в 1885 г.

Ранее молились при доме о. Феодора, почти рядом с волостным правлением. Много раз отбирали святые книги и иконы, подсвечники, даже и подручники, многих арестовывали. Но вот в 1885 г. храм разрешили. Не-

смотря на разрешение, и тут были попытки к гонению. Один из урядников узнал, что в праздник была литургия, он с сотским и десятским в головных уборах вбегают в храм и приказывают закончить богослужение. О. Иоанн смело продолжал служить, народ, возмущившись, закричал, объяснив о разрешении. Когда обжаловали становому приставу, уряднику было сделано строгое замечание и он был переведён в другую волость.

При начале поставления его во священники ещё трудность была у о. Иоанна: он неожиданно был отделён из дома; с большим трудом ему пришлось поставить небольшой домик под соломой 8x8 арш., и то только благодаря отцу его жены Манефы Дмитриевны.

Кругом гонение, приход малый и бедный: было 32 записных семейств старообрядцев и столько же незаписных, малые дети. Всего было 5 сыновей и одна дочь. Два сына померли во младенчестве, один сын глухонемой. Старший сын Георгий, дочь Варвара и сын Григорий — их нужно было обучать грамоте и письму и церковному чтению и пению. Главное средство к жизни было крестьянство, но и оно бедное. Единственная была помощь от отца Манефы Дмитриевны.

У Григория Парфеновича семья была очень большая, и как-то был неурожай. Но он любил поминать умерших родных, а их было много. <...> Он имел постоянный двор и ямщину — держал 3–4 лошадей для того, чтобы возить почту и начальство (это было уже после освобождения крестьян). У хозяина-старика летом в августе получилось так, что осталось денег всего 3 рубля. Он решил сделать на них поминание умерших и заявил семье, что нынче годового праздника 18 августа, Флора и Лавра, он делать не в силах и чтобы и они в гости к родным на Успение и на другие праздники не ходили. Семья приуныла. Один из сыновей заметил отцу и сказал: «Лучше бы ты не делал поминки, а годового праздник бы сделал». Дедушка ответил: «Я пока хозяин, и я знаю, что в Библии и других святых книгах говорится: кто умерших поминает, тот не обеднеет». Ему заметили: «А у тебя и гроша нет». Он не знал, чего и отвечать. Старик очень опечалился, вышел на улицу, сел у дома на завалинке и задумался: как же быть? «Может, я ошибся, — говорил он себе. — Господи! Помоги мне, грешному! Научи мя и вразуми! Не знаю, как быть?»

Вдруг слышит: едут с колокольчиком парой. Увидав его, спрашивают: «Где дом Григория Парфеновича?» Он ответил, что он и есть Григорий Парфенович. Из экипажа выходит молодой человек и заявляет: «Я сын бывшего вашего барина — помещика Бологовского, который очень любил Вас, Григорий Парфенович! Он помер, завещая мне сделать у вас поминки за упокой его души. Разрешите ночевать у вас и помянуть моего дорогого отца». Старик радушно встретил гостя, поплакал о Бологовском, зная, что он был

Епископ Геронтий (Лакомкин)

для всех очень хороший, а особенно для него, и что он выкупил всю вотчину и наградил землёй и лесами бесплатно.

Багаж с ним был — 2 большие корзины (сундуки), в одной — столовая и чайная посуда, ножи и вилки и в другой разные яства: тут и паюсная икра, и осетрина копчёная; были и всякие сладкие вкусные ядения. Время было Успенского поста. Там были и разные сласти, варенье и сладкие пироги. Всё это привезенное им за упокой его отца. Но семья Григория Парфеновича не поняла этого.

Сын барина попросил всё распаковать и собрать на стол. Поставили самовар, начали кушать за упокой его отца. Все стеснялись — мало кушали. Барин заявил, что б утром его разбудили в 8 часов утра и ничего для него не готовили. Утром встали, молодой барин даёт дедушке Григорию свёрнутую бумажку; он полагал, что это — рубль. Не брал, говорил, что ели-пили своё, а за ночлег брали с человека только 10 коп. Быстро гость сел в свой экипаж и уехал. Дедушка посмотрел, — а у него в кармане 100 руб. Как говорили тогда, — «екатеринка». Вошёл в дом, а там и корзины запакованные стоят. Он в ужас пришёл. Скорее приказал оседлать лошадь, чтобы корзины возратить гостю и 100 руб., как ошибочно вместо рубля данные ему...

Сын Сергей быстро поехал на ст. Горкино. 18 вёрст. Успел прибыть до отхода поезда. У них был особый вагон. Барин объяснил, что корзины, и что в них, и 100 рублей — это подарок за упокой его отца, особо любившего дедушку Григория, на помин его, и ещё дал 10 руб. Сергею Григорьевичу за труд езды, а тогда извозчик и тарантас стоили 60–70 коп. Сергей Григорьевич с двумя корзинами и с деньгами поехал домой, со слезами поблагодарив барина.

По возвращении Сергея всё было объяснено и была неопишуемая радость у всех. Был сделан и годовой праздник, и на Успение семья его радостно гостила у родных. А праздник Флора и Лавра был необыкновенным. Гостили крестьяне, приехавшие на праздник, не выдавшие белой хорошей фарфоровой посуды, и ножей, и вилок металлических. Когда угощали паюсной икрой, и копчёной осетриной, и другими яствами — многие в жизни своей первый раз вкушали таковые ядения. Ясно оправдались слова Библии и святых книг о поминовении умерших; дедушка Григорий ожил, и больше он никакой нужды не имел. В то время 100 рублей были большим капиталом, а на 10 рублей дополнительных был сделан годовой праздник. Часто он вспоминал и рассказывал об этом чуде Христа. Его дети и внучата прекрасно знали это событие, славя Бога, вспоминая истинность святой Библии и других святых книг.

Дедушка Григорий внимателен был не только к семье своего дома, но

Сказание о родословной Лакомкиных

и к семье сына своего, священника о. Иоанна. Он строго смотрел, чтобы утром и вечером совершались молитвы, а также и перед пищей и после, чтобы молитвы читались вслух, за трапезой чтоб разговоров не было. Чтобы всё было по чину и благообразно, чтобы никто не пропускал богослужения в храме. Чтобы в семьях были мир и любовь. Строго следил за воспитанием детей, а особо — в семье у о. Иоанна ...

Старший сын был у о. Иоанна — Георгий, а затем — дочь Варвара и сын Григорий. Родители их, особо мать, строго следили и охраняли от всяких уличных греховностей. На буднях обременены были все крестьянской работой, а в праздники все были за богослужением, и после обеда разрешалось детям отдыхать на улице только до 6 часов вечера.

К матери нередко собирались и её подруги, и другие люди. Они любили вслух читать книгу Златоуст и жития святых по Чети Миней, а детей заставляли слушать и потом рассказывать или сами им подробно объясняли о прочитанном. Когда читающие дети не понимали славянского языка и видели взрослых плачущих при чтении, то после спрашивали наедине свою мать: «О чём же так плакали Вы и гости?» Мать со слезами подробно объясняла... Такое праздничное домашнее чтение святых книг было и у бабушки Парфена Феодоровича. Там собирались помногу христиан-слушателей. Читали там книгу о вере, Кириллову, Маргарит и другие святые книги.

Старший сын Георгий во время юношества нередко приглашался во святой храм г. Иванова за повседневные службы в качестве чтеца. Но у него было особое желание выучиться знаменному пению. 18 лет его женили. На втором году супружества он уехал в с. Елесино (Горьковская обл.), где жил Владыка Кирилл, и там всю зиму обучался пению. Потом он был определён в торговлю к одному старообрядцу с. Кохмы с тем, чтобы по праздникам совершать в доме богослужения.

Очень трудно было о. Иоанну без старшего сына и по делам храма, и по крестьянству. При всём этом у него от всяких угроз и перегруженности работой и чтения святых книг появилась чахотка лёгких; болезнь день ото дня увеличивалась. Доктора объявили ему, что оба лёгких парализованы. Смерть должна быть скоростижна. Последние 2 года он был очень болен, но ходил, делая все свои духовные дела; крестьянские дела уже делать не мог.

Тяжёлое было положение. Крестьянские работы все падали на матушку Манефу, её малолетнюю дочь, сына Григория, который только что кончил начальную школу с отличием и особо год учился церковнославянскому чтению.

25 июля 1886 года, около 10 часов утра, о. Иоанн был у плотников (после пожара строили дома), и только придя домой (был один в коридоре

Епископ Геронтий (Лакомкин)

— в сенях на полу была постель), он, видимо, хотел лечь — лёгкие оборвались, кровь хлынула изо рта. Оказалась у постели лужа крови; он, закрывши рот, пошёл на улицу, кровавыми руками оставляя следы на стене. Выйдя, сел на завалинку, рукой махал глухонемому сыну, сидевшему на траве с бабушкой Евдокией. Она, ничего не подозревая, вдруг увидела хлынувшую кровь изо рта своего сына о. Иоанна, и он упал на землю, ни слова не мог сказать, тихо скончался от излития крови. Срочно дали сведения в поле, где жала рожь матушка Манефа с дочерью и сыном Григорием, каковые прибежали уже к мёртвому телу отца.

Отец Иоанн был под судом по церковным делам. Пристав и урядники не разрешали хоронить до 7 дней — когда уже тело разложилось, тогда только разрешили — чтобы и над мёртвым поиздеваться. Неописуемо было горе матушки Манефы и её детей, а также и у прихожан-христиан, оставшихся без священника.

На похороны был вызван старший сын Георгий Иванович. Мать Манефа упросила его быть хозяином малолетних детей её и воспитателем. Он согласился. Прихожане же, собравшись, единогласно решили просить Георгия Ивановича быть у них священником вместо его отца. После долгих колебаний было обоюдное соглашение. Епископ Кирилл Нижегородской и Костромской знал хорошо Георгия Ивановича как своего ученика и охотно поставил его во священники для прихода д. Золотилова.

Тяжёлый крест был для юного священника. Кругом гонения, нападки миссионеров, разное верия. Всем нужно давать подобающие объяснения, а в семье недостатки, приход очень бедный. Но с Божиею помощью энергично взялся за все дела молодой о. Георгий. Он сразу же, по благословению епископа Кирилла, взял учителя пения — некоего Василия Ивановича Крестьянинова (он помер протоиереем в с. Дулёве в 1948г.), только что кончившего учение пению. Он, Крестьянинов, собрал две группы — 4 и 6 человек, начал учить всех знаменному пению и чтению, начиная с Григория Ивановича.

Во время похорон о. Иоанна один знаменитый рисовальщик, сын священника г. Иванова Голубев, заметил очень богатые способности к рисованию у Григория Ивановича, решил взять его в Иваново, где и сам жил, получая в то время 70–80 руб. в месяц, и обучить его рисованию. Юному Григорию это очень понравилось, а тем более, он был очень слаб силами и здоровьем и не обладал особым голосом. Он смело заявил своему о. крестному и старшему брату, что собирается ехать в Иваново и излишне обучаться пению. Узнав об этом, дед, о. Григорий, всесторонне объяснил, что в первую очередь нужно изучить крестьянство и христианские науки, а по-

том и мастерство, указывая на пример его сыновей и пословицу: «В людях, как ни живи, а за скобочку держись». Настойчиво и резонно сказал, чтобы и в уме не было этого, а теперь же серьёзно и усердно приказал обучаться знаменному пению и уставу богослужения.

С осени и до весны были обучения. Прошли актай и кое-что из обиходного пения. Григорий шёл передом. Весной учитель уехал на родину, и осенью его взяли на военную службу.

С осени о. Георгий строго приказал крестнику Григорию продолжать изучение пения, и вновь взяли ещё до 10 человек, и юноше Григорию поручено учить всех и самому учиться и быть уставщиком левого крылоса. Молодому учителю нужно было до учеников протвердить, просмотреть, что нужно учить петь, сначала самому, а потом преподавать ученикам. Так и устав, и порядок службы. Богослужение было только по воскресным дням и праздникам. Причём, о. Георгий объявил, что если будут в пении и уставе службы ошибки или непристойности на крылосе, за всякое нарушение по 100 поклонов земных с молитвой «Без числа согреших». Молиться у амвона в храме. Дисциплина была очень строгая и твёрдая. О каком-либо гулянии и думать не приходилось. Все сутки были распределены. В праздники отдых был с обеда и до 6 часов вечера. Одно говорили юному Григорию и мать, и о. Георгий: «Готовы ли устав, песнопения, и спевки, и учение на праздники? Учи других и себя». Благодаря только ещё помощи из г. Иванова, где был знаменитый регент, учитель Семён В. Власов, который много помогал юному учителю, годов через 4–5 золотилловский хор певчих считался отличным.

По закону предстояла воинская повинность, имущим власти дано было право староверов призывать по наружному виду. Григорий Иванович ростом был мал и худосилен, медлили его и призывать. Мать его и брат решили женить его до призыва на военную службу. Сами нашли невесту ему, и мать положительно заявила: «Да, я благословляю жениться на указанной девушке». Сын желал жениться на другой, а мать отклонила. Юный сын сказал: «Знаю, что в Библии написано, что благословение родителей утверждает дома чад». Несмотря на то, что не имел особой любви к указанной девушке и даже не знал её, он решил подчиниться воле матери, веря в слова Библии. Так и получилось — когда был совершён брак, чин венчания, то у сочетавшихся оказалась какая-то особая, неопишуемая сердечная любовь, каковая неизменна была до смерти.

Невеста — Анна Дмитриевна Нечаева — была из деревни Жеребчихи, в 9 километрах. Там и обычаи брачных вечеров были другие, чем в Золотилове. Во время вечера у невесты, по языческому обычаю, жених и невеста должны первые совершать танцы, а за ними и гости все должны

Епископ Геронтий (Лакомкин)

плясать. Жених Григорий Иванович категорически отказался, ибо он никогда в жизни не плясал и не танцевал, считая это великим грехом. Стали уговаривать невесту. Она отказывалась, но обратилась за советом к жениху. Он положительно заявил, что пляшущая жена — невеста сатанина и т.п. «Если Вы, — говорил он, — изволите танцевать, то уж будете не моя невеста, а сатаны», и что он, жених, должен оставить вечер и не считать её своею невестой. Это было сказано тихо, но мать её, очень благочестивая женщина, это услышала и положительно заявила гостям, что у них хотя и есть указанный обычай, но его выполнять молодые не будут, и дочь её категорически отказалась. Предложили продолжить вечер, как умеют гости. Танцев не было. Для зрителей показалось это странным — говорили: «Староверы не хотят выполнять их местные обычаи, а особо старовер-жених». В деревне Жеребчихе было только два дома староверов.

Брак указанных молодых был очень счастлив, и любовь между ними была неопишима. Но вот через три года гражданская власть решила призвать Григория Ивановича на военную службу. В указанное время Григорию Ивановичу от роду было около 25 лет. За прошлые 5–6 лет за обучение детей пению и чтению почти ежемесячно были протоколы с угрозой суда. Утрата и отсутствие Григория были весьма нежелательны для семьи и церкви. Молодому священнику о. Георгию брат был не только уставщиком и регентом по пению, а главным единодушным помощником по защите правоверия. Оба брата все свои свободные минуты тратили на чтение книг и полемику с инаковерующими. У обоих было пламенное горение защиты веры и правоты их святой Церкви.

Весной перед призывом, не зная об этом, Григория Ивановича уговорили поступить на фабрику, где он пробыл только 9 дней в качестве конторщика на окладе 10 руб. в месяц, а далее ему было положено 40 руб. в месяц. Но прихожане уговорили его быть дома — церковь без него запустела. Он согласился.

Весна... Женский пол, особо жена о. Георгия, настояли, чтобы сделать раздел, а тем более, ожидали призыва на военную службу. Братья очень мирно жили; этого не желали. Но мать благословила. Она избрала себе Григория Ивановича, и, главное, — кроткую и миролюбивую его жену Анну Дмитриевну. Раздел был совершён очень мирно, хотя без желания братьев. Старший брат о. Георгий с женой и братом, глухонемым Иваном, и Григорий — с женой и матерью. Раздел был пополам.

А тут, по злобе гражданской власти имущих, решили безвременно взять на военную службу Григория. Писарь всех больше злился и решил для смеху вероисповедание вместо «старообрядец-раскольник» записать «православный», чтобы в военной службе невольно его заставили совер-

Сказание о родословной Лакомкиных

шить общение с ересью. Григорий Иванович это обнаружил и заявил военному начальнику. Тот сделал строгое замечание писарю и написал вместо «раскольника» «старообрядец».

Весной землю начали пахать надвое, хлеб надвое, а харчи решили делить до осени вместе. У о. Георгия жена матушка Ольга была в положении. Врачи признавали младенца приросшим, роды — опасными и что ей нужна операция. Матушка Ольга на это не согласилась. Решила вызвать духовного отца — исповедовалась, причастилась и с боязнью ожидала время родов.

В начале сентября был призван на военную службу Григорий Иванович и вместе с другими, как рекрут, на два месяца был отпущен домой. Григорий Иванович решил в эти два месяца ознакомиться с сапожным мастерством, по согласию с семьёй, сознавая, что раскольников в военной службе преследуют и в унтер-офицерское звание не производят, лучше служить в мастерской.

В один из воскресных дней, 18 сентября, решили, что после обедни Анна Дмитриевна поедет к своей матери погостить. Работы крестьянства все были кончены. Уехал и о. Георгий — к больному. К вечеру Григорию Ивановичу нужно было идти на пристань реки Волги Семигорье, в 12 км от Золотилова, а там 20 км по Волге до Кинешмы — один час езды.

Матушка Ольга приготовила чай, чтобы на дорогу угостить, собрала гостинцев и на дорогу Григорию Ивановичу, и её родным в г. Кинешме. Затем она произвела как бы особую исповедь. Она, горько плача, сознавала свой плохой характер и ошибки в жизни. Она считала себя недостойной женой такого хорошего человека, как о. Георгий. Она оплакивала, что делёж семьи — из-за неё. Все свои поступки горько оплакивала, и особо в оскорблении членов семьи и матери. Она как бы чувствовала приближение смерти, со слезами прощаясь и у матери Манефы. Кончили чаепитие. Она решила проводить Григория Ивановича за деревню и там со слезами простилась, пожелав счастливого пути.

Через четыре часа Григорий Иванович был уже в Кинешме, в дому сапожного мастера; раздав подарки, он пошёл к другим родственникам и там ночевал. Утром рано встал — ночь провёл в раздумье о предположенном учении; расстроившись, идя по берегу Волги и видя снизу идущие пароходы, решил посмотреть на пристани: нет ли кого из пассажиров знакомых, и размышляя: стоит ли тратить время на учение и нужно ли оно? Решил лучше поехать к жене и там погостить.

А когда сел на пароход, то подумал, с какими глазами он придёт к теще, осуждая себя в необдуманности, страдая в особой тоске. Когда сошёл

Епископ Геронтий (Лакомкин)

с парохода на пристани Семигорье, встретил дядю жены, который спросил: «А что у вас дома?» У них получено известие о смерти матушки, а их две: матушка Манефа — мать семьи — и матушка Ольга, жена о. Георгия, а которая умерла — не знают. Срочно поискал извозчика — его не оказалось. Быстро пришлось идти пешком. Через два часа уже дома.

О! Ужас! Матушка Ольга уже лежала на столе мёртвая, и младенца заметно в утробе — не разродившись. О. Георгий срочно поехал в г. Иваново за священником — духовным отцом — и сделать закупку на похороны. Одна мать старуха дома с малыми детьми; тут же прибыла и Анна Дмитриевна — жена Григория Ивановича, и другие родные.

Оказалось так: матушка Ольга в воскресенье вечером почувствовала время родов; была приглашена бабка-акушерка, послали за доктором в село Вичугу, в 15 км. Крови прошли, младенец остался в утробе. И так она, истекая кровью, чувствуя приближение смерти, слёзно со всеми прощалась. Муж о. Георгий и мать при ней. Приходили и соседи прощаться. Она слёзно со всеми прощалась. Никакие меры лечения не помогли. Утром около 6 часов, 20 сентября, она скончалась, а врач прибыл в 7 часов. Проверив всё, сказал, что сделать ничего нельзя. Горе и печаль были неописуемы.

Отцу Георгию было около 33 лет. Трое детей: дочери Марии — 7 лет, мальчику Ивану — 5 лет и Александру — 3 года. Похороны были совершены обычно. Горе и печаль семьи и прихода были неописуемы. После совершения похорон матушки Ольги о. Георгий, обращаясь к брату Григорию, сказал: «Прошу делёж прекратить, а жить вместе в мире и любви, как они и были. Анну Дмитриевну прошу быть хозяйкой дома и матерью моих детей-сирот». Так и было сделано.

Мать же их, матушка Манефа, была в слабом здоровье. На неё сильно повлияла смерть её сестры Клавдии, скоропостижно умершей от побоев мужа и изменника в верности супружеской жизни (это было 5–6 лет тому назад), и призыв сына-любимца на военную службу. Когда постигла такая трагическая смерть Клавдию Дмитриевну, сестру матушки Манефы, муж её (он был принят в дом и имел после жены дочь Парасковью, 7 лет) узнал, что выданным замуж от родителей из недвижимого имущества полагается 1/14 часть. А они, две сестры, по личному завещанию отца, пользовались лесами пополам, их было около 40 десятин. Феодор Антонович, муж Клавдии, восстановил себя опекуном дочери и подал в суд иск на свояченицу Манефу за неправильное пользование лесом в течение 10 лет — около 1000 руб. Суд признал взыскать их и лишить права пользования лесами.

В это же время священник о. Георгий, видя, что дом и постройки после отца своего пришли в ветхость, решил построить другой. Попалась случайно, очень дёшево, одна старая шатровая мельница размером 17x12 арш.,

Сказание о родословной Лакомкиных

стоимостью 110 руб. Денег у него было всего 10 руб. Он решил занять денег и построить необходимый дом для всей семьи, надеясь и на лесную часть как на наследство матери. С большим трудом поставили этот дом, покрыли. И вдруг ещё неожиданно явился хозяин усадебной земли, где был поставлен дом. Он подал в суд, имея большие деньги; суд присудил дом сломать и очистить землю. А тут ещё и иск свояка на 1000 руб., а у него долгу было 400 руб. Да и стены их дома из старой постройки вычинены. И если сломать, то только на дрова. Это было за год до женитьбы Григория Ивановича. Мать-старуха и два брата решили: пусть дом ломают. А для семьи решили вырыть землянку — лишь бы только как-то уплатить долги. Приход был очень бедный, также и крестьянство бедное. О. Георгию указали хотя пьяницу, но очень опытного юриста в г. Плесе. Он за три рубля написал прошение о несправедливости постановления суда и подал куда нужно.

Через несколько времени дочь Феодора Антоновича Парасковья, 7 лет, умирает. Похоронили. Манефа Дмитриевна очутилась единственная наследница на всё имущество после своего отца. Волостной старшина срочно вызывает её в правление. Она, очень тихая, кроткая, перепугалась и одна не пошла, а взяла с собой сына — о. Георгия. Там ей объявили, что она есть наследница и владелица и чтобы вместе с властями срочно ехала в деревню Васильково получить всё имущество: и дом, и леса, и документы на них, а Феодору Антоновичу причитается 1/14 часть. Дом и постройку, стоящие более 1000 руб., она уступила ему за 400 руб., чтобы уплатить долги за свой дом. А через несколько дней сообщают: жалобщику о удалении дома, якобы, с его усадьбы, отказать и усад земли принадлежит неотъемлемо братьям Лакомкиным.

Пережитое горе и неопишуемая радость сильно повлияли на здоровье матушки Манефы. Забота о женитьбе сына Григория и неопределённость его призыва на военную службу, воспитание младшего сына Ивана, глухонемого, — это всё очень её обессилило. Ивана решили обучать сапожному мастерству и отдали на 5 лет в обучение грамоте как глухонемого. Дочь Варвару решили выдать замуж — хорошо, что она попала в очень благочестивую семью: муж был фельдшер, а отец его впоследствии принял иночество — был подлинно святой жизни. Много горя и печали причинила старушке матери Манефе неожиданная кончина матушки Ольги 20 сентября 1899 г. — ей было 33 года, и оставила она трёх малолетних детей. И призыв на военную службу сына, любимца Григория Ивановича. Это всё повлияло на её лёгкие. Оба лёгких были поражены туберкулёзом.

В половине ноября любимца-сына Григория Ивановича, ей, старице, и любимой жене его Анне Дмитриевне пришлось проводить на четыре года

Епископ Геронтий (Лакомкин)

на военную службу. Гора и печали для них и для всей семьи было очень много. Остаётся мать-старуха больная, о. Георгий, 33 лет, с сиротами — малолетними детьми, молодая солдатка Анна Дмитриевна и глухонемой Иван, около десяти лет. Всем достался очень и очень тяжёлый крест.

Для молодого священника-вдовца путь жизни был очень тяжёлый, не говоря о том, что весь приход и храм падает на его плечи, что лишился помощника в полемике и руководителя в храме, а главное — нужно ему быть безукоризненным в глазах народа и прихожан как молодому вдовцу, такая же участь падает и на молодую солдатку Анну Дмитриевну. Но этот путь они прошли безукоризненно, и в чести, и во славу Божию Христовой Церкви. Годовые праздники были исключены, полная трезвость в доме и порядок благочестия. Были случаи брачных трапез близких и родных Анны Дмитриевны — она категорически отказывалась, считая себя как вдовой и дабы не было зазора от мужа.

У Григория Ивановича солдатство полно было всяких приключений и переживаний. Первый год проходил строевую службу при полной строгости той, бывшей дисциплины. За отказ петь песни он немало получал пощёчин и наказаний, за неядение мясной и скоромной пищи в посты — подозрение в уклонении от воинской службы. На второй год его определили в полковую канцелярию писарем, полагая, что он не раскольник (так тогда называли старообрядцев); у него в формуляре было написано «старообрядец» — по их мнению, единоведец господствующей церкви.

Когда наступил Великий пост, полковой писарь объявил, что писаря будут говеть первую неделю и в пятницу — исповедь, в субботу — причащение. Когда настало время идти в церковь, Григорий Иванович заявил, что он старообрядец и что не может быть на исповеди у священника, которого он считает еретиком второго чина. Полковой писарь спросил: «Как же, Вы разве не признаёте нашу Церковь православной?» Григорий Иванович ответил: «Признаю еретической за её заблуждения, клятвы и гонения на старообрядцев и т.п. ереси». Полковой писарь говорит: «Вы и государя признаёте еретиком? Он член православной Церкви!» Григорий Иванович ответил: «Я не касаюсь религиозных убеждений его Величества и не знаю, как он верит». Об этом было доложено адъютанту полковника. То малоопытен в законах веры, но, судя по сказанному, приказано было арестовать Григория Ивановича на 20 суток за хулу на Церковь и оскорбление его Величества и предать полковому суду.

В это время Григорий Иванович вспомнил, что если нужно обжаловать решение начальника, то нужно прежде лично заявить ему об этом. Он

заявил адъютанту, что арест признаёт незаконным и что будет жаловаться по команде включительно до его Величества. За религиозные убеждения не должно быть арестов. Адъютант закричал, начал ругаться. В это время в канцелярию вошёл священник-академик, преподаватель женской гимназии (это было в городе Шавли). Этот священник был друг адъютанта, но неверующий; вместе с адъютантом пьянствовал и бывал в открытых домах, оба без жён. Как говорят, кутили во всю, без стеснения. Священник спросил, что за крик и в чём ругань? Адъютант объяснил, что Лакомкин не только неидёт в православную церковь, но назвал её еретической и т.п. Священник, обращаясь к Лакомкину, спросил, какого тот вероисповедания. Лакомкин ответил: «Старообрядческого, приемлющих священство Белокриницкой иерархии — по Рогоженскому кладбищу». Священник ответил, что он учился в Москве и бывал на Рогожском кладбище и хорошо знает редкости икон, и жизнь, и убеждения старообрядчества. И затем задал некоторые вопросы полемического характера — и получил подобающие ответы.

Обратившись к адъютанту, сказал: «Вы не имеете права его арестовывать и невольно заставить его идти в Вашу церковь, а более подходяще будет поступить с ним так: пусть полковой священник убедит его». Но Лакомкин этого и в мыслях своих не допускает, показывая твёрдость веры и обоснование вины над господствующей Церковью. Тут же, обличая адъютанта при всех, священник говорит: «Вот мы оба первую неделю поста пьянствовали, сам знаешь, где были, а в субботу ты хочешь причащаться. Это явное кощунство. А у старообрядцев в этом — каноническая строгость и благоговение. Я, — говорит о себе, — неверующий, жена у меня развратничает и меня оставила, и я также, но я уже не касаюсь никаких святынь. А Вы себя именуете православным. В чём ваше православие? А ещё хотите казнить искренне убеждённого христианина старых обрядов, это нелепо и Вам стыдно делать так бесчеловечно. За это ты и сам можешь подлежать суду. Человек открыто высказал свои убеждения, а вы уже и казнить. Их бесстыдно гнали более 200 лет. Этим только унизили вы свою Церковь...».

Адъютант тут же взял свой приказ об аресте, подписанный им, и, разорвав его, приказал написать приказ отправить Лакомкина на увещевание к полковому священнику. Побеседовав ещё, адъютант и священник куда-то вместе пошли. А Лакомкина отправили в полковую церковь. Там уже полковой священник спросил об убеждениях его. Лакомкин также отказался быть у него на исповеди и причащении, указывая ереси Церкви их. Священник дал Лакомкину миссионерскую книжку о расколе. Предложил почитать и о последующем ему сообщить. В книге приказов отметил, что дальнейшему убеждению не подлежит и в церковь ходить не принуждать. Впоследствии был в дружестве к Лакомкину, и того зарегистрировали быть его

Епископ Геронтий (Лакомкин)

писарем по церковной отчётности.

В канцелярии адъютант и командир полка стали относиться к Лакомкину очень хорошо и безнаказанно, кроме полкового писаря. Тот всё время враждовал, а особо, когда Лакомкина произвели в старшие писаря и адъютант вверил ему секретный шкаф. За всё время оставил его артельщиком по питанию писарей, как верного и трезвого человека. Тут Лакомкин был очень рад тому, что мог всё время жить, не нарушая постов. Писаря все были очень довольны за хорошее своё питание. Во всём указанном было особое Божие покровительство и чудесное спасение.

В полку был в безобразии архив бумаг. Командир полка доверил привести в порядок архив Лакомкину. Он, как умеющий хорошо рисовать и писать по-славянски, имел особую обязанность. Он привёл в образцовый порядок все бумаги и приказы — сложил в отдельные папки с крупными надписями каждого дела и, приказав сделать этажерки, установил все бумаги по годам. А архив 113 пехотного Старорусского полка был почти за 200 лет. Осталась масса лишних бумаг, её продали. Покупатели были очень хитрые. При вешании бумаг писаря Лакомкина и других обманули. Приказали перевесить, оказалось, что более чем на 100 пудов обвешано. Покупатель налгал, что, якобы, за деньги им давали какие угодно походы. Вот тут полковой писарь опять с радостью хотел Лакомкина предать суду. Но заведующий хозяйством, подполковник, и командир полка, видя блестящие честные труды Лакомкина, всё ликвидировали. Пережить всё это было нелегко. Были угрозы на три года тюрьмы. Вскоре начальник корпуса, посмотрев архив, который ранее был в беспорядке, выразил командиру полка особую благодарность за образцовый порядок архива. Доверие к Лакомкину стало ещё более, несмотря на частые жалобы полкового писаря, который очень злился: зачем такое доверие к староверу и ругателю их Церкви. И тут явно было Божие покровительство и чудесное спасение Лакомкина.

К празднику Рождества Христова Лакомкин на листе бумаги нарисовал праздник Рождества со словами приветствия — приветственное письмо — и без спроса отпечатал его на камне литографии для рассылки с праздником Рождества Христова и с Новым годом. А на обороте можно было писать свои пожелания. Всем очень это приветствие понравилось. Для всех отпечатали около 100 листов. Кто-то преподнёс его и полковому писарю. Тот взял и послал своим родным. А когда узнал, что это сделал Лакомкин, тут же написал жалобу — якобы, это кощунство, что изображение Рождества Христова литографировали, печатая на камне.

О ужас! Опять всполох, опять адъютанту и командиру жалобы. Когда командир узнал, сказал, что нужно было спросить разрешение. «Тогда бы мы и для всего полка отпечатали и для солдат». Лакомкин остался безнака-

Сказание о родословной Лакомкиных

занным. Явно, безоговорочно видно и здесь, как сила Божия и Его покровители всюду защищали его.

Через два года Лакомкин едет на родину в месячный отпуск к жене и родным. Жена его за два года очень пополнила. Когда прибыл на родину Григорий Иванович, он спрашивал родных, а особо сестру секретно расспрашивал, о поведении его жены. Все ответили, что она себя ведёт очень образцово и безукоризненна во всём. А когда прибыли в свою деревню, одна враждующая болтливая соседка, остановив его, говорит: «Что, на родину и крестины приехал? Жена скоро родит». Немало могло быть возмущения. Но прожив месяц, не было рождения, и к 4 году Анна Дмитриевна ещё полнее сделалась, и только через год, при муже, родила сына Геннадия, а потом оказалось: клеветница — болтливая соседка — всенародно раскаивалась в клевете, завидовала, что очень Анна Дмитриевна мирно жила с о. Георгием в семье и матерински заботилась о сиротах. Переписка у Григория Ивановича с женой была не менее 2 раза в месяц. Сам Григорий Иванович в полку вёл себя безукоризненно. Одно утешение его было — святые книги и усиленная работа в канцелярии. До матери доходили сведения о бывших на него гонениях и желании арестовать любимого её сына. Она, как сердобольная мать, принимала всё близко к сердцу, и болезнь лёгких её увеличивалась, но она особо горячо и усердно об нём молилась. В 1900 году неожиданно болезнь её усилилась: у неё пошла кровь через гортань, так что более полуведра натекло крови. Была исправлена, пособорована, был приглашён знаменитый врач Купеческий. Он заключил, что оба лёгких особо сильно повреждены. Осталось её жизни несколько часов. Как только встанет — лёгкие отвалятся и ей будет смерть.

О. Георгий и Анна Дмитриевна взяли в помощь двух старух, чтобы они следили и не позволяли ей вставать. А Григорию Ивановичу собирались послать телеграмму — но выжидали: подавать, что мать при смерти или что мать скончалась. Ночью эти медсёстры-старицы обе уснули и не слышали, когда болящая встала, оправила и зажгла лампадки у святых икон и начала молиться полунощницу. В это время они пробудились, подбежали к ней, стали просить лечь в постель. Она их убеждала, говоря: «Дайте мне спокойно помолиться». Разбудили о. Георгия и Анну Дмитриевну, и те уговаривали её лечь. Она и их просила не мешать ей молиться. Кончив молитву, сама легла и попросила любимую сноху Анну Дмитриевну, чтобы та сварила ей клюквенного киселька и холодного бы она могла покушать, извиняясь, что сама не в силах помочь в стряпне и почистить картошку. Утром встала, покушала. Потом начала ходить и помогать стряпать. Через неделю или 10 дней врач, бывший у больной, увидев о. Георгия, спросил у него, когда похоронили мать. Тот ответил, что она жива и помогает в дому.

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Ходит в церковь и т.п. Доктор не поверил. Через день приезжает с другим опытным доктором, и проверили положение здоровья; оба нашли, что у неё лёгких нет — отвалились. А почему жива? Непонятно. Один сказал, что у староверов и организм по-другому устроен. После этого матушка Манефа жила ровно 15 лет. Разве это не чудо Божие? Все удивлялись на неё. Она особо радовалась, когда возвратился любимый сын Григорий с военной службы в звании старшего писаря и кандидат на заурядного военного чиновника с аттестациями; она была в особом восторге и в неопикуемой радости, славя и благодаря Бога за всё.

Перед окончанием военной службы Лакомкину было предложено выдержать экзамен на заурядного военного чиновника. Время свободного у него почти не было, подготавливаться некогда, но он решил держать экзамен. Выдержал на отлично. И тут явно была опять помощь Божия. Один из товарищей особо предупреждал Григория Ивановича, чтобы он не держал экзамена на заурядного военного чиновника. Ожидалась война. В первую очередь будут брать заурядных военных чиновников. Григорий Иванович решил последовать воле Божией и делать так, как приказывало ему начальство. Получилось обратное: когда была война с японцами 1904–1905 гг., все писаря были взяты на войну, а Григорий Иванович, как кандидат на заурядного военного чиновника, взят не был. И тут чудесная сила Божия спасла его.

Прибыл домой даже на месяц раньше чем другие, к годовому празднику 18 августа Флора и Лавра. Освобождён был за его особые отличия и безукоризненное поведение. Радость была неопикуема и для его жены, и для матери, и для любимого брата. Григорий Иванович с любимым братом о. Георгием энергично взялись за благоустройство прихода святого храма. Григорий Иванович собрал до 20 человек учеников по пению, всемерно постарался восстановить пение и чинность во свягом храме, живя очень мирно в семье, воспитывая совместно и сирот о. Георгия.

Тут опять, как дикие звери со всех сторон, начались гонения на родных братьев. Обучать пению и чтению препятствовали, требуя от него аттестат знания за гимназию. Несмотря на то, что даже и семинаристы не знали знаменного пения. Всюду чинили козни и грозили судом и арестом. В г. Плесе на Волге люди любили старую веру. Под старость многие присоединялись. А это законами было до 1906 года запрещено. Но о. Георгий был смел — и присоединял, и их отпевал. По городам старообрядцам провожать покойников было воспрещено, а в сёлах было можно. В г. Плесе рядом — слобода-село, разделяла их речка. Вот Григорий Иванович, провожая покойника по городу, не пел. А как только перешёл речку — запел с хором

Отец Георгий Лакомкин. 10-е гг.

своим «Святый Боже». Тут и урядник, и протокол. Угрожал и арестом, и судом. Просил взятку, было отказано. Ожидали ареста.

Вскоре помер старообрядец на Пасхе в разлив Волги. Кладбище ниже по Волге, за слободу. Когда вышли из дома с покойником, не пели, а как сели на большую лодку (завозня), помещающую более 50 человек, на лодке, на воде, запели надгробное «Христос Воскресе» — чудные звонкие голоса хора разливались по воде; тысяча зрителей г. Плёса слушала старообрядческое пение с особым желанием. Не успели возвратиться с кладбища — опять урядник, опять протокол. Григорий Иванович объяснил уряднику, что есть разъяснение, что петь нельзя только по улицам города, а в деревнях можно. Но не указано нигде, что запрещено петь на воде — на Волге. Урядник обещал привлечь к суду как Григория Ивановича, так и его брата о. Георгия. Но ему отказали. Сила Божия не допустила. В полемике храбрость у о. Георгия была неописуема.

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Когда женился Григорий Иванович, свояк его был беспоповец, считая свою веру лучше всех. Решили созвать беседу. Беспоповских начётчиков было 6 человек, а о. Георгий поехал только с братом. Беседа была в Писцове, в доме Черкасовых. Хозяин очень рьяный беспоповец. Слушатели не могли вместиться в обширный дом. Хозяин увидал, что настоятели являются безответными. Он решил подкупить пьяниц-рабочих, чтобы они убили обоих братьев, когда пойдут с беседы. Те согласились за полведра водки.

Когда они выпили четверть вина, пришли просить ещё денег на четверть, хозяин поспешил. Братьям Лакомкиным доложили, что их ожидает смерть, их тайно из дома вывели во время перерыва беседы. А пьяные открыто публике — слушателям — заявили, что они должны были убить братьев Лакомкиных, половина денег получена, ждут расчёта, а хозяин деньги задержал. Публика взбунтовалась и открыто обличила наставников и их хозяина. Все ясно видели их безответственность и наглость порыва на убийство — не стесняясь, беспоповцы говорили: «Лучше будет их убить». Свояк со своей семьёй присоединился, за что был лишён богатства его родственником — богачом-беспоповцем.

Подобная была беседа и в деревне Максимове, с угрозой избить, и ещё в деревне за селом Яковлевским была беседа с беспоповцами. Но угрозы их ещё более указывали на их неправоту. А приход о. Георгия быстро увеличивался.

Вот пример: в деревне Куделихе, в 35 км от Золотилова, родился младенец — там была одна бедная семья старообрядцев. В сенокос — горячая пора, приходит старичок, просит приехать крестить на дом. Ехать никто не соглашается. Братья решили нанять за себя людей в сенокос и лошадь для перевозки сена за 3 рубля. А на своей лошади поехали. Приехав в деревню Куделиху, чинно, не спеша, совершили таинство крещения. Зрителей было более 50 человек. Там были никониане и беспоповцы. О. Георгий объяснил о таинстве крещения. За труд получили 40 коп. Вечером бы нужно ехать домой. Попросили побеседовать. Остались, несмотря на сенокосные работы. Беседа была от 5 часов вечера до 10 часов. После беседы более 15 человек присоединились. Получилось вместо одной 5–6 семей. По приезде братьев домой жёны их и семья изрядно поругали, но у них была особая радость за успешность дела. Подобных случаев было очень много. При о. Иоанне приход был около 400 человек обоего пола, а при о. Георгии приход был уже более 800 человек.

Так изо дня в день увеличивался приход. Храм был отремонтирован. Иконостас вызолочен. Но храм стал для прихожан мал. Решили увеличить его, сделать сзади придел 9х12 аршин и прирубить особый алтарь. Но усадьба была мала, соседей решили просить уделить земли. Они отказали и про-

Сказание о родословной Лакомкиных

сили много денег за землю. Это сильно огорчило прихожан. Братья решили делать особый каменный храм, так как этому, деревянному, угрожала опасность от огня. Кругом были жилые помещения.

Деревня отвела участок земли, и на ней Григорий Иванович решил сделать кирпичный завод. Всю пользу кирпича выделять на церковь. Но увы! Глина была неподходящая для кирпича. Завод приносил убыток. Но всё-таки церковь делать было решено, но не спеша и при больших затруднениях. Главное — не было средств.

Но вот настигает их горькая для них беда и неожиданность. В Стрельникове близ г. Костромы умер священник о. Иоанн. Все прихожане единогласно избирают в священники Григория Ивановича. На это был согласен и Владыка Иннокентий, имевший при себе свидетельство о его достоинстве. В неделю Св. Отец 1906 года неожиданно в Золотилово приезжает епископ Иннокентий. Это в тот день, когда Григорий Иванович собирался ехать получать свидетельство на окончание гимназии, о чём он был проэкзаменован директором учительской семинарии села Хренова.

Владыка задержал, приостановил поездку. И тут же начали уговаривать с представителями от прихожан села Стрельникова дать согласие на принятие священства. О. Георгия дома не было, были только мать Манефа и жена Григория Ивановича. Они дружно отказывались, не давая согласия. Но мать сказала, что не возражает, чтоб сын служил Богу в священном сане, но в нашей церкви. Владыка подтвердил: «Да, да, конечно, в нашей Церкви, завтра я и поставлю его диаконом». Матушка Манефа поняла, что для золотиловского храма, а Владыка уклончиво говорил: «Да, да, для нашей Христовой Церкви».

После многих слёз и трапезы предложено было Григорию Ивановичу вместе со Владыкою и прибывшим дьяконом читать правило, каноны и причастные часы, это подготовка к хиротонии. Быстро дали извещение в деревни прихода о прибытии Владыки. Молящихся собралось много. К началу всенощной прибыл и о. Георгий. Тот усиленно протестовал и доказывал, что без брата ему и быть нельзя. А он был благочинным. Владыка ему строго заметил, что тогда приход придётся оставить без священника. «Вы же благочинный, Вы должны помогать. Всё равно Ваш брат у вас не будет, его давно ожидают и в другие приходы». Решение было окончательное, чтобы сотворить хиротонию.

Среди молящихся был слух, что Григория Ивановича будут ставить во диаконы для их храма. Торжество и радость были неопишуты. После обедни и трапезы Владыка приказал готовиться к отъезду и новому диакону как бы учиться. Тут уже все поняли, что это для Стрельникова. 7 дней побыл диаконом, служил в Нижнем, учился, а в праздник Святой Троицы

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Церковь Покрова Богородицы в с. Стрельникове. Современный вид.

Сказание о родословной Лакомкиных

поехали в село Василёво на Волге, и там торжественно была совершена его хиротония 21 мая 1906 года во священники села Стрельникова. Разлука матушки Манефы с любимым сыном была очень нелёгкая, а также его и с братом. Но пришлось примириться.

Мать Манефа по слабости здоровья жила в отдельном помещении, и там любимое её дело было — молитва за все богослужения и домашнее правило (часто она во всё вдовство своё молилась), и иноческое правило, и чтение святых книг, а в свободное время делала ручные восковые свечи и просфоры. Она считала себя счастливой, что два сына во священном сане, молилась за них, сознавая тяжёлый крест служения, и нелегко ей было жить не вместе с о. Григорием. Такая жизнь её продолжалась до самой кончины — 16 августа 1915 года.

Вскоре женили Ивана глухонемого. Его хорошо обучили сапожному мастерству и читать. Нелегко было для него найти невесту. Но нашлась одна девушка-сирота. Мать Манефа дала ей вперёд обещание, что она до гроба будет жить с ней. Она сначала не умела говорить с глухонемым, а потом скоро научилась. Жили очень-очень хорошо и в любви. Иван Иванович ещё прошёл мастерство шорное. Был особо талантлив. Чинил тракторы, сам вострил плуги и починял сеялки и веялки и особым был мастером по сапожному делу и по шорному. Впоследствии обслуживал два колхоза. Случайно пьяные наехали на него, оглоблей ударило в висок, он упал, и по нему проехали, он через день помер, 5 августа 1933 года. Оставил жену с 4 малолетними детьми сиротами... Горе для его жены было неопишимо. Особо сожалели о нём и колхозы: незаменимый был мастер и труженик честный.

О. Григория обучали священнослужению только три дня, и Владыка сказал, что народ в Стрельникове очень увлечён в пьянство, очень характерный, вспыльчивый, неоднократно его лично оскорблял. Просил быть аккуратным и наказал строго, чтобы каждый праздник и воскресение на основании 58 правила святых Апостол и 19 правила VI Вселенского Собора непременно поучать прихожан от слова Божия и святых книг. Поручение было дано свыше сил.

Встретили о. Григория очень радушно. Он вперёд телеграфировал о приезде и что сразу же по приезде будет совершено молебствие храму Покрова Пресвятой Богородицы. Храм был переполнен молящимися. Совершили торжественное молебствие, и вот в первый раз молодой священник решил сказать проповедь о мире и о любви и его трудовых обязанностях. Все были очень довольны. От радости плакали.

По окончании молебствия подходит под благословение женщина —

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Крестный ход у церкви Покрова Богородицы в с. Стрельникове, возглавляемый отцом Григорием Лакомкиным. 1907 г.

Сказание о родословной Лакомкиных

вдова бывшего их священника; со слезами заявила, что народ здесь как звери, пьяницы. Муж её умер неожиданно, не мог терпеть всего этого. Заключение: «Дай Бог хотя бы один месяц Вы прослужили. С голоду помрёте». Слова епископа и матушки немало причинили расстройств молодому священнику. Он решил пока жить один, а если не будет хлеба — выпросить у брата хлеба, хотя бы на полгода. А затем будет видно. И только тогда можно перевезти и жену.

После молебствия была обычная трапеза. Дома для священника не было. Решено сразу же строить дом. Но о. Григорий заявил, что он побудет на частных квартирах, но в первую очередь нужно ремонтировать и перестроить храм Божий. В храме была походная церковь, вместо амвона были шпалы неприкреплённые. Иконы на гвоздочках, без иконостаса, пожертвованные от прихожан. В храме грязь, чернота. Храм деревянный, нештукатуренный, обычная моленная, он построен был в 1885 г. Грозил опасность и от потолка. Размер храма 20x15 аршин и сторожка. Олтарь прирублен был после.

На другой же день о. Григорий у сторожа попросил топор и пилу и что нужно; решили сделать царские двери — и северную, и южную: полотно (парча) приделали на рамку и их навесили, чтобы свободно отворялись и затворялись. Шпалы были прикреплены, сделаны как амвон. Собрав людей, храм привели в порядок. Вымыли пол и с потолка и стен пыль и тенёта удалили. Иконы привели в порядок.

На воскресение Всех Святых за богослужением молящихся было много. Все увидели и некоторое благоустройство. Служба была торжественна. По окончании было соответствующее поучение, раньше этого не было. Народ был очень доволен. На квартиру Павлы Иосифовны, где определён быть священник, нанесли ему питания очень много: 3 четверти молока, мяса, рыбы, масла и всё необходимое. О. Григорий, увидав матушку Феодосию, объяснил ей, что он обеспечен более чем на месяц. Она ответила: «Это на первый раз, а потом и куска хлеба не будет». Молодой священник не обратил на это внимания. О. Григорием собрано было общее собрание прихожан, и сделали учёт, оказалось церковных денег 41 руб. Сделали перевыборы церковного совета, и решено было перестроить святой храм: сделать переднюю часть храма двухэтажной, высотой приблизительно 9–10 аршин. Поставить на храм главы и кресты. Смета была составлена на сумму около 2000 руб. Предложены подписные листы и добровольные сборы. Избрана была и страдательная комиссия. Храм был 20x15 аршин, высота стен 6 аршин, и только 12 рядов. Толщина леса была необыкновенная, а такого леса подобрать было трудно, но решили храм строить.

Через 2–3 недели прибыла и матушка Анна Дмитриевна. Её сразу же

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Первый набор учащихся в Стрельниковское старообрядческое училище. 1908–1909 учебный год.

все очень полюбили. Она была очень скромная, поучительная, как-то умела со всеми ладить. Изю дня в день начали прихожане приглашать батюшку и матушку в гости. Участились молебствия, всенощные, заказные литургии, и всё, чтоб были в гостях батюшка и матушка.

Старая матушка стала претендовать, завидовать: на каком основании попадья всюду ездит с батюшкой, ранее этого не было. Любовь к новому священнику и матушке от прихожан была неопишима.

О. Григорий к осени решил открыть начальное училище (пока в частном доме) для детей старообрядцев и при нём обучение пению. Это было в 1906 году. Ему разрешили. Он сам был назначен законоучителем, а учительница — от земства, за его счёт. А это для него было дороже всего. Он очень любил детей. Через год, с разрешения земства, начали строить новое училище на 110 человек для обучения грамоте и на 40–50 человек для обучения пению, при нём квартиры на 2 человека и учительская. Работы были успешны.

О. Григорий должен был сам готовиться к преподаванию закона Божия в 4 отделениях, ибо обучение было четырёхгодичное, с расширенной программой. Нужно было помогать и учительницам, нужно исполнять требы и богослужения и готовить проповеди. Каждые сутки были расписаны, минуты свободной не было. Матушка особо оберегала его во всём, а главное — чтоб не было ошибок в проповедях и в службе.

О. Григорий видел, что в приходе особо развито пьянство и другие греховности; он решил открыть «братство трезвости». Составил устав и утвердил его у власть имущих. Назначены были особые лекции — чтения с пением по воскресным дням и четвергам, по вечерам. А тут нападки миссионеров. Но отец Григорий — где сам, а где вызывал начётчиков — умело оправдывал Святую Христову Церковь от всяких нападков.

Но вот наступает его несчастье. Матушка Анна в 1908-м летом заболела лихорадкой и другими болезнями. Восемь недель лежала, пришлось её исправить и соборовать, а 17 сентября она тихо скончалась в больнице. Утеря для него и прихода была неопишима. Она семь недель лежала дома. Последние четыре недели ничего не ела и не пила; только озноб и рвота повторялись через каждые два часа в течение всех суток. На последнюю неделю по совету врача и людей её отправили в больницу. Там через три дня она уже сама не вставала. Муж был у неё 15 сентября и по её совету поехал к епископу в Нижний установить время освящения храма. Она обещалась через неделю выписаться. А получилось, что 17 сентября она неожиданно скончалась (были преждевременные роды 5–6 месячного младенца). В Нижнем неожиданно о. Григорий получает телеграмму: «Матушка

Епископ Геронтий (Лакомкин)

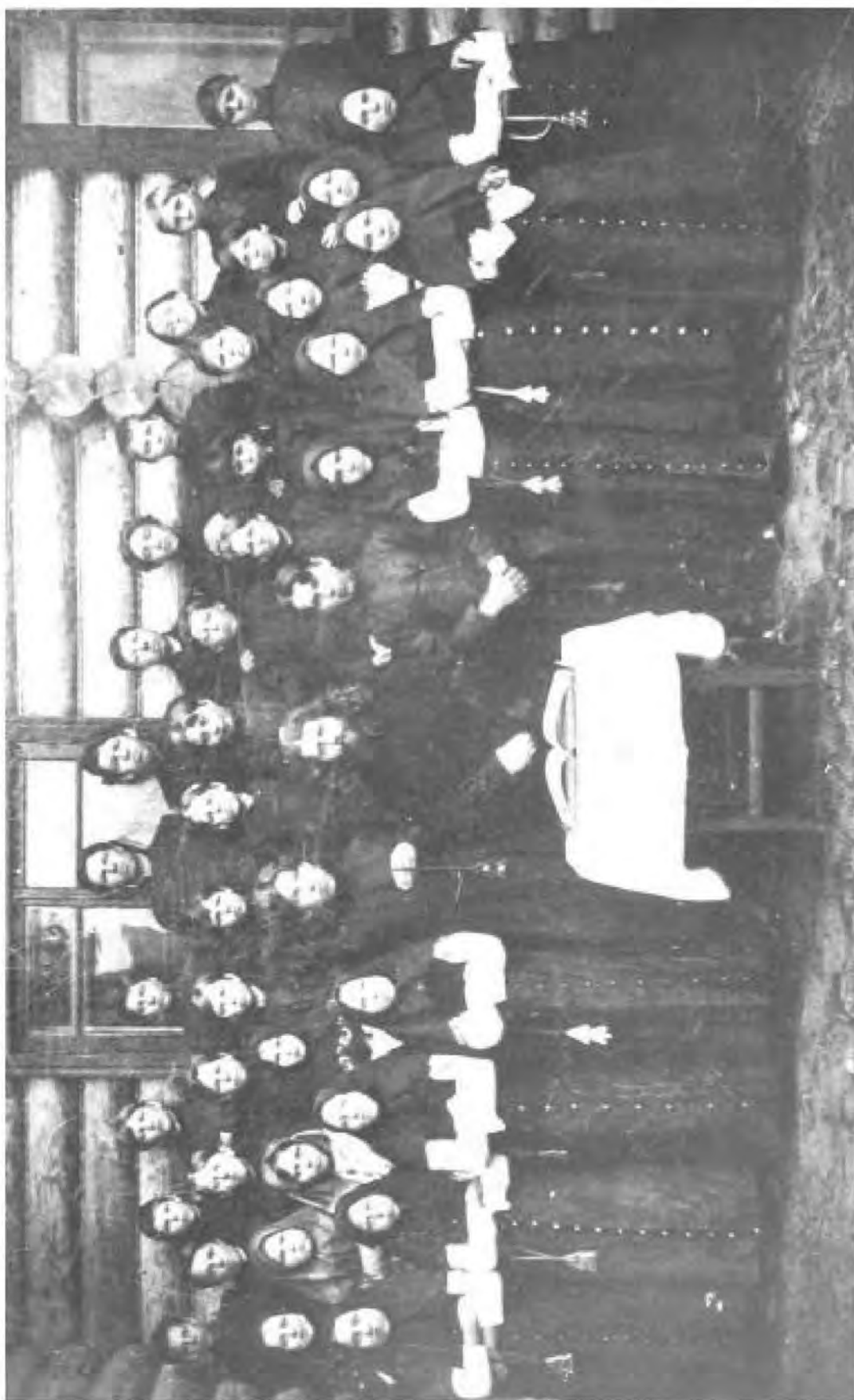
скончалась скорее приезжайте». Сразу же поехал, взяв с собою диакона. А пароход засел на мель, сутки простоял на месте. Прибыл в четвёртый день после смерти жены. Печаль и горе для о. Григория были неопишуты, а тем более, они жили между собой в подлинной и очень хорошей любви. Остались сиротами два сына — Геннадий трёх лет и Анатолий, полтора года. Из полной, упитанной Анны Дмитриевны остались одни косточки. До неузнаваемости высохла. Похороны были очень торжественны, было 7 священников и 1 диакон и большой хор певчих.

Почему такая была жизнь Анны Дмитриевны, во всех отношениях очень похвальной, честной, целомудренной, а главное серьёзно благочестивой? Потому что так умело, заботливо воспитала её знаменитая благочестием её мать Евдокия Максимовна Нечаева из деревни Жеребчихи. Мать в молодых годах осталась вдовой после мужа, имея при себе 3 сына и 3 дочери. Одного сына отправила, как одинокая была у родителей, в деревню Горки — он там женился и получил наследство. Вторым сыном Степан остался при матери за хозяина вместо своего умершего отца.

Старшую дочь Анну выдала замуж, и она вскоре умерла. Выдала и вторую, Евдокию, в село Писцово. Благодаря её хорошему воспитанию она сумела мужа и всю семью из беспоповцев обратить в истинную веру. Сын младший Александр был послушником матери, и волна греховностей его захлестнула, он всё доброе родителей бросил; а третью дочь Анну она очень строго воспитывала с детства. На гулянья не отпускала. Кончив начальную школу, научила её шитью и всему хозяйству по крестьянству, она вложила в её сердце любовь к молитве и чтению псалтири (ещё в девочках она читала сорокоусты, псалтыри) и потом отдала замуж её за Григория Ивановича.

Она, Евдокия Максимовна, умело её во всём научала и в супружестве. Был случай вскоре после брака, когда зять с дочкой приехали к ней в гости. Она заметила, что дочь без спроса мужа вышла к подругам, бывшим у окна их дома; тут были и молодёжь — юноши. Она спросила зятя: «Ты разрешил ей выйти к подругам и молодёжи?» Зять ответил: «Нет». Он и не знал, где жена, полагая, что она помогает по дому. Она вызвала с улицы дочь и подвела к мужу, очень и очень серьёзно ей объяснила, что так делать нельзя, и в присутствии мужа так сильно начала её терзать за волосы, и строго предложила просить у мужа прощения. Она смиренно исполнила и у матери простилась. Даже и муж был тронут до слёз. Ему было жаль жены. После этого до гроба она без спроса мужа за порог дома не выходила. Мать же за каждым шагом следила, очень и очень внимательна была к жизни дочери, всегда давала весьма добрые и мудрые советы о жизни. Так научен был и сын её Стефан. Он был сочетан в браке, и жизнь в их доме была

Отец Григорий Лакомкин с учащимися первого выпуска Стрельниковского старообрядческого училища. Около 1910 г.

Епископ Геронтий (Лакомкин)

*Отец Григорий Лакомкин незадолго до
поставления во епископы.*

Фото Г. Куракина.

образцовая. Евдокия Максимовна очень любила зятя Григория Ивановича за его скромность и трезвость и мирную целомудренную супружескую жизнь.

Сын Стефан и его жена умерли в благочестии по-христиански, а их мать Евдокия приняла иночество от зятя — когда он был епископом — и жизнь свою кончила в подвигах поста и молитвы при святом храме с. Стрельникова. Вот и дочь её Анна была образцовой постницей и молитвенницей. По Великим постам постилась в седмицах, кушая по одному разу в день пищу без масла. Разрешала на масло в субботы и в воскресения. Так жила до гроба. А когда болела, за семь дней до кончины позвала к себе мужа, просила усугубить молитвы за неё. Предсказала свою скорую кончину, дала мужу завет воспи-

тать во благочестии детей и не менять священство на женщину, не жениться. До гроба был в священном сане и благочестии <нрзб.>. Вечная и добрая память жене и матери-тёще. Это неоценимые были личности.

После похорон о. Григорий, что было у матушки, тут же раздал родным и неимущим. Сыну оставил одно обручальное кольцо. Шёлковые венчальные платья передал на подризники для храма.

Вот сразу же масса испытаний и весьма трудный крест. Нужно воспитать двух сыновей. Нужно себя охранять от всяких подозрений, и масса церковных дел и дел по училищу и братству. Вот эти неисчислимые дела и любовь к ним молодому вдовцу много облегчили тернистый путь. Времени не было ему увлекаться ничем другим. Дела и дела... К удивлению всех, о. Григорий всё это перенёс как обычно. С первых же дней его служения быстро из молодых певцов подготовил в Москве у учителя знаменного пения Озорнова двух хороших учителей. Особенно хорошо — Василия Иоси-

фовича Егина. Он очень хорошо изучил пение по напевам Рогожского кладбища и, главное, обладал необыкновенным, исключительно хорошим басом. И так хорошо изучил знаменное и демественное пение, что не было ему подобных, особо в запевках «Блажен муж», «Хвалите имя Господне», «На реце Вавилонской» и др.

Учение пению день ото дня улучшалось. Хор быстро достиг более ста человек, более 60 девочек и более 40 мальчиков, не считая старцев. В приходе была сильная борьба против женского пения не прихожан, а старых певцов, в большинстве — пьяниц. О. Григорий сам не пил вина, приучил и уставщиков не пить. Был полный порядок и во всём чинность. Два года учили петь девочек и мальчиков, на крылос их в праздники не пускали, пели они только на буднях. Но вот на праздник Введения 1908 г., по просьбе прихожан, о. Григорий благословил мальчиков и девочек встать на крылос во главе с учителем пения В.И. Егиным; мальчикам и девочкам — на правом крылосе, а остальным всем — на левом.

Специально были приготовлены мальчики сказывать «Хвалите имя Господне», и после седальна всегласно мальчик сказал: «Хвалите имя Господне!» Регент-бас В. И. Егин и два дисканта вместе запели «Хвалите имя Господне». А потом весь хор запел «Хвалите раби Господа». От радости и молитвенного настроения вся церковь плакала. Просили батюшку, чтобы пел только правый крылос, но о. Григорий упросил, чтобы оба крылоса пели. Это было начало любительского детского хора. А потом их распределили: мальчиков — на правый крылос, а девочек — на левый. И голоса сильные уравнили, чтобы оба крылоса пели одинаково. Так и было, и так до сего дня существует.

Из Стрельниковского училища учителей и учительниц-певцов было обучено более двух десятков. Их распределяли по приходам епархии. Слава о Стрельникове была на всю Русь. Так энергично и неустанно трудился о. Григорий.

В 1910 году узнали в Стрельникове, что о. Григорий назначен в кандидаты во епископы, и в Стрельниково специально приезжали представители от Петроградско-Тверской епархии просить его. О. Григорий категорически отказался, но представители увидели и узнали его труды на месте. Побывав в училище, послушав преподавание закона Божия, и лекции, и проповеди о. Григория, они заявили, что будут просить Освященный Собор, который был назначен на 25 августа 1911 г.

Встренулись и стрельниковцы, избрали делегацию на Собор: М.И. Морозова и других лиц. А из Золотилова поехала сама мать Манефа просить о переводе о. Григория в Золотилово, как обещал Собор 1910 г. — вместо о. Георгия, который 8 сентября был поставлен во епископы Донс-

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Епископ Геронтий с новопоставленным священником храма Покрова Богородицы с. Стрельникова отцом Никитой Виноградовым (слева) и протодиаконом из С-Петербурга Харламтием. 1912 г.

кие. Владыка Иннокентий приказал о. Григорию немедленно ехать в Золотилово — о чём было распоряжение письменно и телеграфно. Стрельниковцы собрались к квартире отца Григория и двое суток дежурили, стерегли его, чтобы он не уехал, а сами срочно поехали в Нижний и Москву к архиепископу и добились, чтобы о. Григория оставили в Стрельникове.

Но вот стрельниковцы и золотиловцы во главе с матушкой Манефой прибыли на Собор 1911 г., прибыл туда и сам о. Григорий, как ему было предложено. Тогда явились ко Владыке архиепископу Иоанну Владыка Геннадий с братом и стали его просить. Тут прибыла и из Золотилова делегация, и из Стрельникова. Владыка ответил: «Просьбы ваши принимаю», — и их заслушал, и сказал: «Доложу Освященному Собору», а потом сказал: «Если бы не было просьб, быть может, хотя полгода или годик оттянули бы. Но просьбами вы Освященному Собору открыли безоговорочно вынести только постановление поставить о. Григория во епископа. Нельзя же его разделить и в Золотилово, и в Стрельниково. Но чтобы не обидно было тем и другим — пусть он будет Петроградско-Тверской».

На Соборе и сам о. Григорий категорически отказывался, и как раз он заболел кровотечением из носа, и была головная боль. Архиепископ Иоанн сказал: «Владыка Геннадий ехал в Казань отказаться от принятия чина епископа: его холера забрала, а тебя о. Григорий истечение крови доведёт до гроба. Пока жив, скажи: «Да будет воля Божия!» Но однако же были написаны прошения ещё хотя бы годом отсрочить. Так и было. Весь год был особым нетерпимым ожиданием. Хотя стрельниковцы надеялись: а может, и забудут о нём.

Но вот в 1912 г., на 25 февраля, в Стрельниково прибыл епископ Иннокентий по предписанию архиепископа Иоанна, чтобы срочно совершить постриг о. Григория и к 11 марта быть в Петрограде для совершения хиротонии о. Григория во епископы.

Владыка Иннокентий в крестопоклонное воскресение за литургией поставил священника о. Никиту Виноградова на место о. Григория, а о. Григория он должен был 27–28 февраля постричь во иноки и 8 марта прибыть с ним в Петроград.

За литургией был неопиcуемый плач. Всем очень было жаль расставаться с любимым пастырем о. Григорием, которого так сильно все любили — не только старообрядцы, но и новообрядцы. Вечером в воскресение было последнее вечернее чтение. Выступил сам о. Григорий, сделал два чтения. То и другое прерывалось плачем народа. Училище не могло вместить слушателей. В заключение кратко сказал слово Владыка Иннокентий, он заявил, что в понедельник в 12 часов дня будут проводы о. Григория на вокзал. Прихожане, взрослые и дети (их более 300 человек), окружили дом богадельни, только что построенный о. Григорием. храм был переполнен людьми. Когда вышел сказать прощальное слово, то получился общий неутешимый плач: плакал народ, плакал и о. Григорий. Затем более двух часов пришлось только благословлять. Все жаждали получить последнее священническое благословение от любимого духовного отца.

*Епископ Геронтий с сыном Геннадием
(в середине). 1916 год.*

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Лошади были поданы к часу дня. Когда поехали, сани окружили так, что и ехать нельзя. Дети неутешно плакали о любимом учителе, а взрослые ещё больше. Собралось несколько тысяч. Масса была новообрядцев, и те плакали. Ехать пришлось шагом до самой Костромы в километровой окружении тысячи людей. Что-то было неопишное. Владыка Иннокентий нервничал, но ничего не мог сделать с волей народа. Никто никогда не видел таких проводов.

Когда подъехали к городу Костроме, на берегу реки Костромы о. Григорий обратился сам к прихожанам и едва мог их уговорить, ибо он не утерпел — сам плакал, и ещё более прихожане, но он просил их возвратиться обратно, ибо опаздывали на поезд. И тогда сразу поехали по реке Костроме за Волгу и на вокзал, и едва успели к поезду, и, взяв билеты, поехали в Нижний Новгород.

По прибытии в Нижний Новгород, во вторник, было совершено пострижение о. Григория в иночество. О наречении. Имя было предложено: от епархии — Герман, от о. Григория — Гурий, от владыки Иннокентия — Геронтий. Все три имени были записаны на бумаге и свёрнуты, перемешаны, положены на святое Евангелие, и во время пострига предложено было о. Георгию взять из трёх свёрнутых бумажек одну. Оказалось имя Геронтий. 27 февраля из о. Григория был уже священноинок Геронтий.

Как и подобает, был дан пост и затвор на восемь дней при церкви, что на Ильинке в Нижнем Новгороде. В среду, 7 марта, выехали со Владыкой Иннокентием в Петроград. Там встретили с особым торжеством. В субботу, 10 марта, прибыли архиепископ Иоанн, епископ Алексей и много представителей от приходов епархии. На воскресенье, 11 марта, служба была особенно торжественная, за литургией по чину было совершено рукоположение во епископы. Храм был переполнен. Епископ Геронтий, после хиротонии его, сказал подобающее слово. Немало нужно смелости человеку, из деревни призванному в модную культурную столицу, и сразу же к такой аудитории осмелиться говорить проповедь. Сила Божия и благодать всегда и всюду неопишимо помогали. Из священника деревенского прихода — сразу епископ столичной Петроградско-Тверской епархии.

Петроградцы спешили скорее иметь епископа, но квартиру ещё для него сделать не успели. Пришлось поместиться в богадельне среди больных, где Владыке отведена была особая комната. В ней пришлось быть около полугода.

Немало заботы было у Владыки Геронтия о сыне, который всё время

был в воспитании неопределенном. Младший сын Анатолий через три месяца после смерти матери помер. Остался один сын Геннадий, трёх лет. Его воспитывала просвирня — хозяйка квартиры, где жил о. Григорий — Павла Осиповна Егина, очень религиозная вдовица, впоследствии была инокиня-схимница Поликсения; а потом сына воспитывала старая дева Матрёна Алексеевна Баланина, впоследствии — инокиня Минодора. Когда мальчику Геннадию было пять лет, он уже читал сам повседневную полунощницу и повечерницу. Шести лет он определён был отцом во вновь устроенное своё начальное училище, девяти лет — успешно окончил четырёхгодичный курс учения. Десяти лет отец отдал его в Московский старообрядческий институт. Сирота, мальчик Геннадий, вставал в 4 часа утра читать полунощницу и молиться в келии вместе с живущими подобающее иноческое келейное правило, а затем дома учился славянской грамоте. Понятия и способности у Геннадия были очень-очень хорошие. Несмотря на его малолетность, он учился очень хорошо, всегда на отлично.

Сирота Геннадий Григорьевич за всю его жизнь не имел материнской ласки, да и с отцом не всегда приходилось жить. Был тернистый ему путь жизни. Геннадий поступил в старообрядческий институт (это было в 1915 году), но через два года институт был закрыт. Отец перевёл его в Дурасово к крёстнице — дочери епископа Геннадия Марии. Там был он определён во вторую ступень учения. И там скоро было закрыто учение за то, что ученики самовольно написали две большие картины-иконы Иисуса Христа и Божией Матери, повесив их в зале училища, где было много картин вождей народа. Они не позволяли учительницам снимать портреты (иконы) Спасителя и Богородицы.

Потом пришлось Геннадию окончить вторую ступень в г. Костроме и год в Ленинграде. По окончании успешно второй ступени он поступил в институт на физико-математический факультет. Учился первым и отличником. Но когда, через два года, узнали, что он сын епископа и что он выступал на диспуте в защиту бытия Божия и Христа, — его исключили и лишили голоса и прав. Куда идти и как быть дальше? Он и отец его недоумевали. Таковых было три-четыре юноши. Они, чтобы не быть безработными, трудились, где было возможно: чистили уборные, рыли канавы, строили забор кладбища, где они жили. Потом решили обучаться мастерству жестяных дел. Нашли мастера. Расстратили [деньги]: купили инструменты, сырьёматериал. А тут — налоги. Срочно пришлось всё ликвидировать. Пришлось ему поступить в чернорабочие, рыть землю, перетаскивать брёвна и т.п. Но Бог особо милостив — оказал особое чудо. Десятнику, у которого их было до 15 человек, нужно было сосчитать на одном большом доме, подлежащем ремонту: сколько на крыше листов железа. Геннадий из всех согласился это

Епископ Геронтий (Лакомкин)

*Крестный ход у церкви Покрова Богородицы с. Стрельникова, возглавляемый епископом Геронтием.
Около 1915 г.*

Сказание о родословной Лакомкиных

сделать, и, как хороший математик, он быстро всё высчитал и дал письменные сведения, сколько нужно железа на крышу, на желоба, на трубы. Десятник был удивлён, а когда узнал о его образовании — представил на право голоса и зачислил старшим рабочим, а потом десятником. Как особо отличившегося работника, от имени «Ленинстроя» его приняли в техникум. Пришлось ему 8 часов работать и 6 часов — учиться. В то же время он сам обучал и других — по пению и церковнославянскому чтению. Был любитель пения и организатор и руководитель братства имени протопопа Аввакума, в братстве их было около ста человек. Выступал с докладами. Имел особые способности ораторства. В 1925 году был уполномочен от братства на Освященный Собор, где на него было обращено особое внимание, когда он говорил речь о воспитании молодёжи и спасении её. Все соборяне были тронуты до слёз; ему и его отцу были особые благодарности.

В 1932 г. был арестован вместе с отцом. Когда был в лагерях — 10 лет, он часто писал отцу, утешая его, что они страдают за правую веру. Ежемесячно отцу посылал посылки из своих средств. Он работал прорабом и был осчастливлен изучить другие квалификации. Кончил техникум по фабричному и заводскому строительству, в лагерях дополнил знания гражданских построек. Около ст. Талдом построил райгородок, строил шлюзы (Москва–Волга), а потом переброшен был на Николо-Уссурийскую железную дорогу, там строил вокзалы. Все десять лет был стахановцем. За религию получил ещё 10 лет без права переписки. Ленинградцы все его знают, и старообрядцы неопишимо его любили за его энергию, преданность Церкви и христианское образцовое поведение.

На четырнадцатом году страдания в лагерях помер от голода — 12 августа 1945 года. Вечная и добрая память ему!

В 1910 году, 8 сентября, был поставлен во епископы Донской епархии старший брат епископа Геронтия епископ Геннадий. Мать их, старица Манефа, считалась счастливицей, что два её сына сподобились быть епископами. Но она оставалась дома с младшим глухонемым сыном и его детьми.

Любимым её делом было молиться Богу и читать святыя книги; особенно любила поминать родителей. Умерших родных у неё было очень много. Не было свободной недели, чтобы у неё не было памяти и години её родных. И она в эти дни должна была совершать, кроме литургии, панихиду, поминовения и питания. Она собирала до десятка и больше её подруг, стариц, и вот они по мирскому уставу самыми старинными напевами совершали панихиду полного устава. Панихиды их продолжались до двух часов, а потом — обычная трапеза и чтение святых книг. Весь день у них

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Духовенство старообрядческой Церкви после Собора 1927 года. Москва. Епископ Геронтий справа от архиепископа Мелетия.

*Епископ Геронтий (во 2-м ряду 3-й слева) с духовенством
костромского благочиния. 20-е гг.*

был праздник. Семейные ей не возражали в приготовлении трапезы, и она ни у кого не отнимала времени от работ, если они были заняты. У неё были как бы беседы с умершими и проявление любви к ним. В келии, где она жила, во время панихиды возжигали кадильницы и фимиам, так что едва видны были окна. Фимиам и свечи у неё были всегда настоящие. Свечи ручные работала она сама из чистого воска. Но вот у неё сначала заболел глаз, а потом и зрение его кончилось. Читать много не могла. Просила грамотных стариц читать ей святые книги, а особенно Златоуст, Старчество, Ефрема Сирина и др.

Дети её — епископы — два раза в год посещали святой храм и приход Золотилова. Неоднократно ей предлагали принять иночество, и всё ей было приготовлено, но она, хотя и исполняла все иноческие правила, даже сугубо, в монастырь ехать не хотела: полагала, что нарушит обещание, данное жене глухонемого сына, а дома — считала она — как бы неканонично совершать пострижение. Так и осталась непостриженной, боясь, как бы не погрешить.

В августе 1915 г. решено было освятить вновь выстроенный в Золотилове каменный храм. На 15 августа было назначено поднятие колоколов на новую колокольню, а на 17, воскресный день, — освящение храма. Были приглашены пять епископов, в том числе архиепископ. Прибыли Иннокен-

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Епископ Геронтий с архиепископом Мелетием в юбилейные торжества 8 мая 1927 года по случаю 15-летия своего святительского труда.

тий, Владыка Игнатий и два своих. Было два хора певчих — петроградский и стрельниковский, четыре диакона и одиннадцать священников.

К этому времени у матери Манефы заболела нога — рожистое воспаление. Особо просила матушка Манефа, чтобы её, хотя бы на носилках, но принесли в храм посмотреть и послушать торжество освящения. Во время поднятия большого колокола она услышала звон и сама выползла из келии, будучи полуслепая и больная. Вечером оба брата, хотя и устали, но обсуждали план принятия Владыки, певчих и гостей. Их было более 300 человек. Как и где дать всем ночлег и где устроить трапезы. Решили, что духовенство и хор певчих должны трапезовать у окон их дома, а остальные — у соседей-старообрядцев. Вечером, только что легли спать, дочь владыки Геннадия Мария заявляет, что матушке Манефе стало хуже. Накануне она была исправлена.

Решили пособоровать. Больной желательно было, чтобы духовных лиц было семь человек, а прибыло ещё только пять, но решили совершить. Пока вставали, собирали, было уже около двух часов ночи. Больная была в сознании, сама, переодевшись, начала читать себе полунощницу. Когда пришли, она говорить перестала, но была в полном сознании. Начали елееосвящение, на шестой песне канона скончалась — около трёх часов утра, 16 августа. Ночью спешно пришлось сделать гроб, положить её и отнести в старый деревянный храм, ибо на 17 августа готовили освящение нового каменного храма.

Празднество освящения было очень торжественно, было четыре епископа, одиннадцать священников, четыре диакона, два хора певчих. Гости были около трёхсот человек. Трапеза была устроена под окном братьев Ла-

комкиных, а на другой день — местный праздник Флора и Лавра. После литургии 18 августа было совершено погребение матери Манефы теми же священнослужителями и церковными служителями при большом Соборе молящихся и двух хорах певчих. Просила она, чтобы её принесли в храм, но на освящении она не была — принесли уже умершую, и первой же ей было совершено погребение в новом храме, на который немало было и её жертвы.

Так кончилась и так была погребена всеми любимая мать Манефа, особо выделяющаяся личность по скромности, образцовой жизни во всех отношениях, а главное — по воспитанию своих детей. Сумела воспитать двух сыновей, ставших епископами. Около 15 лет совершала иноческое правило и 15 лет жила — по определению врача — без лёгких, трудилась всё время, особо любила молитву и святой пост, была особая постница и любительница чтения святых книг. Около года жила при малом зрении одного глаза, но просила читать ей святые книги своих грамотных подруг.

Вечная ей и добрая память! Нелегко было расставаться с ней её любимым детям — с любящею их матерью.

По окончании освящения святого храма в Золотилове и погребения неоценимой и дорогой матери родные братья-епископы с Божией помощью отправились каждый в свою епархию.

*Епископ Геронтий.
Конец 20-х – начало 30-х гг.*

Епископу Геннадию нелёгко был крест по управлению епархией. Епархия очень большая, более 90 приходов. Он ежегодно все их объезжал так, как и подобает; ежегодно были епархиальные съезды; масса церковных дел. Ему приходилось иметь и особого секретаря и начётчика для епархии. Всё было поставлено образцово и хорошо. Донская епархия считалась образцо-

Епископ Геронтий (Лакомкин)

*Церковь Рождества Богородицы в с. Дурасове Красносельского района.
Современный вид.*

вой. Но вот враг-дьявол и тут начал строить козни. Казаки любят казаков, но не любят других сословий, как они говорят — хохлов. А епископ Геннадий не был казак. Нашлись люди и решили Донскую епархию разделить на две и на вторую приготовили себе кандидата — казака, некоего протоиерея о. Никанора Шефатова. Епископ Геннадий был готов на всё это. Но ему донесли, что о. Шефатов, как давно овдовевший, жизнь провёл зазорную. Произведено было следствие, обвинения подтвердились.

Епископ Геннадий подробно сообщил в Москву и сделал протест. Казаки неопишимо озлились на него. Невыразимы были их угрозы. А тут незаметно пришёл 1932 год, когда Владыка Геннадий был арестован. Предложено невольню ему дать согласие на о. Шефатова. Епископ Геннадий отказался. Трогательное письмо было от него епископу Геронтию перед арестом, где он ясно указал на причину своей кончины. За его ревность к Богу, правоверие и, видимо, по разным доносам на него он был осуждён на крайнюю меру наказания.

Отошёл к Богу в мае 1932 г.* Да будет ему вечная добрая память! Пробыл епископом 21 год, да 19 во священническом сане, всего 40 лет в

*Епископ Геннадий был расстрелян

Старообрядческая церковь в Костроме. Стояла внутри квартала, образованного улицами Павловской (пр. Мира), Сенной, Сенным переулком и Златоустовской (ул. Князева). После 1912 г.

служении Богу и Христовой Церкви.

Епископ Геронтий по возвращении в свою епархию энергично занялся делами. С первого же года посвящения его в епископы — 1912 — он был избран в члены Совета Архиепископии, и каждый год был на Освященных Соборах помощником председателя Освященного Собора и руководителем его.

В епархии очень много было беспоповцев, и ему сразу же пришлось везде и всюду с ними вести беседы или самому, или вызывать начётчиков. Успехи были очень хорошие. В г. Старой Руссе наших было одно семейство, и Владыка Геронтий организовал из беспоповцев приход. Нашли дом. Его пожертвовал один перешедший из беспоповцев. Начали обучать пению, специально была вызвана учительница пения из его учениц — Елена Павловна Коробанова из стрельниковского прихода. Она обучала не только пению и чтению, но и уставу церковной службы. Впоследствии у них был и свой священник.

В то же время в деревне Лебединец также открыт был приход из беспоповцев, и там был знаменитый подвижник, священноинок о. Гурий, духовный сын Владыки Геронтия, тоже из беспоповцев. Там был организован хор певчих.

Епископ Геронтий (Лакомкин)

*Епископ Геронтий. Москва,
Рогожское кладбище. 50-е гг.*

Были намечены ещё приходы в Новгородской области. В Калининской области, в деревне Подможье, тоже был организован приход из беспоповцев. Там был священник о. Александр Устинов. В посёлке Сальцы из одного семейства Петуновых, тоже из беспоповцев, созданся приход. Весьма много было частных присоединений поодиночке и по семействам. Работа в этой области, как говорят, кипела.

В Олонецкой губернии довелось Владыке Геронтию убедить одного священника из никонианской Церкви присоединиться, и настоятеля беспоповского. Ему удалось почти в один день к одному воскресению это устроить. Когда священник присоединился, он объявил прихожанам о своих убеждениях. Народ согласился. Там был уже и Владыка Геронтий. Сразу всем была прочитана мо-

литва оглашения. Все были удивлены торжественной службой епископа. А там немало было беспоповцев. Те узнали, стали упрекать священника, что он перешёл. А после литургии их настоятель, после поучения епископа Геронтия, объявляет: «Братья, христиане-беспоповцы, после долгой беседы со Владыкою я познал их веру самую истинною, и я ей уже присоединён. Кто желает идти за мной и спасти душу, советую присоединиться». Все от удивления в ужас пришли: сразу два руководителя и оба присоединились. Многие из беспоповцев после этого тоже присоединились. Пришлось о. Стефана из их прихода взять на переучивание служить по-старообрядчески, а настоятеля поставить во священники для указанного нового прихода. Нелегко было выехать оттуда, оказалось немало врагов. Но Бог помог.

В всех приходах Петроградско-Тверской епархии были открыты библиотеки и обучения начаты пению и чтению, но приходы в большинстве были очень и очень бедны. Самостоятельные приходы были только в Ленинграде и в г. Ржеве. В Ленинграде из трёх приходов сделали пять, во

*Создание братства и его деятельность послужили предлогом для всех последующих репрессий и ликвидации Петроградско-Тверской епархии

Ржеве два прихода обогащены были любителями пения и праздничными лекциями на разные полезные церковные темы, особенно после 1917 года.

После революции возникали особые религиозные вопросы. Для того, чтобы их всесторонне разрешить, в Ленинграде решено было открыть особое братство.* Был составлен устав, и было получено официальное разрешение на открытие братства имени священномученика протопопа Аввакума. Членов записалось около ста человек, из них был организован и любительский хор. Братство существовало с 1922 по 1927 г., за это время очень много всесторонне было рассмотрено разных церковных вопросов: о бытии Божии, о загробной жизни, о правоверии, где оно, и о разнoverии, о борьбе с сектантами и беспоповцами, новообрядцами и др.

В 1925 и 1926 годах епископом Геронтием в Ленинграде были устроены богословские пастырские курсы, на них училось около тридцати человек молодёжи и взрослых, там был даже епископ Тихон и некоторые священники. За курсы и братство на Освященных Соборах были выражены особые благодарности епископу Геронтию и другим сотрудникам.

До революции на долю епископа Геронтия очень немало досталось строить и создавать храмов. Лично епископом Геронтием были перестроены и вновь выстроены храмы в следующих приходах:

Стрельникове — деревянный,
Дурасове — деревянный,
Золотилове — каменный, выстроенный вновь,
Куникове — каменный,
Дворищах — деревянный,
Каримове — деревянный,
Вышнем Волочке — каменный,
Ленинграде — каменный собор на Громовском кладбище,

Архиепископ Иринарх. 50-е гг.

Епископ Геронтий (Лакомкин)

Духовенство во главе с архиепископом Иринархом. Слева от него епископ Геронтий. 50-е гг.

Лебединце — деревянный,
монастырь в Псковской губернии — выстроены вновь все здания на
50 чел. и деревянная церковь, очень хорошая,

Сысоеве,

Валуе,

Острогах — каменный,

Кузнецове — каменный,

Ессентуках — каменный.

Принимал участие в переустройстве и ремонте храмов в

г. Костроме,

г. Старой Руссе,

дер. Кузнечихе и др.

Немало приходилось и освящать вновь построенных храмов. Кроме
указанных, ещё в

г. Харькове — каменный,

с. Шувое,

г. Семёнове — каменный,

*Ярославской области

г. Ржеве — придел,
дер. Елохине* — каменный,
дер. Сычёвке.

Немало приходилось строить и училищ чтения и пения и организовывать их:

с. Стрельниково — вновь построено училище грамоты на 100 чел. и певчих на 50 чел.,

д. Павликово, Яросл. обл. — вновь училище чтения и пения,

д. Дурасово — вновь училище чтения и пения,

д. Золотилово, в сторожке — по пению,

г. Ленинград — при храме богадельни — чтения и пения,

г. Ржев — при храме по пению,

с. Остроги, Московск. обл. — училище чтения и пения,

г. Боровск — при храме,

г. Калуга — при храме,

Вишни — при храме,

г. Семёнов, Горьк. обл. — при храме,

г. Старая Русса, Новгород. обл. — при храме,

с. Сысоево, Псковск. обл. — при храме,

с. Куниково, Костр. обл. — при храме,

с. Дворище, Костр. обл. — при храме.

А сколько за 20 лет пребывания в Ленинграде положено труда по канцелярии! Ежегодно более 1000 исходящих бумаг-писем. Это лично писано было руками епископа Геронтия, ибо у него секретаря никогда не было.

А сколько написано разных объяснений по церковным вопросам. Для этого немалая была у него своя библиотека, в ней было более 1500 разных книг. Очень многие разнообразные и весьма полезные по всем вопросам жизни человека, особо по церковным вопросам. Всё состояние Владыки было это святые книги.

Блестящая была постановка по церковному пению и чтению и, вообще, церковнохристианской жизни, особо в г. Ленинграде и других приходах. Вся вышеуказанная работа епископа Геронтия некоторым не понравилась, и обострились на это гневом: в 1932 году, 13 апреля, он был арестован и 9 месяцев провёл в тюрьмах Ленинграда, в том числе — 5 месяцев в

* «Краткое описание десятилетия вне свободы старообрядческого епископа Геронтия» — раздел рукописи, по объёму примерно равный публикуемой части его жития. Содержит подробное описание ареста, допросов и мест пребывания в Гулаге в период с 1932 по 1942 годы. Мы даём в приложении небольшой отрывок заключительной части этого очерка, где автор рассказывает об освобождении осенью 1942 года и возвращении в село Стрельниково под Костромой.

Епископ Геронтий (Лакомкин)

одиночке, а затем объявлен срок: 10 лет концлагеря.

О лагерях и тюрьме будет особый очерк.*

По окончании лагерей с Божией помощью возвратился в пределы Костромской области в Дурасово и Стрельниково в 1942 г., 23 октября ст.ст.

В Стрельникове год прослужил в звании епископа, управляя и другими приходами.

Восстановив там все приходы в должный порядок, через 1 год, в 1943 г., был вызван в Москву и поступил помощником архиепископа Иринарха, где масса оказалась для него всяких церковных дел.

Из лагерей и Костромы епископ Геронтий прибыл в полном здравии, только в Костроме пришлось вставить новые зубы. А здесь за шесть лет пришлось потерять зрение: вместо двух глаз остался один, со зрением не более 50%. И за это время немало пришлось поболеть всякими болезнями. По врачебному исследованию — это влияние десятилетнего пребывания в лагерях.

Но за всё слава Богу! Так всегда говорил епископ Геронтий. Он же всегда говорил: «Дондеже время имамы да делам благое паче же присным в вере». Вот на основании этого с Божией помощью и нужно всеусердно трудиться во славу Божию и Христовой Церкви. Но очень жаль, что мало, очень мало сделано. Нужно было больше сделать. Но немощь, слабость и суета жизни немало отняли времени в безделье, о чём строго придётся отвечать пред Богом», — так смиренно он говорил и ко всем выражал свою просьбу — говорил и писал:

«О чём всех прошу особо: прошу всех усугубить за меня молитвы к Богу, чтобы он, Всевышний, меня многогрешного простил и чтобы не был я осуждённым от Бога в загробной жизни. А м и н ь».

Приложение

<...> Через 3 дня я взял билет до Кирова, дальше не дали. Ехать было очень тесно. Приехали, а билетов на Ярославль не дают. Я решил ехать на Горький, а потом через Новки в Иваново и в Кострому. Очень и очень было

Сказание о родословной Лакомкиных

трудно ехать, причём у меня не было ни денег, ни хлеба.

В Новках ожидали поезда 22 часа, в Иванове — 13 часов, в Нерехте — 5 часов. В Иванове был ночью, очень озябли, в вокзале не было отопления. Это было на 5 ноября. Был маленький кусочек хлеба, хотел покушать, но озяб, не до еды. Приехал в Кострому 5 ноября 1942 года. Вещи сдал на хранение, а сам пошёл к знакомым в Стрельниково.

А там, в городе, тревога, идти не дают, я перезяб, и есть хочется, но пришлось бежать, особенно, когда был отбой. Пришёл в Стрельниково. Там никого не нашёл, пошёл к племяннице, а там люди — это был их местный праздник, 23.10 по старому стилю, пошёл к знакомым В.Г.* , а её дома нет. Но когда я сказал их семье — Анне Дмитриевне — кто я, меня охотно с радостью пустили. Обогрели и накормили. Это было около 9 часов вечера, а в 10 часов прибыли В.Г. и Т.А.** — радостная встреча, слезы от радости. Сидели до 5 ч. утра, а в 6 ч. им нужно идти на работу. Я решил прочитать своё келейное правило, пока они часик отдохнули. А потом и я лёг отдохнуть. К вечеру пришли ещё много знакомых. Радость была неопишима. Мне же нужно быть в деревне Дурасове и там прописаться.

Так и было сделано. Мои телеграммы о прибытии получились после моего приезда. Прописался, и всё было в порядке. Я вынужден был идти в Кострому к зубному врачу. Зубы никуда были не годны, да и их очень мало осталось. Цинга взяла своё.

Стрельниковцы стали просить к ним, а дурасовские прихожане — к ним, пришлось обращаться к высшим властям, где мне быть. Был зарегистрирован на 1943 г. в Стрельникове в звании епископа, год прослужил, а потом в регистрации отказали.

Вызвали в Москву, и потом было всё благоустроено. Назначен был помощником архиепископа Ирианарха и епископом Ярославским и Костромским. <...> .

Публикация В. Новожилова

* В.Г. — Валентина Григорьевна Антонова.

** Т.А. — Трифена Алексеевна Преснякова.

Е. Ф. Дюбюк

ДНЕВНИК

*1916 год**

4/V. Введены талоны на сахар — в месяц на душу по 1 фунту (по 22 коп. фунт).

В Буйском уезде на Махровском разъезде на шпалах человек с лошадью зарабатывает по 12 р.; началась постройка железной дороги Буй — Данилов. На Махровском разъезде, кроме наших грузов, грузят кобылки для сёдел, берёзовые ложа, шахтовые подпорки.

2/V. Приехал Пеша с фронта — он в зем. Союзе. Рассказывал курьёзы. Посылает из Москвы счетоводов, оказывается, один из них — не счетовод, а торговец коврами. Студент-естественник заведует баней. Бывший помещик бьёт по лицу конюхов.

5/V. Нелепые слухи о том, что немцы взяли Ригу, а в Закавказье мы потерпели поражение.

6/V. Купил библиотеку Колодезникова (свыше 300 книг) за 55 р. Когда её привезли, дети обрадовались не меньше меня, особенно Петя энциклопедическому словарю. Он с Витей пытался, пользуясь словарём Макарова, читать французскую газету «Journal». Я от приобретения на седьмом небе. Среди книг такие перлы, как Забелина «Большой боярин в своей вотчине» или «Житьё-бытьё на Корёге».

13/V. Мясо 50 к. фунт, сахарный песок 23 1/2 к. фунт, мыло 40 к. фунт (а было 13 к.). Пешу переосвидетельствовали и взяли в солдаты.

14/V. Говорят, дрова осенью дойдут до 40 р. сажень. Видел у Лапина

* Продолжение, начало см. : Костромская земля. — Вып 3. — С.174-204.

челобитную времён Михаила Фёдоровича и позднее — Головцына Костромского уезда, Логинова стана, Андомской волости. (Предлагал 5 штук — 15 руб.).

Поляк-лесничий рассказывал про жизнь на фронте (около Нарева)¹. От пушечных громов двери растворялись, стёкла звенели; уходя, жгли всё — имущество, книги. Говорил, что до смерти не забудет впечатление — видел, как входили в траншеи в глубоком молчании солдаты — словно заживо хоронились. Шёл снег и падал на траву. По этому поводу поляк говорит: у нас примета, что на святых Панкрация, Бонифация и Сервация всегда холодно.

16/V. Ходит слух, что на Большой Кашинской фабрике забастовка, требуют квартирных.

19/V. Холод, на траве лежит снег. Весь май небывало холодный.

21/V. Наташа в белой шапочке, синей юбочке и матросской блузе пошла держать вступительный экзамен в Григоровскую гимназию² в 1 класс. Петя переведён с наградой в 4 класс. Великолепные у него баллы, он сияет, его распустили на каникулы.

Управа после совещания с заведующими решила вместо месяца дать двухнедельный отпуск, рабочий день с 10 до 3 часов дня и на лето ввести субботы.

22/V. Наташа храбрая — зашла в сад, в беседку, Дарья-дворничиха стала её выгонять. Наташа не боится нисколько. Я выскочил, как ошпаренный, кричу Дарье: «Не смейте трогать Наташу, я голову Вам оторву».

У Трентино австрийцы теснят итальянцев, турки усиливаются в Армении. Произошёл морской бой между немцами и англичанами. Потери англичан 100 тысяч <нрзб.>³.

23/V. Наташины баллы: закон⁴ 4, русский 4 (диктовка с 1 ошибкой), арифметика 3 (задачу решила, в устном спуталась).

Иван Капитонович Коновалов рассказывал — из Москвы послано на юг за углём 20 тысяч вагонов, вернулись порожнем, грузить уголь некому; в копиях частые забастовки. В Костромской губернии на фабриках летом ждут забастовок, служащие кочуют с места на место.

24/V. Была у меня помещица Надежда Геннадьевна <?> Бирюкова, у неё лесные делянки около с. Красного — всего 387 десятин. Советовалась — нельзя ли найти лесоустроителя. Хочет продать землю: «Нет лучше продать, так-то спокойнее, а то нас побьют (на войне), а земли мужики отнимут и разделят».

Видел лесопромышленника Быкова из Галичского уезда. Рассказывал, что идет скупка лесных дач, скупают дрова. Лесовладельцы продают дрова так: уславливаются о цене, с тем чтобы расчёт производился по цене

арифметической средней между нынешней и будущей (ко времени исполнения поставки).

Наше наступление на фронте от Припяти до Румынии — взято 13 тысяч пленных.⁵

Слышал, что дом Колодезникова куплен Собенниковым Н.Н. за 55 тыс. руб.

25/V. Купили рояль Беккера за 600 руб. у госпожи Половецкой <?>. Арестанты его перенесли.

Зацветает сирень, начинает цвести спирея дубровколистная, расцвел чистотел.

26/5. Корабль, на котором ехал английский военный министр Китченер в Петроград, наскочил на мину. Китченер погиб.⁶ Наше наступление развивается, взято 40 тысяч пленных.

Вызвали меня телеграммой в Петроград в Особое совещание по топливу.⁷

27/V. В дороге — вагон II класса. Попутчик — офицер-технолог, поляк-помещик. Сестра милосердия — киевлянка, брюнетка. Рассказывала с детской простотой и наивностью, как ей больно было узнать — она была сестрой милосердия в монастырском лазарете — узнать*, что из 180 монахов ни один не пошёл в монастырь по влечению, а все по разным житейским мотивам — из-за хлеба, «отец прогнал», из-за дурной болезни.

28/V. Ждал в канцелярии по заготовке дров 5–6 часов профессора Сташевича. Два канцеляриста всё время абсолютно ничего не делали: один из них курил мундштук и читал «Ведомости Петроградского градоначальства»⁸, другой глубокомысленно смотрел в потолок, вертя возле губ карандашом. Если бы почистить канцелярии — да отправить бы таких господ на сельскохозяйственные работы. Набольшие же то и дело пили чай, ели простоквашу, бутерброды, делились впечатлениями о загородных прогулках и дачной жизни. Так и не дождался Сташевича. Узнал, что вызвали меня по вопросу о переписи дров.

30/V. Был в Лесном. Стояла тропическая жара, обливался потом, беспрерывно пил сельтерскую и лимонад.

По случаю Троицына дня — тьма народу в парке. Мимо проходят, очевидно, рабочие. Слышу обрывок разговора: «Вышли и выкинули флаг... а тут казармы неподалёку, солдаты нас окружили... штыки на нас, видим, ничего не поделаешь — сдались».

Был у Сташевича, который был очень любезен. Убедился: сами они не знают, какая и для чего им нужна перепись.

* Так в подлиннике.

Мы взяли всего 106 тысяч пленных, вернули не только Луцк, но и Дубно.

31 мая и 1 июня. Бывал у Кауфмана, помогал ему в составлении формуляров для переписи. Кауфман уговаривал меня остаться в Питере и руководить переписью заготовок дров. Я отказывался.

2 июня. Проездом в Ярославле. Оржецкий <?> рассказывал о своей поездке в Англию. Поразило его то, что видные лондонские адвокаты ежедневно вечерами работают в организациях, связанных с войной, участвуя лично непременно физическим трудом, а также, что маркиза исполняла обязанности горничной.

3 июня. Выступал в Костромской городской Думе по вопросу о переводе Н. Алекс. Института в Кострому. Дума постановила послать делегацию для хлопот, обещала земли и пр.

4/VI. Лапти дошли в цене до 1 руб. 15 коп. за пару. Появилась мода на лапти.

Клава и дети переехали сегодня на дачу. Два воза обошлись в 14 руб. Гроза их застигла в пути. Говорят, Кашинская фабрика бастует.

5/VI. Я с Витей в 7 час. утра ушли* на дачу. Рожь волнуется как море. Устал. Придя на дачу, спал несколько часов. Потом за вечерним чаем острил. Милая Наташа громко смеялась.

На даче свои интересы. Наша кошка Мурка цыплёнка у соседки утащила, пришлось давать соседке отступного; а то петух наш запропастился и т.д.

6/VI. Видел Ипполита Александровича Сабанеева, который был здесь проездом. Глаза блестят, лицо <нрзб.>. Он умирает — у него аневризма сердца, он приговорён к смерти. Волнуется, жестикулирует, захвачен вопросами математической статистики, возмущается эклектизмом Кауфмана.

7/VI. Зарисовываю с натуры. Солдат провожают с музыкой. Человек с перевязанной ногой говорит: «Наша берёт, а всё новых посылают на позиции». — «Куда это идут?» — «Куда!? На позицию. Небось, нашего брата, на костылях, с музыкой не провожают», — говорит со злобой. Мужик с рыжеватой облезлой бородкой. «Зря народ пропадает», — сокрушённо говорит он. На глаза навёртываются слёзы.

9/VI. Мужик на лошади под Костромой зарабатывает 20 руб. в день.

10/VI. День моего рождения. Стукнуло 40 лет. А я, как ребёнок, проснулся сегодня рано, часов в 4–5 утра, любовался, как редели тучки. Вспомнил, что сегодня мой день и ... улыбнулся — и стало так ясно, чисто, хорошо на душе.

* Так в подлиннике.

Пришёл на службу и нашёл письмо священника Парийского. «Нахваляйте меня Апушкину как попа, — пишет он, — чтобы меня назначили в Никольское». Письмо наивное, и я рассмеялся. Вообще, хотелось быть добрым, приветливым.

12/VI. Был на даче. Острая тоска. Ссора с Клавой.

13/VI. Утром ушёл с дачи. Дорогой чуть не плакал.

15/VI. Мясо 58 к. фунт, яйца 50 к. десяток, сливочное масло 1р. 10 к. фунт, вобла 10 к. штука.

16/VI. Пухолёт — все дорожки и трава в пуху, от тополей.

17/VI. Говорят, в Нижнем был погром лавок на почве сахарного голода. В результате вместо 5/6 фунта на душу стали выдавать по 3 фунта.

Либкнехт⁹ приговорён к 2 1/2 годам каторги.

После дождей установилась ясная погода.

19 и 20/VI. Был на даче. Болел желудком, целый день лежал.

21/VI. Офицер с фронта рассказывал, что армия очень ценит работу общественных организаций — без них ничего бы не было. Все полковые командиры шлют благодарности этим союзам, хотя им и рекомендуют не обращаться к организациям за помощью.

Говорил об образцовой организации и порядке в учреждениях земских городских союзов¹⁰ — за одни бани армия должна сказать им спасибо. Прекрасные бани — после них в баню Зимина не захочешь идти... а прежде вши даже солдат заедали.

Далее говорил, что армия ничего так болезненно не переживала, как роспуск Думы, отставку Поливанова¹¹. В Думу верят, сильно верят.

22/VI. Поехал в Питер. По городу торжественные похороны скоропостижно умершего полкового командира Чуйкова. Говорят, был хворый, скверно обращался с солдатами, запарывал их.

На паром не пускали, пришлось переправиться через Волгу на лодке. Старушка рассказывала в лодке: полковник умер от разрыва сердца на смотру. Приезжал ревизор — генерал; офицеры заготовили жалобу на полковника; тот, зная это, волновался и от волнения умер.

Попутчики в вагоне: латыш-торговец из Риги, толстяк-коммерсант (немец-колонист). Последний интересно рассказывал о стеклянных заводах в Прибалтийском крае в период введения винной монополии.

Стеклянные заводы росли, как грибы, спрос на гласмахеров (стеклянных мастеров) был небывалый. Все они с гонором. Приходит в контору оборванец и гордо заявляет, что желает видеть директора: «Я — гласмахер». Приходилось с такими господами быть очень вежливым, давать под паспорт 100–200 р. вперёд. Когда толстяк стал директором завода, ему сказали: «Пожалуйста, деликатнее обращайтесь с гласмахерами — среди них

есть просто разбойники, которым ровно ничего не стоит и человека убить». Особенно предупреждали быть осторожным с одним немцем, и фамилия-то его была такая странная, разбойничья — Кексель. «Ростом он немного ниже меня, коренастый, сажень в плечах, с развитой мускулатурой и сильными грудными мышцами — брюнет, красивый, чёрные глаза, взгляд которых редко кто выдерживал. Он был социал-демократ, не признавал никого — ни Бога, ни чёрта, ни царя! Но зато и мастер был своего дела, работал чудесно и в высшей степени добросовестно». Толстяк ходил по заводу и останавливался перед станком Кекселя, любовался его работой (выдуваньем). На третий день Кексель, когда к нему подошёл толстяк, бросил работу, соскочил со станка: «Кто Вы такой и какое Вы имеете право здесь останавливаться?» Толстяк: «Если останавливаюсь, то значит имею право». Кексель: «Кто Вы такой?» Толстяк: «Не кричите, я не глухой». Обступили их сошедшие на шум мастера, смотрят, чья возьмёт. «Я (толстяк) и говорю: «Остановился я потому, что люблю Вашу работу. Работаете Вы чудесно; Вы да ещё кой-кто из мастеров только так дивно работают». Кексель (смягчённый): «Да... Да... я хорошо работаю... Никто так не сработает». Толстяк: «А знаете что, Кексель... Вы водку пили?» Кексель (озадаченный): «Нет». Толстяк: «А вот, неправда ли, хорошо бы выпить водочки. Вот Вам деньги, достаньте водки... Знаете, мне захотелось выпить, а главное, попробовать селёдки, которую Вы, гласмахер, так искусно жарите». (Сельдь заворачивается в мокрую бумагу и — в раскалённый песок, получается объядение; жарят и картофель). После этого Кексель и толстяк стали друзья. Когда мастера кричали: «Мало огня, много огня», толстяк всегда просил Кекселя проверять. Тот проверял, и если оказывалось, что мастер врёт, то нередко последний летел кубарем со станка.

Но вот, что случилось далее. Приехал хозяин, мастера протянули стекло через дорогу, и он за это дал им на пропой несколько десятков рублей. Все выпили. Хозяин и зайдя в завод, Кексель пьян. Хозяин смотрит на его работу и стал давать советы: «Почему Вы делаете так, а не этак...» Кексель ему и брякни: «Потому что Вы дурак». «Позвольте... я знаю четыре языка, кончил три университета, какой же я дурак... Не называю же я Вас дураком только, например, за то, что Вы не знаете французского языка. Почему же я дурак?» . «Потому что Вы не гласмахер». «Хорошо... если я дурак, зачем же Вы служите у дурака?» «И не буду служить у него... Возьму расчёт». Хозяин обиделся и ушёл. Директор уговорил его не увольнять Кекселя, упрасивал последнего извиниться. Кексель и слышать не хочет: «Не сниму с него дурака, раз сказал «дурак», значит, так дураком и останется». Так и ушёл Кексель с завода, — плакал, а ушёл. Не работник был, а золото.

Слышал рассказ, что на фронте солдат за хулиганство секут. Один

солдат у галичанина поджёт ульи — выпороли, потом получил Георгия.

23–26 июня. Жара в Питере изрядная, был в заседании комиссии по переписи дров. Состав её: Кауфман, склизкий, как угорь, и большой кокет; прямой, симпатичный и деликатный <?> вице-инспектор корпуса лесников Суходский, Кафемаус<?>, Бернштейн, Селибер, Вихляев, Попов и другие.

26/VI. В вагоне. Рассказывают: на Каме небывалый шторм, разбивший массу судов. Симпатичный страховой агент рассказывал, что ему приходилось на Чёрном море ликвидировать дела о потоплении коммерческих судов германскими подводными лодками. Он говорил: «Не знаю, что в других случаях, но в этих, по которым я проводил расследование, выяснилось, что всегда германцы предупреждали судно: т.е. сначала его останавливали, затем ссаживали команду на берег, а в путевом журнале писали, что судно потоплено подводной лодкой германского флота».

27/VI. В Костроме всюду только и разговоров о VI предстоящих призывах ратников I и II разрядов¹². На даче.

28/VI. Умер статистик Ник. Вас. Романов.

29/VI. Петрушины именины — был на даче, подарил ему книги.

Крестьянские девушки поют серебрястыми голосами: «Там льются кровавы потоки с утра до вечерней зари».

30/VI. Обрывок разговора: «Земство большую власть забрало, что хочет с народом, то и делает».

I/VII. Коновалов в оценочной комиссии рассказывал, что в фабричных районах рабочие подкапываются под дровяные дворы — такая острая нужда в топливе. Чернецкий говорил о вятичах, в Ветлужском уезде, заваливающих управление Гос. Имуществ просьбами об отводе оброчных статей по речкам¹³.

2/VII. Говорят, отправляют массу солдат во Францию. Слышал рассказ солдата о братании с англичанами, проезжавшими через Москву. Англичане говорили: «Рус хорош, Рус храбрый, но только очень туп (невежествен)».

3/VII. Проехал в Чухломской уезд осматривать лесную дачу А. Ген. Кадникова.

4/VII. Весь день просидели на станции Антропово — зелёная тоска. Пил чай в чайной, моросил дождь. Мимо шли поезда: везли партии корейцев на работу на Мурманскую линию, законтрактованных подрядчиком Нехорошевым по 45 к. в день. Артистически ругаются по-русски. Туда же привезли целый поезд пленных турок — все красивый рослый народ, в чалмах, сидят, поджав ноги, молчаливые и бесстрастные на фоне чужого северного неба и хмурых зубчатых елей.

Говорят, на этой же Мурманской дороге 500 пленных австрийцев за-

получили цингу и теперь они в Костромской губернии.

Вечерним поездом приехал Василий Павлович Смирнов (агент-заготовщик), и мы отправились в Плеснино. Вёз мужик, которому с лошадьёю вместе было лет двести. Ему 74 года, он волочит ногу, говорит, что во всём приходе осталось только 10 ровесников ему, а то все попримерли. Луна, луга, леса, теплынь, кричат коростели — хорошо.

Остановились в Плеснине у бывшего фельдфебеля Лабутина. Василий Павлович рассказывал, что бывшее имение Фон-Визина (усадьба Отрада, 4 версты от Малоугор) купил Тамурин, а у него Шевлягина, часть имения (в Турлиевской вол.) Шевлягина продала Бранту. Костомский* район — лучшие леса церкви с. Халбужа, Башкирова, Шевлягиной и 1–10 квартал Понизовской дачи.

5/VII. Весь день в лесу Кадникова. Осматривал рамень. Единично попадаются пихточка. Дача Дорок — в бассейне Идола, притока Неи; лес по кулигам; 10 лет назад на шпалы повыбрали толстомер. Отец Кадникова Геннадий Иванович гонял по Идолу длинник. Попадаются тонкие сосны. Лабутин рассказывал, что в районе много дачников — латышей-беженцев; платят они за свинину 40 к. фунт, за четверть молока 40 к., масло сливочное 1 р. 25 к. фунт, яйца 50 к. десяток. Лабутин отправляет в Петербург грибы, масло топленое, ветчину.

6/VII. Целый день в лесу. Выражения Василия Павловича: «молоднужник» (молодняк), «с подожданием», «сапоги смазные, а дыры сквозные».

Из Кадниковской дачи (350 десятин в лесу) крестьяне в год выносят грибов тысяч на пять рублей. В районе идёт скупка грибов вплоть до Парфеньева — приезжают скупщики из Москвы (Зыков и Бусурин). Лабутин поставляет грибы Экономическому гвардейскому обществу. Груздь идёт в Петроград, масленики в Нижний.

Один из соседей Кадникова Иван Иванович Захаров (прозвище Мигунов — глазами мигает), у него около 300 десятин лесу (зовут его «Половчинский барин»), другой сосед — Лапшин. Рядом в Лучкине усадьба Марьи Николаевны Жоховой — там 15 десятин лесу, луга. Хотела прошлый год продать усадьбу с землёй за 17 тыс. руб. (её муж студент Ярославского лицея) — теперь не хочет. Пожила в Ярославле, там дороговизна. «Плохо, — говорит, — жить в чужих сенях, а здесь всё своё».

По окраинам леса ягоды попримёрзли, а в большом лесу есть. Выражение: «за Введенским полем к Михайловской дороге в большом лесу».

Еврей Шалит скупил усадьбу Ивановскую у Кривошеева, он же у Хе-

* Правильно — Костомский.

рова купил дачу за 180 тыс. руб. через четвёртые руки, а Херов сам купил её за 45 тыс. руб. (1000 десятин). По району ездят евреи, скупают дачи, вынюхивают, измеряют деревья для шпальной разработки. Шпальной разработкой испортили прекрасную рамень...

Вот лает собака Буянка. Идём из лесу клеверами. На него урожай <ныне?>. «Сенов столько, ставить некуда», — говорит Лабутин... Среди лесопромышленников поговорка: «Кто плуты в Костромской губернии — на Ветлуге Абаимов, на Унже Устинов, у Троицы-Голов Ив. Ив. Херов».

Страховой агент Жадовский в Буйском уезде продал своё имение за 110 тыс. руб. (800 дес.) Иванову.

7/VII. Целый день в лесу. 9 часов утра. Горит золотом зверобой, чекает какая-то птичка, белые головки нивяника, запах клевера, лязг косы откуда-то. Обдувает ветерком, жужжит, пролетая, муха, ясное бирюзовое небо.

Спускаемся по склону, молодые сосенки. Стою у тычки (вышки), лицо горит, стрекочет кузнечик, какая-то птичка в ольшанике тянет ноту: тюитюи. Трава вся в цвету. У подошвы склона белые пахучие кисти лабазника, словно желтоватая пена; булькает вода в ручье; пахнет смолою, делают круги мухи. Родничок, прикрытый ольхой, вода студена.

Потом вышли в ложок, с поросшим травой ручьём. Краснеет иванчай, переливается славка, кудрявые берёзы стоят против, на лбу испарина, жжёт грудь и руки. В траве скромно голубеют на изумрудной зелени травы незабудки. Лопочут листочки молодой осинки. Булькает ключевая вода, умылся — студена. Светлые бочаги, словно бусы, сверкают на солнце; на траве остаётся от ноги матовый след, на деревьях блестит паутина, на манжетке сверкают капли росы. Пряный запах лабазника. Лабазник белый, как кипень. Из куста выглядывает синюха обыкновенная... Шуршит трава под ногою и чавкает вода, болтает славка.

... Днём были в Некло<шевском ?> лесу — алеет земляника, свирисят дрозды, летают стрекозы, мелодически бренчит колоколец на корове... Потом прошли в усадьбу Дорок — к Вере Николаевне Кадниковой. Она урождённая Макарова. Пили чай. Принесли мёду (40 ульев) — «взятки хороший», — говорила Вера Николаевна. Девочка Таня (8 лет) в лиловом платье, рослая, мальчик Юра. Старинная обстановка в доме, рояль; старая барская усадьба. На стене фотография моряка и трёх матросов и подпись «Т-щ Вани — капитан Пумин, герой Турецкой войны, взрывал турецкий броненосец, но сел на кринолин и взят с тремя матросами в плен».

Вечером Лабутин повёз меня на станцию. «Сенов нонче много, девать некуда», — говорит он. Лабутин (Вас. Дм.) — ему 47 лет, брюнет, 18 лет был на военной службе в лейб-гренадерском полку, имеет самые лучшие аттестации, которыми любит хвастать. Участвовал в усмирении мяте-

жа в Кронштадте¹⁴.

Едем лесами, вот и покосы Жоховой, заливные, по р. Нее (35 дес.), вот 40 дес. леса Русакова — везде покос, уборка в разгаре. Мельница на Нее, Ларин поставил её на диво, это предмет удивления. Нея блестит нарядная, переливается, ярится. Ярятся покосы. Бабы в цветных одеждах убирают сено в стога.

Это арендные пожни, арендуют крестьяне у Костромского (Петроградского?!) детского приюта, которому барыня Рудомазина их подарила с тем, чтобы не продавать, а лишь сдавать в аренду своим крестьянам, а чужим лишь тогда, когда свои не захотят. Косят под одну косу, мирщиной, делят сено уже в копнах, а не как в других местах (где трава ровная, там обычно делят полосами на корню).

На мирщине обычно веселье, пьянство, озорство. «Бабы, — говорит Лабутин, — перепьются, озорничают, бросают друг друга в воду».

Переехали плотину, на подъёме лежит молодая бабёнка, лет 25, с тонкими чертами лица, красивая, и просит подвезти — вывихнула ногу. «Просила их (баб) — ой! бабы!.. не трогайте, не бросайте в воду, ногу сберегите... Так не послушали... Всех до одной перебросали в воду как есть в одежде... Побежала от них — и ногу вывихнула». Лабутин о мирщине: озорничают, попадётся мужчина — и того начинают качать, того и гляди оторвут (член). Поэтому молодые мужики на мирщину и не ходят, боятся. «Я сам однава откупился, дал денег на вино, хотели качать...»

Лето в разгаре, пряный запах сена, всё кругом ярится, небо бирюзовое, солнце жжёт лицо — мокрые так и косят, страсти загораются (ведь мужики все в отходе). Бабёнка сетует, что «свекровь корить будет». Подвезли её до деревни.

По рассказам Лабутина, проведение железной дороги оказало сильное влияние на население — едва началась строиться дорога, уже многие девки забрюхатели; нужны мужику деньги, срубит у себя в полосе или в чужом лесу дерево-другое, выделает шпалы, везёт продавать на станцию. Накопит баба десяток яиц или фунт масла, несёт за 10 вёрст на станцию. Совсем обасурманился народ, развились потребности, алчность к деньгам. Но хоть прошла железная дорога, а медведи в округе не переводятся, каждый год коров таскают, много лосей бродит, не бьют их, некому — народ все в питерщиках. Вспомнил Лабутин про покойного предводителя Чухломской земской управы Николая Макаровича Перелёшина: вот был медвежатник и бабник — ни одну учительницу не выпускал в люди; про него говорили, как переспит с ним учительница ночь, так и хорошее место получит...

В лесу тенькает какая-то птичка (пеночка?), синеют близ дороги и у

пеньков синюхи обыкновенные, краснеет иван-чай. Пахнет сеном. Чавкает грязь. Хорошо. Вот и станция. Слава Богу, к скорому поезду не опоздали.

8/VII. В вагоне пришлось стоять всю ночь на площадке — масса едущих. Старик-маляр (подрядчик мелкий) ехал из деревни, где после 30 лет отсутствия был на побывке. Удил рыбу на мельнице, и сам этому дивовался, племянники сунули ему удочку в руку, червей накопили — и ему, горожанину, было чудно, что сидит он с удочкой, что блестит кругом вода, идут по воде круги, загорается вечерняя заря, в кустах поют птицы — и кругом Божья благодать...

Отправился в Байдарки. На пароходе везде рассказы и разговоры о предстоящих призывах ратниках*, о солдате-дезертире, который 6 раз бежал со службы. В Байдарках Клава и дети мне рассказали, что на песках тонула баба, но что нелюдимый дачник вытащил её. Бабы говорили: «Дай Бог ему здоровья». Хоть плавать не умеет, а бросился, не раздумывая.

Призывают ратников 1 разряда за 1895, 94 и 93 г. и 2 разряда <кончая ?> 1901 р. Призыв назначен на 15 июля.

10/VII. Штурмер¹⁵ назначен министром иностранных дел. Значит, перемена политического курса.

По деревне ходят девицы и поют песню «Последний радостный денёчек... А староста стучит в окошко... Готовьте сына своего».

11/VII. На пароходике старушка рассказывала: «Сын мой, большачок, работал в зимовье... Рассказывал... В прошлый год на лошадях лес возили, а нынче на нас. Куда пойдёшь?! Ратник! С работы уйдёшь, сейчас на войну заберут. Жалованье получал 24 руб. Всё на харчи уходило, мясо 35 к. фунт, а без мяса нельзя, ноги не передвинешь. Ни синь пороху не приобрёл. Три пары валенок за зиму истоптал, два пальто износил, бельё домашнее, подштанники поприврал... Вот как хочешь, так и живи».

Слышал рассказ о земгоре, как там ведётся счетоводство. Пример.

Груз А пудов прошёл В вёрст
“ С “ “ Е “ ;

пробег вычисляют так: $(A + C)(B + E)$ вместо $(A \times B) + (C \times E)$.

12/VII. Вернулся с военной службы один из земских служащих. Рассказывал. В учебной команде встретили его так: «Эй вы, конторщики и чиновники... пастухов из вас сделаем». Обкладывают бранью. Душа пропадает. Рукоприкладства нет, но уж зато ругают на чём свет стоит. На позициях лучше, чем в казармах, где сплошное издевательство над человеческой личностью.

Призыв ратников отложен на месяц. Слух, что ведутся переговоры о

* Так в подлиннике.

сепаратном мире. Говорят, в Ярославле цены на дрова упали на 5 руб. в сажень. В Костроме замечается усиленное предложение дров к продаже.

«Так занят, так занят: раннее утро выгонит и только тёмная ночь пригонит домой».

20/VII. Рано утром выехал в Кинешму на пароходе для участия в Кинешемском союзе кооперативов по обсуждению вопроса о собственной заготовке дров. Красной ракетой. Мимо плывут: Татарская слобода — Васильевское с усадьбой бывшей Карцова (теперь Чумакова) — Байдарка — Среднее — Нагорова — дача Витова — Гомониха — Троица.

В рубке беженка с детьми. Ребятишки шалят. Беженка с нерусским акцентом, возмущаясь, сетует на дороговизну, на то, что брата-студента возьмут в солдаты. Собеседник её купец-старик с тихой грустью в глазах (видно, хороший человек) говорит ей тихо: «А у меня четверых сыновей забрали на войну... двух убило — одного на Карпатах, другого — в Ковенской губернии». Идёт далее паровоз*. Беженка хвалит латышей: «Латыши не боятся немцев». «И мы не боимся немцев, — замечает просто купец, — только свой долг исполняем».

Был в кооперативе. Борман делает доклад: Москва обратилась к Котловскому обществу потребителей поставлять ей дрова. С этого началось. Надо организовать свою заготовку дров для кооперативов. Взять деланки в карте: в Влад.-Нелидовской даче 700 дес. и в Ивановской (на Нёмде). Приводил расчёт, во что обойдётся заготовка дров — 1 саж. аршинных дров:

Нормальные условия		Условия военного времени
Попенная пила	70–80 к.	2 р. 50 – 3 р.
Оправка	5 к.	20 к.
Страховка	10 к.	10 к.
Вывозка	80 к. – 1 р. 20	1 р. 60 – 2 р. 50
Сплав до устья		
Желваты	1 р. 20 – 1 р. 25	1 р. 80 – 2 р.
Цена 1 саж.		
на берегу Волги	3 р. 65 – 4 р. 85	7 р. 20 – 9 р. 30
Транспорт		
до Кинешмы	1 р. 60 – 2 р.	3 р. 80 – 4 р. 20
Себестоимость		
в Кинешме	5 р. 25 – 6 р. 80	11 р. – 13 р.
Рыночная цена		25 р.

* По-видимому, это старое название парохода сохранялось и в начале XIX века.

* Кошеть — мягкая складная корзина; плетёный или вязанный кулёк; сетчатый мешок, капита, сумка. (В. Даль) Кошелитный — к кошело относящийся.

Слышал разные рассказы: о председателе земской управы Дмитрие Митрофановиче Тригорове, который о Ласху до полусмерти избил санитара. Много говорят о сахаре. Целая эпопея — в уезде дают по 1 1/2 — 2 фунта на душу в месяц, а кой-кому дают и по 3 пуда. Был такой случай. У

Вечером был в земстве, обсуждались программы переписи города ма-Нея ведётся за счёт Курочкина и Бураева.

... Кинешма спит и во сне презит котловскими боютами, на коих хо рошо бы поставить центральную электрическую установку, мечтает о железной дороге: Кинешма — Нея. И говорят: проект этот имеет шансы, ибо в районе этом имение Риттиха¹⁷ и кроме того, говорят, недавно купил имение председателя Совета Министров Штурмер. Изыскания линии Кинешма-Нея ведутся за счёт Курочкина и Бураева.

Из кооператоров больше всего мне понравился Арсений Семёнович Колодин — лихач-кудрявич, очень милый, простой и серьёзный. Подкупать в нём простота, деловитость, открытость.

У меня осталось впечатление, что из дровяной этой затеи ничего не выйдет, ибо кооперативы, городские, и фабричные, и сельские, в разной степени заинтересованы в этой операции — одни заинтересованы, другие нет. Из кооперативов района ведут дровяные заготовки: в Кохме, Наволоках, Единоение и Сила, Родники. В Юрьевце при своей заготовке закупочно-му товариществу сажень дров обошлась в 11 руб.

Для выработки 80 000 погонных сажней надо первоначальных затрат рубля по 4 на сажень или 320 тыс. руб. По Желвате можно заготовлять лишь молевые дрова — следовательно, оборот капитала двухлетний. По Немде кошелитный* слав — там одногодичный оборот капитала. При организации заготовки возникнут вопросы: хватит ли рабочих рук? Надо иметь в виду конкуренцию, также со стороны дровяных королей: Куломзина, Чернышева. Надо будет выставлять дрова на 30 верст от устья, а выше дрова Куломзина, Чернышева и др. При обсуждении локлада указывали на тяжёлое положение Вичугского района: фабриканты здесь скупают дрова, даже мелкими партиями, по 5 сажней, чем ставят в безвыходное положение рабочих. Другие указывали, что цена дров учитывается в квартирных, получаемых рабочими. Вадорожание дров подымает квартирные¹⁶, и обратно: удешевление дров фабриканты учтут в квартирных.

Варфоломеева косцы просят сахару выдать по 3 фунта на человека — «как у Ив.Ив. Григорова». На Томне фабричные из-за невыдачи сахару грозят остановать фабрики.

Ночевал в доме Нагорских... Вид оттуда восхитительный — высоко, просторно, словно на башне маяка.

21/VII. Еду обратно. Вот дача Шаляпина. Слышу о ней разговор: «Какая отделка внутри!.. Зашагаешься!»... Рассказывали, что в Нерехте возникла фабрика сапожных колодок...

Ночью пошёл на дачу, собаки бросаются...

22/VII. У Клавы дизентерия. Утром пошёл в город за лекарством (каломель и висмут). Обратно шёл пешком, был проливной дождь.

В Татарской слободе возникло общество потребителей — торгует на 150–200 р. в день, дела идут хорошо.

Дачница — мать мальчишек в фесках («турок») — жалуется на Петю, что обижает её детей, закидал камнями.

23/VII. С Петей были в городе. В городской управе работы по переписи прекращены до 10 августа. Был у В. Ив. на новоселье. За прекращение работы обидно — на полпути стащили с седла. Главное, ничего ещё нет законченного.

25/VII. Брожу на даче по откосам с Петей и заново замеряю в записную книжку:

1) высоко под горой — заросли иван-чая, чернобыльника, полыни полевой, пулавки красивой, звёздчатки злочной, царского скипетра, дикой рябинки, подмаренника белого, малины, льнянки; 2) на склоне — *Companula rupestris*, мышинный горох, пулавка, Андреев крест, душица; 3) берег реки — подошва горы: мать-мачеха, зонтичник, мышинный горох. Средняя часть берега: молочай, осокорь, донник белый, мать-мачеха, мышинный горох, леденец рогатый. Жёлтые крестоцветные.

История с одеялами отравила пребывание на даче. Надя (прислуга) по глупости взяла да вымыла все ватные одеяла. Уж и пилила её Клавочка!

<...>

26/VII. Введены мясопустные дни. По закону, одобренному Гос. Думой, мясо продают только в субботу, воскресенье и понедельник.

Обследование Андобских руд. Примета: ёлки наклоняются вершинами — значит руда есть.

29/VII. Поехали в Большие Соли. Предварительно зашли в богадельню к Катер. Ник. Она «святая» — в смысле не думающая о себе: «Надо всё по-хорошему!»

Видал на пароходе представителя г. Саратова — приехал покупать

дрова. Теперь в Саратове пятерик дров 245 р. (а в мое время 65 р.). Обещала ему казна уступить в Юрьевце 1000 куб. саженой и в устье Желваты 125 кубических саженой.

Приехали ночью в Бабайки¹⁸ и заночевали в гостинице.

30/VII. Белая монастырская стена, синее небо, перистые облака.

На стене комнаты написано: «Был и удостоился причаститься владелец красильного заведения в Ярославле и Костроме И.П. Петров», а рядом нацарапано: «У барина был двор, во дворе пруд, в пруде рак, а кто читает, тот дурак».

Попили чаю с просфорами и пошли пешком через дубовую рощу (есть липняк, бересклет) в Соли. Лесозавод Панова, картофелетёрочные: Труневой, Лыкова, Кулькова, кооперативный; ветряная лесопилка. Видели сосну в три обхвата (68 вершков в окружности и толщина в 28 вершков). Видели колодцы — бурят скважину 4-х дюймовой трубой, бурят 20 саженой — мелкий песок. Кругом в изобилии цветёт девясил британский.

Были в больнице, видели доктора (Ник. Ал. Преображенского). В курортной столовой завтракали. Павел Козлов, хитрый сельский староста с. Малые Соли, говорил: «Тут бурят, а у нас (в Малых Солях) поверх соляная вода идёт, ставьте бочки и всё тут». Большесольцы мечтают о возрождении Б. Солей, о курорте, и малосольцы от них не отстают.

Были в архиве Городской управы. К. Ив. Сорокин говорил: «Здесь историки — отцы (священники) — брали грамотки из архива, а потом после их смерти жёны их пироги грамотками покрывали». Много пропало. В М. Солях архив растащен, понадобилось освободить сундук. Вытащили старые бумаги на луг и сожгли.

Вечером в Драматическом кружке были.

31/VII. Поехали в Насонки. Из сада выбежал нескладный Мишка Прохоров. В столовой хороши старинные портреты Ник. Ив. Прохорова и Авдотьи Лукинишны. Он в стоячем шитом золотом воротнике. От дома веет стариной. На одной из книг под портретом Вольтера надпись старинным почерком: «Вольтер, О Вольтер своим умом и своим познанием ты готовил яд всему человечеству. Пётр Токмачёв».

Смотрит со стен отжившее поколение, бродят отживающие: сестры Прохоровы — Катер Ник., Ал-ндра Ник., Авд. Николаевна, бодрится стареющее поколение — А.А. Языков... и юной жизнью веет от молодёжи: от розоперстой, нежной, похожей на розовый облак Марьи Александр. Прохоровой и молодого козлёнка третьеклассника Миши.

Пошли в сад — разрослась лещина, два кедра, одного уже нет — погиб. Кругом ровное, довольно унылое место.

Тётка Прохорова вспоминает былое, Чижовых, и пр. Усадьба Чижо-

вых — Каликино (Биберово тож.) была в 15 верстах от Иваново-Вознесенска, купили её у Антоньева. Антоньев — прототип Плюшкина. До того скареден был, что его дочь за нищенку принимали. Сёстры Чиждова отдавали тканьё в люди, работали на фабрики... Алекс. Ник., неразлучная с портфелем с чиждовскими бумагами, много говорила о сёстрах и обещала написать воспоминания.

Поехали обратно в Соли, а вместе с нами и розоперстая Манечка. В Солях в Драматическом кружке концерт — хороши были вещи Чайковского, но декламатор Разин с его ужимками обезьяны и декламацией «Васьки Шибанова» был возмутителен. Потом все ужинали. Спешили на пароход. На пароходе стояли ночью в тумане.

2/VIII. Наши приехали с дачи. Мясо 65 к. фунт.

26/VIII. На Волге подтопило казённые дрова. По ночам, говорят, выезжает лодок по 25 и вылавливают дрова — «мартышничают».

Днём был в совещании в городской управе по топливу. Гласный Ламехов говорит, что нынче тащили с Волги, как никогда, сушняк, брёвна, запасались как могли. Решено выдавать по 3 сажени на 1-топочные квартиры в зиму и по 2 сажени на 2-х топочные. Продавать дрова — пудами, четвёрками, осмушками. Нет возчиков. Опубликовала городская управа, что нужны ей возчики дров — ни одна живая душа не отозвалась.

Наташа именинница, подарили ей чинилки и книгу. Была разочарована, что Маничка не пришла. Был сервирован чай с фруктами. Пригласили выпить чаю Тат. Серг. Та рассказывала о Париже и университете.

Поехал в Переславль. В вагоне кооператоры говорили о дороговизне и о том, что в Прилуках масло стоит 90 к. фунт, мясо в прошлом году 12 к., теперь 27 к. фунт, сало 60 к. «Мы живём среди свиней — окружены, можно сказать, ими», — говорил один из кооператоров. «Да у вас дешевле», — изумляется кто-то... Ехала беженка из Минской губернии — жена телеграфного надсмотрщика: «Не держу прислуги, чтобы мужа не отбила», — признаётся она. Муж у неё, — по её словам, — ясновидящий — во сне видел море, себя матросом, гибель «Варяга» — всё то, что потом пережил. Верзила и хладнокровный, сначала «пасил» (пас) свиней, потом был матросом, спасся с «Варяга»¹⁹.

Приехал в Берендеево ночью, спал в «салоне», т.к. не было ямщиков. Тут же австрийский пьяный офицер. Отказался идти пешком. «Я пьяный, нездоров, должен фурие (фура)... ноги болят... пешком не пойду... Даю 3 руб. за фурие... больше не могу». Потом зыркнул на собравшихся: «Что смотрите, что я вам? Циркус или панорама?!» А окружающие: одни подстрекают конвойного — добродушного солдата — оказать насилие, или же против этого: «Не гоже пленного человека зря обижать».

27/VIII. На ямщике. Попутчики-коммерсанты и их разговоры о дороговизне. Мих Андр. Саврасов. Говорят о том, что конопляное масло 20 р. пуд, что нет товаров, что цены растут с каждым днём, что в Москве, мол, говорят, что в ноябре конец войны, что в Переславском уезде средний урожай, что мужики будут выжидать цен... Было зябко. Когда узнали, что я к судье еду, прикусили языки.

Вот и Переславль. Феденька удивился, на какой это я тройке приехал. «Какой-то господин в кепке!» Саша и мама и удивились, и обрадовались приезду²⁰.

Квартира на площади — обилие света, просторно, хорошо. Мамина комната и псы: Фингал и Жук. Говорим. Узнаю новости: в Царском Селе — курица 6 руб. Мама рада моему приезду, Толя тоже. Саша занят перевозкой своей канцелярии в новое помещение.

Переславль мне нравится: стильные деревянные торговые ряды, а церкви — сплошная архитектурная сказка. Слушаю рассказы о Священном (Плещеевом) озере, не знающем человеческих жертв. Вечером вдруг набат — пожар на фабрике «Проводника» — бензином ожгло 7 рабочих.

28/VIII. Проснулся. Солнце светит через синие занавеси. Вышел на террасу. Белая колокольня против. Базарная площадь. Благовест и чистый свежий воздух...

Гуляли по валам... Тихоструйный Трубеж, заросший ряской, в ивовых берегах... Тихая идиллия, а рядом фабрики: «Проводник», Товарищества Переславской мануфактуры, Гольденберга (фабрика вышивок). Собор и церкви — их штук 15 – 20, одна митрополичья с зелёно-красной крышей, другие с голубыми, жёлтыми, красными главами. Маячит озеро. Красиво.

Были у Быковой. Домик на улице. Искали у Быковой рукописей, грамоток. Нет их. Рукописи пошли на обёртку селёдок. «Как бы знать, что понадобятся». Остались учебники да Гоголь... Всё Гоголя предлагала купить.

Горицкий монастырь. Подозёрица. Были в «Ботике». Надписи: «1847 года января 21 дня Е.И.В. Государь Император Николай Павлович на изъявленное владимирским дворянством желание и готовность приобрести по купкою село Вёськово соизволил удостоить дворянство Высочайшим отзывом, что поступок этот вполне достоин чувств владимирского дворянства, как Его Величество всегда разумел оное». Другая: «Указ воеводам переславским надлежит вам беречи остатки кораблей, яхт и галер, а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегших сей указ. Пётр. В Переславле в 7 день февраля 1722».

Возвращались подозёрицей (я ходил с Толей) — земля чавкала под ногами, промочили ноги.

29/VIII. Саша рассказывал. В этом году пастухи на лето поряжены (на 6 месяцев) в Переславском уезде: в с. Красном за 1200 р., с. Ивановском 1200 р., и с. Нилы — 1300 р., а городской судья получает с канцелярией 2200 р. в год.

Толя малевал Князь-Владимирскую церковь (зеркальце на кресте). ... У Фединьки дизентерия — он играл, изображая перевозку камер-канцелярии отца... Тронуло прощание с мамой, жаловалась на одиночество, благодарила за приезд, просила писать... Вечером уехал.

Тепло. Полная луна. Нас семеро в экипаже. Гимназист едет записываться в военное училище. Рассказы о появлении медведей: «В Новосёлках, — рассказывал пильщик, — медведь обижают... все полосы с овсом изъездил... В Бормазове лес сведён, теперь чаща, не продерёшься, там теперь медведям и вод. Умственный зверь: года 4 назад тоже были медведи. Лесной кондуктор Андрей Лаврыч с другими пошли на них. Уговорились: «Ребята, не бежать... Кто побежит, в того стрелять!»... Медведь как пошёл на них, встав на лапы — пудов 18 в нём весу было, — Лаврыч и побежал, а Михайло не сробел — выстрелил и в ногу медведю попал, потом докончили».

Гимназист жалуется, что порох вздорожал: который был 60 к. фунт, теперь 10 р. 50 к., да и то его нет. Дроби нет, свою делают рубленую... А лоси ходят... Рассказывает, что группа гимназистов летом работала на станции. Разгружали вагоны с дровами, известью. Рублей по 7 в день выгоняли. А на кладке кирпича в Переславле на постройке у «Проводника» каменщики сдельно выгоняли в день по 11 руб.

Лошадей, на которых я еду, содержит ямщик Кирзин — 10 лошадей у него. В день выгоняет рублей 70, остаётся чистых рублей 40. Балуется, в карты играет, пьёт каждый день, платит ямщикам по 20 р. в месяц.

Приезд в Переславль фабрик поднял на всё цены. «Проводник» нагнал цену на сено до 1 р. 10 к. пуд, а было 60 к. Стал скупать по 90 к.

Пьют <нрзб.> — расшибает от неё здорово.

30/VIII. Ехал на Максиме, т.е. поезде с IV классом. Спал. В 6 часов утра в Москве обошёл 10 гостиниц и только в Лубяньских нашёл номер.

Был на заседании по топливу у Новгородцева. Ив. Кап. Коновалов (фабрикант) рассказывал, что на Ярославской мануфактуре и в других местах рабочие просят выдачи особых дровяных денег — до 5 р. на человека в месяц.

На съезде сообщили, что в Дмитровском уезде Московской губернии корневая цена дошла до 37 р. за куб. сажень. В Винницком уезде цена <нрзб.> 77 р. за куб. сажень. Управляющий Государственным имуществом Владимирской губернии Диртау заявил, что скупка фабрикантами дров вызвала

острый кризис и, по отзывам фабричных инспекторов, могут быть острые проявления недовольства среди рабочих. На совещании всё вертелось вокруг вопроса о реквизиции леса на корню. Заведующий заготовкой Московской городской управы Осипов сообщил, что пленные некоторые прекращали работу, мотивируя плохой пищей (хотя был свой повар), а также тем, что не хотят работать против своих (на оборону). Таких отделили и посадили на хлеб и воду, через 5 дней стали работать. В Дмитровском уезде Московской губернии всех пленных 700 чел.

31/VIII. Милый дядюшка Флорентий Александрович²¹ сначала меня не узнал, потом расцеловался и сказал: «А я, брат, тебя не узнал... Лицо Федино, но смягчённое, как у Адели».

Много рассказывал про деда²² и отца²³. Вот его рассказ: «Прадед твой имел в Париже 2 дома и имение Бримо* в 20 верстах от Парижа. Был он человек очень образованный, легитимист и вольтерьянец. Состоял флигель-адъютантом при Людовике XVI, способствовал его бегству. Потом, когда Людовиг был схвачен, бежал из Франции, а имущество его было конфисковано. Поселился он в Берлине. Там давал уроки. Здесь же его пригласила гувернёром к своим детям графиня Орлова-Давыдова, которая и увезла его в Орловскую губернию. Прадед копил жалование и лет через 5 уехал в Рязань, где и открыл пансион. Потом переехал в Москву, тут он женился на дочери Делесаля, содержателя мужского и женского пансиона. Потом этот пансион был Перепёлкиной и затем Брюханенко. В холерный год (1831-й) прадед умер одним из первых, оставив в наследство сыну своему Александру Ивановичу дом на Шаболовке, 1 р. денег ассигнациями, 4-х летнего брата и двух крепостных, приписанных к дому — эфиопа и эфиопку, что было противозаконным делом (т.е. держание при домах рабов) и строго каралось (в 1814 г. Александр I воспретил держать крепостных при домах). Ввиду холеры уроки музыки прекратились, и приходилось бедствовать. Александр Иванович с маленьким братом, Константином, ходили в Разгуляй или в Лефортово в трактир, который назывался «Максим большая закуска», там за 5 коп. ассигнациями можно было получить миску борща с ветчиной и сосисками и миску каши с русским маслом. В ту же цену подбавляли жижи, если было мало.

Не имея средств к жизни, Александр Иванович поступил на должность смотрителя в холерную больницу. Там пьянствовал с докторами; доктора ничего не делали, по неделям не являлись в больницу, вместо медикаментов выписывали себе вино и водку. Больные, предоставленные себе,

* Отсюда Дюбюк-де-Бримо. Другая линия Дюбюк-де-Ривьери и сейчас существует на острове Мартинике. В Америке в штате Оепа**. (Прим. автора).

**Так в подлиннике.

умирали, если им это было угодно, или выживали, что, впрочем, было нечасто. Под конец Александру Ивановичу вся эта канитель надоела, и он вовсе перестал ходить в больницу.

Потом, благодаря протекции, Александр Иванович был определён подкopiистом, с жалованием в 55 коп. ассигнациями в треть в комиссию, председателем коей был некто вице-губернатор Брусиллов. Комиссия эта называлась Комиссией по осмотру разрешительных и запретительных книг. Вытаскивали из архивов бумаги в рогожах, рассматривали их и делали на рогожах отметку краской — чёрной, если дела подлежали уничтожению, или красной, если оставались к хранению. Александр Иванович часто клеймил (два ведра с краской стояли тут же), не распаковывая рогожи, а иногда и сплошь чернил чёрной краской. Вот почему, например, из дел времён Анны Иоанновны что уцелело, а что и нет.

Прокутивши ночь, Александр Иванович нередко являлся в архив навеселе, и тогда кисть с чёрной краской широко разгуливала по рогожам с делами. Вскоре стал манкировать, посещать службу реже и реже, а под конец и вовсе перестал ходить. И так не ходил он на службу лет 7 и в заключение был уволен со службы без прошения по 3-му пункту. Это уже означало скандал — ведь никуда не примут. Бросился хлопотать. Наконец, благодаря связям, всё устроилось. Важное лицо приказало засчитать Александру Ивановичу все 7 лет его службы, выдать жалование за всё это время, произвести последовательно в чины копииста, подканцеляриста и канцеляриста и с сим чином уволить в отставку, мотивируя все эти поблажки тем, что Дюбюк человек талантливый. Один повытчик запротестовал было. Но особа затопала ногами и заорала: «Иди сделай так, как я тебе приказал, а не то я тебе морду разобью и самого прогоню со службы по 3-му пункту».

Через несколько лет выяснилось, что на чин канцеляриста надо держать экзамен, в том числе и по закону Божьему. Прадед был католик, из оного перешёл в православие, но у себя в пансионе, где учился Александр Иванович, закон Божий не преподавался, да и дома, когда приходил поп, прогонял Александра Ивановича, говоря: «Тебе нечего тут делать с попами».

Экзаменатором был протоиерей Богданов, человек строгий. Александр Иванович перед экзаменом поехал к нему. Так и так, мол. В пансионе, де, закону Божьему не учили и пр. «А в церковь ходите?» — «Да, был раз, на венчании». — «И Богу не молитесь?» — «Не молось!» — «И в церковь не ходите?» — «И в церковь не хожу». — «Так и живёте?!» — «Так и живу». — «И ничего с Вами не делается?» — «Как видите». Отворил двери и закричал жену: «Марья Ивановна, погляди, какой человек ко мне пришёл: и в

церковь не ходит, и Богу не молится». Та, как увидела Александра Ивановича, закричала: «Боже, Александр Иванович, это Вы... вот я рада... заходите» (оказалась ученицей Александра Ивановича — институтка бывшая, Екатерининского института). Стала <упрашивать> мужа: «Брось, ведь это Александр Иванович!» Кончилось тем, что Богданов указал Александру Ивановичу главки по Ветхому и Новому заветам, по которым завтра будет его экзаменовать.

Так или иначе надо было разделаться с эфиопами, иначе грозила кара. Кинулся Александр Иванович в управу благочиния, там нашли дельца, пошёл с ним в трактир. Делец говорит: «Пиши... В Бежецкий нижний земский пункт* канцеляриста А.И. Дюбюка прошение, а о чём, тому следуют пункты...» — «Причём тут Бежецкий суд, я никогда в Бежецке не бывал». — «Пиши-пиши, коли говорю. Выгорел Бежецк, а с ним и полицейское управление и нижний земский суд. Поэтому и справляться нельзя, так, на слово поверят».

На деле так и случилось, пришла из Бежецка бумага, а в ней сказано, что в Бежецке вся архива выгорела, но что не имея оснований не доверять просителю, управа благочиния постановила выдать просителю требуемое удостоверение в том, что эфиопы-крепостные были своевременно освобождены от крепостной зависимости.

Сыну Николаю надо было поступать в университет, а бумаг никаких нет. Поехал Александр Иванович в Рязань к губернатору бумаги добывать. В приёмной стал в очередь, просит выдать удостоверение. Губернатор сухо и официально: «Не могу выдать». Снова просит. Потом спрашивает: «Да кто Вы? Ваша фамилия?» — «Я — Дюбюк». — «Дюбюк!! Это вы написали «Горные вершины?» — «Я». — «Вы!.. так бы раньше и говорили». Правителю канцелярии: «Приготовить сейчас же Дюбюку все требуемые бумаги». Открыл дверь, кричит: «Анна Ивановна, знаешь, кто ко мне приехал, Александр Иванович Дюбюк!» Приглашает в комнаты. «Да я Вас не выпущу, где Вы остановились? В гостинице? Переезжайте ко мне... Концерт устроим! Платный, я соберу гостей... Поживёте у нас» и т.д.

В 40-х гг. Александр Иванович с тенором Бантышевым поехал концерттировать в Вологду — зимой в возке на пошевнях поехали. Взяли с собою от скуки мешок кедровых орехов. Тенор спит на морозе, раскрыв рот, и храпит вовсю. Проснётся — и ну грызть орехи. Приехали в Вологду — как в те времена водилось, концерт у губернатора, затем у кого-то из дворян. После одного концерта подвыпили. Кто-то и просит: «Александр Иванович, сыграйте!» Александр Иванович сел за рояль и пропел «Великую Ектению», в которой вышучивались тогдашние непорядки: «Для счастья на-

* Ошибка, следует читать «суд».

рода сидят члены синода. Аминь. Господи помилуй, во веки веков» и т.д. За «Ектенией» следовал «диалог Николая Павловича с Клейнмихелем²⁴» о том, как не пустить крамолу в Россию из Запада. В числе слушавших были и губернатор, и жандармский полковник. Все аплодировали и были довольны, а на утро полковник послал донос.

Лет пять спустя, на обеде Александр Иванович встретился с министром Канкриным²⁵. Сидя рядом и чокаясь, нечаянно облил Канкрин вином, стал стряхивать с мундира его капельки вина и извиняться. Канкрин на это: «Это ничего, ничего... Это пустяки... А вот то, что сделали в Вологде 5 лет назад... этого нельзя делать».

Александр Иванович был мастер перелагать стихи; между прочим, ему принадлежит пародия Беранже: «Спросите у Дюбюка».

Директриса Екатеринбургского института Цеймернг (мать Ник. Мак., который был губернатором во Владимире) прислала к Александру Ивановичу инспектора Брашкова (знаменитый математик, но дурак, каких мало; Александр Иванович анекдот сочинил о нём: Брашков, де, хотел, чтобы табакерка открывалась на другую сторону, что ему ювелир и сделал за 10 р.). Поехал Александр Иванович к Цеймернг, та приглашает его преподавать музыку в институте. Условия, можно сказать, подходящие: жалование 600 р. в месяц и проч. Но когда Александр Иванович собирался уходить, она и говорит ему, мнётся: «Знаете только, Александр Иванович, у нас ... девицы молоденькие, чистые, нравственные, так ...» (Александр Иванович был известный бабник, ходок по женской части). — «Так что, — перебивает Александр Иванович, — Вам нужен, значит, учитель нравственности... Нет, я не могу взять эти уроки ... не могу... Лучше вместо меня кого другого... Нет... Нет... Нет, уж лучше другого». — «Да какого?» — «Да вот хоть митрополита Московского Филарета... Хоть он и плохой музыкант, но ...».

Александр Иванович был страшный эгоист. Исключительно плохо относился он к сыну Фёдору (моему отцу). Фёдор кончил гимназию и поступил в фехтовальную школу юнкером. Два года был там, потом благодаря грамотности произведён был в офицеры в Белозёрский запасной батальон в Двинске. Там его сразу же сделали адъютантом; потом батальон вошёл в состав Лифляндского полка в Риге, сделали его полковым адъютантом. Там увлёкся немочкой, Евгенией Ивановной. Как почтительный сын, просил отца разрешить жениться. Александр Иванович написал, что не только не позволяет этого, но «я не посмотрю, что ты поручик, как придешь домой, так выдеру тебя, как мальчишку». Фёдор послушался.

Потом он писал, что военная служба удручает его своей бессодержательностью и что он решил идти в академию Генерального Штаба, а если не попадёт туда, то выйдет в отставку и пойдёт по гражданской службе. Это

письмо Александр Иванович оставил без ответа.

Приехал держать экзамен в академию. Тут были конногвардейцы, лейб-уланы, артиллеристы, Скобелев, Малахов, <нрзб.> Соболев ... и среди этой блестящей молодёжи пехотный замухрышка Дюбюк. Но каково было их удивление, когда этот замухрышка, на которого смотрели сверху вниз, выдержал экзамен.

Тяжело было Фёдору в академии. Александр Иванович не давал ни гроша, надо было жить на 25 р. в месяц и из этих денег покупать учебники. Питался Фёдор раз в неделю извозчицей колбасой — по 8 к. фунт, а остальные дни одним чёрным хлебом. Тут и нажил он катар желудка. Когда понадобилось седло и вальтрап, помогла тётка Мария Николаевна.

Кончил академию по II разряду — в Москве при окружном штабе (а не в Вильно ли?), стал у всех на виду, но карьера скоро пресеклась. Экзаменатором юнкеров был. Какому-то Фондерховену или князю Барятинскому наставил колов. У Ховена были большие связи, и Фёдора отстранили.

Стал проситься в Уфу или Оренбург и уже сдал в почтамт прошение. В тот же день пришло из Питера предложение в 16 пехотный полк в Могилёв старшим адъютантом. Побегал в почтамт, насилу вызволил письмо в Уфу.

Был бережлив. Давал Адели 100 р. — и чтобы «всё было». Мне нанял учительницу за 5 р. в месяц.

Потом мы говорили о смерти милого чистого Пети. Оказывается, Петя не убит в Карсе, а застрелился. Создалось для него положение: ни взад, ни вперед, нигде просвета. Он любил другую, а Марья Ивановна была невозможная женщина, хотя и несчастная. «Петя, — говорил Флорентий, — был слаб волею. Он, по-моему, был настоящий буржуа — любил покер, выпить, закусить, словом, кутнуть, языком болтать. Фразёр и человек безвольный, но с хорошей, чистой душой. Его тянуло в люди, общество, а Марья Ивановна хотела, чтобы он был пришит к ней. Но он просто не любил её, да и любить её нельзя было.

Я видел его во время мобилизации, на нём лица не было. Теперь осталась одна Марья Ивановна с дочерью. А Димка умер от скарлатины.

«А знаешь, — заключил дядя, — ведь Абрамычев, которого ты так живописал в Материалах Ветлужской вотчины, — отец Марьи Ивановны».

На съезде член Петроградской управы Влад. Никол. Комаров предлагал мне место секретаря дровяной комиссии с жалованием в 4200 р. Я отказался.

1/IX. Был на Трубной площади — птицы в клетках. Ощутил подлинную старую чеховскую Москву.

2/IX. В вагоне у соседа пиджак украли. Вообще теперь в поездах во-

ровство изрядное.

5/IX. Слышал, как подрядчик Трофимов (строит воинские бараки) хвалил свой лес на постройки: «Лес такого высокого качества, что, по словам плотников, топор отскакивает... Гитарное дерево, балалайки из него делать» (!?).

3/IX. Иллюстрация к нынешней неразберихе. Царевскому для колёсно-мазного завода нужна нефть. Просит об отпуске её у Новгородцева (...). В ответ телеграмма: «Обратитесь в Петроград к Главному полномочному по нефти». Обращается туда. В ответ телеграмма: «Обратитесь к Новгородцеву». Вот уж воистину от Понтия к Пилату.

2/IX. Говорят, летом были погромы лавок в Таганроге и Ростове-на-Дону.

6/IX. Говорят, у солдат будто бы нет того пыла, что раньше. Ждут с нетерпением конца войны.

7/IX. Прошёл слух, что мы взяли Ковель, но что нас пощёлкали.²⁶ Местное название: «прасская берёза».

9/IX. На Зотовской фабрике, по данным больничной кассы, сильно увеличилась заболеваемость рабочих в военное время, что объясняется ухудшением питания и лечения (плохо с медикаментами).

Родительское собрание, на котором меня не выбрали даже от класса. В президиум выбраны: Порохин, Барыков, Козлов.

11/IX. Жёлтая ясная осень. Красные закаты. Прозрачные дали. Желтеют берёзы. Краснеют верхушки спирей (чайное дерево). А сегодня серебристая изморозь.

12/IX. Соседи купили у судиславских мужиков дрова 1 сорта по 30 р. за погонную сажень 12 вершковых мер. На 4 длинных телегах привезли 2 сажени без малого.

При учёте населения Городской управой солдатки вписывают отсутствующих мужей, говоря, что им приходится посылать мужьям посылки, поэтому и на солдат должны давать сахар.

13/IX. Сербь взяли Монастыр²⁷.

У Софьи Людомировны убит брат штабс-капитан-артиллерист, ожидали его к 17 сентября. Мать-старуха ждала ко дню своих именин какой-то большой радости. Ночью принесли телеграмму. «Вот это и радость», — думает. Развернули: «Николай убит». Сделалось дурно. Рассыльный дал воды, накапал валерианы; потом заперли квартиру, и отвёл её к дочерям.

15/IX. В Томске мясо 1 сорт 25 к. фунт, масло 70 к.; можно было достать сукно, но потом приехали из России и скупил все три магазина платья втридорога.

18/IX. Протопопов²⁸ назначен министром внутренних дел.

Вечером в Научном обществе слушали гусяров — он, Колосов, в серо-суконном кафтане и высоких сапогах, она — поводырка — артистка Лаврова — красивая, в крестьянском костюме Смоленской губернии. Наташа слушала их и вся таяла, была на седьмом небе.

Говорил Колосов, что они были в Кологривском уезде, куда ещё нога этнографа не ступала. Манит их Поволжье, туда <нрзб.>... Прошлый год ездили в Смоленские <нрзб.> — собирать дедовское песенное добро. Вспоминал ту ночь в Ветлужском уезде, много лет назад, когда слушал гусяра и безоговорочно в ту ночь решил, что станет гусяром. Говорил о московском некоем купце, который за гусями забыл 12 своих магазинов — говорил он «и государыни мои и государи мои» — о том, что струны в гусях приходится выковыривать, о гусярах <нрзб.>, ходивших с поводырями, о гусярах, которые гусярный звон вносили в жизнь общественную. Приглашал вечерок скоротать около старого гусяра. Говорил о разрушительном времени, уничтожающем древнерусское песнетворчество, о том, что они набрали целый портфель записей, рисунков и иных материалов. Говорил о смоленских божьих людях — этих последних могиканах, народных певцах, которые с сумой за плечами ходят от деревни к деревне, от села к селу и поют тёмным людям стихи и духовные песни. Говорил о волочевых песнях, представляющих переход от духовного стиха к песне обрядовой, свадебной. О песнях обрядовых, пиво-браго-медоваренных, о бытовых, шуточных.

Вот запел он гусярский стих о Книге Голубиной. «Вспоминаю — говорил, — о себя* я мальчиком, коего учитель поощрял всемерно выучить этот стих о Книге Голубиной. Но лишь позднее я понял, что в этой книге — богатство старорусское».

«Когда шёл Господь на пропяты,
Пресвятая Мать Богородица лила слёзы
На сыру землю».

Почему плакун-трава всем травам мать? Стратин-птица всем птицам птица? Индрик-зверь — всем зверям зверь? Иордань-река — всем рекам река?

Потом пели о Егории свят - хоробром. Теперь каждая тётка Алёна, у которой сын <нрзб.>, там и получил Георгиев крест, жаждет послушать эту песню.

«И во веки веков та слава-славушка не износится,
И во веки веков та слава не минуется».

Потом пели «Великое Вселенское поминовение» — полную глубокого

*Так в подлиннике.

мистицизма песню слепых у церковной ограды. В этой песне «пар от земли». «Слава Отцу и Сыну..., и ныне, и присно». Затем предлинный синодик: «Захарьину же душеньку во царствии небесненьком, Господи, ты вспомяни». Потом поминают всех младенцев: «и крещеных, и некрещёных, и писаных, и не писаных, и читаных, и нечитаных...» и т.д.

Волочечная песня (волочиться от дома до дома — поздравлять с праздником): «Христос ходил сам по земле... Христос воскрес сам Господь... Пахуч ладан да сам закурился».

Свадебная. Начин-почин. Зачинатель — детинушка неизбежно в шубе, в январе или июле свадьба. «Гости званые и незваные, прошеные и непрошеные, и кого Бог принёс, кого конь привёз, а кто и сам пришёл». Величание молодого Ваньки: «Кто ж у нас, братцы, хороший, кто, братцы, пригожий». «Ах, розан ты мой розан, виноград ты мой зелёной... Когда он улицей идёт, улица под ним-то стонет».

Затем сказка «Про воробья да про Сову Савельевну». Сова Савельевна — птица гордая.

Обряд пиво-браго-медоварения. Общий сельский пивоваренный чан бездонный, чтобы на всё село хватило. «Ребятушки, пивцо готово — с ковшечком добрым ложечка за ложечкой». Последняя песня доносится из-под стола или из-под телеги.

Смольнянки через реку дразнят могилёвок противных: «Ой, рос ячмень да на соломе, держала жена мужа да на верёвке. Мужик с веревки сорвался...».

Лаврова — красивая, с блестящими глазами, в крестьянском наряде, который так шел к ней и делал её похожей на красивую молодуху, — рассказывала, как в (...) Смоленской губернии их приняли за шпионов и топить хотели. Распространился слух, что ездит германская царица и высматривает красивых парней.

Когда же были на Унже, прошёл слух, что песни собирают только для отвода глаза, а будто сама царица приехала посмотреть, как народ живёт и есть ли у всех хлеб. Одна монашка случилась и говорит: «Покажите мне её, я вмиг признаю, царицу-то я не раз видала». Привели монашку, потом та и говорит: «Она! Как есть она... Только замаскировалась».

21/IX. Первый снежок.

На днях на улице видел одного парня лет 19 из Рязанской губернии. Грамотный, занимался земледелием, под Варшавой ногу оторвало, теперь просит милостыню. Симпатичное, ещё отроческое лицо.

Умер Вас. Ив. Семевский... На его похоронах Русанов сказал о нём: «Он вырос в археологической пыли, чтобы знать, как жил и страдал русский народ».

Рассказ в бане про Зузина, уполномоченного по продовольственной части: «И открыл он в городе 12 чайных и сказал, чтобы прятали там сахар... Прятали-прятали, да и подмочили. Потом тайком стали вывозить на свалки, а мороженщики со свалки сахар и берут. У нас, говорят, подмоченной сойдёт». — «Да ведь Зузин человек состоятельной». — «И!! Богатые самые и есть грабители... больше чтоб было у них, хотят».

Был мальчик Тося из Феодосии, 9 лет, в коротких штанах, рассказывал, как турок стрелял по Феодосии. «Ариша (прислуга) половик во дворе выколачивала. Вдруг как зашумит ... из пушки ... Она и спрашивает: «Что это?» — «А я ей говорю: бомбардировка». Она как затрясётся, мечется по двору, всю юбку изорвала, а у самой слёзы градом так и сыпятся... Все на Лысую Гору побежали, а он в Гору палить стал. Приехала наша артиллерия, да всё неладно: то пушка в воду скатится, то колесо отлетит».

29/IX. В 12 часов уехал на вокзал, Клавочка провожала. Уезжать не хотелось, перед этим я проболел 3 дня — страдал желудком. Когда Клавочка уходила с вокзала, она так приветливо кивала головой и так было её жалко, погружённую в заботу о детях, обо мне.

В Ярославле пришлось ждать несколько часов вологодского поезда, поехал к Николаю Васильевичу. В трамвае слышал рассказ о том, что делается возле городской продовольственной лавки — сахарные хвосты, давка. «Сегодня настоящий бунт был ... в давке одну бабу задавили ... Это из-за фунта-то сахара». Офицер рассказывал о денщике, который у него просил похлопотать за него в прапорщики, а когда отказал, стал проситься в денщики*.

В Ярославле чувствуется напряжённость жизни. Трудно достать муки (её нет), сахар, булки. Длиннейшие хвосты, давка. [Жена] Н. Вас. рассказывала, что приходится в очередях стоять по несколько часов, настроение стоящих озлобленное донельзя. Сахар выдаётся в одной городской продовольственной лавке — страшная давка. Она для того, чтобы взять 4 фунта сахара, наняла человека за 50 коп. постоять в очереди (новый промысел — «стояние в очередях»). Говорила о продовольственных затруднениях в Москве. 4 дня назад там ждали на этой почве беспорядков. Её родственница просит прислать туда муки — есть нечего. В Ярославле дрова 38 р. сажень, яиц вовсе нет. Бабы не выносят на базар, т.к. полиция штрафовала за продажу по высоким ценам. Мясо 75 к. фунт. В Бурмакине земство открыло завод. Ростовские крестьяне купаются в золоте — будущие фермеры.

На вокзале ко мне подошёл Пётр, бывший швейцар Ярославской земской управы. Ушёл из земства, теперь швейцаром-камердинером при докладах у попечителя Варшавского округа князя Куракина в Москве (у Кура-

*Так в подлиннике.

кина имение Марьино в Моложском уезде близ станции Харино). До земства Пётр служил у Б. Вл. Штюмерера, когда тот был Ярославским губернатором. Вообще, у Петра связи. Гр. Игнатьев часто бывает у Куракина. Пётр осведомлён, говорит, что Куракин метит в попечители Московского округа — вместо Тихомирова.

Пётр чёрный, бородатый, у него 2 девочки и двое мальчиков, все учатся в средних учебных заведениях. Жена умерла, приезжал хоронить. Жалование 50 р., готовая квартира, да чаевых рублей до 70. Жить можно. Пунктуален. Рассказывал, как отказался во время докладов доложить Куракину о приезде уездного предводителя дворянства, ссылаясь на приказ князя. Потом объяснял князю, что сделал это, исполняя его приказание. Приказано: не принимать, — так никого, кто бы ни был: учитель, инспектор, директор, предводитель дворянства. «Это, Ваше Сиятельство, надо оставить старую дворянскую традицию, самолюбие». Пётр кичится своими связями с сильными мира. Когда Штюмерер был сделан министром, Пётр его поздравил и получил телеграфный ответ.

30/IX. Ехал до Мантурова. Спал кое-как. Во II классе ехали торговцы и офицеры. Один, толстый и молодой вятч, ездил за товаром в Москву, накупил его тысячи на 3—4, везёт перчатки, подтяжки, пуговицы, электрические машинки и пр. Добродушный. «Теперь, — говорит, — я побывал в Москве. Расценку товара узнал. Вижу, что в Вятке дешёво торговал, теперь весь товар перемечу. Подтяжки продавал по 36 руб. дюжина, а сам в Москве их купил по 60 р. В Москве товар достать трудно, но я теперь знаю, как товар расценить. Приеду да начну тихонько скупать в Вятке у других торговцев товар сам или через посторонних, потому что знаю, что можно продать с выгодой. В торговле без хитрости нельзя. Все купцы мошенники, честных нет. Друг друга надуваем. Знаете, со мной в Вятке так было. Продавал нитки по 1 р. 35 к., вдруг приходят ко мне и все нитки спрашивают, целый день, под вечер даже по 1 р. 40 продавал, расторговался — ну, думаю, ладно; потом оказалось: конкурент по 1 р. 60 продавал, да ко мне подсылал скупать нитки. Стало быть, я убыток понёс».

Офицеры возмущаются торговцами, называют их грабителями. Казачий офицер из Семипалатинска, честный, бравый, усатый, говорит: «Я бы так распорядился: в каждом городе повесить 3—4 торговцев, в том числе одного ногами кверху — и вся эта спекуляция, грабёж прекратились бы». Другой офицер — скромный, тихий — говорит: «И с кого дерёте... С чиновника, с офицера. Офицер, может быть, 20 атак отбил, сидя в окопе, на волосок от смерти был, а вы с него за перчатки дерёте 5 р. — денной бюджет». Третий офицер говорит, как плохо действуют на солдат сообщения о том, что торговцы припрятывают товары.

Вагон полон торговцев — едут евреи и поляки, русские. Один коммивояжёр их Архангельска (еврей) продаёт лимонную вытяжку для ситро, квасов и монпансье по 125 р. пуд, другой, элегантный еврей, едет по строительному делу.

Бравый человек, видимо, поляк, ведущий в Бресте галантерейную торговлю, со вкусом говорит о фильдекосовых перчатках, детских чулочках, подтяжках, по каким ценам что купил в Москве и как надеется продать, говорит про себя, что он не торговец, а любитель, своё дело ликвидировал, продал товар Мюру и Мерилизу²⁹ и покупает теперь больше из любви к искусству; потом вдруг начинает расспрашивать торговца-татарина о фабриках монпансье и с азартом говорит далее, что нынче, когда в Нижнем цена на гриб 7р. фунт, на грибах можно было бы нажиться. Татарин деловито говорит о монпансье, где достать его. «А качество?» — «Нонече на качество не глядят.. Всё сойдёт, всё будет ладно».

Еврей-беженец, приказчик у «Сосны», имел смолокурное дело в Ковенской губернии, несомненно, через 2–3 года и здесь заведёт смолокурню. Но сейчас нельзя ещё, рабочие дороги, да медь (для кубов) недоступна: раньше 15 р. пуд, теперь 64 р. пуд.*

Воздух испещрён рублями, названиями товаров и пр. Кажется, все на чём-нибудь да спекулируют, и офицеры кажутся чуждой группой. Они тихо беседуют о фронте, о том, как находили германцев, прикованных к пулемётам; одного живым взяли — тот заявил, что сами просили, чтобы их приковали; о газовых атаках, особенно о страшных бесцветных циановых газах — раз у нас от них погибло 1500 человек, другой раз перебежчик предупредил — погибло только 75 человек, не успевших надеть маски.

Приехал в Мантурово часа в 3 дня. Лошадей до утра нет. Оказался попутчик-офицер в Кологрив — юноша, бывший земский служащий. У него жена, ребёнок. Едет в отпуск. Пошли с ним в сумерках в Мантурово. Грязь, полная луна. Идём близ церкви — служба; тихие красноватые огни. «Зайдёмте в церковь, давно не бывал», — говорит юноша. Зашли. Смотрят скорбные иконы, молящихся немного. Офицер ставит свечку, молится... О чём? Бог весть. Обратно шлёпаем по лужам. Офицер говорит, как он ещё молод, хочется жить, а вернётся ли живым?

Ночевали на вокзале. Банковский служащий из Спаса, нескладная фигура, универсант по образованию, зарабатывает 4 1/2 тыс. р., — рассказывает о жалованиях в финансовом мире: Л.Ф. Давыдов получает — сколько бы вы думали? — 140 тыс. рублей без <нрзб.>. Везёт прислугу. В Питере кухарка рядилась за 35 р., но без мытья посуды. Жена сказала ей: «Вон!» В

* «Сосна» за прошлый год выручила 10 000 000 рублей чистых. (Прим. авт.)

Питере развита покупка товаров с заднего крыльца: по знакомству, по повышенной цене.

1/X. Выехали утром. Возчик говорит: на заводе Корбо подённо 3 1/2 р. можно заработать, а с лошастью выгоняет 8 – 10 р. «Сосна» купила Брантовскую дачу. Напортив, за Унжей, лет 10 назад один мужик купил за 300 руб. 400 десятин лесу, теперь продал на сруб (в 2 года) евреям за 140 тыс. руб. Река Янга: раньше тысяч 40 гнали лесу по ней, теперь на лесопилки возят гужом.

Деревня Вочерово. Ёлочки с цветной бумагой в слуховых окнах (девья краса). Усадьба Андреева, бывшая Волженских. Село Спас с голубосиней колокольней, потребительским обществом, сельскохозяйственным обществом, кредитным товариществом.

Далее Высоково, за ним усадьба Жохова, потом Шевяки (усадьба Лебединского) — красивый вид на Унжу. Навстречу телеги. Всё едут ратнички да белобилетнички.

Под Елизаровым паром. Паромщик, старик лет 65, смачно матерится: «Сколько за 3 года за реку народу перевёз (солдат), а назад много ли вернётся?» Помогаем перебирать верёвку. Он был в Турецкую войну³⁰. Тогда лучше было: турки нас боялись, измен не было, офицеры с блядами не водились.

В Елизарове ждал лошадей лесной съёмщик из Межевской дачи, с женой, ребёнком и сестрой. Работал в Межевской даче: 230 тыс. десятин, еловая дача, вся выгорела, вырублена, испорчена. Раньше был в Перми. В Лозьвинском лесничестве в лесах живут олениводы — остяки и вогулы. Вогулы на лосей огораживают тропы к водоёмам, ставят жерди с ножами, наклоняют их; заденет лось, тетива спускает, жердь с ножом подымается и распарывает брюхо лосю. Грабиловка на земских лошадях. С съёмщика за сестру берут лишние деньги.

От Елизарова долго лес Калинина: сухие боры — сосна, олений мох. Лес шумит. Через Рамешки. В Ярославцеве ждали, пока лошади выкормятся. От Ярославцева до Кологрива ехали ночью. Я в шубе, подняв воротник. Было зябко, морозно, чехол спадал с шапки. К Кологриву повалил снег. Офицеру обошлась дорога рублей в 20, а едь один, то встало бы в 40 р. Всю дорогу было зябко. Приехал и остановился в номерах Невзорова.

2/X. Спал долго, отогреваясь от зябкости за ночь. Осматривал город. Преобладает синий цвет: синие и голубые купола, синее лес по ту сторону Унжи, синие изгороди, у крестьян синие штаны кубового цвета. Речка Кичинка.

3/X. Ночью остановились в номерах двое евреев, смотрят исподлобья (рассказывала прислуга). Утром в 6 часов хотели уйти и потребовали пас-

порта. Ходили в ватер, и после каждого посещения смрад. Хозяйка забеспокоилась — не хотят ли отравить удушливыми газами; хотела отправить их в полицию, они сбежали.

Рассказывала про них номерщица Дуня: «Прасские жулики... ночью будят: «Тета (тётя), дай два стакана с кипяченой водой». Смрад — запах серной кислоты.

Был у лесничего, Влад. Ив. Трюнблота, у управляющего именем Стенени, у Лебединского. Слышал рассказ: воинский начальник их чудит. Толкует, что все отсрочки недействительны, раз человек получил отсрочку после 15 июля, и забирает в солдаты не только ратников, призванных годов, но и за 1900 и 1899. Лесопромышленники воют — совсем останутся без рабочих, шлют телеграммы министру, бригадному командиру, Новгородцеву и пр. — всего рублей 400 истратили на телеграммы.

В Кологриве пьяные турецкие офицеры. Военнообязанных (немцев) 400 человек. Есть среди них немало техников. Два чеха работают в земстве — один на песке развёл ай-какие огороды, другой каптирует халбужские минеральные воды, третий, эльзасец Этьен, провёл телефон. Есть специалисты по лесопильному делу. Среди них немало по воспитанию коренных русаков, не знающих даже по-немецки. От Мантурова всех их до Кологрива по грязи гнали пешком.

Вечером был у Лебединского: портрет его деда — участника Отечественной войны и деда Прутченко. Рассказывал он про умершего Геннадия Александровича Ладыженского, после которого осталась целая картинная галерея и музей разных старинных вещей.

Мясо в Кологриве 40–50 к. фунт. Военнообязанные имеют право покупать продукты только из лавок, а не у крестьян. На муку, соль, горох и крупу в Кологриве карточки. Сахар по 1/2 фунта на душу.

Снег стаял весь.

4/Х. Сегодня был в музее покойного Геннадия Александровича Ладыженского, куда водил Ив. Ал-ндр. Ладыженский. Большой художник, холостой, умер 64 лет, всю жизнь собирал старинные вещи, картины, книги. Весь верх ими завален. Вот самовар, вывезенный Платовым³¹ из Парижа, вот картина Ватто³² (пастораль), стоящая 10 тыс. руб., турецкий ятаган с драгоценными камнями, индейские ножи, старые печатные и рукописные (лицевые) книги. Десятки его картин: «Под ливнем» (базар), за которую получил серебряную медаль, «Вышка», «Ломка камня», «Дочь И. А. Ладыженского (девочка)», «Старый Ларс», «Терек», «Река Унжа», «Грузка дров на реке Унже», где изображены все действительно бывшие Арины, Афины, Зиловьи. Зиловья была красавица, теперь старуха, этот парнишка — старик, а этого старика весь Кологрив знал: в трактире голову облили керо-

сином и зажгли — ничего, выходился, народ тогда крепкий был.

Десятки эскизов: «Осень. Пахарь идёт за сохой. Грачи взлетают», виды усадьбы Фигнер (партизана) на Меже (беседка, липовая аллея, дом, которого уже нет). Старые ларцы, шкатулки, подсвечники, старинные медальоны, книжечки для визитных карточек, барельефы из слоновой кости, старинные веера, гравюры, картины. Вот портрет самого художника, рисованный Кузнецовым³³: зоркий, вдумчивый взгляд. Книги в старых переплётах с застёжками. Мраморная головка, стоящая 500 р. Тут же картина Рябушкина³⁴: «Царь Алексей Михайлович совещается с боярами в палате». Куплена за 400 р. Грабарь³⁵ торговался, хотел дешевле купить. Эскиз «Смерть Николая I» (возле Александр II, государыня, священник) — достался от сына заведывающего Эрмитажем (?!). Громадное старинное полотно, хорошо сохранившееся: стоит Суворов, опершись на фельдмаршальский жезл, гений венчает его лаврами, сбоку — барабан и другие военные доспехи, коленопреклонённая Варшава на блюде подносит ему печать города с изображением дельфинов и золотые ключи.

5/X. Днём выехал из Кологрива на парходике. Подкатил исправник к пароходу — он отправлял двух стражников с корзинами, в корзинах рябчики губернатору.

Унжа — лесная река. Нет жилья. Вот мелькнула усадьба Козлова, и снова глушь. Ехала дама — Марья Ивановна, очень впечатлительная, нервная — всё говорила о муже, который её вызывает на фронт (т.е., вернее, близкий тыл), и пара евреев — один из них фабрикант трикотажных изделий, очевидно, обороняющийся от воинской повинности. Играли они в карты. Юноша — техник Чижовского училища, говорил о том, что возле Чижовского сельскохозяйственного училища под Кологривом есть дубовая роща, есть пихты. Рассказывал о режиме в училище — что-то вроде бурсы...³⁶ Ехали новобранцы, говорившие: «Эх, скоро зажмут нас в клещи...»

Ночью пришли в Мантурово. По отчаянной грязи, по щиколотку, изнемогая от носки корзины и сака, взбирался от пристани на гору и затем шлёпал на станцию.

6/X. Ждал поезда на станции, усталый. Буфетчик, жёсткий, развязный молодой человек, при всех говорил хорошенькой продавщице: «У Вас прочёт... не хватает 24 рублей... извольте просчитать сами». — «Я не воровала!» — «Я не знаю... давали ли кому, своим кумушкам или телеграфисту... Это меня не касается... Это второй раз, половину прочёта вычитаю из вашего жалования, остальное жалование получите и напишете, что претензий не имеете... Больше Вы у меня не служите». Она, оскорблённая, молчала, на глаза набежали слёзы, гордо выпрямилась и ничего не сказала...

Поезд ехал черепашьим шагом. Возле Николо-Поломы проезжали

мимо крушения. Разбило 16 вагонов, то же было возле Данилова.

Ехали ветлужские интеллигенты, взятые на войну. Один из них говорил: «Архангельск — это Америка... Текут реки золота; поверите ли, ломовики зарабатывают до 70 р. в день... Простые бабы рядятся в шелка... А у нас в Ветлуге тоже как всё вздорожало: до войны масло 25 к. фунт было, теперь 2 руб. ...» Один из ветлуган, Конст. Дм. Петерсен, по профессии цирковой борец, был занятен. Ему, по его же словам, было 21 год и 6 пудов весу, росту 2 аршина 10 вершков. Толстый, добродушный, что-то детское в лице, напоминающем Пьера Безухова. Он говорил, смеясь над цирковой публикой: «До выхода на арену не знаем, кто кого поборет — только перед выходом директор говорит, кто должен победить... А мы возмемся, кладём на лопатки, морочим публику... В душе смеёмся над публикой». Борец — эстет в душе, любит прекрасное, громит спекулянтов, стоит за красоту. Жёстко спорит с товарищем своим, Ив. Ник. Малышевым, молодым лесопромышленником в очках и, видимо, славным малым, доказывая, что в лесопромышленности нет поэзии...

Попадается навстречу поезд с итальянцами — звёздочки на фуражках. Север ... и итальянцы. Итальянцы пели что-то. А вот поезд с грузовиками, тепловозами Балдвина.

7/X. Вот я и дома... Слушаю рассказ Клавды о том, как Софья Людомирна ездила за трупом брата, убитого на фронте, как это трудно было сделать.

Предприимчивая Севина вовремя купила вагон сахара и переделала его в постный сахар... Нажила на этом 3000 руб. Потом стала скупать у крестьян молоко, обменивая его на сахар (что привлекло крестьян, и от молока отбоя не было), и поила молоком свиней, которых потом продала. Теперь устроила конфетную фабрику...

9/X. Шумер читал доклад в Научном обществе о птицах. В лекции были такие перлы: «Кострома — торговый город, а торговцы любят кошек, кошки истребляют птиц, а посему пернатое царство жалкое».

11/X. Небывалый паводок последних дождей поднял воды в Волге на несколько аршин, подтопил дрова, дрова перемешались, много дров «в плаву»; на стрелке вода, видны лишь верхушки стогов... Масло дойдёт в цене до 2 р. фунт.

12/X. Крестьяне говорят: «Бог наказал нас за то, что дорого молоко продаём. Паводок всё сено потопил. Никогда этого не бывало».

Прохоров Александр Николаевич хвалит пленных: румын, словаков, итальянцев. Крестьяне с ними сдружились, народ цивилизованный.

Прошел слух, что Петра Зиновьевича отправляют в Италию. Где только не побывают в эту войну наши солдаты.

Вечером в земстве обсуждался проект волостного земства. Земцы отвергли всеобщее избирательное право, высказавшись за предоставление избирательного права государственным и земским служащим. За <нрзб.> высказались лишь единицы из земских служащих.

13/X. На вторичном обсуждении проекта волостного земства с участием предводителей управ Д. М. Григоров сказал, между прочим, что теперь в деревне денег изобилие. Раньше нельзя было четвертной билет разменять, а теперь в любой деревне 500 р. разменяют.

14/X. Совещание о мелкой земской единице. Земцы провели куриальную систему, говорили откровенно, что иначе будут забаллотированы все фабриканты и все теперешние гласные, а равно и земские служащие — словом, стали на совершенно классовую позицию...

Говорят, городских обучают стрельбе из пулемётов. Ходят слухи, что где-то, не то в Питере, не то в Сызрани, уже стреляли из пулемётов в народ.

16/X. Петя и Наташа целый день играли с увлечением в бумажных петушков. Петя в IV классе, Натуся в I.

20/X. Мелькает, вьётся белый снег... Говорят, Белое море кишит немецкими подводными лодками... Слух о потоплении в Чёрном море нашего сверхдредноута... Кажется, Кострома накануне голода. Говорят, ржаной муки хватит ненадолго. Отовсюду слышно, что растёт недовольство и можно ждать продовольственных беспорядков. Уполномоченный бессилён в доставке продовольственных грузов. Разруха полная, а на фронте, говорят, всего в изобилии... Много бед наделал паводок — унёс сено, дрова. Всё дорожает. Тяжёлое время.

23/X. Делал доклад в Научном обществе о Раменском чугуноплавильном заводе. Железная руда была на реках Якшанге и Пызмесе — посмотреть у Никитина. Помещик Лопухин — усадьба его была около Сущёва Костромского уезда, называлась Литвиновка.

24/X. Брат музыкантши Парийской, наш сосед, дал сапогом по «роже» прислуге, раскровянил — за то, что не вычистила сапог. Бешеный какой-то! Однажды кричал: «Дай ножик, пойду зарежу маляра» — который нечаянно его костюм обкатил краской... Прислуга подала на него в суд.

25/X. 1916. Говорят, Англия настаивает, в целях организации тыла, на ответственном министерстве в России. Слух о предложении Америкой мира между Россией и Германией за Галицию и пр. Говорят, в начале октября Пултусский полк пострадал: прошёл две линии у Ковеля, но не дали подкрепления — пришлось отступить... Солдаты поют: «Гей, на крутой горе, на Карпатской...».

27/X. В газетах [пишут] о том, что, де, Германия дала Польше королевство³⁷ и будто Юз избран президентом Соединённых Штатов. Наташа

принесла четвертные отметки.

29/X. Поговорка: «Мука не сало, встряхнёшь — и отстало»... Слух, будто в Питере на Путиловском заводе беспорядки. Призвали семёновцев, кои вместо рабочих и женщин стали стрелять в полицию (?!). Похоже на брехню.

30/X. Был у Татьяны Павловны Покровской — живая история костромской прессы. «Ишь чего? Ананасов захотели?»... Говорят, Сухомлинов³⁸ освобождён ... Президентом выбран не Юз, а Вильсон³⁹.

31/X. В Архангельске взрыв (очевидно, немцами) парохода со снарядами, погибло 3 парохода, пожарная команда, 650 ранено, 150 убито...

В «Русских записках» статья Гуревича о принципе относительности... и весь был охвачен трепетом, читая эту статью. Ведь это перестройка всей науки, научный переворот.

1/XI. 5° мороза, всё в снегу — и деревья, и кусты. Красиво, а на душе тяжело. Отчего?

... Вологодский уполномоченный по продовольственной части реквизировал 5000 пудов овса, отправленного на станцию Антропово Костромским уполномоченным по топливу. Курьёз! Скоро уполномоченные будут реквизировать друг у друга. Курьёз весь в том, что незадолго до сего Вологодский уполномоченный обещал содействие Костромскому уполномоченному в добыче овса для своей заготовки дров.

4/XI. Рассказывают о частном совещании у Родзянки с участием Протопопова⁴⁰, который в своё оправдание лепетал, что, будучи студентом, по 50 к. брал в час за урок.

7/XI. Газеты выходят с белыми пробелами. Выбрасываются речи депутатов⁴¹. Много говорят о речах Милюкова, Шульгина, Керенского, Маклакова. Вещи были названы своими именами. Имя Штюмерера склонялось по всем падежам.

<...>* В эту же поездку слышал рассказ в вагоне генерала: «Господа, вы читали речь Милюкова, Шульгина, Маклакова... Мне больше всего понравились слова Шульгина о Штюмерере: «Абхадительный человек, который умеет обходить других»... Сыновья Штюмерера — это негодяи, и, заметьте, не в переносном, а в буквальном значении этого слова... Да... Да... Да». — «А что это, Ваше превосходительство, за чин обер-камергера, полученный Штюмерером?» — «Не знаю... но что-нибудь очень высокое... Когда я, будучи молодым офицером, бывал во дворце, то перед обедом появлялся сановник в литом жёлтом жупане и белых панталонах, таких узких, что ножки его казались тоненькими, как спички, с жезлом в руках, и торже-

* Дата записи не установлена.

ственно указывал, кому куда идти... Так вот, обер-камергер что-нибудь в этом роде... Не знаю, впрочем... Да что, господа, скажу по совести. Когда я был молодым офицером, я был солдат. Такова среда... И не считал это предосудительным».

14/XI. Добрался до дому через силу и слёг больной. В постеле лежал 14, 15 и 16 ноября. Болела нижняя часть живота. 14-го ноября было 38, 6°. 15-го ноября был доктор Диалектов. В этот же день Петя вернулся из гимназии: из-за скарлатины их распустили на 2 недели. Я лежал эти дни безучастный. Ко мне приходили по делу и проведать — мне всё было безразлично, ибо ослабел, питаюсь одним бульоном да чаем.

17/XI. Встал с постели. Слаб. Нервен. Узнал, что «Поволжский вестник» прикрыли.

22/XI. Говорят, 19-го, в день открытия Гос. Думы, в Москве были единичные политические забастовки. Заседание дровяной комиссии с участием инженера Блауберга, желавшего заполучить поставку 15 тыс. куб. дров, а главное, аванс в несколько сот тысяч. Но комиссия на это не пошла. Блауберг петушился.

23/XI. Слух: в Ярославле на почве голода солдаты взбунтовались и убили ротного... Перелистывал дневник 30-х гг. Нащокина — солигаличского помещика.

24/XI. Из Григоровской женской гимназии хотят исключить гимназистку Николаевскую за то, что шутя закурила папиросу.

25/XI. Бухарест очищен румынами.

27/XI. Был на родительском совещании в Григоровской гимназии. Говорил, указав, что родительский комитет обязан не допустить исключения Николаевской и ещё другой гимназистки... Большинство родителей дамы...

Слышал рассказ о бывшем правителе дел канцелярии Толмачёве при Веретенникове. Форменный жулик был. Однажды в уезде у помещика будучи в гостях, хотел купить старинные канделябры. Помещик не продал. Тогда рано утром уехал от него, тайком увёз канделябры. Вот тип... археолог-жулик *a la* Ник. Ник. Виноградов. Потом попал в арестантские роты. Про него говорил князь Друцкий: «Просто стыдно, а ведь наш же <православный?> был». Вечером был в Научном обществе. Были доклады церковно-археологического свойства о. Михаила Раевского и Говоркова. Говорков — тип священника с уклоном к первобытному аскетизму и простоте. Хоровые иллюстрации — простые трогательные песнопения... После завязались обывательски-глупые прения, а в заключение Травинов предлагал Научному обществу принять резолюцию о желательности введения в церковь хорового пения (прихожанами). Я вскочил, как ужаленный: дело ли Научному обществу этим заниматься? Но старик Болотов меня предупредил:

дил.

От Воскресенского слышал: в с. Бельшеве Варнавинского уезда, что была вотчина княгини Одоевской, церковь — 150 лет от роду, с аллегорическими картинами на полотне. Живопись итальянской школы. Протоиерей там Беляев.

... «Музыкальное кружево. Певец гораздый. Народная музыка — тоска души человеческой». Это из доклада Говоркова. А потом пошли прения о том, о сём, а больше ни о чём, водолейство Шумера...

Рассказ врача о «покресье» в Шишкинской волости Костромского уезда. Против Шишкина на Покше, на другом берегу, стоит д. Романово. Там крестные ходы бывают, «покресье» они зовутся. Легенда: ходы эти в память избавления. Давно это было, были князьки какие-то, приходили грабить: людей убивали, имущество грабили. Раз пришли, а был разлив Покши, перейти через [реку] нельзя было. Стоят на левом высоком берегу; их князёк из лука и нацелься, да земля с откоса вместе с ним и свалилась — и все они погибли в реке, в память чего и крестный ход бывает.

28/XI. Предварительное совещание перед согласительной комиссией. В марте ожидается дровяной кризис, ибо Кашинской мануфактуре не разрешено пользоваться её же нефтью...

Снегу все нет — и на Волге по-прежнему сало.

1/XII. 1916. Боря сказал, что газетчики продают телеграммы, крича: «Враги просят мира!». Побежал за телеграммой. В телеграммах нота четверного согласия (Германия, Австрия, Болгария и Турция) о готовности вступить в мирные переговоры...⁴² Неужели это весточка действительно мира? Как будет реагировать Россия? А союзники? Отвергнут ли? Или вступят в переговоры? И если да, то на каких условиях? Мир без аннексий?..

Бежал по улицам, на глаза навёртывались слёзы, сердце билось, вспоминалось начало войны, миллионы загубленных, хотелось плакать...

Вечером совещание согласительной комиссии. Лесопромышленники назначили 100 руб. куб дрова франко Кострома в кошмах без выкатки и распиловки, представители потребителей давали 90 р.; лесопромышленники сбросили ещё пятёрку, шли на 95 р. Соглашение не состоялось.

2/XII. Пропал без вести Никанор, наш дачный хозяин, славный...* В конце августа ушёл на позицию... [перестал] писать, потом сообщили, что пропал без вести. Последнее письмо Никанор прислал 25 августа: «Прощайте, жена, дети, прощай родная сторона, иду в бой!» Жалко до боли Никанора.

6/XII. Дети веселились, устроили складчину, были Боря, Миша Про-

* Лист оборван.

хоров, Володя Языков, Женита Барыкова, Верочка и Маничка Адельфинская.

В прорези нашёл анонимку, грозящую карами, если Клава пойдёт свидетельницей в суд по делу <Паршина?>. Клаву вызвали в суд.

8/XII. Говорят, с января в Костроме не будет белой муки... На том берегу Волги сложены дрова Фоминского, Мисковского лесничества: по ночам идёт воровство дров — за ночь по 2 сажени тащат. Сторожа огрели дубиной, а другого запрятали в лодку... Цена берёзовым дровам 33 р. погонная сажень... Сегодня прошёл снежок.

10/XII. На днях встретил Александра Ивановича уже офицером: чистенький, вежливый.

... В кустарном складе продаются населению валенки (1500 пар) по 6 руб. за пару... Ошалели — хвост громадный <...> перепродают за 12 руб. В частной лавочке продают валенки до 18 р. пара.

9 декабря в Москве был земский съезд.⁴³ Полиция <...> предупреждала, что съезд запрещён, но задним ходом собрались всё же. Вошла полиция и стала составлять протокол с князем Львовым. Тем временем стали расходиться, говоря друг другу: «На Маросейку». Поодиночке вышли — и на Маросейку. Устроили совещание, <наспех?> провели политическую резолюцию с приветом Гос. Думе и гласящую, что «время не ждёт». Явился князь Львов — гром аплодисментов. Следом полиция. Опять протокол. Копию резолюции торжественно вручили приставу. Под протоколом все расписались и расстались.

11/XII. Александра Николаевна Прохорова рассказывала про женитьбу Вас. Вас. Чижова, отца Фёдора Васильевича. Он хотел жениться на сестре Ульяны Дмитриевны, которая была красива, а Ульяна Дмитриевна красотой не отличалась, была безобразна. Просил руки и получил согласие. В церкви невеста была под густой фатой. Каков же был его ужас, когда после венчания сняли фату и оказалось, что то была Ульяна Дмитриевна.

12/XII. От Новгородцева получена телеграмма с просьбой усилить отправку дров в Москву, не стесняясь расходами, т.к. в Москве вопиющая нужда в дровах. Тотчас разослали телеграммы нашим грузчикам — с наказом усилить грузку дров.

Нелепый слух ходит по городу: якобы, рабочие Кашинской фабрики заявили, что не станут на работы, если не осмотрят их мастерские. Будто бы, осмотрели мастерские и нашли там заложенными две мины, а директора (?!), хотевшего взорвать фабрику, арестовали. <...>

... На Сенной был небывалый подвоз дров — к 11 часам утра цены упали на берёзовые дрова с 37 руб. до 30 р., в среднем продавались по 33 — 34 р., были сделки по 29 р. Помимо установления зимней дороги, на пони-

жение цен оказали влияние раздача дров из городских складов, кои отпускают полусаженки однопочникам. За доставку полусажени с городского склада на квартиру брали от 2 1/4 до 3 руб.

17/ХІІ. Был на съезде податных инспекторов по вопросу о подоходном налоге.

18/ХІІ. Милуков в Думе сказал: «Атмосфера насыщена электричеством, чувствуется приближение грозы... Неизвестно, откуда ждать удар». Ходят слухи, что в Москве большие беспорядки: казаки нагайками народ разгоняли.

19/ХІІ. В газетах известие о таинственном убийстве Распутина, причём, его имя не называется, а говорится «одно лицо» <...> Глава из уголовного романа. <...> сенсация, что убийцы из великих князей⁴⁴.

21/ХІІ. Мясо 1 сорта 95 к. фунт.

25/ХІІ. 23 и 24-го была метель, сдувало с дороги, намело сугробы. Бродил по городу. Всегда под Рождество у меня какое-то особое настроение; душа настораживается, становится мятущейся, ждешь чего-то необычайного, какой-то встречи, чуда, волшебства, как в детстве ждал рождественского деда-мороза.

В сочельник была ёлка. Пете я подарил два томика Диккенса: он вне себя от восторга, даже взвизгивал. Долго сидел я и бренчал на рояле, было немножко грустно, но грусть была какая-то тихая и тонкая.

Часто думаю, не переменить ли профессию, гложет тоска, хочется или кипучей общественной жизни, например, в качестве кооператора, или кабинетско-учёной работы, например, по разработке архивов. <...>

Говорят, преосвященный Евгений 25 декабря в городской Думе сказал, поздравляя с праздником: «Поздравляю вас с радостью, случившейся в последние дни. Одеяло из чёрных облак, омрачавших наш небосклон, спустилось». То был прозрачный...*

КОММЕНТАРИИ

¹ Имеются в виду события сентября - декабря 1914 года (Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции на Восточноевропейском театре военных действий).

² Григоровская гимназия. В 1857 году было учреждено женское училище на щедрое пожертвование почётного попечителя Костромской мужской гимназии Александра

* Текст оборван.

Николаевича Григорова. В 1870 году преобразовано в Григоровскую женскую гимназию. Основанием Костромского женского училища послужил открытый в 1843 г. дочерью генерал-майора Софьей Андреевной Шкотт частный пансион, ученицы которого и были переведены во вновь открытое училище, а госпожа Шкотт назначена инспектриссою училища. Принимались ученицы всех сословий. Три первые года училище помещалось в наёмном доме, принадлежащем Солодовниковой на Павловской улице. С августа 1860 года появляется собственное здание, купленное и отстроенное иждивением А.Н. Григорова. С этого времени в училище 6 классов (до этого — 3 класса). В 1862 году преобразовано в губернское женское училище первого разряда с педагогическими курсами при нём, с правом получения выпускницами звания домашней учительницы.

³ На Итальянском фронте в мае 1916 года в районе Трентино австро-венгерские войска прорвали фронт на участке в 60 км, создав для главных сил итальянской армии угрозу окружения.

⁴ Закон Божий — один из главных учебных предметов начальных и средних учебных заведений дореволюционной России, имеющий целью обучение истинам религии и правилам нравственности, а также истории религии, её установлениям, правилам богослужения и пр.

⁵ 21 мая 1916 года армии Юго-Западного фронта (командующий генерал А.А. Брусиллов) перешли в наступление. Русские войска нанесли невосполнимые потери австро-венгерской армии (свыше 1 млн. убитыми и ранеными, свыше 400 тыс. пленными). Это наступление оттянуло 11 германских дивизий из Франции и 6 австро-германских дивизий из Италии. Однако возросшее сопротивление австро-германских войск, отсутствие резервов и неудачные действия русского Западного фронта не позволили развить первоначальный успех Юго-Западного фронта, и его командование было вынуждено в сентябре прекратить наступление. Потери русских войск составили до 500 тыс. человек.

⁶ Китченер Гораций Герберт, английский фельдмаршал, военный министр с 1914 года. В мае 1916 года выехал с визитом в Россию на крейсере «Хэмпшир». 21 мая около Оркнейских островов корабль подорвался на mine, Китченер погиб.

⁷ Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий создано в ряду других «особых совещаний» по положению, утверждённому Николаем II 17 августа 1915 года для руководства экономической жизнью страны в годы Первой мировой войны. Особые совещания могли требовать содействия общественных и правительственных организаций, устанавливая предельные цены, сроки исполнения заказов и т.д.

⁸ «Ведомости Петроградского градоначальства» — газета, издавалась в 1839–1917 годах, неоднократно меняла название, формат и периодичность. Печатала происшествия, частные объявления, заметки о книгах, о культурной жизни. После реформ 60–х годов XIX века помещала политические известия, международную хронику, отчёты о судебных процессах. В качестве приложения печатались приказы и распоряжения полицейских и городских властей и др. официальные документы.

⁹ Либкнехт, Карл (1871–1919) — деятель международного социалистического движения. 1 мая 1916 года организовал демонстрацию на Потсдамской площади в Берлине с призывом к свержению правительства, за что был арестован и приговорён к двум с половиной годам каторжных работ.

¹⁰ Земский и городской союзы — общероссийские организации, созданные, соответственно, на съезде уполномоченных губернских земств и на съезде городских голов в Москве в июле–августе 1914 года для организации помощи русской армии и тылу во время Первой мировой войны. Союзы занимались помощью больным и раненым воинам, беженцам, выполняли заказы интендантства на одежду и обувь для армии. Финан-

сы союзов складывались из правительственных субсидий, взносов местных организаций и частных пожертвований. 10 июля 1915 года союзы создали главный по снабжению армии Комитет Всероссийских земского и городского союзов — Земгор — для мобилизации мелкой и кустарной промышленности с целью снабжения армии вооружением и снаряжением и выполнения военных заказов. Союзы обладали политической силой: после Февральской революции их лидеры Г.Е. Львов и А.И. Шингарев вошли в состав Временного правительства.

¹¹ Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) — генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов, главный редактор журнала «Военный вестник» и газеты «Русский инвалид» (1899–1904). С 1906 года — помощник военного министра. С 13 июня 1915 г. по 13 марта 1916 г. — военный министр. Будучи членом либеральной группы в составе Совета Министров, был настроен против роспуска Думы и некоторых других решений правительства, за что и был уволен. Во Временном правительстве занимал пост военного министра.

¹² Ратники I разряда предназначались для формирования особых ополченских частей, а также для действующих войск. Из ратников II разряда комплектовали особые ополченские части для охраны тыла и выполнения различных работ, что определялось как льготы II разряда.

¹³ Казёнными оброчными статьями назывались казённые недвижимые имущества, отдаваемые в оброчное с публичных торгов содержание, или, по безуспешности торгов, временно оставляемые в хозяйственном управлении одного из ведомств Министерства земледелия и государственных имуществ.

¹⁴ 26 октября 1905 года вспыхнуло восстание матросов и солдат в Кронштадте. Всего в восстании участвовало около 3000 матросов и 1500 солдат (соответственно, 25 и 20% общей численности). 28 октября оно было подавлено верными правительству войсками.

¹⁵ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917). В январе – ноябре 1916 года председатель Совета министров, министр внутренних дел, министр иностранных дел (июль – ноябрь 1916 г.)

¹⁶ Квартирные — имеются в виду деньги, выплачиваемые рабочим, служащим за нанятое ими жильё в период выполнения работ по договору.

¹⁷ Риттих Александр Александрович (1868 – ?) — товарищ главноуправляющего Главного управления землеустройства и земледелия (1912 – 1916), министр земледелия. В Макарьевском уезде Риттихи Пётр Александрович и Инна Константиновна владели 3699 десятинами земли (данные 1914 года).

¹⁸ Имеется в виду Николо-Бабаевский монастырь, находившийся на границе с Ярославской губернией при впадении р. Солоницы в р. Волгу.

¹⁹ Крейсер «Варяг» входил в состав 1-й Тихоокеанской эскадры. В начале русско-японской войны 1904 – 1905 годов в корейском (нейтральном) порту Чемульпо был блокирован японской эскадрой. Вместе с канонерской лодкой «Кореец» крейсер пытался прорваться в Порт-Артур. В бою с японской эскадрой «Варяг» потопил 1 японский миноносец и повредил 2 крейсера, но сам из-за повреждений и потерь (5 подводных пробоин, повреждены все орудия, 122 человек убитых и раненых) был вынужден возвратиться на рейд Чемульпо. Чтобы не допустить захвата «Варяга» и «Корейца» японцами, экипажи во главе с капитаном 1-го ранга В.Ф. Рудневым взорвали «Кореец» и затопили «Варяг».

²⁰ Феденька — племянник Е.Ф. Дюбюка, сын брата Саши — Александра Федоровича Дюбюка (р. 1878), метеоролога по профессии. Мама — Аделаида Робертовна, урождённая Роланд (ум. 1936). Толя — см. Примечания к 1-й части дневника, п. 45.

²¹ Дядюшка — Флорентий Александрович Дюбюк; был высокообразованным человеком, не имея специального образования. Занимался историей декабристов.

²² Дед — Александр Иванович Дюбюк (1812–1897); известный в России композитор, пианист-виртуоз, педагог; прославился сочинением популярных романсов и музыкальных пьес.

²³ Отец — Фёдор Александрович Дюбюк (1843 – 1900); окончил курс Николаевской академии Генерального штаба, генерал, начальник Киевского пехотного юнкерского училища.

²⁴ Клейнмихель Пётр Андреевич (1793 – 1869) — русский государственный деятель. Один из приближенных Николая I.

²⁵ Канкрин Егор Францевич (1774 – 1845) — русский государственный деятель. В 1823 – 1845 годах министр финансов.

²⁶ 1 сентября генерал Брусилов А.А. приказал своим армиям вновь перейти в наступление на Ковельском направлении. 3 сентября это наступление состоялось, но сражение закончилось безрезультатно. Потери были большие с обеих сторон.

²⁷ В сентябре 1916 года было предпринято наступление на Салоникском фронте силами 300 тысяч сербских, английских, французских, итальянских и русских войск на город Монастыр. Он был взят в ноябре.

²⁸ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918). С сентября 1916 года по февраль 1917 года министр внутренних дел.

²⁹ «Мюр и Мерилиз» — универсальный магазин в Москве (ныне ГУМ).

³⁰ Видимо, имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 годов.

³¹ Платов Матвей Иванович (1751–1818) — герой Отечественной войны 1812 года, атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии.

³² Ватто Антуан (1684–1721) — французский живописец.

³³ Кузнецов Николай Дмитриевич (1850–1929) — русский живописец.

³⁴ Рябушкин Андрей Петрович (1861–1904) — русский живописец.

³⁵ Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — русский живописец и искусствовед.

³⁶ Бурса — общежитие для бедных студентов при духовных училищах и семинариях в дореволюционной России.

³⁷ В октябре 1916 года Германия и Австро-Венгрия выступили с декларацией о намерении создать после войны из русской части Польши Королевство Польское. Это заставило правительство России выступить с протестом и просить союзные державы поддержать его.

³⁸ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — генерал, военный министр (1909– июнь 1915). В апреле 1916 года он был арестован по обвинению в государственной измене и заключён в Петропавловскую крепость. Там он пробыл полгода, а затем, по постановлению следственных властей, крепость ему заменили домашним арестом.

³⁹ Вильсон Томас Вудро (1856–1924) — государственный деятель США от демократической партии. В 1916 году был вторично избран президентом.

⁴⁰ Первое время после своего назначения на пост министра внутренних дел Протопопов А.Д. хотел найти общий язык с оппозицией в Государственной Думе. С этой целью 19 октября 1916 года он встретился у председателя Думы М.В. Родзянко с группой известных депутатов. В этот октябрьский вечер стало окончательно ясно, что компромисс невозможен.

⁴¹ 1 ноября 1916 года открылась пятая сессия Государственной Думы четвёртого созыва. В выступлениях А.Ф. Керенского, П.Н. Милюкова, В.В. Шульгина, В.А. Маклакова и ряда других депутатов содержались резкие нападки на правительство, царя и его окружение, муссировались слухи о сепаратных переговорах с Германией о мире. Речи П.Н. Милюкова, Н.С. Чехидзе, А.Ф. Керенского не были опубликованы, остальные выступления появились в думских протоколах с большими купюрами.

⁴² На заседании рейхстага 29 ноября 1916 года германский канцлер заявил о готовности Германии начать мирные переговоры. В России это известие было опубликовано одновременно с заявлением о том, что мир после германского успеха (взятие Бухареста) совершенно неприемлем. Н.Н. Покровский, только что назначенный министром иностранных дел, 2 декабря выступил в Государственной Думе с речью о недопустимости мира без победы, а Государственная Дума «единодушно присоединилась к решительному отказу союзных правительств вести какие бы то ни было переговоры о мире при настоящих условиях».

⁴³ Объединённый земский и городской съезд состоялся 9 – 11 декабря 1916 года. Его работа неоднократно прерывалась полицией. В резолюции съезда содержался призыв к бойкоту «безответственного правительства и переходу власти к Думе».

⁴⁴ Г.Е. Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года Ф.Ф. Юсуповым, В.М. Пуришкевичем, Великим князем Дмитрием Павловичем.

*Публикация Г.В. Давыдовой и А.В. Соловьёвой.
Комментарии Г.Ю Волкова, Л.А. Поросятковской.*

VIII. ХРОНИКА

А.В. Соловьёва (Кострома)

Фото Г.П. Белякова

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОСТРОМСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ В 1994–1997 ГОДАХ

Все эти годы фонд осуществлял издательскую деятельность. Изданы: сборник работ А.А. Григорова «Из истории костромского дворянства» (тираж 10000 экз.) – 1994 г.; искусствоведческая монография А.В. Кильдышева «Фрески церкви Воскресения на Дебре» (тираж 5000 экз.) – 1996 г.; историческая монография Н.А. Зонтикова «Иван Сусанин: легенды и действительность» (тираж 5000 экз.) – 1997 г.

Проведены презентации: книги А.А. Григорова в здании Дворянского собрания с участием представителей Московского дворянского собрания; книги А.В. Кильдышева в зале искусств областной научной библиотеки с участием ярославского искусствоведа В. Горшковой; книга Н.А. Зонтикова была представлена в посёлках Сусанино, Красное-на-Волге, в городе Макарьево.

Все изданные фондом культуры книги дополнили собрания как школьных, так и массовых библиотек. 700 экземпляров книги А.В. Кильдышева «Фрески церкви Воскресения на Дебре» передал в 1996 году спонсор издания АО «Костромаэнерго» (генеральный директор — Ю.П. Назаров) в библиотеки средних и высших учебных заведений, областных и районных музеев, областного архива, массовые библиотеки; 500 экземпляров книги о костромс-

*Обложка книги А.А. Григорова
«Из истории костромского
дворянства». Кострома, 1993 г.*

Обложка книги А.В. Кильдышева «Фрески церкви Воскресения на Девре». Кострома, 1996 г.

лиотеке — книги А.А. Барковой «Избранное/Из гулаговского архива». (Иваново, 1992) с участием составителя Л.Н. Таганова — профессора Ивановского университета, и группы московских поэтов во главе с В. Леоновичем (1994г.).

8 мая 1994 года организована встреча с вдовой Леонида Андреева — Аллой Александровной Андреевой. Зал периодики областной научной библиотеки был полон. Вёл встречу поэт Владимир Леонович.

В областной научной библиотеке в марте 1996 года состоялся вечер поэзии В. Леоновича с участием автора.

Разработаны предложения для

ком дворянстве в 1997 году приобрело для школ города и области АООТ «Костромская городская телефонная сеть» (руководитель – А.Г. Клещев); 1800 экземпляров книги о Сусанине передала в школьные и массовые библиотеки областная администрация — один из главных спонсоров издания.

Составлен текст и подобран видеоряд для спирального календаря (в 12 листов) «Кострома. 1996» — краеведческо-искусствоведческого характера. Календарь не издан, так как денег на него найти не удалось.

Прошли 2 презентации — в пединституте и областной научной биб-

Обложка книги Н.А. Зонтикова «Иван Сусанин: легенды и действительность». Кострома, 1997 г.

О деятельности Костромского фонда культуры

Презентация книги А.В. Кильдышева «Фрески церкви Воскресения на Девре» в АО «Костромаэнерго». Сентябрь 1996 г. Слева направо: Ю.В. Лебедев — профессор, председатель Костромского общественного фонда культуры; А.В. Соловьёва — заместитель председателя Костромского общественного фонда культуры; Ю.П. Назаров — генеральный директор АО «Костромаэнерго».

Участники презентации в АО «Костромаэнерго».

*Встреча с А.А. Андреевой в областной научной библиотеке 8 мая 1994 г.
Слева направо: А.А. Андреева, В.Н. Леонович, А.В. Соловьёва.*

Участники встречи с А.А. Андреевой.

О деятельности Костромского фонда культуры

включения в план подготовки города Костромы к своему 850-летию (1995 г.).*

В 1995 году по инициативе и при содействии фонда сняты 4 телефильма по проблемам возвращения исторических названий, увековечивания памяти земляков — деятелей культуры, сохранения и разумного использования памятников истории и культуры, в их числе телефильм об усадьбе Семёновское Нерехтского района.

По инициативе фонда постановлением главы самоуправления г. Костромы Б.К. Коробова (№ 1261 от 5.05.96) возвращено историческое название «Нижняя Дебря» улице Кооперации.

Составлен перечень исторических названий улиц и площадей Костромы, которые предлагается вернуть в 850-летию города. Перечень утверждён топонимической комиссией при администрации г. Костромы 18.12.96 г.**

По инициативе фонда в 1996 году (к 300-летию российского флота) администрацией Костромы установлены 3 мемориальные доски костромичам-морякам: Н.К. Бошняку, А.Н. Жохову, В.С. Кудрину — на домах, в которых они жили либо останавливались.

Совместно с областным архивом проведены IV–VII Григоровские чтения, в которых особенно активно проявили себя ивановские краеведы: профессора и аспиранты Ивановского государственного университета и сотрудники Плещского музея-заповедника: Л.А. Розанова, П.В. Куприяновский, Л.Н. Таганов, А.В. Сухова, М.А. Миловзорова, Д.Б. Ойнас, Л.А. Шлычков, С.А. Зырянова, А.И. Сорокин, П.Н. Травкин.

Участники IV Григоровских чтений. Октябрь 1994 года. Сидят (слева направо): А.В. Соловьёва, профессор Л.А. Розанова (Иваново), стоят (слева направо): профессор П.В. Куприяновский (Иваново), профессор Л.Н. Таганов (Иваново).

* Приложение №1.

** Приложение №2.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Костромского фонда культуры для включения в план подготовки к празднованию 850-летия Костромы

Мероприятия по разделам и пунктам	Примечание	Стоимость (в млн. руб.)
I. Установить памятные знаки:		
— князю Василию Костромскому (недалеко от камня или вместо) на месте основания города		50
— В.В. Розанову (на месте дома Розановых по ул. Галичской, недалеко от цирка)		20
II. Установить памятники:		
— Ф.В. Чижову (перед зданием энергетического техникума)		150-200
— Н.К. Бошняку, Г.И. Невельскому, А.Н. Жохову и др. морякам-костромичам	Общий памятник	—”—
— А.Ф. Писемскому (на ул. Горной между домами 6 и 8а)		—”—
— Е.В. Честнякову (в будущем сквере между магазином “Цветы” и театром кукол)		—”—
III. Установить мемориальные доски:		
— краеведу и протоиерею П.Ф. Островскому (Горная, 8)		1
— краеведу, организатору краеведческого движения В.И. Смирнову (Свердлова, 17)		—”—
— краеведу, искусствоведу, археологу И.А. Рязановскому (Текстильщиков, 20)	Была установлена, разбита	—”—
— историку и этнографу Н.Н. Виноградову (Советская, 15)		1
— поэтессам А.И. Готовцевой и Ю.В. Жадовской (Чайковского, 11)		—”—

О деятельности Костромского фонда культуры

— писателю А.Ф. Писемскому (Ивановская, 2)	Была установлена, разбита	—”—
— поэту Н.А. Некрасову (Шагова, 1)		—”—
— поэту и переводчику Н.Ф. Грамматину (Советская, 54)		—”—
— учёному-филологу академику В.Ф. Шишмарёву (Советская, 55а)		—”—
— архитектору С.А. Воротилову (на Красных рядах)		—”—
— художникам В.А. Серову и К.А. Коровину (Островского, 46)	Была установлена, не сохр.	—”—
— педагогу и общественному деятелю Е.М. Микифорову (внутри театра кукол)		—”—
— режиссёру В.П. Кожичу (Крестьянская, 10)		—”—
— предпринимателю, общественному деятелю, меценату Ф.В. Чижову (Москва, Свято-Данилов монастырь)	Есть разрешние на установку	2
— воспитанникам Костромской губернской гимназии – внутри бывшей гимназии (Дзержинского, 17)	С именами наиболее известных воспитанников	2
— на здании б. Григоровской гимназии (корпус В педуниверситета)		1
IV. Возвратить исторические названия: —		
— озеру Святое (Некрасовское озеро под Костромой)		
— улицам:		
Мшанская (Островского)		5
Царёвская (пр-кт Текстильщиков)		—”—
Богоявленская (Симановского)		—”—
Еленинская (Ленина)		—”—
Павловская (Мира)		—”—
Марьинская (Шагова)		—”—
Никольская (Свердлова)		—”—
Русина (Советская)		—”—
Нижняя Дебря (Кооперации)		—”—
Жоховская (Войкова)		—”—
Покровская (Энгельса)		—”—
Ильинская (Чайковская)		—”—
Муравьёвка (Дзержинского)		—”—

А.В. Соловьёва

— площадям:		
Воскресенская (Советская)		0,5
Сенная (Мира)		—”—
V. Установить таблички с историческими названиями в начале улиц:		
Крестьянская (Борисоглебский пер.)		
Осыпная (Рукавишниковская)		
Терешковой (Кирпичная)		
1 Мая (Верхняя Набережная)		
Маршала Новикова (Дмитриевская)	Общая сумма	
Лагерная (Загородная)		6,5
Ивана Сусанина (Лазаревская)		
Князева (Банковская)		
Комсомольская (Вознесенская)		
Долматова (Козьмодемьянский пер.)		
Борьбы (Солдатская)		
Горная (Богословский пер.)		
Юных пионеров (Крестовоздвиженская)		
Красноармейская (Сергиевская)		
Подлипаева (Воскресенская)		
VI. Установить крест и ограду на могиле А.А. Григорова		
Установить крест и ограду на могиле Н.Ф. Грамматина в Светочевой Горе Красносельского района		10
		—”—
VII. Восстановить исторический облик города:		
— восстановить Ильинскую церковь (ул. Советская)		2876
— восстановить Благовещенскую церковь (ул. Свердлова)		—”—
— восстановить церковь Иоанна Предтечи (Молочная гора)		3500
— восстановить гипсовые гербы на здании Присутственных мест (здание администрации города)		3
— восстановить резную ограду у гауптвахты	В рест. маст. есть предложения по её укреплению	53

О деятельности Костромского фонда культуры

— восстановить смотровую площадку на крыше пожарной каланчи в соответствии с проектом П.И. Фурсова		
— закончить реставрацию церкви Вознесения в Мельничном переулке		15
— привести в порядок остатки бывшего гимназического сада (в народе – “садик-медик”)		620
		85-100
VIII. Оформить видовую площадку на Муравьёвке (перед зданием областной администрации)		
		150
IX. Восстановить часовню Фёдоровской иконы Божией Матери, построенную в честь победы над татарами на Святом озере		
		20
	Имеется частичный её перевод, работы над переводом прдолжаются.	
X. Издать:		
1. Писцовая книга по г. Костроме 1628 года (список). Тираж 5000 экз.		50
2. Бочков В.В. Костромские спутники А.С. Пушкина. Тираж 10000 экз.		30
3. Зонтиков Н.А. Иван Сусанин. Тираж 10000 экз.		50
3. Симонова И.А. Фёдор Васильевич Чижов. Тираж 5000 экз.		50
4. Колгушкин Л.А. Костромская старина. Из воспоминаний старожила. Тираж 5000 экз.		40
6. Каткова С.С., Тороп К.Г. Кострома. Тираж 10000 экз.		75
XI. Осуществить переиздание лучшей книги о Костроме:		
Лукомский Г., Лукомский В. Кострома. – СПб., 1913. Тираж 10000 экз.		70

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Костромского общественного фонда культуры по возвращению исторических названий улиц г. Костромы к 850-летию города

- 1997 г.: 1. ул. Муравьевка (Дзержинского)
2. ул. Жоховская (Войкова)
- 1998 г.: 1. ул. Мшанская (Островского)
2. ул. Богоявленская (Симановского)
3. ул. Никольская (Свердлова)
- 1999 г.: 1. Козьмодемьянский пер. (ул. Долматова)
2. Борисоглебский пер. (Крестьянская ул.)
- 2000 г.: 1. Богословский пер. (ул. Горная)
2. Андреевская слобода (Рабочая слобода)
- 2001 г.: 1. пл. Сенная (Мира)
2. Михинский сквер (Борьбы)
- 2002 г.: 1. Русина ул. (Советская)
2. Воскресенская пл. (Советская)

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОМ УЧАСТИИ:

Администрации Костромской области
(Глава — В.А. Шершунов)

Костромской областной Думы
(Председатель — А.И. Бычков)

Администрации города Костромы
(Глава самоуправления — Б.К. Коробов)

Филиала ООО «Межрегионгаз»
(Директор — С.Ю. Комиссаров)

Коммерческого банка газовой промышленности
«Газпромбанк», филиал в г. Костроме
(Управляющий Л.Г. Косопанов)

АО «Костромаэнерго»
(Генеральный директор — В.Н. Виноградов)

ТУСМ-5 (Директор — А.Г. Зелькин)

ОАО «Костромская городская телефонная сеть»
(Генеральный директор — А.Г. Клещев)

Костромского химического завода
(Директор — К.С. Смирнов)

Островской районной администрации
(Глава — Н.В. Киселев)

Фонд культуры выражает благодарность всем руководителям организаций, учреждений, предприятий, принявших участие в финансировании альманаха «Костромская земля», а также председателю Совета Думы г. Костромы С.А. Мельник и зам. председателя областной Думы В.П. Ижицкому.

Отпечатано в областной типографии им. Горького управления по делам печати и массовой информации Администрации Костромской области: 156603, г. Кострома, ул. П. Щербины 2, тир.1000, заказ 3910.

Обложка выполнена на ИПП «Кострома», ул. Самоковская,10.

